Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

На правах рукописи

БАТАЛОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Теория и механизмы государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в современной России

Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Научный консультант:
Омельченко Николай Алексеевич,
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации

Москва, 2026 г.

Содержание

Введение 3
Глава I. Теоретико-методологические основы исследования вопросов государственного стимулирования гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в современной России 45
1.1.Социально-политическая сущность конструктивных гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций 45
1.2. Методология исследования конструктивных гражданских инициатив российских социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций 77
1.3. Социально ориентированные негосударственные некоммерческие организации как субъекты реализации гражданских инициатив в современной России 111
Выводы по главе 1 154
Глава 2. Механизмы поддержки государством конструктивных гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций и борьбы с иностранными агентами: зарубежный и российский опыт 159
2.1. Зарубежные практики борьбы с деструктивной политической деятельностью негосударственных некоммерческих организаций 159
2.2. Механизм борьбы с организациями – иностранными агентами в Российской Федерации 180
2.3.Организационно-правовые механизмы стимулирования государством гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в России 215
Выводы по главе 2 267
Глава 3. Механизмы и методики государственного стимулирования конструктивных социально-политических инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в современной России 278
3.1. Принципы и направления государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив российских социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций 278
3.2. Развитие стратегических и организационно-правовых механизмов государственного стимулирования конструктивной гражданской деятельности организаций третьего сектора 303
3.3. Методика диагностики ценностей конструктивной гражданской деятельности среди сотрудников социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций и волонтеров 317
3.4.Совершенствование методики независимого мониторинга в действующем механизме оценки проектных инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций 343
Выводы по главе 3 365
Заключение 371
Список источников и литературы 377

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования определяется все возрастающим противоречием между доминирующей в современной политической науке парадигмой определения негосударственных некоммерческих организаций (далее: ННКО) как социально-политического института, существующей на конституционно-правовом и провозглашаемой на высшем государственно-политическом уровне Российской Федерации востребованностью ННКО как акторов гражданского общества, потребностью для российских социально ориентированных ННКО (далее: СО ННКО) реализовывать свой конструктивный общественно-политический потенциал, с одной стороны, и несовершенством механизмов стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, сужением возможности социально-политической деятельности для СО ННКО в условиях необходимости повышения эффективности борьбы с иностранными агентами на современном этапе развития российской государственности, с другой стороны.

СО ННКО, являясь с точки зрения политической науки институтами гражданского общества, имеют потенциал и возможности проявлять себя не только в социальной, но и в публично-политической сфере, воздействуют на общественное мнение, инициируют предполагающие политическое воздействие проекты и акции, взаимодействуют с органами публичной власти, государственного и муниципального управления. Реализация этих возможностей в конструктивном русле делает СО ННКО действительно незаменимыми партнерами власти в процессе артикуляции и эффективного решения множественных актуальных проблем общества, способствует осознанной, ответственной самоорганизации граждан. Основы для реализации социально-политического потенциала СО ННКО заложены в статье 30

Конституции Российской Федерации [1] и Федеральном законе «Об общественных объединениях» [2], гарантирующих право граждан на объединение, включая право свободно создавать общественные организации для защиты своих интересов. В ноябре 2025 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена Стратегия национальной политики Российской Федерации, которая предусматривает необходимость поддержки гражданских инициатив институтов гражданского общества (в том числе СО ННКО), направленных на достижение целей национальной политики нашего государства[3]. Вместе с тем, на практике российские СО ННКО ограничены в возможностях реализации своего общественно-политического потенциала, в аспекте инициирования и реализации гражданских, то есть социально-политических инициатив. Во многом это является следствием утраты властью доверия к ННКО после раскрытия, начиная с 2000-х гг., фактов политической ангажированности ряда российских правозащитных ННКО нежелательными иностранными организациями. К числу таковых относятся неправительственные организации (далее: НПО), которые с помощью технологий «мягкой силы» воздействуют на политические системы незападных стран в интересах своих государств. Нежелательные организации влияют на национальные ННКО и физические лица в своих политических целях, превращая их в иностранных агентов и таким образом, подрывая политическую безопасность [4]. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, нежелательными в 2021 г. признаны 18 НПО, а в 2025 г. – уже 90 НПО, действующих на территории нашего государства [5]. По состоянию на 20.02.2026 г. в реестре иностранных агентов Министерства

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)
[2] Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»
[3] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Утверждена Указом Президента РФ от 25 ноября 2025 года №858.
[4] Политическая безопасность (здесь и далее) – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства в политической сфере.
[5] Число признанных нежелательными иностранных НПО выросло за два года более, чем втрое. URL: https://www.interfax.ru/russia/945215 (дата обращения: 23.02.2026г.)

юстиции Российской Федерации (далее: Минюст России) состоит 1155 единиц, в том числе: ННКО, НПО, физические лица, проекты[6].Усиление российской властью ограничительных мер в отношении политической деятельности ННКО продиктовано необходимостью обеспечения политической безопасности в условиях обострения международной обстановки, эскалации угроз от так называемых недружественных стран, политической интервенции со стороны США и государств Западной Европы.

Однако, реализуя меры борьбы с нежелательным иностранным политическим влиянием, государство сужает возможности для любой, в том числе и конструктивной, социально-политической деятельности СО ННКО. Анализируя реализуемую государственную политику в отношении СО ННКО, можно отметить нарастающую с 2016 г. тенденцию постепенного вытеснения организаций третьего сектора из публично-политической сферы в область оказания социальных услуг. Усиление данной тенденции может привести и к негативным последствиям, таким как:

- институциональная невозможность для СО ННКО инициировать и реализовать во взаимодействии с государством социально-политические инициативы, направленные на решение острых социальных проблем, с которыми государство по тем или иным обстоятельствам не справляется;

- рост депривации, появление диссидентских настроений у представителей третьего сектора, лишенных возможностей проявления конструктивной политической активности;

- увеличение диспропорций в развитии третьего сектора, когда преференциями пользуются аффилированные к государству НКО, а низовые организации ограничены в доступе к государственным ресурсам на конкурентной основе;

[6] Данные реестра иностранных агентов Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/ (дата обращения: 20.02.2026 г.)

- превращение СО ННКО в разновидность социального бизнеса, выступающего в качестве безынициативного просителя благ у государства и конкурирующего за государственные ресурсы.

Противоречивость представлений о сущности СО ННКО не преодолена на методологическом и аксиологическом уровнях российской политической науки. Отечественные политологи, рассматривая СО ННКО как социально-политический институт, в то же время, не дают аргументированного, исчерпывающего ответа на вопрос о сущности и возможностях реализации СО ННКО политического потенциала, а также о перспективах их политической институциализации. В российской научной среде все еще сохраняется либеральное представление об СО ННКО как институтах гражданского общества, ориентированных на артикуляцию и защиту индивидуалистических ценностей субъектов и социальных групп. Это представление противоречит распространенной в современной политологии концепции понимания сущности гражданственности как установки на приоритизацию коммунитарных ценностей общества над либерально-индивидуалистическими.

Аксиологические аспекты деятельности российских СО ННКО также требуют внимания современных политологов, экспертов и политиков. Сегодня, в условиях ставшего уже очевидным кризиса либерализма, вырождения его в крайние формы индивидуализма, некритичное, поверхностное восприятие либерально-демократических ценностей и идеалов (которое в различные периоды российской государственности было свойственно представителям крайнего западничества, либерального диссидентства, сторонникам идей ультралиберальных реформ) становится серьезным препятствием на пути укрепления культурно-ценностных основ российской государственности, закрепленных в Указе Президента России от 9 ноября 2022 года № 809.[7] Применительно к России, роль государства всегда

[7] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной

преобладала в политической и в социально-экономической сферах, а одной из констант российской гражданственности всегда являлась ориентация граждан на коммунитарные ценности. Отступление от этой традиции не раз оборачивалось ослаблением российской государственности, негативно отражалось на развитии общества. Период ультралиберальных реформ начала 1990-х гг., когда участие государства в социально-экономической и политической сферах резко сократилось, спровоцировал распространение либеральных настроений в общественно-политической сфере, в том числе и среди ННКО. Провал реформ 1990-х гг. продемонстрировал опасность увлеченности идеями демократического либерализма для российской общественности, а также способствовал осознанию необходимости совершенствования мер противодействия деструктивному политическому влиянию извне, в т. ч. путем либерального миссионерства. Проводимая Россией политика борьбы с иностранными агентами в настоящее время переживает период активной институциализации. Вместе с тем, меры этой политики носят, по большей части, реактивный характер, а работа по профилактике деструктивного политического влияния в общественной среде пока не получила системного обоснования и развития на культурно-ценностном, правовом, организационном, технологическом уровнях. Такая ситуация сложилась и в отношении ННКО.

Нечеткость понятия «политическая деятельность» применительно к СО ННКО в российской политической науке и государственно-политической практике предоставляет обширную дискрецию субъектам государственной власти и управления в вопросах квалификации инициатив СО ННКО как политических, признании их на этом основании иностранными агентами. Не прояснены границы между конструктивной, деструктивной, протестной деятельностью СО ННКО. Такая неоднозначность не может не порождать

политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

вопросов и разночтений теоретического, политического и правового характера, что, в свою очередь, может быть использовано деструктивными политическими силами как повод для критики государства и его политики борьбы с нежелательной политической деятельностью.

Отсутствует концептуальная основа государственного стимулирования конструктивных инициатив всего спектра СО ННКО, а меры государства по поддержке отдельных некоммерческих организаций лишь усугубляют данную ситуацию. Не преодолены проблемы недостаточной эффективности действующих организационно-правовых механизмов отечественной системы поддержки проектных инициатив СО ННКО как акторов социально-политической системы. В частности, не вполне соответствует принципу объективности действующий механизм мониторинга реализации проектов СО ННКО в самом масштабном конкурсе России, организуемом с 2017 года Фондом-оператором президентских грантов по развитию гражданского общества (далее – ФПГ). Ограниченную теоретическую и прикладную валидность демонстрирует популярный сегодня подход масштабирования лучших практик, применяемый в отношении инициатив СО ННКО. По свидетельствам экспертов и практиков некоммерческого сектора, эти «слабые звенья» механизмов поддержки и стимулирования проектных инициатив способствуют приоритизации развития компетенций грантрайтинга у представителей СО ННКО, в ущерб качеству и содержанию разрабатываемых и реализуемых ими проектов, превращая СО ННКО из инициативных социально-политических акторов в просителей государственной поддержки.

Изложенные обстоятельства определили научную и практическую значимость темы данной работы.

Степень научной разработанности проблемы

Ввиду того, что СО ННКО являются частью социально-политической системы и акторами гражданского общества, их изучение невозможно без

исследования сферы государственно-общественного взаимодействия, в рамках которой они образуются и функционируют.

Представители социологической науки обратились к исследованию общественных организаций, рассматривая их в качестве формата социально-политической активности гражданского общества. Они обычно оперируют терминами «общественные организации», «общественные движения». В зависимости от парадигмальных рамок исследования гражданского общества, можно выделить американский и европейский социологические подходы к осмыслению сущности СО ННКО и их роли в обществе.

Основатели и сторонники американской парадигмы коллективного поведения Г. Блумер, Р. Тернер, Л. Киллиан, К. Д. Гусфилд, Л. Смелзер, Д. Сноу [8] выделяют в качестве основных факторов формирования и деятельности общественных движений т.н. «социальное беспокойство», вызванное недовольством социальных групп своим статусом, доходами, политикой правительства и т.д. и попыткой защитить свои частные интересы. Американская социологическая парадигма изучения общественных движений является либерально ориентированной, поскольку рассматривает общественные организации как компонент либеральной модели гражданского общества.

Последователи западноевропейской парадигмы коллективных действий Ю. Хабермас, А. Гидденс, К. Оффе, А. Турен, А. Мелуччи, А. Пиззорно[9] рассматривают общественные движения в качестве носителей определенных

[8]See: H. Blumer. Social Problems As Collective Behavior. Social Problems. 1971. Vol. 18, No.3. Pp. 298-306; Turner R., Killian L. Collective behavior. N.Y. 1972; Gusfield J. Social movements and social change: perspective of linearity and fluidity.- Chicago. 1978; Smelser N. The theory of collective behavior. – N.Y. 1963; Robert D. Benford , David A. Snow. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. Annual Review of Sociology, 26. Pp. 611-39.

[9] См.: Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. – с. 3 – 21; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. – М., 1995; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005; Sintomer Y. Claus Offe: une sociologie de la citoyennete? // Cahiers Intern. De sociologie. 1999. Vol. CVII. P. 327-353; Турен, А. Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России. – М.: ПрогрессКомплекс, 1993; Melucci A. Ten hypotheses for the analysis of new movements //Contemporary Italian Sociology / Ed. by D. Pinto. 1981; Pizzorno A. Political exchange and collective identity in industrial conflicts // The resurgence of class conflict in Western Europe since 1968 / Ed. by C. Crouch, A. Pizzorno. London, 1978. Vol. 2.

социокультурных ценностей, традиций, норм, агентов долгосрочных изменений, политико-культурных сдвигов в эпоху постмодерна. При этом, сами общественные организации позиционируются как индикатор появления нового гражданского общества эпохи постмодерна, с одной стороны, и как движущий фактор его качественного развития – с другой.

В современной политической науке СО ННКО рассматриваются в качестве институтов политической системы и акторов гражданского общества, функционирующих в целях артикуляции и защиты социальных, групповых интересов, взаимодействующих по этим вопросам с публичной властью, таким образом, способствуя развитию правовой демократической государственности, культуры политического участия, укреплению ценностей социальной солидарности, ответственности и взаимопомощи. Такой подход к ННКО, восходящий к аристотелевской традиции толкования гражданского общества в широком гуманистическом смысле, как «искусства жить вместе», и «примиряющий» либеральное и консервативное направления, в современной социально-политической науке нашел развитие в исследованиях К. Ясперса, Т. Парсонса, Г. Алмонда и С. Верба, Э. Хоффера, Л. Олзена, М. Джоргенсена, У. фон Аллемана[10].

Отечественные исследования СО ННКО как институтов гражданского общества, функционирующих в рамках российской государственности, довольно разнообразны; при этом, единая научная парадигма статуирования СО ННКО отсутствует.

В зависимости от идеологической и ценностной позиции ученых, а также концентрации их внимания на политических, экономических,

[10] См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. – 1994. №1. – с.140 – 155; Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект пресс, 1997; Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Newbury Park. 1989; Эрик Хоффер. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017; Olesen L. Partnership for Social Welfare – Local Concepts for the Development and Renewal of the Welfare Sustems// ISTR Conference Abstact Volume. – Mexico, 1996; Jørgensen M. Evaluating cross-sector partnerships //Public-private partnerships in the post WSSD context. – 2006.; Von Alemann U. Verbände in vergleichender Perspektive. Berlin: Ed. Sigma, 1997; Von Alemann U. Partizipation Offenheit und Effizienz. Hagen: Fernuniv. – Gesamthochsch., FB Erziehungs-, Sozial- und Geisteswiss, 1993.

социальных аспектах российского феномена СО ННКО, в спектре российских научных работ можно выделить либеральное, социально-экономическое, консервативное направления.

В рамках либеральной отечественной методологии, СО ННКО в России, как и в иных странах постсоветского блока, полемизируют с государством, становятся авангардом «протестной публики», которая последовательно и активно защищает свои интересы, противопоставляя их общегосударственным, коллективным. Конфликт интересов и ценностей «протестной публики» с нелиберальными традициями незападной государственности, перерастая в политический протест, «политику несогласия», становится «спусковым механизмом» демократизации незападных стран. Вместе с тем, СО ННКО как либеральные институты гражданского общества сталкиваются с сопротивлением нелиберальной политической среды, что, как правило, вызывает негативные социально-политические последствия. Либеральный подход к осмыслению социально-политического феномена российских СО ННКО представлен в трудах Н.Ю. Беляевой, А.Ю. Сунгурова, В.А. Артюхиной, Е.Н. Кутыгиной, А.А. Удальнова, З.Т. Голенковой, Е.В. Белокуровой[11].

К умеренно либеральным работам можно отнести научные труды А.В. Соколова, И.Н. Лалетина[12], в которых СО ННКО исследуются как субъекты политического протеста.

[11] См.: Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. № 3. 2011. - с.72-87; Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. - С. 22-32; Сунгуров А.Ю. Российское гражданское общество и власть. Монография. – СПб: Алатейя, 2023; Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3. - С. 251–255. Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: автореф. дис. … канд. полит. наук. Рн/Д, 2005. – 27 с.; Удальнов А.А. Protest public as a source o civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011 – 2012 // Право и политика. 2016. №3. - С. 388 – 396; Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. - с. 23 – 35; Белокурова Е.В. Гражданский форум ЕС – Россия: причины и факторы формирования и развития // Публичная политика. 2021. Т. 5. №1. – с. 72 – 94.

[12] См.: Соколов А.В., Левченко И.А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т.19. №2. с. 79 – 100; Лалетин И.Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика: автореф. дис…. Рн/Д, 2013. – 27 с.

Развитие либерального направления к изучению сущности российских СО ННКО, определению их роли в политической системе Российской Федерации началось в 1990-е гг. Этому способствовало принятие в 1994 г. Федерального закона «Об общественных объединениях», который предоставил им возможности непосредственного участия в публичной сфере, такие как: влияние на общественное мнение, организация публичных акций, участие в политических выборах, экспертиза законопроектов, общественный контроль за государственными органами и учреждениями. Кроме того, в 1990-х гг. на территории России активно действовали НПО. Все это дало обширный эмпирический материал для исследования сферы взаимодействия государства с ННКО различных организационно-правовых форм. В 1990-х – 2000-х гг. появляются работы, посвященные изучению общественно-политической деятельности женских (А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова, Л.Р Шафигуллина, Е.Л. Тимшина, М.А. Кашина[13]), молодежных (Н.М Байков, Ю.В. Березутский, А.В. Кострикин [14]), экологических (О.Д. Цепилова, О.А. Усачева [15]), правозащитных ННКО (А.Ю. Сунгуров[16]), профсоюзов (Н.Г. Веселова[17]) и др.

Начиная с 2000-х гг. российская политика в отношении ННКО приобретает более консервативный характер: в 2002 г. принят Федеральный закон «О политических партиях», что лишило все ННКО, кроме политических

[13] См.: Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. - С. 15–24; Шафигуллина Л.Р. Женские общественные организации Республики Татарстан: проблемы институционализации и деятельности (середина 1980-х — 2000 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2010. – 25 с.; Тимшина Е.Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991–2011): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012. – 27с.; Кашина М. А. Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации политики гендерного равенства в России // Управленческое консультирование. 2007. № 2. - С. 228—234.

[14] См.: Байков Н.М., Березутский Ю.В. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи: монография. – Хабаровск: 2009. 82 с.; Кострикин А.В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 80. С. - -185.

[15] См.: Цепилова О.Д. Экологические движения: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры // Образ мыслей и образ жизни / отв. ред. Я.И. Гилинский. М.: ИС РАН, 1996; Усачева О.А. Деятельность экологических некоммерческих организаций в России и странах Евросоюза: сравнительный анализ. Автореферат дисс. .. к.с.н.- М.: 2013. – 24 с.

[16] См.: Сунгуров А.Ю. Организации- посредники в структуре гражданского общества: некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. 1999. № 6. - С. 34 – 48.

[17] См.: Веселова Н.Г. Роль культуры социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений. Автореф. ..к.с.н.. М. – 2004. – 24 с.

партий, права участия в избирательном процессе; в 2003 г. на высшем государственно-политическом уровне озвучены факты масштабного финансирования российских правозащитных общественных организаций из-за рубежа, что послужило началом борьбы государства с деструктивной общественно-политической деятельностью; в начале 2010-х гг. российская государственная политика концентрируется на приоритизации поддержки социально ориентированной деятельности ННКО; с 2012 г. институциализируется политика в сфере борьбы с иностранными агентами; в середине 2010-х гг. на высшем государственном уровне формируется основа политики укрепления традиционных российских ценностей. Эти политические процессы нашли отклик в профильных исследованиях, побудив ученых и экспертов задуматься о месте и роли ННКО в развитии национальной государственности и тем самым заложив основу консервативного направления научного осмысления отечественного феномена ННКО. В исследованиях 2010-х – начала 2020-х гг. подчеркивается конфликт либеральных ценностных ориентаций, присущих отдельным видам общественных организаций, и традиционных основ российской государственности. Так, освещаются проблемы рассогласованности ценностей феминистских СО ННКО и русской традиционной семьи [18] ; недостаточной аксиологической составляющей активности российских СО ННКО[19]; противоречивости ценностных установок и ориентаций государства и общественных правозащитных, экологических организаций и лидеров [20] ; несоответствия целей и деятельности

[18] См.: Ломова Т.Е. Женские организации как сегмент гражданского общества в современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Социология. 2021. Т. 4. Вып. 2. – с. 124 – 139; Хасбулатова О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. - С. 14–26.

[19] См.: Стрaдзе А.Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2013. №1.- С. 44-56.

[20] См.: Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Правозащитная деятельность в Российской Федерации в 60-х гг. XX В. - начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. №.430. - С. 77 – 84; Рудакова Е.К., Устинкин С.В., Эминов Д.С. Проблема взаимодействия прокуратуры РФ и НПО по вопросу соблюдения прав человека в России // Власть. 2015. № 12. - С. 54 – 57; Добрецов Д.Г., Какителашвили М.М. Экологические некоммерческие организации в современной России: PRO ET CONTRA // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 2018. №1 (63). – с. 78 – 83; Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. 2023. Т 10, № 2. - С. 211–233.

правозащитных СО ННКО с актуальными целями и задачами развития российской государственности на современном этапе[21].

Социально-экономическое направление исследований российских СО ННКО объединило сторонников концепции развития третьего сектора как актора межсекторного социального партнерства. На первый план в таких работах выходят вопросы менеджмента, эффективности, качества, стандартизации деятельности социально ориентированных СО ННКО, их кооперации с государственным и частным секторами экономики в рамках механизмов государственно-частного / муниципально-частного партнерства, проблемы статистического учета СО ННКО, их поддержки и регулирования деятельности государством. Стимулом развития социально-экономического направления изучения СО ННКО в России стали труды Саламона Лестера, директора Центра по изучению гражданского общества Института Здоровья и исследований социальной политики Университета Джонса Хопкинса (США). Под его руководством в конце XIX – начале XX вв. на протяжении нескольких десятилетий проводились масштабные многомерные сравнительные исследования состояния и развития некоммерческого сектора в США и иных государствах [22]. Методология этих исследований послужила основой для изучения организаций третьего сектора в различных странах, в т. ч. и в России. Социально-экономические и политические проблемы становления отечественных СО ННКО были системно осмыслены В.Н. Якимцом - основоположником концепции межсекторного социального партнерства в Российской Федерации [23]. В целях сравнения качества политических институтов, в т.ч. ННКО, и качества институциональной среды (в т.ч.,

[21] См.: Булатов Т.Р. Правозащитные организации как основной элемент функционирования институтов гражданского общества в России // Власть закона. 2025. №1. - С. 267 – 275.

[22] See: Salamon L.M. Voluntary failure theory correctly viewed. In H.K. Anheier, & A. Ben-Ner (Eds.), The Study of the Nonprofit Enterprise: Theories and Approaches.Boston: Springer US. 2003. pp. 183-186; Salamon, L.M., & Toepler, S. Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity? Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations, 2015. 26(6).

[23] См.: Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство в России: теория, механизмы, технологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – СПб, 2004; Никовская Л. И., Якимец В. Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Полис. Политические исследования. 2016. № 5.- С. 37–48.

реализуемость процедур гражданского контроля и гражданского участия) В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской разработан и применен в 22 российских регионах ЯН-индекс [24] . Отдельные вопросы институциализации межсекторного социального партнерства проработаны в трудах А.С. Автономова, Н.Л. Хананашвили, И.А. Леоновой, Н.В. Собчук, О.Б. Кузнецовой, А.А. Ловковой[25] . Проблемы и перспективы развития ННКО как институтов гражданского общества и акторов межсекторного социального партнерства применительно к вызовам и перспективам развития российской государственности конца 2000-х гг. получили комплексное осмысление в работе Т.А. Васильевой[26]. Вопросы становления третьего сектора в Российской Федерации нашли отражение в работах Л.И. Якобсона, В.Ю. Кульковой, В.Б. Беневоленского, И.В. Мерсияновой, Л.Е. Ильичевой, О.А. Нестерчук[27].

[24] См.: Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества (по результатам мониторинга публичной политики в регионах России) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. 2012. Т.8. №4. – с. 125 – 141; Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов публичной политики // Власть. 2015. №6. – с. 16 – 22.

[25] См.: Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / под ред. А. С. Автономова. –М.: Рос. благотворительный фонд НАН, 2003; О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. – М.: Изд-во «Социальное партнерство», 2004; Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры): Альманах / под общ. ред. Н. Л. Хананашвили. – М.: Рос. благотворительный фонд НАН, 2002; Собчук Н.В. Формирование механизмов активизации межсекторного партнерства в экономическом пространстве крупнейшего города. Дисс. на соиск. уч. ст. к.э.н. – Екатеринбург, 2009; Кузнецова О.Б. Управление социальными инновациями в системе взаимодействия бизнеса, власти и общественных некоммерческих организаций. Автореф. на соиск. Уч. Ст. к.э.н. Орел, 2008. – 24 с.; Ловкова, А.А. Взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса как форма социального партнерства. Автореф. к.с.н. 23.00.02 Саратов, 2009. – 27 с.

[26] См.: Васильева Т.А. Взаимодействие государственных органов власти и негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в современной России: тенденции, противоречия, перспективы развития. Дисс. на соиск. ..д.полит.н. 23.00.02. М.: Российский государственный социальный университет. 2009г. – 428 с.

[27] См.: Якобсон Л.И., Иванова Н.В. Понимать, чтобы взаимодействовать: специфика НКО и политика межсекторного сотрудничества // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 88-100; Якобсон Л.И., Иванова Н.В., Телицына А.Ю. Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. - С. 459-476; Якобсон Л.И. Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции. Монография. – М.: изд-во НИУ «Высшая школа экономики», 2024.; Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством /под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008; Кулькова В. Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Казань: ПечатьСервис-XXI век, 2016; Кулькова В.Ю., Южакова И. Ю. Методический подход к оценке деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: адаптация зарубежного опыта в российские практики // Экономика. Право. Инновации. 2023. № 4. - С. 25-33; Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции / В. Б. Беневоленский, И. Е. Дискин, Н. В. Иванова, И. В. Мерсиянова, А. С. Туманова, М. А. Шабанова, Л. И. Якобсон; под редакцией Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024; Ильичева Л.Е. Паршина Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства //Власть. 2024. Т.2. №2. – с. 145 – 159; Ильичева

Со второй половины 2000 - х гг. вектор социально-экономического направления изучения российских СО ННКО сместился в сторону исследования вопросов повышения качества работы СО ННКО в сфере социального обслуживания, что можно объяснить тенденцией фокусировки государственной политики поддержки СО ННКО на развитии организаций - поставщиков социальных услуг. Проблемы развития СО ННКО как акторов социального обслуживания, в том числе и в региональном разрезе, освещаются в работах В.В. Михайловой, Е.В. Васильевой, Е.П. Чернобровкиной, В.Б. Беневоленского, И.В. Мерсияновой[28].

Консервативное направление исследования СО ННКО получило распространение в отечественной науке с 2010–х гг., в контексте делиберализации внутренней и внешней политики России, ее переориентации на укрепление политической безопасности в условиях ужесточения международных санкций и обострения геополитической обстановки. Представители консервативного направления соотносят постулаты западной концепции развития СО ННКО как институтов гражданского общества с традициями, идеалами и ценностями незападных демократий, в том числе Российской Федерации.

В зависимости от концентрации исследователей на определенных аспектах организации и деятельности СО ННКО, в рамках консервативного направления можно выделить охранительный, исторический, аксиологический подходы.

Л.Е., Паршина Е.В., Ильичева М.В., Лапин А.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4 (182). - С. 315-332; Нестерчук О.А. Государственная политика в сфере поддержки добровольческого движения в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88). – с. 2481-2494.

[28]См.: Михайлова В.В. Некоммерческие организации (НКО) как субъект социального партнерства в сфере социального обслуживания населения: современные проблемы и перспективы деятельности. Дисс. на соиск. уч.ст. канд. социол. наук. 22.00.04. – Н. Новгород. 2007. – 153 с.; Васильева Е.В. Третий сектор в социальном обслуживании населения региона в современной России: по материалам социологических исследований .. Дисс. на соиск. уч.ст. канд. социол. наук. 22.00.04. – Барнаул, 2007. – 187 с.; Чернобровкина Е.П. Институционализация межсекторного социального партнерства: региональный аспект: На примере Республики Бурятия Дисс. на соиск. уч.ст. канд. социол. наук. 22.00.04. – Барнаул, 2006. – 153 с. Беневоленский В.Б., Мерсиянова И.В. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. №2. - С. 83 – 104.

В фокус исследований охранительного характера попадают международные НПО и иные заинтересованные в подрыве политической безопасности России субъекты (принципалы), а также зависящие от принципалов и действующие в их интересах российские ННКО. Проблематике борьбы с ННКО – иностранными агентами деструктивного политического влияния посвящены работы А.И. Подберезкина, И.М. Рукиной, А.Ю. Анфимовой, Д.А. Ежова, О.М. Свириденко, О. А. Кожевникова, А.В. Нечкина, С.И. Кузиной, В.В. Огневой[29].

Исторический подход к исследованию отечественных СО ННКО представлен в работах А.С. Тумановой, изучившей опыт взаимодействия общественных организаций и власти, а также развития законодательства об общественных организациях в позднеимперский и советский исторические периоды[30]. Вопросы организации и деятельности советских общественных организаций, их взаимодействия с государством исследованы в работах А.И. Щиглика, Ц.А. Ямпольской, Т.П. Коржихиной. [31] Применительно к постсоветской России 1990-х исторические аспекты становления и развития СО ННКО изучены Е.Л. Молодчиком.[32]

[29] См.: Боброва О.В., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2021. №9. - С. 5 – 33; Рукина И.М., Анфимова А.Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Том 17. №1. - С. 118 – 121; Ежов Д.А. К вопросу об эффективности правовых механизмов сдерживания деструктивной деятельности экологических организаций в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4(29). - С. 330 – 332; Свириденко О.М. История борьбы с иностранными агентами в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. N 8. – С. 42 – 54; Кожевников О.А., Нечкин А.В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. - С. 242–249; Кузина С.И., Сагирян И.Г. Статус и роль иностранных агентов в информационной войне, развязанной Западом против России: политико-правовые аспекты // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. № 2. - С. 33-42; Огнева В.В., Киселев С.А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. – с. 36 – 45.

[30] См.: Туманова А.С. Общественные организации в России – 1930- е гг. Монография. М.: Проспект, 2019.

[31] См.: Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. – М.: РАН, 1977.; Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972; Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Дис. докт. ист. наук. М., 1986. – 586 с.

[32] См.: Молодчик Е.Л. Общественные движения и гражданские инициативы в Российской Федерации в 1985 – 1999 гг. Дисс. на соиск. ..канд.и.н. специальность «Отечественная история», М.: МПГУ, 2010. – 202 с.

Аксиологический подход к изучению феномена российских СО ННКО формируется в отечественной науке со второй половины 2010-х гг. Он объединяет исследователей умеренно-консервативного толка, пытающихся сопоставить ценности, мотивы, установки российских СО ННКО - акторов гражданского общества с традициями и ценностями отечественной государственности. Аксиологический подход к исследованию специфики русского социально-политического менталитета заложен в трудах Н.А. Бердяева, М.В. Вишняка, А.Я. Данилевского, В.В. Леонтовича, Л.А. Тихомирова, С.Л. Франка, С. Булгакова, Б.Н. Чичерина, И.А. Ильина, Ф.А. Степуна, П.Б. Струве, Г.П. Федотова[33]. В XXI в. идеи этих русских мыслителей нашли свое развитие в работах современных российских историков, социологов, политологов.

Так, в трудах Л.И. Никовской[34] исследуется проблематика сопряжения ценностей СО ННКО как институтов гражданского общества с коммунитарными идеалами русской гражданственности.

Работы Н.А. Баранова, О.А. Коряковцевой, Т.В. Бугайчук посвящены вопросам формирования гражданской идентичности личности в контексте современных геополитических ситуаций и проблем консолидации российского общества[35].

---

[33] См.: Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. - М., 1990; Вишняк М. Политика и миросозерцание (О «русском социализме») // Современные записки. – 1928. – Кн.: XXXVI; Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому. М.: Известия, 2003; Леонтович В.В. История либерализма в России. – Париж: YMCA-PRESS, 1980; Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010; Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992; Акулинин В.Н. С.Н. Булгаков: вехи жизни и творчества // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): споры о судьбах России. Новосибирск: 1991; Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин; вступ. Ст. и коммент. И.И. Евлампиева. – СПб.: изд-во РГХА, 2005; Ильин И.А. Наши задачи. О воспитании русского народа к справедливости // Собр. Соч.: в 10 т. – т.2 кн.1; Степун Ф.А. «Новоргадские» размышления // Опыты. 1956. Кн. VII; Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — 1918; Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2.

[34] См.: Никовская Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // В сборнике: Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. 2018.- С. 647-652..

[35] См.: Баранов Н.А. Ценностные аспекты геополитического противостояния России и Запада // Politbook. 2024. № 3. - С. 180-194; Баранов Н.А. Общероссийская гражданская идентичность в условиях трансформации мирового порядка / Современная идентичность в условиях глобальных вызовов. Сборник материалов

Н.А. Омельченко, В.И. Буренко, Л.В. Селезнева[36] исследуют вопросы специфики русского радикализма, национальные особенности и изъяны либеральной и консервативной традиции в общественно-политической мысли и государственно-управленческой практике.

Изучением социокультурных аспектов деятельности российских общественных объединений, а также ценностных основ российского волонтерства занимаются Т.Н. Воронцова и А.В. Кисиленко[37].

Вопросы выдвижения и реализации гражданских инициатив российских СО ННКО фрагментарно освещены в работах Н.Н. Ягодки, Ю.Б. Киняшевой, С.В. Мурашенко, С.М. Ножки[38].

Вместе с тем, в широком спектре исследований, посвященных тематике российских СО ННКО, не устранены противоречия методологического, аксиологического, концептуального, нормативно-правового, организационно-методического характера при изучении СО ННКО как субъектов выдвижения конструктивных гражданских инициатив с учетом современных тенденций и вызовов развития российской государственности, что является стратегически важной задачей укрепления и развития гражданского общества в Российской Федерации.

конференции. Санкт-Петербург, 05–07 декабря 2022 года. – с. 51 – 59; Коряковцева О.А., Баранов Н.А., Бугайчук Т.В., Никовская Л.И., Попова О.В. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт. Коллективная монография. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского 2022; Коряковцева О.А. Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). - С. 5 – 18.

[36] См.: Буренко В.И., Гончарова И.В., Нестерчук О.А., Омельченко Н.А., Селезнева Л.В. Русские «антиномии»: идейно-политические доктрины и общественно-политическая мысль России XIX – начала XX ВЕКА (историко-политологический анализ). Коллективная монография. М.: издательство Государственного университета управления. 2023.

[37] См.: Воронцова Т.Н. Российские общественные объединения: социокультурные основания и специфика // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Серия социально-экономические науки. -2015. - № 1. – С.114-117; Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. - С. 82-89.

[38] См.: Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. серия Политология, 2015, № 4. –с. 128 – 140; Ягодка Н.Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в российской Федерации // Вестник РУДН, серия Политология, 2014, № 3. – с. 47 – 59; Киняшева Ю.Б., Муращенков С.В. Конфликтогенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. – с. 12 – 17; Ножка С.М., Чумаченко А.П. «Социально значимые политические инициативы» как интегративная категория политической коммуникации: приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. - С. 43 – 51.

Объект исследования – деятельность государства в области поддержки и развития негосударственных некоммерческих организаций.

В связи с тем, что в Российской Федерации отсутствует четкая единообразная классификация организаций некоммерческого сектора по социально-политическому критерию, а некоторые некоммерческие организации имеют возможность инициировать и продвигать социально-политические инициативы в индивидуальном или отраслевом порядке (например, бизнес-ассоциации, саморегулируемые организации, религиозные общественные объединения), такие ННКО не могут рассматриваться в качестве «типичных» с точки зрения инициирования и реализации ими гражданских инициатив и потому исключаются из сферы исследования в данной работе.

Предмет исследования – теоретические основы и механизмы государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в Российской Федерации.

Цель исследования – научное обоснование и развитие теоретико-методологических основ и механизмов государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в современной России.

Задачи исследования:

1. Раскрыть сущностное содержание категории «конструктивные гражданские инициативы СО ННКО» с позиции современных политологических концепций статуирования некоммерческих организаций как актора гражданского общества, а также с учетом необходимости обеспечения политической безопасности Российской Федерации.

2. Актуализировать и дополнить существующие в современной политической науке теоретические и методологические подходы к исследованию СО ННКО как субъектов выдвижения и реализации гражданских инициатив.

3. Определить проблемы и «слабые звенья» механизмов государственной поддержки и стимулирования деятельности и инициатив СО ННКО в Российской Федерации в период с 2010-х гг. по настоящее время.

4. Выявить специфику состояния и развития российских СО ННКО - субъектов выдвижения и реализации проектных инициатив в период с 2010-х гг. по настоящее время.

5. Оценить с позиций эффективности, результативности и этичности социального проектирования механизм и результаты поддержки государством проектных инициатив СО ННКО.

6. Охарактеризовать особенности механизма борьбы с ННКО - иностранными агентами в России в сравнении с деятельностью иных государств в данной сфере.

7. Сформулировать и раскрыть принципы деятельности государства в области стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в Российской Федерации.

8. Разработать рекомендации по развитию концептуальных и нормативно-правовых основ механизма стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в Российской Федерации.

9. Разработать рекомендации по совершенствованию действующих информационных и методических аспектов механизма стимулирования конструктивных проектных инициатив СО ННКО.

10. Разработать и апробировать методику диагностики ценностей представителей российского третьего сектора с позиций соответствия критериям конструктивной инициативной социально-политической деятельности в современной России.

11. Разработать и апробировать рекомендации по совершенствованию действующего механизма мониторинга проектных инициатив СО ННКО – победителей конкурсов ФПГ.

Основная гипотеза исследования состоит в предположении о том, что развитие теоретико-методологических основ и механизмов стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив российских СО ННКО будет способствовать эффективной реализации их социально-политического потенциала в условиях необходимости развития гражданского общества на основе традиционных ценностей отечественной государственности и противодействия деструктивной политической деятельности иностранных агентов в Российской Федерации. Гипотеза основана на совокупности научно-методологических и практических исследований автора в области состояния и потенциала СО ННКО в современной России.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции, теории, представленные в фундаментальных научных трудах отечественных и зарубежных ученых, изучающих проблемы развития российских СО ННКО, такие как: реализация социально-политического потенциала общественных организаций (Л.И. Никовская); проблемы межсекторного социального партнерства (В.Н. Якимец, Л.Е. Ильичева); вопросы генезиса гражданского общества в России с учетом специфики политической культуры и аксиологических основ государственности (Н.А. Баранов, О.А. Коряковцева, Н.А. Омельченко, Т.В. Бугайчук, О.А. Нестерчук); особенности нормативно-правового, организационно-методического и технологического обеспечения стимулирования и поддержки государством третьего сектора (В.Ю. Кулькова, И.В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский, А.С. Автономов, Н.Л. Хананашвили); эффективность российской политики борьбы с иностранными агентами (А.И. Подберезкин, И.М. Рукина, А.Ю. Анфимова, О.М. Свириденко, О. А. Кожевникова, А.В. Нечкина, С.И. Кузина, В.В. Огнева); проблемы инициирования гражданских инициатив СО ННКО (Н.Н. Ягодка, А.П. Чумаченко, С.М. Ножка).

Цель и задачи диссертации решены с использованием общелогических и эмпирических общенаучных методов. При исследовании теоретических, методологических подходов к изучению сущности СО ННКО использовались логический, комплексный подходы, анализ научной литературы, аксиологический, политико-культурный, исторический методы. Изучение материала о состоянии организаций третьего сектора проводилось с помощью факторного анализа и анализа статистических данных, социологических исследований (анкетирование, метод фокус-групп, глубинное интервью, включенное наблюдение). В процессе исследования основ и механизмов государственной политики в отношении стимулирования и поддержки развития СО ННКО применялись логический, формально-юридический, статистический, сравнительный анализ. Совокупное применение этих методов обусловило теоретико-методологическую обоснованность проведенного исследования, валидность выводов, теоретических и практических рекомендаций.

Эмпирическая база исследования представлена статистическими данными о состоянии и развитии сектора негосударственных некоммерческих организаций в России за 2017 – 2025 гг., информационно-аналитическими материалами Министерства экономического развития России (далее - Минэкономразвития России) и Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (далее – Росстат), докладами о состоянии гражданского общества Общественной палаты Российской Федерации, отчетными данными о результатах проведения конкурса ФПГ в 2017 – 2025 гг., результатами независимого мониторинга проектных инициатив СО ННКО – победителей конкурса ФПГ в 2017г., итогами социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения, мониторинговыми отчетами участников проекта «Укрепление и развитие экспертно-аналитического потенциала социально ориентированных НКО в России» (2017 – 2018 гг.), социологическими исследованиями, проведенными

автором работы (панельное исследование, экспертное интервью, фокус-группа, анкетирование), кейсами о деятельности СО ННКО.

Положения, имеющие научную новизну (в соответствии с паспортом научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии).

1. Актуализирован и конкретизирован подход к пониманию в политической науке категории «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО» применительно к деятельности российских СО ННКО в современных условиях необходимости превенции деструктивной политической деятельности организаций – иностранных агентов и созидания традиционных ценностей государственности; разработаны критерии отнесения гражданских инициатив СО ННКО к конструктивным (*соответствует п. 7 «Гражданское общество: тенденции эволюции, перспективы развития и национальные модели», п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

2. Усовершенствована методология изучения СО ННКО как социально-политического института в незападных демократиях (на примере России), с учетом потребности совершенствования политики борьбы с иностранными агентами и укрепления культурно-ценностных основ национальной государственности. В числе этих предложений: позиционирование протестных инициатив либерально ориентированных СО ННКО в качестве потенциально деструктивных, т.е. подрывающих традиции и ценности российской государственности; преодоление некритического, поверхностного отношения исследователей феномена российских СО ННКО и их гражданских инициатив к западным идеалам либеральной демократии; обоснование ограниченной результативности институционального подхода к изучению российского феномена СО ННКО по причинам неразвитости, в сравнении с западной цивилизацией, традиций формализации демократического участия и непосредственной демократии; аргументация потребности более активного

использования политико-культурного подхода к изучению российского феномена СО ННКО, применение которого позволило автору выявить и охарактеризовать конструктивные ценности социально-политической активности российских общественных организаций (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации», п. 24 «Политические архетипы, символы и мифы. Национальный менталитет и политическая культура» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

3. Доказано, что усиливающаяся с 2016 г. тенденция переориентации российской государственной политики от системной поддержки всех социально ориентированных СО ННКО в направлении стимулирования развития СО ННКО – поставщиков социальных услуг способствует технологизации социального проектирования без качественного его развития, препятствует совершенствованию конкурсных механизмов стимулирования гражданских инициатив СО ННКО, увеличивает диспропорции развития третьего сектора, сопровождается эрозией аксиологических и этических основ проектной деятельности СО ННКО (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации», паспорта научной специальности 5.5.2*)**.**

4. Обоснован авторский вывод о более высокой конкурентоспособности и устойчивости к неблагоприятным социально-экономическим факторам тех СО ННКО, которые инициируют и реализуют проектные инициативы, в сравнении с СО ННКО, которые специализируются на оказании социальных услуг. Установлены конкурентные преимущества проектно ориентированных СО ННКО, такие как: более эффективное использование ресурсов, способность кооперироваться с партнерами, более развитые навыки сотрудников в сферах работы в команде и фандрайзинга (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

5. Выявлены и охарактеризованы «слабые звенья» организационно-методического обеспечения конкурса ФПГ, в том числе: отсутствие критерия экономичности, значимого для оценки социальных проектов; нечеткость категории «оценка влияния»; формальность заложенного ФПГ механизма мониторинга социальных проектов; ограниченная валидность подхода выявления лучших (успешных) проектных практик СО ННКО для решения задач совершенствования компетенций социального проектирования и масштабирования успешных проектных инициатив; отсутствие методики оценки долгосрочного влияния в числе предлагаемых ФПГ критериев оценки социального эффекта. Доказано, что эти «слабые звенья» препятствуют развитию ФПГ как института симулирования проектных инициатив СО ННКО (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2).*

6. Доказано, что в современной России политико-правовой институт борьбы с СО ННКО – иностранными агентами развивается преимущественно в рамках реагирования власти на деструктивную политическую деятельность СО ННКО (в первую очередь, правозащитную) и недостаточно ориентирован на превенцию деструктивных гражданских инициатив этих организаций и их лидеров (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2).*

7. Разработаны рекомендации по развитию организационно-правового механизма стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Внедрение данных рекомендаций предполагает: введение в юридический оборот категории «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО» с учетом необходимости позиционирования СО ННКО как общественно-политического института и потребности интенсификации борьбы с организациями - иностранными агентами; обеспечение возможности поддержки государством только инновационных проектов СО ННКО –

поставщиков социальных услуг, в целях сокращения практики двойной государственной поддержки одной и той же деятельности некоммерческих организаций; предоставление правового основания ресурсным центрам поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций поддерживать гражданские инициативы СО ННКО в форме проектов *(соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2).*

8. Разработаны рекомендации по совершенствованию действующих информационных материалов органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. В числе этих рекомендаций: уточнение содержания понятий «востребованность», «результативность», «эффективность», «устойчивость», «экономичность» социальных проектов СО ННКО, а также категории «оценка программ и проектов» применительно к проектной деятельности СО ННКО; установление взаимосвязи между терминами «внутренняя оценка», «внешняя оценка» и «самооценка» применительно к оценке социальных проектов СО ННКО; конкретизация содержания категорий «контроль», «аудит», «самообследование», «мониторинг» в рамках оценки проектов СО ННКО; уточнение с учетом авторской позиции понятия «мониторинг» применительно к оценке проектных инициатив СО ННКО *(соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

9. Разработана и апробирована методика диагностики ценностных мотивов и ориентаций сотрудников СО ННКО и волонтеров, что позволило установить как сходства, так и различия между таковыми установками и ориентациями представителей российского третьего сектора и граждан, не вовлеченных в деятельность СО ННКО. Охарактеризованы особенности ценностных ориентаций представителей российского СО ННКО-сектора,

такие как: недостаточная четкость восприятия молодым поколением сущности традиционных ценностей российской государственности; мнение о недостаточно высоком уровне доверия представителей государства к СО ННКО как социально-политическим субъектам; суждение о недостаточной стратегичности текущей политики Российской Федерации в области стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации», п. 24 «Политические архетипы, символы и мифы. Национальный менталитет и политическая культура» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

10. Доказано, что отсутствует тесная положительная взаимосвязь между качеством заявки СО ННКО, ее победой в конкурсе социальных грантов и уровнем реализации исполнителем проектной инициативы; для укрепления этой взаимосвязи разработаны рекомендации по развитию механизма независимого мониторинга проектных инициатив СО ННКО – победителей конкурсов ФПГ в аспектах: анализа и учета как успешного, так и неудачного опыта социального проектирования; применения метода «логического проектирования» при анализе заявки проекта СО ННКО в процессе независимого мониторинга (*соответствует п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации» паспорта научной специальности 5.5.2)*.

Положения, выносимые на защиту

1. Сопоставляя современные научные концепции о сущности СО ННКО как социально-политического института с реализуемой в России политикой стимулирования и поддержки СО ННКО, автор отмечает все возрастающую тенденцию вытеснения СО ННКО из публично-политической сферы, ограничения области их функционирования исключительно рамками социально ориентированной деятельности. Такая политика, обусловленная необходимостью государства противостоять деструктивному политическому

влиянию, в то же время лишает СО ННКО возможности проявлять свой социально-политический потенциал в целях укрепления национальной государственности, развития русских традиционных ценностей конструктивного демократического участия. Для обеспечения возможностей СО ННКО конструктивно влиять на состояние и развитие политической сферы, автор разрабатывает и предлагает использовать в отечественной политической науке и политико-управленческой практике категорию «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО» - как предложение СО ННКО в адрес органов публичной власти и управления, направленное на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее основам конституционного строя, ценностям национальной государственности, этическим и нравственным нормам, реализующееся в формах и технологиях, не запрещенных законом. Разработаны критерии отнесения гражданских инициатив СО ННКО к конструктивным, а именно: соответствие сущности инициативы СО ННКО базовым ценностям национальной государственности, укорененным в истории, политической культуре страны, составляющей основы национального менталитета, а также закрепленным в Конституции Российской Федерации и конкретизированным в публично-политических и нормативно-правовых документах (1); не запрещенный законом и отвечающий этическим и нравственным нормам формат выражения гражданской инициативы (2).

2. Ввиду того, что либеральная и незападные модели гражданского общества существенно различаются по соотношению индивидуалистических и коммунитарных ценностей гражданственности, необходимо адаптировать инструментарий отечественной политической науки в отношении исследования российских СО ННКО и их гражданских инициатив. Предлагается отождествлять с деструктивными те гражданские инициативы СО ННКО, которые основаны на ультраиберальных установках. В контексте не вполне преодоленных проблем ценностной конфликтогенности

российского гражданского общества, а также выявленного исследователями инструментализма активистской деятельности СО ННКО, следует дистанцироваться от некритического отношения к идеалам либерализма при исследовании российского феномена СО ННКО; более критично и осмысленно подходить к применению популярных в западной социально-политической науке инструментов, таких как: либерально ориентированная парадигма изучения общественных движений, институциональный подход, метод сравнительного анализа. Целесообразно развивать политико-культурный подход к изучению отечественных СО ННКО, включая в исследовательский фокус политико-культурные факторы генезиса общественных организаций.

3. Противоречивый и непоследовательный характер российской государственной политики в отношении СО ННКО в разное время определяли следующие факторы: либерализация политической и социально-экономической сферы (1990-е гг.); выделение политики как сферы борьбы за власть из социально-политической сферы (начало 2001 г.); утрата властью доверия по отношению к гражданскому обществу, вследствие злоупотребления правозащитными общественными организациями своим статусом (2004 г.); развитие государственной поддержки социальной сферы путем программно-целевого и проектного подхода (2004 г. – настоящее время); интенсификация борьбы иностранными агентами (2012 г. – настоящее время). В итоге, несмотря на то, что на конституционно-правовом уровне СО ННКО статуируются как социально-политические субъекты, на организационно-правовом и методическом уровнях их деятельность ограничена исключительно социальными параметрами. Наблюдающееся с 2016 г. усиление тренда приоритизации господдержки СО ННКО – поставщиков социальных услуг и сохранение исключительной компетенции Минэкономики России в вопросах реализации мер господдержки и стимулирования третьего сектора приведет к захвату рынка социальных услуг

наиболее крупными ННКО (прежде всего, аффилированными с государством), переориентирует установки всех СО ННКО на цели получения государственных преференций, способствует развитию СО ННКО – сектора как социального предпринимательства.

4. СО ННКО, инициирующие и реализующие инициативы в формате проектов, более способны адаптироваться к сложностям и рискам социально-экономического характера, чем некоммерческие организации, специализирующиеся на оказании социальных услуг. Проектная деятельность стимулирует СО ННКО эффективнее использовать имеющиеся ресурсы, кооперироваться с целью достижения желаемых результатов, совершенствовать компетенции кадров (в направлениях управления проектом и работы в команде), активнее привлекать спонсоров и волонтеров. Изложенное обусловливает целесообразность приоритизации стимулирования государством инициативной проектной деятельности СО ННКО.

5. Действующая политика конкурсной поддержки гражданских инициатив СО ННКО не лишена проблем организационно-методического характера. Среди таковых проблем: отсутствие значимого для социального проектирования критерия оценки «экономичности» как способности исполнителя гранта выбрать и реализовать лучшую альтернативу достижения цели проектирования с использованием возможных средств; нечеткость формулировки категории «оценка влияния»; формальность заложенного ФПГ механизма мониторинга социальных проектов; нечеткость критериев отбора экспертов ФПГ; недостаточная валидность подхода выявления лучших (успешных) практик социального проектирования; отсутствие методики оценки долгосрочного влияния в конкурсной документации ФПГ. Эти «слабые звенья» организационно-методического обеспечения деятельности ФПГ не способствуют гармоничному развитию СО ННКО как субъектов конструктивных гражданских инициатив, а именно: демотивируют СО ННКО искать реальные дополнительные источники софинансирования проектных

инициатив, кроме ресурсов ФПГ; стимулируют СО ННКО сосредоточивать свои усилия на компетенциях грантрайтинга в ущерб содержательному наполнению проектов; лишают инициативные проекты многих СО ННКО стратегичности, ориентируют их на «рутинную» деятельность.

6. Выявлена и охарактеризована тенденция ужесточения мер борьбы с деструктивным иностранным политическим влиянием во всех государствах, включая и Россию, вследствие необходимости обеспечения политической безопасности. Вместе с тем, в современной России, имеющей собственные традиции борьбы с нежелательным иностранным политическим влиянием, разработка и реализация мер борьбы с СО ННКО – иноагентами осуществляется преимущественно в рамках реагирования власти на деструктивную политическую деятельность некоммерческих организаций (в первую очередь, правозащитных) и недостаточно продумана в аспекте превенции деструктивных гражданских инициатив этих организаций и их лидеров. При формально-юридической невозможности детализации категории «политическая деятельность» расширение дискреции органов государственного управления (особенно на территориальном уровне) в отношении квалификации деятельности СО ННКО как политической ориентирует представителей государства пресекать любые инициативы СО ННКО, выходящие за рамки социальной активности, таким образом, формируя тренд рутинизации деятельности по пополнению реестра ННКО – иностранных агентов.

7. Разработаны и охарактеризованы принципы государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в современной России. В числе этих принципов: приоритетность развития конкурсных механизмов стимулирования и поддержки инициатив СО ННКО; организация независимого мониторинга реализации проектов СО ННКО; развитие экспертного потенциала исследователей и сотрудников третьего сектора; сохранение баланса между демократизацией и обеспечением

политической безопасности при контроле за деятельностью СО ННКО; стимулирование развития ценностей гражданственности сотрудников СО ННКО и волонтеров; анализ и оценка всех доступных исследованию гражданских инициатив СО ННКО.

8. Разработаны рекомендации по развитию организационно-правовых механизмов стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в Российской Федерации.

Следует дополнить ст. 2 п.2.4. Федерального закона «О некоммерческих организациях», а также ст. 2 п. 1 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» термином «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО». Под данной инициативой предлагается понимать «предложение / проект СО ННКО, адресованное (ый) органам публичной власти и / или государственного (муниципального) управления, направленное(ый) на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее(ий) основам конституционного строя, ценностям национальной государственности, этическим и нравственным нормам, реализующееся(емый) в формах и технологиях, не запрещенных законом». Необходимо принять новую редакцию абзаца 2 п. 2.2. Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ: «Надлежащая реализация проектов, предусматривающих качественное развитие форм, методов и технологий оказания общественно полезных услуг, в том числе, с использованием грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества (далее - проекты по развитию общественно полезных услуг)». Целесообразно дополнение перечня целей ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций целью поддержки СО ННКО, разрабатывающих и реализующих конструктивные гражданские инициативы в форме проектов. Внесение данных поправок в действующую нормативно-правовую базу: позволит закрепить на правовом

уровне категорию «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО» и даст основание для развития СО ННКО как общественно-политического института с учетом требований противодействия деструктивному политическому влиянию организаций; предоставит правовые возможности для СО ННКО, реализующим общественно полезные услуги, сосредоточиться на процессе совершенствования оказания данных услуг, а государству поддерживать только те проекты данных СО ННКО, которые действительно предполагают качественные преобразования в сфере общественного обслуживания и потому являются конструктивной гражданской инициативой; обеспечит правовую возможность ресурсным центрам поддержки СО НКО осуществлять стимулирование и поддержку деятельности инициативных гражданских проектов СО ННКО.

9. Разработаны рекомендации по совершенствованию действующих информационных материалов органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. Уточнено содержание терминов, касающихся вопросов оценки проектов СО ННКО, представляемых на конкурсы субсидий и иные конкурсы господдержки, таких как: востребованность, результативность, эффективность, устойчивость, экономичность проекта СО ННКО; оценка программ и проектов. Установлена логическая взаимосвязь между терминами «внутренняя оценка», «внешняя оценка» и «самооценка» и категориями «контроль», «мониторинг» и «аудит» с позиций видов и статуса субъектов оценки и жизненного цикла социального проекта. Уточнены в рамках действующего методического обеспечения конкурсной реализации проектов СО ННКО категории «контроль», «аудит», «самообследование», «мониторинг». Скорректировано с учетом авторской позиции понятие «мониторинг» применительно к оценке проектных инициатив СО ННКО. Под мониторингом предлагается понимать «вид текущего контроля за ходом

реализации программы или проекта, состоящего в сопоставлении субъектом мониторинга установленных показателей с фактически достигаемыми результатами программы или проекта».

10. Разработана и апробирована методика диагностики ценностных мотивов и ориентиров сотрудников СО ННКО и волонтеров. Применение этой методики позволило выявить ряд особенностей «ценностного поля» представителей российского СО ННКО-сектора, таких как: недостаточная четкость представления волонтеров СО ННКО (особенно молодого поколения) о существе некоторых традиционных ценностей российской государственности; убежденность в том, что СО ННКО оказывают влияние на политическую сферу; суждение о недостаточности доверия власти к СО ННКО в аспекте допуска этих организаций в социально-политическую сферу; оценка текущей государственной политики как недостаточно стратегичной в аспекте стимулирования конструктивных социально-политических инициатив СО ННКО. Выявленные путем применения этой методики особенности менталитета представителей СО ННКО дают основание для предположения о целесообразности воздействия государства на их ценности в аспектах: «подтягивания» менталитета лидеров, сотрудников и волонтеров общественных организаций к единым ценностям российской государственности и единообразному толкованию этих ценностей (1); развитие мотивации представителей СО ННКО-сектора добровольно и последовательно придерживаться этих ценностей (2); государственное стимулирование развития практик конструктивной реализации СО ННКО социально-политического потенциала (3).

11. Автором выявлены и охарактеризованы проблемы, снижающие эффективность и результативность механизма конкурса ФПГ, а именно: отсутствие тесной положительной взаимосвязи между качеством заявки СО ННКО, ее победой в конкурсе социальных грантов и уровнем реализации исполнителем проектной инициативы; невозможность с помощью

применяемого в рамках ФПГ подхода к анализу и формализации исключительно успешных практик социального проектирования выявлять, типизировать и учитывать ошибки СО ННКО, допущенные при разработке и реализации социальных проектов. Для решения этих проблем разработаны рекомендации по совершенствованию методики независимого мониторинга в системе оценки проектных инициатив СО ННКО – победителей конкурсов ФПГ в аспектах анализа как удачного, так и неудачного опыта реализации проектных инициатив СО ННКО – победителей конкурса, а также использования метода «логического проектирования» в ходе независимого мониторинга.

Содержание диссертационного исследования соответствует пунктам паспорта специальности 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии: п. 7 «Гражданское общество: тенденции эволюции, перспективы развития и национальные модели», п. 8 «Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации», п. 24 «Политические архетипы, символы и мифы. Национальный менталитет и политическая культура».

Информационную базу диссертационного исследования, **обоснованность выносимых на защиту положений**, а также **достоверность авторских заключений и рекомендаций** обеспечили труды отечественных и зарубежных ученых, данные и аналитические материалы Росстата, Минэкономразвития России, Минюста России, Общественной Палаты Российской Федерации, ФПГ, нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней Российской Федерации, федеральные целевые программы и приоритетные проекты, касающиеся вопросов государственной поддержки СО ННКО.

При подготовке работы систематически изучены и осмыслены положения монографий, научных статей, авторефератов и диссертаций, публикации в СМК, информационные и методические материалы.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования дополняют и актуализируют теоретико-методологический аппарат российской политологии, обеспечивают возможность изучения российского феномена СО ННКО как актора выдвижения и реализации конструктивных гражданских инициатив с учетом необходимости совершенствования мер по борьбе с деструктивным политическим влиянием и устойчивого воспроизводства в общественно-политической практике традиционных ценностей российской государственности.

Сформулированные выводы и рекомендации автора позволяют усовершенствовать инструментарий отечественной политической науки с целью повышения эффективности реализации конструктивного социально-политического потенциала российских СО ННКО путем стимулирующего государственного воздействия.

Полученные в исследовании выводы и рекомендации использованы при разработке и реализации автором учебных курсов «Межсекторное социальное партнерство» (элективная дисциплина для магистров по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», Государственный университет управления, 2011 – 2018 гг.), «Оценка социальных проектов» (программа повышения квалификации, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», 2021 – 2022 гг.)

Представленные в работе выводы и рекомендации нашли отражение в ходе реализации автором совместно с коллективом кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления в 2014 – 2015 гг. гранта Российского гуманитарного научного фонда «Исследование отечественной практики взаимодействия социально-ориентированных некоммерческих организаций с государством» (Проект №6206-14).

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования полученных выводов и рекомендаций органами государственной власти и местного самоуправления, фондами, организациями поддержки СО ННКО:

- Предложены основы стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, что предполагает: единообразное понимание сущности конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, дифференциацию конструктивных и деструктивных гражданских инициатив СО ННКО; операционализацию традиционных ценностей российской государственности применительно к основам конструктивной политической деятельности российских СО ННКО; концептуализацию политики государства в сфере стимулирования конструктивных проектных инициатив СО ННКО посредством конкурсного механизма; развитие профилактического направления в рамках проводимой политики борьбы с организациями – иностранными агентами; обеспечение условий для развития этики социального проектирования СО ННКО;
- Разработан комплекс инструментов стимулирования государством развития социально-политического потенциала российских СО ННКО, включая: принципы стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО; поправки в действующие нормативно-правовые акты в целях реализации государственной политики в исследуемой сфере; корректировка организационно-методического обеспечения механизма конкурсов социальных проектов СО ННКО на примере конкурса ФПГ; методика диагностики ценностей сотрудников и волонтеров СО ННКО; классификация 49 проектов СО ННКО по критериям успешности разработки и реализации данных проектов; методика логической структуризации целей проекта как часть механизма его независимого мониторинга.

Апробация работы. Представленные теоретические выводы и практические рекомендации по методологическому, организационно-

методическому, инструментальному обеспечению деятельности государства в области стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО докладывались автором и получили положительную оценку на научных и научно-практических конференциях различного уровня (международные, всероссийские, межрегиональные) и были опубликованы.

Результаты выполненного исследования апробированы в процессе разработки и реализации авторских курсов «Межсекторное социальное партнерство», «Оценка социальных проектов», а также преподавания дисциплин «Система государственного и муниципального управления в России и за рубежом», «Управление проектами и программами», «Оценка эффективности государственных проектов и программ».

Степень достоверности выводов и разработок автора подтверждена его исследованиями, в частности:

- проведение в целях изучения влияния пандемии на деятельность СО ННКО в ноябре 2020 г. экспертных интервью с лидерами СО ННКО из пяти субъектов РФ (республика Ингушетия, республика Чечня, Московская область, Новосибирская область, Ярославская область). Экспертную выборку составили представители 10 НКО – поставщиков социальных услуг и 10 ННКО, не входящих в реестры НКО - поставщиков социальных услуг;

- проведение на предмет диагностики ценностных ориентаций с 01.09.2024г. по 01.10.2024 г. панельного Интернет-анкетирования 500 граждан Российской Федерации, участвовавших в деятельности СО ННКО на условиях штатной работы, совместительства либо почасовой оплаты труда, а также волонтеров, из 10 субъектов Российской Федерации. Из числа опрошенных:127 человек с 17 до 21 года; 123 человека – с 22 до 35 лет; 122 человека – с 36 до 59 лет; 128 человек – старше 60 лет.

- анализ отчетов о независимом мониторинге 49 социальных проектов – победителей конкурса ФПГ 2017 г., в целях многомерной классификации данных проектов по соотношению «качество заявки – качество реализации».

Перечень публикаций автора:

Публикации в рецензируемых изданиях из перечня, рекомендованного Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и образования Российской Федерации:

1. Баталова, Ю.В. Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение // Управленческое консультирование. 2025. № 1 (187). С. 14-22.
2. Баталова, Ю.В. Ценности российских негосударственных некоммерческих организаций // PolitBook. 2025. № 1. С. 173-196.
3. Баталова, Ю.В. Независимый мониторинг реализации проектов негосударственных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2025. № 3 (28). С. 23-41.
4. Баталова, Ю.В., Айрапетян, Ю.Р. Политическая сущность конструктивных гражданских инициатив негосударственных некоммерческих организаций // Развитие территорий. 2024. № 4 (38). С. 50-57.
5. Баталова, Ю.В. Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 17-27.
6. Гимазова, Ю.В. Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методологии и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 11-20.
7. Гимазова, Ю.В., Головин, Д.А. Сущность и критерии технологий конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 5-18.
8. Гимазова, Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и способы выживания // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 141-153.

9. Гимазова, Ю.В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 24-36.

10. Бронников, И.А., Гимазова, Ю.В. Взаимодействие власти и экспертов в России: состояние, риски и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 162-169.

11. Гимазова, Ю.В. Результаты регулирования гражданского сектора в России: взгляд правозащитников // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 35-51.

12. Никитин, А.С., Гимазова, Ю.В. Ценностный фактор развития региональных управленческих команд // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 2 (112). С. 8-16 (авторский вклад 0,25 п.л.)

13. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Международный опыт государственной поддержки и регулирования деятельности СО НКО // Вестник университета. 2014. № 16. С. 275 – 279 (авторский вклад 0,3 п.л.)

14. Гимазова Ю.В. Общественно-научный новгородский форум «Российские традиции государственного управления»: аналитический отчет // Управление. 2018. Т. 6. № 1. С. 51-54.

15. Гимазова Ю.В., Омельченко Н.А. Развитие методики и технологий оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Вестник университета. 2015. № 12. С. 253-257 (авторский вклад 0,3 п.л.)

16. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // Социодинамика. 2013. № 9. С. 153-182. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.9.9254 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9254 (дата обращения: 23.02.2026 г. (авторский вклад 0,3 п.л.)

17. Гимазова Ю.В. От «фабрик мысли» к «центрам публичной политики»: международный опыт и перспективы России // 2012. № 4. С. 10 – 14.

18. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Территория власти или власть территории (к вопросу о соотношении автократических и этнократических начал в истории российской государственности) // Вестник университета. 2012. № 4. С. 289-294 (авторский вклад 0,2 п.л.)

19. Гимазова Ю.В., Омельченко Н.А. Российский опыт взаимодействия органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями // Вестник университета. 2011. № 11. С. 22-36 (авторский вклад 0,3 п.л.)

20. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Публичная политика в России: политический миф или реальность? // Вестник университета. 2010. № 22. С. 68-75 (авторский вклад 0,3 п.л.)

Монографии:

1. Меркулов П.А., Батанина И.А., Нечаев Д.Н., Огнева В.В., Старостенко К.В., Харитонова Н.И., Цыбаков Д.Л., Баталова Ю.В., Болховитина Т.С., Леонова О.В., Малахова О.В., Тишков С.А., Тычинская Н.Л., Тюрин Е.А. Государственная политика и управление: теория, методология, современные практики реализации. Орел, 2024 (авторский вклад 0,5 п.л.)

2. Гаман-Голутвина О.В., Гимазова Ю.В., Гуринович А.Г., Добросоцкий В.И., Кравченко С.А., Мамедова Н.М., Омельченко Н.А., Охотский Е.В., Харкевич М.В. Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт. Москва, 2017. - 889 с. (авторский вклад 1,0 п.л.)

3. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.) Омельченко Н.А., Асеев А.Д., Блинова Н.В., Верниченко М.А.,

Гаганова Е.В., Гимазова Ю.В., Жукова Л.А., Знаменский Д.Ю., Иванов В.К., Казбан Е.П., Караткевич А.Г., Лопарев А.В., Соколов Н.Н., Филимонов Д.А., Яхшиян О.Ю. Москва, 2015 – 241 с. (авторский вклад 0,5 п.л.)

4. Взаимодействие государства и социально ориентированных частных некоммерческих организаций. Гимазова Ю.В., Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А., Харичкин И.К. Москва, 2015. – 191 с. (авторский вклад 10,5 п.л.)

Иные публикации

1. Баталова, Ю.В. Политико-культурный подход к изучению российского феномена социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций / Политика, власть, технологии, коммуникации в условиях глобальных изменений: материалы III Московского политологического форума / под общ. ред. А.Ю. Трубецкого, С.В. Демиденко, М.А. Бурды, Е.А. Дориной. – Москва: АНО «Академический альянс». – 216 с. 2026 г. file:///C:/Users/Julia/Downloads/Макет%20МПФ%20сборник%2029.07.2026.pdf (дата обращения: 05.08.2026 г.)

2. Гимазова, Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и практики выживания / X Юбилейная международная конференция исследователей гражданского общества «Влияние кризиса на развитие некоммерческого сектора и общественной самоорганизации: новые реалии и перспективы». 14-15 октября 2021 г. – URL: https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517354406.pdf (дата обращения: 23.02.2026 г.)

3. Гимазова, Ю.В. Традиции и инновации межсекторного взаимодействия в России / Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. 2018. С. 132-133.

4. Гимазова Ю.В. Особенности нормативно-правового регулирования социально ориентированных некоммерческих организаций в России // NOVAINFO.RU. 2017. Т. 5. № 58. С. 438 – 454.

5. Гимазова Ю.В. К вопросу о развитии компетенций межсекторного социального партнерства у государственных служащих / Время больших перемен: политика и политики. материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. 2017. С. 89-90.

6. Гимазова Ю.В., Казбан Е.П. Развитие инфраструктуры государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России /Общественные науки: вопросы и тенденции развития. Секция №9. Политические институты, процессы и технологии / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 10 ноября 2015 года. – 47 с. – с. 16 – 18 (авторский вклад 0,1 п.л.)

7. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Социально ориентированные некоммерческие организации как объект современной политологии и институт социально-политической системы современной России / Актуальные проблемы управления - 2015. Материалы 20-й Международной научно-практической конференции. 2015. С. 142-146 (авторский вклад 0,2 п.л.)

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, трех глав и десяти параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава I. Теоретико-методологические основы исследования вопросов государственного стимулирования гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в современной России

1.1. Социально-политическая сущность конструктивных гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций

Современное государство – это демократическое правовое социальное государство, деятельность которого ориентирована на последовательную гарантию реализации прав и свобод человека, обеспечение национальной безопасности и развитие человеческого капитала (потенциала).

Однако, ни одно государство не в состоянии в одиночку справиться с реализацией своих функций в полной мере. В этой связи, партнером власти в вопросах инициирования и реализации социально ориентированной политики становятся институты гражданского общества, в первую очередь, организации третьего сектора, или СО ННКО[39].

Бурный рост числа СО ННКО в США и западноевропейских странах пришелся на вторую половину прошлого века, вследствие актуализации ряда социально-политических факторов, таких как:

• Опережающий рост запросов личности в сравнении с возможностями его адекватного удовлетворения, предлагаемыми государственной системой. Действительно, одним из основных показателей демократического развития государства является способность принимать перемены, т.е. адекватно реагировать на запросы общества. А запросы эти растут в геометрической

[39] В связи с тем, что российскому термину «социально ориентированные негосударственные некоммерческие организации» в американской и западноевропейской социальной науке и практике в наибольшей степени соответствует термин «организации третьего сектора», в данной работе СО ННКО и организации третьего сектора будут употребляться как синонимы.

прогрессии. Информационная революция привела к увеличению в среднем классе числа людей, не удовлетворенных существующими возможностями самовыражения в экономической и политической сферах.

- Глобальный кризис двух ведущих концепций XX в. – социализма и государства всеобщего благоденствия - стимулировал поиск нового «агента социального развития». Начиная с второй половины прошлого века, практически во всех частях света произошел «кризис государства», выразившийся в серьезных претензиях к традиционной государственной системе социальной защиты в развитых странах Севера; в невысокой эффективности экономического развития, координируемого государством в странах развивающегося Юга; в разрушении социалистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы; в растущей обеспокоенности в связи с ухудшающимся состоянием окружающей среды и повсеместно возникающей в связи с этим угрозой здоровью и безопасности человека.

Таким образом, с середины прошлого века стала очевидной несостоятельность утверждения о том, что государственно-политическое управление является исключительной сферой деятельности правительственных институтов. СО ННКО выступили на социально – политической арене как опосредованный субъект властеосуществления, влияющий на процесс инициирования, разработки и реализации государственной политики в отношении общества, трансформируя, таким образом, сферу государственной монополии в область публичного управления. Трудно не согласиться с мнением Дж. Стиглица о том, что «потенциал социального государства определяется не только экономической политикой, но и уровнем развития общественных организаций в стране»[40].

Разочарование в возможностях государства и рынка обеспечить полноценность человеческой жизни и, одновременно, успехи общественных

[40] О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. - М: Благотворительный гуманитарный фонд им. П.А. Флоренского, 1999. – с. 67.

движений привели к тому, что внимание и надежды многих сфокусировалось на ННКО - институтах гражданского общества.

Возникнув как социальное явление, по мере институционального оформления ННКО приобрели все большую значимость в политике (если трактовать последнюю в широком гуманистическом смысле, как «искусство жить вместе»).

Политическая значимость ННКО в современных демократиях состоит в том, что они выступают инициаторами и носителями гражданских инициатив.

Термин «гражданская инициатива» прочно вошел в российский научный и публицистический оборот и понимается как форма волеизъявления граждан, посредством которой транслируется мнение определенной группы населения в компетентные государственные и муниципальные органы власти с целью получения ответной реакции[41]; принятия политических решений в будущем[42].

Гражданские инициативы отличаются от социальных инициатив вообще, поскольку, будучи результатом деятельности общественности, они предполагают взаимодействие с органами и институтами публичной власти и направлены на вовлечение ресурсов и структур государства в продвижение выдвинутых инициатив, либо на изменение самой власти (ее системы, институтов, процедур осуществления)[43].

Возникновение гражданских инициатив послужило своеобразной реакцией на некоторую стагнацию представительной демократии и ее институтов в постиндустриальном мире[44].

Субъектами выдвижения и реализации гражданских инициатив могут выступать как отдельные граждане, так и их организации. Гражданская

---

[41] Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН, серия Политология, 2015, № 4 .- С. 128 – 139.

[42] Киняшева Ю.Б., Муращенков С.В. Роль гражданских инициатив в решении социально-экономических проблем региона // Известия ТулГУ. 2016. №2. - С. 23 - 28.

[43] Ножка С.М., Чумаченко А.П. «Социально значимые политические инициативы» как интегративная категория политической коммуникации: приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. – С. 47.

[44] Ножка С.М., Чумаченко А.П. «Социально значимые политические инициативы» как интегративная категория политической коммуникации: приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. - С. 44

инициатива сплачивает представителей самых разных слоев и социальных групп вокруг конкретной проблемы либо задачи. «Ядро» гражданской инициативы – численно небольшая группа сопереживающих граждан и / или профессионалов в данной сфере - стремительно (особенно в условиях интернетизации социально-политического пространства) обретает поддержку т.н. «периферии» - представителей самых различных слоев и групп общественности, таким образом, существенно расширяя количество политически активных граждан[45].

Таким образом, гражданская инициатива, не являясь социально-политическим институтом, дает мощный импульс интенсификации властно-общественных отношений за счет активизации делиберативных принципов и процессов. В этом смысле она не только «оживляет» существующие, но и способствует появлению новых направлений, развитию институтов, форм и технологий государственно-общественного взаимодействия.

Сегодня, когда, по меткому выражению К. Шмитта, «все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными и наоборот»[46], т.е. публичная власть и гражданское общество соединяются для совместной созидательной работы, стимулирование и поддержка властью гражданских инициатив становится политической сущностью современных демократий.

Гражданские инициативы СО ННКО – это подмножество гражданских инициатив, сформированных и / или реализующихся с участием СО ННКО.

Гражданские инициативы СО ННКО - одно из наиболее значимых явлений современной общественно-политической жизни, поскольку они являются плодом осознанного коллективного интеллектуального труда активных граждан – лидеров и участников общественных организаций и имеют своей целью преобразование социальной реальности путем

[45] Мирясова О. Что такое гражданские инициативы? URL: http://www.rpk.len.ru/theory/ CivInit.html (дата обращения: 23.03.2025г.)
[46] Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 томах. Т. 2. Под ред. Т. А .Алексеевой. М., 1997.- С. 292.

взаимодействия с представителями публичной власти. Эти инициативы могут быть выдвинуты и реализованы в форме предложений, социальных проектов, практик и технологий. Они отличаются большей, чем индивидуальные (частные) инициативы, результативностью и эффективностью в аспектах целедостижения, организации, расходования общественных и государственных ресурсов, долгосрочного воздействия на социально-политические отношения, явления и процессы.

Учитывая, что гражданские инициативы СО ННКО являются содержанием их деятельности и могут проявляться в различных формах, эти инициативы можно классифицировать по различным основаниям.

1) По сферам реализации: социальные (направленные на решение социальных проблем граждан) и социально-политические (имеющие целью совершенствование деятельности органов государственного и муниципального управления, развитие государственной или муниципальной политики в какой-либо области);

2) По степени проработанности, реализованности: инициативы – идеи (те, которые еще не были реализованы и, как правило, не получили достаточной проработки) и инициативы-проекты (те, которые проработаны в соответствии с основами проектного менеджмента и / или ранее уже были реализованы в качестве проекта).

Выступая с гражданскими инициативами, СО ННКО реализуют свои социальную и политическую функцию, проявляя, таким образом, сущность общественно-политического института.

Социальная (общественная) функция СО ННКО понимается как содействие удовлетворению нематериальных потребностей определенных целевых групп. В современной политической науке и практике социальная функция СО ННКО определяется в терминах «содействия развитию человеческого капитала». Реализуя социальную функцию, СО ННКО могут проявлять гражданские инициативы в различных сферах деятельности: защита

прав отдельных социальных групп, поддержка определенных слоев населения, улучшение качества оказания услуг в отдельных сферах общественной жизнедеятельности и т.п.

Проявляя социальные инициативы, СО ННКО в то же время не может не взаимодействовать (прямо или опосредованно) с представителями и институтами публичной власти и управления, не может не влиять на общественное мнение, поскольку вопрос удовлетворения нематериальных потребностей определенной социальной группы рано или поздно начинает привлекать все большее внимание широкой публики, становиться объектом внимания. И в этом публично-политическом влиянии проявляется гражданский, или социально-политический функционал СО ННКО.

Социальные инициативы, по мнению всех исследователей, положительно характеризуют СО ННКО как организацию, приносящую (либо желающую принести) определенную пользу для целевой группы.

Оценка научным и экспертным сообществом политического функционала и инициатив СО ННКО не столь однозначна.

С позиции либерализма, гражданское общество всегда имеет приоритет над государством[47]. При этом, политическая деятельность и инициативы СО ННКО, вне зависимости от их характера и способов проявления, воспринимаются либералами как приносящие благо данной политической системе в аспектах ее демократизации и самоорганизации. Однако в XXI в. этот постулат политического либерализма переосмысливается по нижеследующим основаниям.

Во-первых, проблемой всех современных обществ является обострение противоречий между индивидуалистическими ценностями гражданского общества (в его либеральной интерпретации) и коммунитарными ценностями гражданственности. По меткому выражению Л.И. Никовской,

[47] Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций [Текст] :монография / Ю. В. Гимазова, Д. Ю. Знаменский, Н. А. Омельченко, И. К. Харичкин. – М.: ИД «Государственный университет управления», 2015. – с. 43.

гражданственность дает «представление о том, что частные интересы граждан легитимны постольку, поскольку они не идут вразрез с общими интересами. А общие интересы выражаются в определенной системе общепринятых ценностей, норм, идеалов, служащих развитию общества в направлении повышения качества его благосостояния, свободы, самореализации личности в определенном социально-историческом контексте»[48]. Гражданственность, таким образом, должна выступать в качестве высшей ценности и мерила существования и деятельности современного гражданского общества, «потому что демократический дух не может сводиться к простому подсчету выгод»[49]. Соответственно, СО ННКО, являясь институтами гражданского общества, одновременно должны стать и «точками роста» гражданственности, носителями и выразителями гражданского сознания как совокупности социально-политических норм и образцов поведения, свойственных данной государственности и отстаивающих, по мнению Р. Арона, интересы всего общества[50]. В противном случае, выражая и артикулируя исключительно субсидиарные интересы, СО ННКО будут способствовать эрозии демократической государственности.

Во-вторых, в современный период множественных политических кризисов и угроз, деятельность и инициативы СО ННКО все чаще анализируются с позиции обеспечения политической безопасности. Трактуя данную категорию как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в политической сфере от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее эффективное развитие личности, общества и государства через совокупность мер, позволяющих

[48] Никовская Л.И. К вопросу о гражданственности российского гражданского общества // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т Справедливый Мир, Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; М.: Ключ-С, 2015. С. 357-370. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=4116 (дата обращения: 05.10.2024 г.)

[49] Г. Эрмэ. Авторитаризм / А.С. Тургаев, А.Г. Хренов, Б.А. Исаев. Политология. Хрестоматия. Раздел 1. Предмет политологии. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php (дата обращения: 05.10.2024 г.)

[50] Арон Р.Р. Демократия и тоталитаризм. Текст. М., 1993. URL: https://arsennazoyan.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/09/d0a0d0b5d0b9d0bcd0bed0bd-d090d180d0bed0bd.pdf (дата обращения: 05.10.2024 г.)

сохранить существующий конституционный строй, политическую стабильность» [51] , ученые отводят определенную роль в обеспечении политической безопасности не только государственным структурам, но и институтам гражданского общества, указывая на необходимость «демократического взаимодействия» власти и общественности как условия постоянного воспроизводства должного уровня политической безопасности открытых политических систем[52] . Вместе с тем, ряд исследователей выявляют и анализируют практики негативного, дестабилизирующего воздействия неправительственных (международных) и ангажированных деструктивными политическими силами внутригосударственных ННКО на политическую систему, государственные и общественные институты, политическую культуру и ее элементы, с помощью инструментов как «мягкого» влияния (просветительская, образовательная, информационно-пропагандистская деятельность), так и «жесткой» силы (организация протестных акций, террористических актов и т.д.)[53]. Таким образом, роль ННКО в обеспечении политической безопасности определяется не только фактом их взаимодействия с властью, но и ценностными установками, целями и инструментами такого взаимодействия.

В-третьих, неприбыльный характер как основной принцип деятельности СО ННКО объективно усиливает риск их политической ангажированности, в том числе, со стороны деструктивных политических сил. Это свидетельствует об иллюзорности тезиса либерально ориентированных исследователей и экспертов о независимости СО ННКО от принципала (государства,

[51] Фомченкова Г. А. Политическая активность российской молодежи и безопасность общества // Власть. – 2012. № 7. – С. 106.

[52] Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. – М.: Акад. проект, 2011. – С. 87 – 89.

[53] Рукина И.М., Анфимова А.Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Том 17. №1. - С. 118 – 121; Огнева В.В., Киселев С.А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. – с. 36 – 39; Ежов Д.А. К вопросу об эффективности правовых механизмов сдерживания деструктивной деятельности экологических организаций в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4(29). - С. 330 – 332.

политических элит, физического или юридического лица).

По оценкам исследователей, со второй половины XX в. финансовая и политическая мощь НКО выросла в сотни раз, а политическое влияние стало сопоставимо с влиянием государственных институтов, а в ряде случаев и превосходить их[54].

А.И. Подберезкин, анализируя статистику динамики численности ННКО в России по декадам с 1920 по 2010 гг. (подготовлена Центром военно-политических исследований МГИМО), отмечает, что, начиная с 1990 года, каждые последующие 10 лет общее число некоммерческих организаций увеличивалось на треть, а число «небезопасных» НКО (негативно влияющих на ценности, самосознание и иные аспекты национальной самоидентификации) с 1990 г. по 2000 г. удвоилось[55]. С середины 2000-х гг. эта тенденция пошла на спад, что связано с развитием государственной политики России в сфере борьбы с влиянием иностранных агентов.

Однако, как справедливо заметил В.С. Комаровский, применительно к России 2010-х гг. «модель властвования вполне эффективна, чтобы не допустить нежелательных действий со стороны других акторов, но неэффективна в плане того, чтобы побудить их действовать конструктивно в пользу общества и государства»[56].

До сих пор не в полной мере реализованы слова из Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 2016 года о том, что «люди рассчитывают, что им будут обеспечены широкие и равные возможности для самореализации, для воплощения в жизнь предпринимательских, творческих, гражданских инициатив, рассчитывают на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду»[57].

---

[54] Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М.: Россотрудничество, 2020. – с. 46.

[55] Боброва О.В., Подберезин А.И., Подберезкина О.А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2021. №9. - С. 13

[56] Комаровский В.С. Эволюция взглядов на государство в постсоветской России и на Западе на рубеже веков // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. №4(118). Т.2. – С. 6.

[57] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2016 г.

Признавая несомненную необходимость и значимость борьбы с иноагентами и нежелательными организациями для обеспечения политической безопасности России XXI в., все же следует отметить, что на сегодняшний день эта политика носит большей частью реактивный характер (поскольку реализуется по последствиям) и не затрагивает аксиологических основ российской государственности (поскольку предполагает наличие мер юридического и материального воздействия на СО ННКО, которые уже были замечены в «шпионской» деятельности).

Изложенное актуализирует необходимость проработки политики стимулирования гражданских инициатив СО ННКО на методологическом и концептуальном уровнях. В России нужно создать такие условия (стимулы) для СО ННКО, чтобы инициировать и реализовывать полезную для общественности и страны деятельность было политически и социально «почетно» и экономически выгодно, а проявлять деструктивные для национальной политической системы инициативы – не только невыгодно юридически и экономически, но и «позорно», политически неэтично с точки зрения мнения широкой общественности.

Потребность конкретизировать позитивные и негативные аспекты социально-политической деятельности СО ННКО применительно к современной России диктует необходимость категоризации гражданских инициатив СО ННКО на конструктивные и деструктивные.

Критерии предлагаемой классификации:

1) характер инициативы СО ННКО по отношению к целям развития человеческого капитала, базовым ценностям национальной государственности, политической безопасности страны;

2) способы и технологии реализации инициативы СО ННКО в соотношении с целями обеспечения политической безопасности.

(О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). - http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550 (дата обращения: 25.05.2025 г.)

С позиции этих критериев, под конструктивной гражданской инициативой СО ННКО следует понимать предложение СО ННКО в адрес органов публичной власти и управления, направленное на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее основам конституционного строя, ценностям национальной государственности, этическим и нравственным нормам, реализующееся в формах и технологиях, не запрещенных законом.

Как следует из определения, конструктивные гражданские инициативы СО ННКО от гражданских инициатив вообще отличают следующие особенности:

1) Соответствие сущности инициативы СО ННКО базовым ценностям национальной государственности, укорененным в истории, политической культуре страны, составляющим основы национального менталитета, а также закрепленным в Основном законе государства и конкретизированным в публично-политических документах.

2) Не запрещенный законом и отвечающий этическим и нравственным нормам формат выражения гражданской инициативы. Большинство современных государств закрепляют и гарантируют различные формы гражданского участия, на всех уровнях системы публичной власти и управления. В числе этих форм можно выделить как акцептные, т.е. поддерживающие действующую политику (участие в референдуме, инициирование конференции, схода граждан, обращение в государственные и муниципальные органы), так и протестные, т.е. выражающие оппозиционное мнение общественности по определенному вопросу (митинги, одиночные пикетирования и т.д.) Важно, чтобы формат выражения конструктивных гражданских инициатив не подрывал основ государственного строя, не нарушал политическую безопасность. В данном контексте, восстание, несанкционированный митинг или провокация массового девиантного

политического поведения априори не могут быть конструктивными гражданскими инициативами, какими бы целями они не были оправданы.

К деструктивным гражданским инициативам СО ННКО можно отнести все те, которые не отвечают хотя бы одному из предложенных критериев.

Схожее с изложенным видение сущности деструктивной политической деятельности предложено Р.А. Шубниковым, который разрабатывает проблематику юридической конкретизации категории «правозащитная деятельность» и анализирует т. н. псевдоправозащитную деятельность в отношении органов и организаций уголовно-исполнительной системы (публикацию заведомо недостоверных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; написание необоснованных жалоб на сотрудников учреждений и органов; использование труда спецконтингента, освободившегося из мест принудительной изоляции от общества, под видом осуществления постпенитенциарной пробации, в качестве средства для получения материальной выгоды) [58] . Предложенное Р.А. Шубниковым определение псевдоправозащитников как «физических лиц и организаций, осуществляющих свою деятельность вне пределов правового поля, использующих механизмы, противоречащие закону, противопоставляющих себя действующей системе власти и ставящих своей задачей ее дискредитировать, навязав обществу неправильные идеалы и нормы поведения» [59] , совпадает с разработанным в рамках данной диссертации подходом к толкованию деструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

Таким образом, государственная политика поддержки и стимулирования гражданских инициатив СО ННКО должна разрабатываться

[58] Шубников Р.А. Понятие и основные аспекты деструктивных проявлений со стороны представителей псевдоправозащитных организаций в учреждениях и органах УИС // Вестник Самарского юридического института. Право. 2025. № 3(69). - с. 68 – 69.
[59] Там же. – с. 69.

и реализовываться в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, следует создавать все условия для проявления СО ННКО конструктивных гражданских инициатив; с другой – реализовать системный подход к профилактике деструктивного политического потенциала СО ННКО.

Проявление деструктивных гражданских инициатив в среде СО ННКО является одной из наиболее серьезных политических угроз для различных по уровню и характеру экономического и социально-политического развития государств.

Данный тезис сегодня оказывается справедливым применительно к странам западноевропейской цивилизации. Деидеологизированный либерализм конца XXв., ставший почвой для проявления гражданских инициатив в США и странах Запада в эпоху постмодерна, в то же время явился временем «размывания» ценностей классической либеральной демократии, взамен не предложив сколько-нибудь значимых идей, способных послужить основой политической консолидации власти и общественности. Даже важнейшая ценность либеральной демократии - инициативное гражданское общество, которое компетентно, часто в режиме конфликта, взаимодействует с государством по вопросам соблюдения и защиты своих прав и законных интересов, предлагает власти альтернативные пути и механизмы решения актуальных проблем социально-экономического развития, - подверглась эрозии в условиях развития т.н. индивидуализированного сообщества, в котором, по меткому выражению З. Баумана, «подавлялись проявления человеческого духа, в прошлом вдохновлявшие людей к социальным преобразованиям» [60] . Наиболее известные гражданские инициативы (например, протесты шведской эко-активистки Греты Тунберг [61] ,

[60] Зигмунт Бауман. Индивидуализированное сообщество /пер. с англ. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. – С. 82

[61] От прогулов до нобелевской премии: хронология протестов Греты Тунберг. URL: https://donttakefake.com/ot-progulov-shkoly-do-nobelevskoj-premii-hronologiya-protestov-grety-tunberg/ (дата обращения: 05.12.2025 г.)

демонстрации в Европе в защиту сексуальных меньшинств[62]) являются по сути технологичными скандальными акциями и не несут ничего созидательного для западноевропейской государственности и цивилизации.

Для государств, не принадлежащих к западной цивилизации и испытавших на себе последствия либерально-демократических «прививок» (такие государства в политологии называются «гибридными», реже «молодыми», незападными демократиями [63]), тезис о необходимости стимулирования властью конструктивных гражданских инициатив СО ННКО оказывается тем более востребован в аспекте обретения и развития национальных основ демократии.

Став на путь трансформации общественно-политической системы относительно недавно, многие незападные демократии сегодня продолжают не просто уточнять т.н. «институциональный дизайн» социально-политического ландшафта, но, что еще более важно, искать ценностные ориентиры государственно-общественного взаимодействия.

Важным аспектом демократизации незападных стран становится обеспечение и сохранение взаимного доверия между властью и обществом.

Применительно к современной России, вопросу доверия граждан к власти посвящено множество теоретических исследований; применяются различные методики диагностики уровня гражданского доверия. Однако, не менее важный вопрос доверия власти к обществу пока не получил глубокой проработки в отечественной политической науке и практике. Между тем, решение этого вопроса приобретает критическое значение, поскольку в незападных демократиях, к которым относится и Россия, государство играет ключевую роль в обеспечении условий для развития гражданского общества и его организаций, и, если это доверие подорвано деструктивной общественно-

[62] Как гей-прайды в Европе превратились в политические марши против правых URL: https://www.youtube.com/watch?v=rdNlymtlgmo (дата обращения: 05.12.2025 г.)

[63] Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации: Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис: Политические исследования. 2011. № 3. - С. 165.

политической деятельностью, государство существенно ограничивает политическую дискрецию институтов гражданского общества. Соответственно, только в случае основанного на консенсусе политических ценностей устойчивого взаимного доверия власти и общественности демократические реформы могут быть эффективными и конструктивными для государственности демократий незападного типа.

В данном контексте, поощряя количественный рост СО ННКО-сектора и не уделяя внимание его качественным характеристикам, не понимая и не разделяя ценностных ориентаций ННКО, власть в незападных демократиях рискует «вырастить» разрушительные для государственности деструктивные общественно-политические силы.

Изложенное актуализирует значимость более пристального и объективного изучения проблематики осмысления социально-политической сущности СО ННКО в рамках современной политической науки.

Представители классической американской и западноевропейской политологии придерживаются либеральной парадигмы осмысления политической деятельности и гражданских инициатив СО ННКО[64].

В американской и западноевропейской социальной науке основу методологии изучения СО ННКО составляют соответственно парадигмы коллективных действий и Новых общественных движений.

Сторонники парадигмы коллективных действий полагают, что государство должно создавать условия для выражения и реализации всех гражданских инициатив, в том числе и инициатив протестных движений. Путем протеста (стихийного или сознательного) общественность высказывает свое недовольство государственной политикой, публично критикует правительство, требует перемен текущей социально-политической ситуации[65].

[64] См.: Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры. – Граждане и власть: проблемы и подходы. М., 2006.
[65] Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества. Социология в современном мире: наука, образование, творчество,. 2011. № 3. - С. 251–255.

Проявление гражданского протеста рассматривается в качестве неинстиуционального фактора развития публичной политики, поскольку гражданский протест сам по себе позиционируется как индивидуализированный акт, позволяющий снять накопившееся напряжение из-за социальных или психологических деформаций, и, следовательно, снизить уровень внутренней энтропии в политической системе в том случае, если существующие институты государственно-общественного взаимодействия недостаточно эффективны[66].

Таким образом, парадигма коллективных действий все гражданские инициативы считает безусловным благом для социально-политического развития, исключая из исследовательского фокуса феномен гражданского деструктивизма. В рамках парадигмы коллективных действий изучались движения «новых левых», движения за гражданские права чернокожих американцев, феминистические движения 1960—1970-х гг. в США. Позднее, с позиции теории Новых общественных движений, изучались западноевропейские экологическое, женское, антиядерное движения и движение за мир 1970 – 1980х гг., ориентированные на поиск ценностей постиндустриального общества. При всем разнообразии этих движений, их инициативы не выходили за рамки либерально-демократической государственности, сводясь к проведению изменений действующего законодательства, реформированию существующих либо внедрению новых институтов, технологиям разработки и реализации государственной политики в той или иной сфере, в том числе в условиях постиндустриализма. Во всех этих исследованиях недостаточно изучены общественные движения, которые являются носителями гражданских инициатив, подрывающих основы, ценности национальной государственности (например, радикальные политические движения в странах Восточной Европы, в СССР в 1980-е гг.)

[66] Travaglino G. A. (2014). Social sciences and social movements: the theoretical context. Contemporary Social Science. 2014. № 1. – P. 12.

Эти движения называются по-разному: «экспрессивные», «общие» [67] , «антидвижения» [68] . Их исследование, в основном, носит историко-описательный характер[69].

Современные отечественные исследования общественных движений и их инициатив, осуществленные в русле парадигм коллективного действия и Новых движений, сконцентрированы на прикладных аспектах: формат, ресурсы, технологии (в том числе информационно-коммуникативные) сотрудничества с властью[70], оценка эффективности использования ресурсов, результативность и влияние на общество и государство.[71] Поскольку в этих исследованиях вопрос о ценностных основаниях гражданских инициатив не поднимается, деструктивные и протестные политические инициативы часто не различаются.

Соглашаясь с тем, что в России сложился отличный от американского и западноевропейского тип властно-общественных отношений (он характеризуется как патерналистский, этатистский, традиционный), российские исследователи по-разному относятся к сущности политического протеста в России и роли протестных гражданских инициатив в политических процессах.

Приверженцы либеральной традиции указывают, что гражданский протест, неповиновение «становится тем единственным институтом, благодаря которому формы участия граждан лежат в политической плоскости, а решение социальных проблем зависит от результатов оказываемого

[67] H. Blumer. Social Problems As Collective Behavior. Social Problems. 1971. Vol. 18. No. 3. - p. 302.
[68] Ален Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. – с. 119.
[69] Молодчик Е.Л. Общественные движения и гражданские инициативы в Российской Федерации в 1985 – 1999 гг. Дисс. на соиск. ..канд.и.н. специальность «Отечественная история», М.: МПГУ, 2010. – с. 127.
[70] Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. серия Политология, 2015, № 4. –с. 132.
[71] См.: Соколов А.В., Левченко И.А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т.19. №2. с. 79 – 100; Ягодка Н.Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в российской Федерации // Вестник РУДН, серия Политология, 2014, № 3. – с. 47 – 59.

давления на органы власти»[72]. В этом смысле, протестные гражданские инициативы рассматриваются как желательные для политической системы, поскольку являются проявлением зрелости политической культуры граждан[73].

Подчеркивается, что развитию либеральной модели властно-общественного взаимодействия в России (как и в других незападных демократиях: Тунисе, Марокко, Турции[74]) препятствуют нелиберальные факторы национальной государственности. В числе таковых отмечается: закрытость политической системы, неразвитость механизмов властно-общественного взаимодействия[75]; восприятие представителями политической элиты сущности публичной политики как «игры на публику» и субъективизм в принятии политических решений»;[76] устойчивое воспроизводство архетипов традиционной политической культуры[77]. Сформулирован термин «протестная публика», под которым понимается особая общность граждан, обладающая следующими признаками: «информированность; компетентность; включенность; заинтересованность; свобода мысли, мнения, действия; связанность в сообщество; готовность действовать»[78].

Таким образом, согласно либеральному подходу в отечественной политологии, именно инициативы «протестной публики» должны послужить «спусковым механизмом» демократизации незападных стран[79]. При этом, необходимость обеспечения политической безопасности национальной

---

[72] Киняшева Ю.Б., Муращенков С.В. Конфликтогенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. – с. 14.

[73] Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: автореф. дис. … канд. полит. наук. Рн/Д, 2005. 4. Лалетин И.Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика: автореф. дис…. Рн/Д, 2013. – с. 11 – 12.

[74] Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the “Triggers” of Political Changes in Hibrid Regimes: the Cases of Tunisia, Marocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. - Pp. 241 – 242.

[75] Удальнов А.А. Protest public as a source o civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011 – 2012 // Право и политика. 2016. №3. - С. 388 – 396.

[76] Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. - С. 24.

[77] Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика (заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования, 2006. №1. – с. 38.

[78] Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис.2011. № 3. - С.79 - 80.

[79] Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the “Triggers” of Political Changes in Hybrid Regimes: the Cases of Tunisia, Morocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. - Pp. 252 – 253.

государственности в расчет не берется.

Очевидно, что в условиях сопротивления нелиберальной социально-политической среды такие протестные либеральные инициативы с большой вероятностью перерастают в деструктивные.

Данный сценарий был реализован в конце 1970-х – начале 1990-х гг. в ряде государств постсоветского блока, где стремительная либерализация новых государственно-политических элит способствовала отрицанию национальных традиций государственности и образованию ценностно-идеологического вакуума в системе властно-общественных отношений. В это время активными инициаторами и агентами политических изменений в незападных демократиях стали зарубежные неправительственные организации (их отделения и представительства). Под эгидой благотворительной и просветительской деятельности они широко использовали технологии «мягкого» влияния на общественное мнение, в этом смысле, нередко становясь наставниками и вдохновителями, а также и основными спонсорами, нарождающихся внутригосударственных организаций ННКО - сектора.

Поскольку общественные организации включают самых активных в социально-политическом плане граждан и обычно возглавляются лидерами общественного мнения, а наиболее горячими точками властно-общественного взаимодействия являются вопросы защиты прав человека, закономерно, что, впитав идеи и ценности либерализма, лидеры и члены правозащитных ННКО в незападных демократиях нередко становятся идейными оппонентами по отношению к любой власти (кроме ультралиберальной), а все попытки государства повлиять на характер их развития считают покушениями на их независимость. В итоге, появившйся в большинстве либерализовавншихся езападных демократий 1980-х – 1990-х гг. правозащитный некоммерческий сектор стал «протестной публикой», тиражирующей ультралиберальные гражданские инициативы.

Позднее, когда в борьбу за политическую власть в этих странах вступили более умеренные и конструктивные в плане обеспечения политической безопасности силы, ценностный конфликт либерально ориентированных правозащитных ННКО с властью и не либеральной по своей сути социально-политической средой вылился в открытое противостояние. Тогда деструктивный характер ультралиберальных инициатив проявлялся очевиднее. Проявлениями такой деструкции оказались, в частности, «цветные» революции (Грузия 2003, Украина – 2004, Киргизия – 2005 и др.), массовые акции гражданского протеста под предводительством либеральных лидеров общественного мнения, распространение оппозиционных (в духе ультралиберализма) по отношению к власти и ее представителям материалов, пропаганда (в том числе, в молодежной среде) идей и ценностей, направленных на подрыв основ национальной государственности[80].

Либерально ориентированные гражданские инициативы послужили деструктивной политической силой в имперский и ранний постсоветский периоды российской государственности.

Исследуя причины этого феномена, представители отечественной общественно-политической мысли Имперской России и эмигрантской мысли 1920 – 1930-х гг. отмечали упрощенное, поверхностное восприятие либерализма как политическими элитами, так и широкими слоями общественности.

«Среди многих идолов, поклонение которым погубило русскую интеллигенцию, — писал талантливый русский правовед и философ права Н.Н. Алексеев, — одним из самых главных является идол демократизма» [либеральной демократии – *Ю.Б.*][81].

---

[80] Рукина И.М., Анфимова А.Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Том 17. №1. - С. 119; Россиянам запретят сотрудничать с нежелательными организациями. Официальный сайт «Российской газеты». URL: https://www.pnp.ru/social/rossiyanam-zapretyat-sotrudnichat-s-nezhelatelnymiorganizaciyami.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 9.11.2023 г.)

[81] Вишняк М. Рец. на кн.: Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920 // Современные записки. - 1921. – Кн. III. - С. 274.

На эти же изъяны русского общественного сознания в начале прошлого века указывал Н.А. Бердяев, писавший в одной из своих статей, что в России, к сожалению, любят только простые и прямолинейные решения. В то время как на Западе, успевшем испытать многие политические формы, проблема демократии уже давно, отмечал философ, ставится очень сложно, в широких кругах русской интеллигенции демократические идеи и идеологии никогда не брались критически, демократия «представлялась чем-то определенным и простым», принималась как само собой разумеющаяся правда – она «должна принести всякие блага, должна освободить личность»[82]. Многие, например, верили (и продолжают верить сегодня), что для процветания отечества достаточно взять извне чужие учреждения с имманентно присущими им целями и пересадить их на русскую почву. Как ни странно, писал в этой связи Н.Н. Алексеев, но «вера эта роднит консервативного русского западника, поклонника западной дисциплины и порядка, с поклонником всеисцеляющей силы западного парламентаризма и со сторонниками коммунистического града, призванного водворить окончательное земное блаженство»[83].

Не только русские революционные радикалы и большевики во имя некой «бесспорной правды» свободы и демократии, «идущей на смену нашей исконной неправде», готовы были забыть, писал Н.А. Бердяев, что религия демократии, «как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером», может совершенно подавлять личность и не признавать её автономного бытия и что государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как и в самых крайних монархиях, а народовластие так же может лишить личность её неотъемлемых прав, как и единовластие[84]. Доктринерство, схематизм и упрощенчество не в меньшей степени были характерны и для

[82] Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. - М., 1990. - С. 226-227.
[83] Путь. 1923. №15. - С.110.
[84] Бердяев.Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. - М., 1990. - С. 226-227.

представителей русской либеральной мысли, и для более умеренных партий и движений в России[85].

Подобная наивность и «простодушие» отечественной общественной мысли не только не воспитали у русских людей способность разграничивать область политической мечты и область практически осуществимых мероприятий, но и с неизбежностью толкали русское общество на гибельный путь отвлеченных принципов и умозрительных теорий, идей и утопических инициатив. При склонности русского человека жить не столько рассудком, сколько «сердцем», эти идеи и принципы легко становились предметом веры и утопических мечтаний, тем более стойких и живучих, чем меньше они были доступны разумной критике. В то же время западническое происхождение идеалов не могло не привести к хронической для русского сознания «болезни антинационализма», к недооценке особенностей национальной культуры и национальной государственности, не только лишало общество собственной идеи, но и часто заставляло его, как заметил еще П.Я. Чаадаев, двигаться вперед по линии, не приводящей к цели.

Так, известным дореволюционным трудом о сущности общественного движения и его соотношения с государством стала концепция общественного права, разработанная видным русским юристом В.Н. Лешковым – одним из основателей общинной школы местного самоуправления. Автор концепции обосновал необходимость оградить самодеятельные организации народа и земское местное самоуправление от чрезмерной опеки чиновников, дать общественности свободно развернуть свою созидательную деятельность [86] . Однако, либеральный подход В.Н. Лешкова не нашел широкого распространения в отечественной дореволюционной научной мысли, поскольку был, по оценкам оппонентов, весьма далек от реальности и не имел основательной детализации. Напротив, труды более умеренных русских ученых-государствоведов (В.Ф. Дерюжинский, А.И. Елистратов, Н.Н. Белявский) посвящены вопросам регламентации

[85] Леонтович В.В. История либерализма в России. – Париж: YMCA-PRESS, 1980.- с. 83 – 84.
[86] См.: Емельянова И.А. «Общественное право» В.Н. Лешкова // Правоведение. 1987. № 6. – с. 68- 74.

свободы «вольных» обществ, союзов рабочих артелей в законодательных актах ведущих европейских стран и механизма их регулирования российскими законами и администрацией. Ряд работ содержит прикладные аспекты деятельности общественных организаций, таких как: регистрация обществ, составление их уставов, заявлений, порядок и формы отчетности (работы В.И. Чарнолуского, К.Г. фон Плато, Л.М. Роговина). Многие положения этих трудов легли в основу Временных правил в отношении вольных обществ 1906 г.

Вместе с тем, как отметил в своей статье видный русский административист Н.П. Ануфриев, со времен Екатерины II, когда в России появилась первая общественная организация, и до 1906г. политика правительства в отношении общественного сектора не претерпела значительных изменений, развиваясь в духе патернализма, а «дарованная сверху» возможность образования легальных частных обществ не превратилась в право[87].

Недостаточная институциализация поддержки и стимулирования гражданских инициатив и общественных организаций в Российской Империи XIX в. вовсе не означала отсутствие традиций и практик такой поддержки. В качестве примеров можно привести редакционные комиссии Александра II, которые с 1859 г. действовали по всей России как центральные звенья по сбору и проработке инициатив в области крестьянской реформы; свобода от цензуры, которой восхищались даже последовательные оппоненты «царизма»; демократизация земств и образовательных учреждений; судебная реформа с широким вовлечением общественности в осуществление правосудия[88].

Эти преобразования, несомненно, стимулировали рост гражданских инициатив «снизу» и давали основу для их исследований. Однако, они же расширили возможности революционной пропаганды, воспользовавшись которой, крайние идеологические течения быстро «отравили» сотрудничество между интеллигенцией (дворянами и разночинцами) и властью. Таким образом, институциональному вызреванию

[87] См.: Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. – М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917.
[88] Ольденбург С.С. Царствование Николая II. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 450 – 458.

общественных организаций и их инициатив в Российской Империи помешало развитие ультралиберальных и радикальных идейных течений и распространение их среди широкой общественности.

Стоит отметить, что лучшие писатели XIX в. были скорее с властью, чем с радикально настроенной интеллигенцией. Граф Л.Н. Толстой до конца 1980-х гг. печатался в «Русском вестнике» М.Н, Каткова. Ф.М. Достоевский, осознав заблуждения молодости, в «Бесах» с непревзойденной яркостью изобразил негативный, разрушительный дух русской революции и в «Дневнике писателя» отстаивал значение царской власти для России. А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, В.В. Майков, Н.С. Лесков были определенными противниками интеллигентского радикализма. А.Ф. Писемский во «Взбаламученном море» представил неприглядный очерк шестидесятников, и даже западник И.С. Тургенев в «Отцах и детях», «Дыме» и «Нови» изобразил так называемых нигилистов в малопривлекательном свете[89].

Однако, большинство образованных и полуобразованных слоев населения перенимали от Запада непременно самые крайние, либеральные и радикальные учения, распространяя их путем «хождения в народ». На исходе XIX в. огульная критика царизма стала частью политической риторики. Всякое возражение, направленное против левых, считалось «доносом», а любое одобрение или инициатива в поддержку власти неизменно влекло потерю авторитета, общественное порицание. Так, поздние пушкинские «Стансы» и «Клеветникам России» считались среди прогрессивной либеральной интеллигенции «позорными страницами» в творчестве великого поэта, толстовское рационалистическое христианство пользовалось гораздо меньшим успехом, чем отрицание государства как такового, а публичная лекция В.О. Ключевского, посвященная памяти Александра III, вызвала враждебные нападки со стороны студенчества.

В данном контексте тем более ценно, что именно имперская бюрократия стала во многом «архитектором» политико-правовых реформ в отношении расширения гражданских прав и свобод в дореволюционной Российской Империи, в том числе и в

[89] Политология: учебник / под ред. С.Г. Киселева. – М.: ТК «Велби», изд-во Проспект, 2008. – С. 212.

вопросе реализации прав граждан на свободу собраний, союзов.

Так, для воплощения намерения Императора Николая II даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, в том числе свободы собраний и союзов (Манифест 17 октября 1905 г.)[90], была проведена масштабная работа правительства по составлению Временных правил об обществах и союзах[91]. Проект закона составлялся с учетом опыта Англии, Германии, Франции, США и Австрии в отношении регулирования частных объединений, а также работ авторитетных государствовдов: Л. Фон Штейна, Г. Мейера, Г. Блунчли, широко обсуждался на высшем государственном уровне, с привлечением различных политических сил. Временные правила инкорпорировали и кодифицировали все разнородные нормы, определяющие создание и деятельность общественных организаций Российской Империи. Наиболее сложным в рамках Временных правил явилась задача сочетать свободу частных союзов с требованиями обеспечения безопасности общественного порядка. Изначально либеральный проект Временных правил предусматривал свободу регистрации частных союзов, а также судебный порядок рассмотрения дел об их ликвидации. Однако, по настоянию министра внутренних дел П.Н. Дурново, Императором была принята более консервативная версия проекта, в соответствии с которой полномочия по регистрации и прекращению деятельности обществ частной инициативы передавались губернским (городским) присутствиям по делам об обществах. Это не только ставило общественные организации в зависимость от воли губернторов (как утверждали либерально настроенные критики), но и способствовало усилению профессионализма региональной бюрократии, а также предоставляло ей возможность реального контроля за состоянием и динамикой развития общественных структур на территории. По оценке исследователей, такая политика характеризовала бюрократию Российской Империи как

[90] Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, обнародованный 17 (30) октября 1905 года / Список актов конституционного значения 1600 – 1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/ (дата обращения: 06.05.2025 г.)

[91] Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах 1906 г., марта 4 / Список актов конституционного значения 1600 – 1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/?ysclid=mrtla23e4542764758 (дата обращения: 06.05.2025 г.)

«просвещенную» (т.е. стремившуюся сочетать государственный интерес, порядок, стабильность и реформы) [92] и «профессиональную» [93], способствовавшую развитию буржуазной демократии в Российской Империи.

Вместе с тем, эти правила, как и политика правительства вообще, критиковались сторонниками ультралиберальных идей, которые т.н. народники и революционеры пытались реализовать в форме радикальных инициатив. Это существенно ослабило самодержавную власть, лишило ее народной поддержки, что и явилось одним из ключевых факторов гибели Российской Империи.

Пожалуй, по-настоящему все эти проблемы стали осознаваться русским образованным обществом только после неудачи первого опыта демократии в России, после поражения Февральской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков. Убеждение в утопичности русского конституционализма разделялось большинством русской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. При этом в критике «современной секулярной демократии» русские эмигранты не ограничивались указанием на ее слабые стороны: недостаточное идейное обоснование и обеспечение свободы, несовершенство ее политической организации. Многим тогда казалось, что демократии, «скомпрометировавшие» себя своей неспособностью предотвратить нарастание кризиса власти и анархии в западных обществах, изживают себя и что «правые» оказались правы, когда задолго до победы большевиков в России предрекали, что либералы у власти будут лишь предтечами анархии и революции. Как писал Ф.А. Степун, февральская революция «не решилась использовать антидемократические средства для обуздания Ленина, заняв привычные ей (демократии) формально-демократические принципы, она, забыв о реальной свободе, принялась страстно и многословно защищать принципологию демократии, параграфы Учредительного собрания». По

[92] Вчисло Ф. Рассказы об императорской России. Жизнь и время Сергея Витте. 1849-1915. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2011. XIV. – С. 97.

[93] Walkin J. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia The rise of democracy in pre-revolutionary Russia: Political and social institutions under the last three Czars. London: Themza and Goodzon. 1963. –P. 112.

мнению автора, трагедия русской демократии «не была в достаточной мере понята и учтена Западом». Главными причинами большевизма в западных странах явились «либеральная пустогрудость, демократическая вера в свободу, не верующая в освобождающую истину, и слепая борьба непримиримых друг с другом точек зрения»[94].

Так или иначе, русские эмигранты тяжело переживали «тягостные», по словам И.А. Ильина, месяцы семнадцатого года, «обреченность этого безволия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с истерической мечтательностью» [95] . Даже в поражении германской демократии, в антидемократическом циклоне, бушующем над Европой и приведшем к чудовищному попранию прав личности, многие эмигранты склонны были искать «не реабилитацию русской демократии, а изобличение всякой демократии как системы». Ибо если демократия не предохранила от погрома инакомыслия и разгрома культуры, то какова ей цена? Если Гитлер пришел к власти легально, на выборах — «не свидетельствует ли это против системы всеобщего голосования?»[96].

Это разочарование в либеральной демократии толкало русских эмигрантов к ретроспективной идеализации дореволюционного прошлого, увлекая многих из них к «родным осинам», к разным видам автократии. На этом была основана ненависть русской эмиграции к левой интеллигенции, особенно к ее вождям А. Керенскому и П. Милюкову, «олицетворявшим приведшие к гибели России «маниловские» мечтания о демократии»[97].

Однако не в этом заключался подлинный смысл начавшегося в эмиграции критического переосмысления возможностей и путей демократического развития России, активизации конструктивной роли общественности. Наиболее дальновидные из ее представителей были убеждены, что будущее

---

[94] Вишняк М. Политика и миросозерцание (О «русском социализме») // Современные записки. – 1928. – Кн.: XXXVI. - С. 49.
[95] Ильин И.А. Памяти Новгородцева // Русская мысль. – 1923-1924. – Кн. IX-XII. - С. 373.
[96] Вишняк М. Против течения // Современные записки. – 1933. – Кн.: LII. - С. 393.
[97] Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Репринт. воспроизв. изд. Нью-Йорк, 1956. – М., 1992. - С.41.

России не в слепом копировании западных образцов и учреждений, а в нахождении собственных путей развития. В этом смысле важными и значимыми следует признать многие наблюдения русских эмигрантов по вопросу о путях преобразования постбольшевистской России, которая могла возродиться, по мнению большинства из них, только на основе синтеза идей свободы, российской исторической традиции и христианской нравственности. Они неизменно подчеркивали отличие российского пути от западноевропейского, призывая учитывать это своеобразие при строительстве новой России.

Советские исследователи изучали вопросы соотношения общественных организаций и власти с позиции классово-партийного подхода, в соответствии с которым право на объединение постулировалось как исключительный феномен буржуазных государств, где оно принадлежало лишь отдельным привилегированным социальным группам, а демократические слои населения легальных организаций практически не имели. В 1960-е гг. научный интерес к общественному движению стимулирует коммунистическая партия. На XXII съезде КПСС в разделе программы, посвященном совершенствованию общественных отношений в советском социуме, отмечалась необходимость повышения роли общественных организаций, в том числе и добровольных, в жизни страны [98] , «коммунистическом строительстве» [99] , «строительстве социализма» [100]. Таким образом, общественно-политическая мысль советского периода постулировала демократический централизм в качестве единственно возможного режима существования и инициативной деятельности общественных организаций в СССР.

Как показывает развитие событий в российском обществе постсоветского периода, здесь многие представители русской эмиграции не только оказались

[98] Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. – М.: РАН, 1977. – С. 29.
[99] Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972.- С.32-33.
[100] Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Дис. . докт. ист. наук. М., 1986. - С. 13

во многом правы, но были в некотором смысле провидцами. Многие из них уже тогда предупреждали о возможных отрицательных последствиях стремительной капитализации посткоммунистической России, а также об опасности поспешного и бездумного разрушения тех организационных форм, которые сложились в сельском хозяйстве страны после Октябрьской революции[101].

К сожалению, лишь немногим в то время был близок тот «мудрый лозунг», о котором в своей эмигрантской статье писал И.А. Ильин: «Налево надо идти не политически, а социально».

Постсоветская Россия в процессе своего политического развития вновь попала в историческую ловушку, последовательно преодолевая уже знакомые этапы либеральной демократизации по-русски: искоренение всего наследия прошлого, как безусловно ненужного багажа в «светлом демократическом будущем»; провозглашение «принципиально новой, демократической правды» и поклонение ее идеалам; ослабление государственной власти и ее передел; усиление в обществе депривации, вызванное обострением ощущения несправедливости либерального государственно-политического устройства[102].

Вытеснившие дряхлых идолов «развитого социализма» идеи о либеральной демократии были восприняты широкими слоями населения с - увы, обычным для России беспочвенным оптимизмом по отношению ко всему западному. И постноменклатурная политическая элита, и диссидентская интеллигенция с упоением осваивали новый либерально-демократический лексикон, ратуя за абстрактные, но радикальные «перемены» в общественно-политической практике. О необходимости конкретизации цели и способов внедрения этих либерально-демократических перемен говорили в начале

[101] Жукова Л.А. Земское самоуправление и самодержавие на рубеже веков // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 17. - С.234-240

[102] Гимазова Ю.В., Омельченко Н.А. Российский опыт взаимодействия органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 11. - С. 29.

1990-х очень немногие. Теоретической основой либерализации постсоветской экономики стали монетаристские идеи, причем в их вульгаризированном, упрощенном пересказе.

Носителями упрощенных идеалов либерализма оказались многие представители научной и творческой интеллигенции. Предлагаемые авторитетными советскими учеными модели реформирования экономики, предусматривающие постепенный переход советской хозяйственной системы на рыночные рельсы с сохранением элементов экономического и административного централизма, критиковались главным образом за антилиберальный подход. Научные исследования, авторы которых предостерегали от революционной неосмысленной либерализации, высмеивались за доктринерство. Все лозунги политических лидеров, программы партий и общественно-политических движений формулировались с активным использованием либерально-демократического лексикона.

Общество также увлеклось ультралиберальными идеями преобразования постсоветской России. Всем хотелось «перемен», свободы, при этом немногие задумывались над вопросом о цене преобразований, о соотношении целей и средств процесса демократизации государственности.

Поверхностное отношение к идеям либерализма отразилось и на государственной политики в аспектах: суверенизации ее территорий, разрушения десятилетиями устоявшиеся административно-территориальные связи между регионами [103] , применения мер «шоковой терапии» к централизованной экономике.

В то же время, вера в демократию явилась главной причиной безоговорочной поддержки «либеральной революции» массами в начале 1990-х гг. По данным ВЦИОМ, явка избирателей на выборы Государственной Думы Федерального Собрания российской Федерации 1994г. составила 90% -

[103] Морозова Е.Г., Фалина А.С. Традиции и новации в практике рыночно ориентированных административных реформ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4.- С. 68.

цифра недостижимая даже для стран западной демократии. Однако уже на следующих парламентских выборах процент явки стал стремительно падать - увлеченность масс либерализмом сменилась депривацией и политической апатией. Праздник свободы закончился. Как справедливо отмечает профессор Н.А. Баранов, «опыт демократизации 1990-х гг. свидетельствует о неприемлемости идей классического либерализма в политической практике современной России. Российский народ отвергает идеи индивидуализма, нерегулируемого рынка, как несоответствующие российским традициям и менталитету»[104].

Провал ультралиберальных радикальных реформ заставил отечественную социально-политическую науку и экспертное сообщество более внимательно и «почвенно» рассмотреть проблематику демократизации России, вспомнить и переосмыслить все сказанное, а также попытаться понять друг друга в споре о судьбах демократии вообще и русской демократии, в частности.

Основываясь на результатах ретроспективного анализа попыток либерализации России, сегодня все больше исследователей приходят к сентенции, в соответствии с которой для России умеренно-консервативная государственная политика в отношении гражданского общества и поддержки его инициатив, разрабатываемая и реализуемая с опорой на ценности национальной государственности, наиболее перспективна, как с точки зрения поддержки этих инициатив властью, так и с позиции обеспечения политической безопасности и развития человеческого капитала.

Обогатившие данную концепцию идеи являются своего рода интеллектуальными гражданскими инициативами, адресованными как представителям власти, так и широкому кругу общественности, вовлеченной в процесс развития российской государственности в условиях возрастающей

[104] Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Либеральные тенденции в массовом политическом сознании // URL: society.polbu.ru (дата обращения: 20.02.2023 г.)

потребности обеспечения политической безопасности.

Изложенное обусловливает необходимость более тщательного исследования идейных и ценностных основ гражданской активности в современной России.

1.2. Методология исследования конструктивных гражданских инициатив российских социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций

Совершенствование инструментария исследования российских СО ННКО должно исходить из практических соображений повышения эффективности государственной политики в области стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Как было аргументировано выше, такая политика должна опираться на ценностные основы национальной государственности, определяющие специфику государственно-общественных отношений и устойчиво разделяемые как властью, так и общественностью.

Применительно к России, следует подчеркнуть несовпадение этих ценностей с идеалами американской и европейской демократии, послужившими идейным и научным фундаментом разработки и реализации государственной политики в отношении ННКО в США и странах Западной Европы.

Так, для американской школы исследования третьего сектора характерна традиция объяснения феномена массовых движений 1960-х гг. в США с точки зрения ценностей политического индивидуализма. Эта либеральная, индивидуалистическая традиция восходит к философскому наследию Дж. Локка и А. Смита, согласно которым общество состоит из автономных субъектов, которые по собственной воле объединяются в коллективы. Таким образом, общественные организации здесь трактуются как результат взаимодействия индивидов и их групп, отстаивающих индивидуальные нематериальные права, преследующих личные интересы в условиях социальной напряженности. Основной причиной возникновения и институциализации общественных организаций в рамках американской научной школы считаются мотивы индивидуального, рационального участия, а само общественное движение рассматривается как сумма действий

индивидов или социальных групп.

Ментальный либерализм во многом обусловливает вторую особенность осмысления американскими учеными и общественными деятелями СО ННКО - пессимизм относительно роли и места «третьего сектора» в масштабных политических процессах, таких как: обеспечение открытости политической системы, трансформация социально-политических взглядов общественности. Так, в соответствии с заключениями основателя американской политологической школы общественных движений Г. Блумера, американские социальные движения ориентированы (за редким исключением) на достижение локальных конкретных целей (single-issue), а не на масштабные преобразования общественной системы и национальной государственности[105]. Действительно, для большинства американцев – ученых или обывателей – их государственно-политическая система является эталоном, а посягательство на него в глазах общественности квалифицируется как аномалия, а иногда и как тяжкое государственное преступление.

Любые политические инициативы ННКО рассматриваются американской научной школой с позиции психологии массового движения. Данная методологическая позиция прослеживается в работах Р. Тернера, Л. Киллиана, К. и Г. Ланги, Д. Гусфилда, Д. Сноу[106].В соответствии с концепцией Г. Блумера, элементарной формой коллективного поведения является социальное беспокойство, из которого посредством «цепной социальной реакции» происходит формирование толпы[107]. Эта сентенция дала основание для определения Н. Смелзером коллективного поведения как «одного из типов социального действия, целью которого является попытка изменить социальное окружение»[108]. В этой связи вполне объяснимо, что национальная политика США по отношению к некоммерческому сектору и его инициативам

[105] See: Blumer H. Social movements // Studies in social movements. – N.Y. 1969.
[106] Turner R., Killian L. Collective behavior. N.Y. 1972; Gusfield J. Social movements and social change: perspective of linearity and fluidity.- Chicago. 1978. – p. 174.
[107] Blumer H. Social movements // Studies in social movements. – N.Y. 1969. – p.203.
[108] Smelser N. The theory of collective behavior. – N.Y. 1963. – p.106.

полностью соответствует изложенной научной концепции: политическая и социальная сфера четко разделены, государством созданы все условия для СО ННКО; однако над «политическими» ННКО установлен жесткий государственный контроль. Узкоприкладной характер научного менталитета объясняет преобладание преимущественно прикладных методов научного исследования ННКО представителями американской школы. В качестве примеров можно привести: модель относительной депривации Дж. Дэвиса (или «кривая J»), которая получила широкое распространение в 1960-х гг. в США и придала изучению общественных движений социально-психологическую направленность; антерпренерскую модель мобилизации ресурсов М. Олсона, которая основана на «жестком», количественном, организационно-управленческом подходе к объяснению сущности общественного движения. Широко использовавшаяся как в США, так и в 40 странах по всему миру, методология исследования третьего сектора Университета Джонса Хопкинса Л. Саламона и Х. Анхайера о состоянии и динамике третьего сектора[109] , несмотря на несомненную ее востребованность благодаря преимущественно количественным параметрам оценки третьего сектора, не слишком чувствительна к некоторым качественным аспектам ННКО как институтов гражданского общества, и потому характеризуется как несколько ограниченная и односторонняя[110].

Европейский стиль исследования ННКО отличает от американской макроанализ. В фокус исследования, помимо принципа индивидуализма, включаются политико-культурные ценности европейской государственности западноевропейских сообществ (религиозные, этнические, историко-культурные и т.д.), а также идеи и цели постиндустриального общественного развития. Основу западноевропейской концепции осмысления СО ННКО

[109] См.: Лестер М. Саламон, Хельмут К. Анхайер. Появляющийся сектор. Новые данные. - Центр исследований гражданского общества Института исследований политики Университета Джона Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США .- 1994.

[110] Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством /под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – с. 63.

составляют работы Ю. Хабермаса, А. Гидденса, А. Турена, Ф. Пивена, Д. Рухта. Дальнейшее развитие данной научной школы связано, в первую очередь, с именами виднейших немецких и французских политологов и социологов: К. Оффе, Д. Рухт (Германия), А. Турен (Франция), А. Мелуччи, А. Пиззорно (Италия)[111]. В рамках западноевропейской научной парадигмы, общество рассматривается как метасистема, с позиции долгосрочных перспектив и масштабных исторических процессов. Соответственно, изучая общественные движения, европейские исследователи концентрируют внимание на макросоциальных переменных, изучают роль движений в исторических трансформациях, соотносят их с определенными социальными силами, ценностями, цивилизационными традициями и нормами. Неслучайно в фокусе европейских исследователей – т.н. Новые общественные движения Западной Европы 1970-1990-х гг., развивающиеся в странах с различной историей и политической культурой, имеющие различную логику государственно-общественного развития. К Новым движениям относят, как правило, пацифистское, экологическое, антиядерное, женское, глобалистское и антиглобалистское, т.е. те, которые ориентированы на поиск новых политико-культурных ценностей, или «новой идентичности» в условиях постмодерна. В отличие от прагматичной и склонной к социально-психологической редукции американской исследовательской школы, западноевропейские исследователи активно используют макроанализ, конструируют методику поиска социально- и политикокультурных детерминант изменений в обществе. Сами общественные организации рассматриваются как индикатор появления нового общества, с одной стороны, и как движущий фактор его формирования – с другой. Так, Новые общественные движения отрицают доминирующие ценности общества модерна (принципы экономического роста, национального государства,

[111] См.: Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. №8. – с. 35 - 41.

товарного производства), взамен утверждая в качестве базовых ценностей индивидуальный стиль жизни (life-style), автономию (autonomy) и идентичность (identity). Эти новые ценности преломляются в организационных структурах и инициативах Новых общественных движений. При этом, общественные организации рассматриваются именно как норма новой, постиндустриальной социальной жизни, как конструктивное, созидательное начало Новой реальности. Такой «широкий» научный взгляд на общественные движения отчасти объясняется их расширенными политическими возможностями по сравнению с американскими организациями третьего сектора. Действительно, в ряде стран Западной Европы социальная и политическая активность общественного сектора не разделены государством институционально, нормативно, организационно. Это, в частности, дало возможность некоторым авторитетным НКО в странах Западной Европы (профсоюзам, движениям «зеленых») стать реальной политической силой (влиятельными партиями) в конце XXв.

Идеи парадигмы Новых общественных движений послужили методологической основой проекта CIVIKUS – НПО, которая с 1993 г. занималась проблематикой гражданской активности и гражданского общества во всем мире. Один из проектов CIVIKUS – индекс состояния гражданского общества – предполагает широкий, количественно-качественный подход к измерению и оценке гражданской активности , включая не только формально институциональные аспекты исследования (количественные параметры ННКО, состояние законодательства), но и качественные характеристики гражданского общества (ценностные ориентации, специфика культуры, типы взаимодействия между государством, ННКО и бизнес-сектором). Расчет индекса состояния гражданского общества более чем в 50 странах, хотя и вызвал некоторые затруднения в области стандартизации данных, помог приблизиться к пониманию того, «что делает гражданское общество гражданским: огромный ресурс общности и солидарности, основанный не на

институционально оформленных организациях, а на общих ценностных ориентирах»[112].

Позволяют выявить особенности российского гражданского общества, а следовательно, и определить приоритеты его исследования, результаты исчисления индекса CIVIKUS в России в 2004 г. При приблизительно одинаковых оценках по таким параметрам состояния гражданского общества и внешней среды, как «структура», «среда» и «воздействие», по параметру «ценности» была выявлена более высокая оценка[113]. Это может указывать на приоритетность ценностного компонента существования и развития российского гражданского общества при относительной неразвитости его формально-институциональных компонентов.

Валидным в контексте исследования специфики отечественного феномена СО ННКО является ЯН-индекс, разработанный В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской для мониторинга и оценки степени «зрелости» институтов публичной политики (в т.ч. ННКО) в сравнении с качеством среды (в т.ч. демократичности процедур, механизмов гражданского участия и контроля ННКО). Исчисление данного индекса в регионах России позволило сделать выводы о недостаточном (с точки зрения респондентов – представителей трех секторов) уровне развития институциональной среды для ННКО, в аспектах проявления и реализации ими гражданских инициатив[114].

Идеи активного стимулирования государством общественно-политических инициатив содержатся в трудах ученых - представителей имперской, эмигрантской, советской и постсоветской России. Их творчеству присущи следующие особенности: широта политического менталитета (что существенно сужает диапазон применимости по отношению к ним традиционной

[112] Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством /под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – с. 56.
[113] Proskuryakova L., Vandisheva E., Belyaeva N., Bychkova E. CIVIKUS civil society index. Report for the Russian Federation. 2005. Strategy – Yigher School of Economics. – p. 88.
[114] См.: Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов публичной политики // Власть. 2015. №6. – с. 16 – 22.

шкалы идеологической принадлежности); масштабный подход к выбору научного инструментария исследования; недостаточная проработанность предлагаемых концепций на инструментальном, методическом, технологическом уровнях (за исключением отдельных работ постсоветского периода).

Обращаясь к инструментарию изучения общественного движения и гражданских инициатив в России, следует отметить недостаточную эффективность институционального подхода. Данное обстоятельство можно объяснить спецификой феномена гражданских инициатив общественного движения в России. Богатый и самобытный опыт российской общественной самодеятельности (от крестьянских общин и институтов «помочей» до государственно-общественных консультативных органов при властных структурах и должностных лицах) не соответствует низкому уровню институциализации общественно-политических практик и инициатив. Впервые власть легализировала организационно-правовую самостоятельность общественным движениям только в 1906 году, после октябрьской революции общественные организации стали «придатком» государства, и лишь в 1994 г. власть вновь статуировала их в федеральном законодательстве, а сама государственная политика в отношении ННКО за постсоветский период неоднократно претерпевала кардинальные изменения. Эти обстоятельства несколько сужают диапазон применимости институционального подхода к исследованию российских СО ННКО и их инициатив. Институционализм «дает сбои», оказывается несостоятелен в объяснении неудач и противоречий на пути развития российских СО ННКО как общественно-политического явления, устойчиво воспроизводящего свои функции в национальной политической системе.

Существенно сужен диапазон валидности сравнительного анализа СО ННКО –сектора в России с третьим сектором в США и Западной Европе. Большинство российских исследователей, беря за эталон систему и нормы властно-общественных отношений в либерально-демократических странах,

просто сравнивают то, каким «должен быть» третий сектор в России (апеллируя к американскому и европейскому опыту и теоретическим концепциям в области теории организации, экономики общественного сектора, научного знания о государственном управлении) с тем, «каков есть» российский третий сектор в российской действительности (статистика о состоянии и развитии СО ННКО в России), при этом, часто ограничиваясь констатацией причин неудач, либо предлагая локальные, «технологические» рекомендации, эффективной реализации которых будет, вероятнее всего, препятствовать политико-культурный контекст взаимодействия государства и общества в нашей стране.

Низкая валидность институционального и сравнительного подходов (если сравнение происходит с третьим сектором в США и Западной Европы) к исследованию российских СО ННКО дает основание для интенсификации использования политико-культурного метода при анализе феномена российского общественного движения и гражданских инициатив[115].

Основу политико-культурного метода при изучении оснований функционирования различных политических систем разработали Г. Алмонд и С. Верба, включив в фокус политологического исследования политические ценности, мотивации, ориентации субъектов политики и индивидов, с целью преодоления ограниченности институционального подхода в социально-политических исследованиях[116]. Однако, применяя политико-культурный подход к исследованию культурно-ценностных ориентаций российских СО ННКО, следует учесть, что концепция Г. Алмонда и С. Верба страдает определенной бинарностью, поскольку образцовой гражданской культурой и

[115] См.: Баталова Ю.В. Политико-культурный подход к изучению российского феномена социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций / Политика, власть, технологии, коммуникации в условиях глобальных изменений: материалы III Московского политологического форума / под общ. ред. А.Ю. Трубецкого, С.В. Демиденко, М.А. Бурды, Е.А. Дориной. – М.: АНО «Академический альянс». – 216 с. 2026 г. file:///C:/Users/Julia/Downloads/Макет%20МПФ%20сборник%2029.07.2026.pdf (дата обращения: 05.08.2026 г.)

[116] See: Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Newbury Park. 1989. 240 p.

политическим менталитетом они считали общества с либеральным менталитетом и сравнивали друг с другом все доступные им объекты «здесь и сейчас», без учета их исторического, этнического, социокультурного развития. В этой связи, представляется необходимым дополнить разработанный Г. Алмондом и С. Верба подход концепцией «культурной геологии» Д. Элазара, справедливо полагавшего, что политическая культура в рамках каждой государственности складывалась на различных этапах развития государственности, и потому при ее анализе следует учитывать исторические аспекты[117].

Учитывая изложенное, при использовании политико-культурного подхода к изучению предмета данного исследования автор исходил из цивилизационной парадигмы государственно-общественного развития, а также использовал исторический метод, исследуя политико-культурные ценности и установки российской общественности на различных этапах развития российской государственности.

Солидарность в отношении несостоятельности либерально-демократической парадигмы применительно к незападным демократиям выражают современные западные ученые. Так, широко известная концепция исторических моделей демократии, разработанная Р. Далем, предполагает в качестве одного из ключевых критериев различия именно культурно-историческую идентичность различиях сообществ в разные эпохи[118]. К. Ханн, справедливо отмечая, что «дискуссии о гражданском обществе до сих пор слишком ограничены современными западными моделями либерал-индивидуализма», предлагает перенести эти дискуссии в плоскость «изучения ценностей и верований в повседневной практике»[119]. Представляется, что речь

[117] Elazar D.J. Globalization Meets the World's Political Cultures. – URL: https://dje.jcpa.org/articles3/polcult.htm (дата обращения: 03.12.2025 г.)
[118] См.: Р. Даль. Демократия и ее критики. / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 576 с.
[119] Hann Ch. Introduction: Political Society and Civil Anthorapology // Civil Society: Challenging Western Models / Ed. by Ch. Hann and E. Dunn. London. N 4: Routledge. 1996. 260 p. - p. 14

идет не просто о повседневных практиках, а об особом, отличном от либерально-демократического, общественно-политическом устройстве незападных демократий.

Основываясь на идеях Н.Я. Данилевского[120], О. Шпенглера[121], П. Сорокина[122], А. Тойнби[123] и других ученых-цивилизационистов, отрицавших возможность развития социума как единой общечеловеческой цивилизации, современной российской политической науке посредством политико-культурного метода еще предстоит выявить и осмыслить закономерности и проблемы генезиса российского НКО – сектора с учетом особенностей отечественной государственности, понимаемой как «состояние признания принадлежности граждан своему государству, связи с ним»[124].

Сегодня такой подход активно разрабатывается российскими учеными в аспекте теоретического обоснования цивилизационной идентичности российской нации и приоритетной роли российского государства в ее укреплении[125]. Действительно, применительно к современной России идея национального государства (в ее современной, постмодернистской интерпретации the modern nation-state – la patrie) является основой политической интеграции. Актуализация этой идеи в политической науке и практике позволит примирить многомерное, многоуровневое российское сообщество, гармонизировать все «идентичности» россиян (гражданскую, этническую, конфессиональную, региональную) и снизить, таким образом, идентификационную конфликтогенность гражданского общества[126].

---

[120] См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому. М.: Известия, 2003. 605 с.

[121] См.: Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 1: Гештальт и действительность. 663 с., т. 2: Всемирноисторические перспективы. 606 с

[122] См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

[123] См.: Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

[124] См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – 752 с.

[125] См.: Коряковцева О.А., Баранов Н.А., Бугайчук Т.В., Кузина С.И., Никовская Л.И., Попова О.В. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт. Коллективная монография. Ярославль, 2022г. – 179 с.

[126] Никовская, Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект. // В сборнике: Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. 2018.– С. 648.

Несмотря на отсутствие специальных исследований в области идейно-ценностной конфликтогенности среди российских ННКО, изложенные выводы представляются справедливыми применительно к некоммерческому сектору в России. Только обоснованность гражданских инициатив российских СО ННКО константами цивилизационной идентичности будет способствовать конструктивизации их деятельности, поможет нивелировать «пафос» либерально-демократических идей, профилактировать риски вакуума подлинного социально-политического лидерства, обоснованного ценностями российской государственности.

Запрос на актуализацию процесса культурно-ценностной самоидентификации российского общества под эгидой государства сформирован со стороны высшей политической власти России.

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»:

- обозначено, что традиционные ценности лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство (п. 4);

- к числу традиционных ценностей отнесены: права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм (п. 5);

- отмечена особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей (п. 6);

- подчеркнуто, что осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность (п. 8);

- отмечено, что государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей осуществляется при участии институтов гражданского общества (п. 9)[127].

Запрос на определение и артикуляцию ценностных ориентиров проявления гражданских инициатив актуален для современного российского третьего сектора. Еще в начале – середине 2010-х гг. исследователи отмечали противоречивость характера гражданской активности россиян и их объединений как следствие выявленной еще Н.А. Бердяевым антинонимичности, «расколотости» политической культуры, с противоположными ценностями, целями, установками [128] . Социально-политическая активность россиян и их объединений характеризовалась как «парадоксальная», представляющая собой «активность без идеала или инструментальный активизм, направленный на достижение непосредственных целей»[129]. Отмечалось, что, с одной стороны, «точечный» характер деятельности граждан и ННКО часто порождает инициативы «одного требования», не ориентированные на получение долгосрочного значимого результата; с другой стороны, ННКО, сосредоточенные на решении постоянно актуальных проблем социальных групп, «бьются за себя и свои интересы в одиночку», не создавая горизонтальных ассоциативных сообществ [130] . Выявлялась также проблема формирования набора деструктивных практик в сегменте ННКО [131] . Учитывая долгосрочный характер динамики социально-политических процессов, связанных с развитием властно-общественного взаимодействия, логично предположить,

[127] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

[128] Воронцова Т.Н. Противоречивость гражданской активности россиян // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2017. № 1 – 2 (23). – с. 56.

[129] Стрaдзе А.Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. - С.49.

[130] См.:Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. - 2010. - № 1. – С.45-66.

[131] См.: Смирнов В.А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. - С. 62-69.

что выявленная в 2010-х гг. проблема неосознанности смысла, культурно-ценностного содержания гражданской активности при несомненной предрасположенности россиян и их объединений к социально-политической деятельности не вполне преодолена и сегодня.

Пытаясь отчасти восполнить данный пробел посредством применения политико-культурного метода к исследованию предмета данной работы, проанализируем идейно-ценностные основы формирования и развития гражданских инициатив в российском третьем секторе.

Основополагающей ценностью властно-общественного взаимодействия, выявляемой большинством русских ученых и экспертов, является **идея сильной, авторитетной государственной власти, поддерживаемой народом и опирающейся на духовно-нравственные идеалы.**

В современной зарубежной литературе эта идея интерпретируется (с определенными оговорками) в рамках терминологии «сильного государства», что отчасти вызвано прогрессирующим кризисом либеральных концепций, выводами о хрупкости, уязвимости либерально-демократического режима вследствие ограниченности его влияния на общество, низкой способности к политической мобилизации [132] . При этом, все больше зарубежных исследователей, анализируя политические процессы в незападных демократиях, приходят к выводу об ошибочности отождествления сильной государственной власти с авторитарным или полуавторитарным политическим режимом[133].

Поддерживая данный тезис, следует отметить, что в отечественной умеренно-консервативной мысли сильная Россия не ассоциировалась с деспотичным, этатистским режимом. Синонимом сильного российского

[132] See: Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2007; . Sorensen G. Democracy, authoritarianism and state strength // The European Journal of Development Research. 1993. Vol. 5. P. 6–34; Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. P. 649–676

[133] Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. URL: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2016/06/02_ weak_states_index.pdf (дата обращения: 21.01.2023 г.).

государства исследователи считали русскую самодержавную монархию, которая на протяжении более чем трех столетий доказывала свою состоятельность и эффективность в политической и социально-экономической сферах и, как замечали даже оппозиционно настроенные зарубежные историки и политические деятели, обладала огромным позитивным для органичного развития России потенциалом в начале XX в.[134]

Самодержавие понималось как власть царя, опирающаяся в своем утверждении и осуществлении на сословно-представительные учреждения, структуры территориального самоуправления, Русскую Православную Церковь. При этом подчеркивалось, что данные учреждения могут выступить и ограничителями царской власти. Среди качественных характеристик самодержавия выделялись: надклассовый характер царской власти; наличие сословно-представительного и нравственно-религиозного контроля за главой государства; примат коллективистских начал над индивидуалистическими в обществе; «служилый» характер властно-общественных отношений; отличное от принятого в римской цивилистике отношение к собственности, правам личности, государственным институтам. Самодержавие – это «согласие», «полифония», а не разделение власти или произвол одного человека. По меткому выражению В.О. Ключевского, московские цари «имели власть над людьми, но не имели власти над учреждениями»[135], т.е. Церковью, Земским Собором, Боярской Думой. Выражение Ключевского о том, что Петр I «заменил самодержавие самовластием», как нельзя лучше характеризует отличие в русской научной и публицистической мысли самодержавия от всех иных форм сильного государства[136].

Сильная самодержавная власть ни в коей мере не противопоставлялось идеалам правового демократического государства. Так, в концепции И.А.

---

[134] Churchill Winston. The World Crisis. 1916 – 1918. Vol. 1. – London, 1927. Pp. 223 – 225; Preyer W. Die Russische Agrareform. – Jena, 1914. - P. 38; Thery Edmond. La Transformation Economique de la Russie. – Paris, 1914. – p. 4; Baron Alexandr Meyendorf. The Background of Russian Revolution. – New York, 1928. – P. 35.
[135] Ключевский В.О. Курс российской истории. Лекция 50. – М.: изд-во «Вече», 2002. – с. 541.
[136] Политология: учебник / под ред. С.Г. Киселева. – М.: ТК «Велби», изд-во Проспект, 2008. – с. 196 – 197.

Ильина путем диалектического метода ценности самодержавия синтезированы с ценностями прав и свобод человека, активной и духовно богатой общественно-политической жизнью[137]. Государство, воплотившее эти идеи, по мысли великого русского философа, способно противостоять многим внешним угрозам и вызовам, защитить граждан, их политические права и свободы, от разного рода посягательств, поскольку только сильная, «Богом избранная» и поддерживаемая верой народа самодержавная власть одна и способна гарантировать и защитить ценности свободы личности и демократии.

Несмотря на то, что сегодня идея реставрации монархии в нашей стране может всерьез выдвигаться лишь поборниками крайне правых, радикальных политических течений, идеи И.А. Ильина находят широкий отклик у представителей социальной науки. В профильных исследованиях подчеркивается, что залогом силы государства является «общее признание морального и юридического права государства на власть, исполнение его законов и правил»[138]; указывается, что «государства делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее общеразделяемым чувством национального самосознания, когда каждое живущее в этом государстве поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность этому государству как к своему Отечеству» [139] . Актуализация этих идей представляется наиболее перспективной для современной России с позиции синтеза следующих «политических» констант: сильная, опирающаяся на народ и периодически переизбираемая им демократическая власть; развитое гражданское общество; реальная способность власти организовать и мобилизовать население (в том числе посредством государственной идеологии); национально

[137] См.: Ильин И. А. Собрание сочинений, т. IV, М., 1994 г.
[138] Анатоль Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18 . № 5(105). – С. 27.
[139] Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство. Почему это нужно для России // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). – С. 51.

ориентированная и социально ответственная политическая элита; признаваемый и принимаемый народом культивируемый цивилизационный код своей страны [140] Такой набор политических характеристик сильного государства может содержательно наполнить существующий в современной России формат властно-общественного взаимодействия, что позволит повысить уровень эффективности и легитимности государственной политики в отношении СО ННКО-сектора и выдвигаемых им гражданских инициатив.

Значимой в контексте обеспечения духовных основ взаимодействия российской власти и СО ННКО является идея «христианской демократии», представленная в трудах С.Л. Франка. По его мнению, государство вправе и обязано регулировать гражданское общество, взаимодействие субъектов российского общества (как горизонтальное, так и вертикальное) должно осуществляться на основе единения внутреннего (нравственного, духовного) и внешнего (общественно-политического) сфер жизнедеятельности. Синтез рационализма и духовных ценностей (религия, традиции, язык, культура и др.) должен являться основой всех отношений в обществе. Только при таких условиях способны развиваться партнёрство, эмпатия, солидарность как принципы социально-политических и экономических (в т.ч. договорных) отношений в социуме[141].

Идея синтеза ценностей христианства и социализма как обязательное условие обретения действительной свободы, «подлинной силы и творческой значимости общественной жизни», стала одной из центральных тем творчества Н.А. Бердяева. Подчеркивая необходимость главенства идеи внутренней, христианско-православной свободы в рамках демократии, философ предостерегал от тирании коммунизма и фашизма, усматривая «поразительное сходство между этими смертельными врагами». Сходство, по

[140] См.: Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 73–93; Понкин И.В. Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 55–56; Белов Л.П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 114 – 122.
[141] См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 512 с.

мнению Бердяева, состояло в «реакции страха», который породили эти два политических режима во всем мире (в том числе и в Советской России), уничтожив, таким образом, саму сущность демократии, способствовав конформизации общества[142]. Опровергая в своей знаменитой статье «Второе письмо к революционной молодежи» («Основной вопрос нашей эпохи») разделяемый большинством представителей «второго поколения» русской эмигрантской интеллигенции тезис о том, что главным в политической жизни является вопрос о власти, великий мыслитель горячо отстаивал тезис о несостоятельности «бездуховной» формальной демократии, которая, по его мнению, ведет к рабству и коммунизму[143].

Один из основателей теории «христианского социализма» о. Сергий Булгаков в качестве идеала властно-общественных отношений полагал «вдохновение любви и социального равенства», которого можно достичь за счет реализации соборного духа православия, «что зовется на языке мирском демократизмом». Беспощадно критикуя практику социализма в СССР 1920-х гг. как «жесточайшее насилие с попранием всех личных прав», С.Н. Булгаков уповал на возрождение русского православия как основы христианского социал-демократического устройства будущей России[144].

«Христианская демократия» С.Л. Франка, «персоналистический социализм» Н.А. Бердяева, «христианский социализм» о. Сергия Булгакова приобретают все возрастающую значимость в контексте выявления и актуализации социально ориентированных ценностей как источников гражданских инициатив СО ННКО в современной России.

Если обратиться к результатам социологических исследований в отношении ценностей представителей российского волонтерства и СО ННКО, можно прийти к выводу, что ими движет бескорыстное желание помочь,

---

[142] Бердяев Н.А. Испанская трагедия перед судом христианской совести // Новый град. 1939. № 14. – С. 20.
[143] Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Репринт. Воспроизв. Изд. Нью-Йорк, 1956. – М.: 1992. – С. 51 – 52
[144] Акулинин В.Н. С.Н. Булгаков: вехи жизни и творчества // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): споры о судьбах России. Новосибирск: 1991. - С. 23 – 24.

сочувствие, терпеливость, доброта и т.д. [145] Сходные ценности присущи общественному движению в различных странах. Однако, следует отметить, что эти ценности имеют различную цивилизационную основу. В отличие от составляющих европейский культурно-цивилизационный код ценностей протестантской этики, где гуманность, согласно концепции М. Вебера, рациональна [146] , православные архетипы и идеалы благотворительности «неприбыльны». Эти фундаментальные различия преломляются в сознании представителей СО ННКО и волонтеров, влияя на формирование и развитие их морально-этических ценностей.

Неприбыльный характер восприятия сущности добровольческой деятельности, в свою очередь, обусловливает специфическое восприятие российскими СО ННКО **сущности социального государства как основного гаранта социальной справедливости.**

Здесь следует высказать два замечания.

Во-первых, понимание общественностью необходимости и важности решения социальных функций – это не просто показатель существования гражданского общества, а показатель его зрелости. Лишь истинно гуманное общество осознает, что право на достойное существование имеют не только физически полноценные, трудоспособные люди, но и люди с ограниченными возможностями. И в этом плане классическое гражданское общество в трактовке Гегеля, т.е. «буржуазное общество», возникшее в результате борьбы населения с властью за экономические права, противостоит гуманистическим принципам взаимопомощи и благотворительности. Неслучайно прототипами гражданского общества на Западе были гильдии, которые отстаивали свои экономические права в борьбе с феодалами (XV-XVI вв.), а социальное государство в Западной Европе как общественно-политическое и юридическое

[145] Воронцова Т.Н. Российские общественные объединения: социокультурные основания и специфика // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Серия социально-экономические науки. 2015. № 1. – С. 114-117; Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 3. - С. 82-89.
[146] См.: Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2001. 352 с.

явление оформилось лишь в конце XIXв., в результате – опять же - борьбы отдельных социально-экономических групп за свои права.

Во-вторых, в обществах с различной цивилизационной идентичностью неодинаково, а порой и диаметрально противоположно, само восприятие социальной сферы, необходимости ее существования и развития. Так, европейская цивилизация воспитывает рационалистическое отношение человека к реализации государством и общественностью социальных функций. Уже в кодексах Феодосия (438 г.) и Юстиниана (529 г.) содержатся запреты на нищенствование здоровым людям. С XVIв. В Европе появляются законы против отдельных бедствующих социальных групп – бродяг, нищих, осиротевших, больных - и создаются специализированные пенитенциарные учреждения - смирительные и прядильные дома, работные дома, карантины, куда направляют насильно. Например, в Англии с 1531 г. разрешается просить милостыню только калекам и старикам, а с 1536 г. нищие подпадают под ответственность судов. Аналогичные законы принимают Франция и Германия[147]. При этом, в данный период социальная деятельность государства осуществляется полицейскими органами. В отличие от западных обществ, русский народ на всем протяжении развития национальной государственности демонстрирует сочувственное отношение к ущербным и малозащищенным слоям общества. На Руси, а затем и в России, при неразвитости экономических основ гражданского общества, всегда проявляется его духовная, гуманистическая составляющая. При этом, гуманность как проявление «широты русской души» имманентно свойственна как представителям социума, так и властной элите. Уже на ранних, предгосударственных этапах генезиса русского социума развиты институты общественной благотворительности: милостыня, призрение сирот, братчина, «институт старцев», помощь вдовам в общинах, странноприимные дома, больницы при монастырях, и т.д. Позднее, в период расцвета российской государственности,

[147] Калашников Н.А. Функциональная теория социального государства. – М.: Логос, 2001. – с. 45 – 59.

эти формы стихийной благотворительности получают институциализацию. Таково, например, решение Стоглавого Собора о выкупе военнопленных в России и образование Поляничного приказа в 1668г.; раздача земель на прожиток вдовам на государственной службе, инициирование и поддержка власть предержащими богаделен, больниц, лепрозориев, инвалидных домов в рамках церкви. Русское государство, не создавая социальной инфраструктуры, всячески содействовало развитию общественных форм меценатства. При этом, мировоззренческим оплотом благотворительности в России было православие (особенно, в его раннем, старообрядческом измерении). Именно православие укоренило в русской политической и социальной культуре идеи социальной справедливости, соборности, ничейности земли. Нищенство на Руси и в России никогда не считалось преступлением, а «вспоможение убогим» являлось одной из обязательных функций представителей всех слоев российского общества, в особенности т.н. деловых людей. Неслучайно в XIX в. заводы и фабрики русских предпринимателей, большинство которых – представители староверских купеческих фамилий, выгодно отличались развитой, по сравнению с предприятиями западных деловых людей, социальной инфраструктурой обеспечения жизнедеятельности своих работников. По свидетельствам очевидцев того времени, русские фабричные рабочие обладали хорошим «социальным пакетом», фабриканты заботились об условиях их труда и безопасности производства. Характерно, что и советскому строю, при всем его политическом различии с русским империализмом, были присущи те же идеи «социальной братчины». На исходе XIX - в начале XX века США и страны Западной Европы не просто существенно отставали от России по вопросам социальной поддержки и обеспечения рабочего класса – сама философия благотворительности сформировалась в этих странах гораздо позже, чем в России, и ее основой служили не просто принципы гуманизма. Социальное на Западе было следствием экономического. Даже знаменитые «хотторнские» эксперименты

Мэйо, принципы «школы социальных отношений» М. Фоллет обосновывались соображениями необходимости учета, интенсификации «социального» фактора в процессе производственной деятельности с целью повышения доходности предприятия. И сегодня в странах Запада именно рационализм является оплотом как социальной ответственности бизнеса, так и государственной социальной политики. Иными словами, каждая денежная единица, вложенная в благотворительность, должна принести благотворителю прибыль.

В России институциональная неразвитость гражданского общества, недостаточность его экономических основ с лихвой компенсировались морально-этической гражданственностью, гуманизмом в части отношения власти и общественности к социальной сфере. Вот почему общественным организациям в России принадлежит совершенно особая роль. Появившись в начале XIXв., в условиях недееспособности представительных учреждений и независимой печати, политических партий и гарантированных гражданских и политических свобод, они долгое время оставались единственной формой реализации социальной активности.

На Западе в начале XIX в. общественные объединения были уже весьма распространены. Так, А. де Токвиль указывал: «Американцы всех возрастов и любых склонностей постоянно участвуют в каких-либо обществах…. Отдельные граждане, объединившись, могут создать учреждения, обладающие благосостоянием, влиянием и силой подобно объединению по признаку аристократического происхождения. Объединения, провозглашающие политические, коммерческие, производственные или даже научные и литературные цели, являются мощным фактором, которым нельзя безнаказанно пренебречь и который выполняет важную роль как противовес произволу правительства и как гарант общих свобод в стране»[148].

[148] Токвилль А. Демократия в Америке. – М.: Просвещение, 2005. – С. 112 – 113.

В отличие от стран Запада, идеологическим стержнем общественных организаций в Российской Империи являлся не средний класс с его сугубо прагматическими ценностными установками, а интеллигенция – образованный, культурный межклассовый спектр общественности, с ее весьма пестрыми и даже несовместимыми между собой ценностями и идеалами. Такое нерационалистическое отношение представителей общественного сектора, власти и деловых людей к благотворительности по-прежнему выражено в современной России.

Важным элементом политической культуры России, не свойственным западноевропейской цивилизации, были представления о необходимости реализации социальных функций «всем миром», вне зависимости от получения экономической выгоды. Неслучайно первые социально ориентированные общественные организации в Российской Империи возникли именно как ответ на негативные социальные последствия, которые принесли, наряду с несомненными политическими достижениями, «Великие» реформы 1860-х гг. Это бедность в прежде экономически благополучных слоях общества, отчаянная нужда в заработке при обострившемся недостатке рабочих мест, разрушение привычной системы и институтов социального попечительства, основанной на родственных и общинных связях. Возникшие на исходе XIXв. артели, товарищества, общества взаимного кредита – исторически признанные в нашей стране формы организации и распределения доходов – указывают на ту «очевидно наиболее приемлемую» для России модель, которая «позволяет реализовать личный интерес в коллективе и при помощи коллектива»[149]. Именно артель все всеобщие начинания русских людей того времени считали самой «справедливой, настоящей, естественной и простой» формой общественной деятельности.

[149] Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство в России: теория, механизмы, технологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – СПб, 2004. – с. 289.

Изложенное подтверждает справедливость тезиса П. Деккера и Л. Халмана о том, что «волонтерство будет более распространено в тех обществах, где присутствует дух солидарности»[150]. Огромный социально ориентированный потенциал гражданских инициатив в России отнюдь не является европейским нововведением. Он органичен и продуктивен для нашей страны, т.к. дает шанс соединить предпринимательскую инициативу и деловую смекалку с ценностями взаимоподдержки и сострадания, ощутить общественную полезность своей деятельности для бизнесменов-благотворителей, при значимости идеи приоритетной роли государства в установлении, обеспечении и гарантированности социальной справедливости.

Рассматривая социальную справедливость как ценность, исследователи приходят к выводу, что она интегрирует население социально, духовно, а в сложных ассиметричных унитарных и федеративных формах государственно-территориального устройства – еще культурно-этнически и организационно-политически[151].

В России, с ее огромными пространственными различиями экономического, географического, социокультурного, этнического характера, неодинаковым территориальным менталитетом, идея социальной справедливости становится одной из фундаментальных основ существования сильной государственности.

В отечественной философской традиции идеи социальной справедливости разрабатывались в рамках консервативно-либерального направления, развивая идеи Сократа, Платона, Аристотеля, Гоббса. Этих мыслителей объединяет понимание социальной справедливости не в

[150] Dekker P., Halman L. (eds.) Volunteering and Values: An Introduction // The values of volunteering. Cross-cultural perspectives. NY: Springer, 2003. - P. 19.
[151] Волков Ю.Г., Мамина Д.А. Социальная справедливость в региональном пространстве российского общества: теоретико-концептуальный аспект // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2019. С. 57 – 59; Ровенчак О.И. Социальная справедливость в государственной региональной политике / Практическая философия: состояние и перспективы / Сборник материалов VI научной конференции (с международным участием). Ялта, 24–26 мая 2023 года. С. – 102 – 111.

инструментально-прикладном, а прежде всего в идейно-ценностном смысле, как этической, философской, духовной (религиозной) категории, воплощаемой в политическом, экономическом, социальном строе, а также рассмотрение государства в качестве оплота и гаранта справедливости в обществе. Так, известный русский философ-правовед Б.Н. Чичерин считал справедливым тот государственный строй, при котором устранены негативные последствия естественного неравенства, каждому гарантировано равенство в правах, а помощь социально уязвимым категориям граждан составляет исключительно нравственный долг состоятельных членов общества [152]. Согласно социальной философии «русского Гегеля» П.И. Новгородцева, каждое общество должно последовательно двигаться к идеалу правового государства, идее планомерного и справедливого регулирования жизни, а нормы «всепокоряющей справедливости» должны объединять все категории и слои населения. И.А. Ильин полагал, что люди «должны учиться не настаивать на самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины», а «воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии»[153]. Таким образом, великие русские мыслители выступали как против ультралиберального подхода к справедливости (когда под предлогом защиты социальных прав отдельных категорий населения ущемляют права остальных), так и против «уравниловки» (когда государство монопольно устанавливает нормы социальной справедливости, не давая свободы в реализации гражданами их социальных прав). Идеи И.А. Ильина были актуализированы в 70-х г. прошлого века Дж. Роулсом в рамках концепции нравственной свободы, которую человек не обменяет на экономическую выгоду, власть или престиж[154].

[152] См.: Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин; вступ. Ст. и коммент. И.И. Евлампиева. – СПб.: изд-во РГХА, 2005.
[153] Ильин И.А. Наши задачи. О воспитании русского народа к справедливости / И.А. Ильин // Собр. Соч.: в 10 т. – т.2 кн.1. – С. 238 – 239.
[154] Шамилева Р.К. Проблема справедливости в социальной теории Дж. Роулса// Философия и общество. 2008. №2 (50). С. 187 – 188.

Понимание социальной справедливости как «великого и вечного всенародного задания»[155] должно стать ценностной основой гражданских инициатив СО ННКО в современной России. Это позволит снизить риски субъективного восприятия общественными организациями идей социальной справедливости, в аспектах этики социального проектирования, использования своего статуса в целях освобождения от налогообложения в ущерб государственным интересам, соблюдения условий реализации поддержанных гражданских инициатив.

Анализируя ценностный компонент российских СО ННКО и их гражданских инициатив, нельзя обойти вниманием **вопрос о русской демократии** как идеале общественно-политического устройства, в наибольшей степени соответствующем цивилизационным основам отечественной государственности.

В данном контексте особую методологическую ценность приобретают идеи представителей русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг. Эти идеи отличаются попыткой совмещения идеализма и рационализма, учетом традиций и особенностей национальной государственности, ориентированностью на конкретно-историческую эпоху, отсутствием идеализации тех или иных социально-политических идей и ценностей, принятием во внимание ошибок и просчетов мировой и отечественной практики развития властно-общественных отношений в рамках поиска «формулы» русской демократии.

Для консолидации, творческого синтеза этих идей был учрежден специальный журнал «Новый град». Авторы данного издания пытались найти идеал властно-общественных отношений для пореволюционной России, синтезировав идеи социализма, либеральной демократии и христианства.

[155] Ильин И.А. Наши задачи. О воспитании русского народа к справедливости / И.А. Ильин // Собр. Соч.: в 10 т. – т.2 кн.1. – С. 239.

Анализ позиций и дискуссий, представленных на станицах «Нового града», дает богатейшую пищу для размышлений о проблемах и перспективах не только современной мыслителям советской России, но и Российской Федерации в XXI тысячелетии.

Известный представитель эмигрантской интеллигенции 1930-х гг., юрист, публицист, член партии эсеров с 1905 г. М.В. Вишняк, размышляя о судьбах русской демократии, полагал, что беспощадная критика «формализма и бездуховности» западных демократий часто приводит к отрицанию достоинств демократии как таковой, к отказу от действительной свободы совести и вероисповедания как одной и базовых ценностей демократических властно-общественных отношений. По мнению автора, «когда христианизировать собираются не души, а учреждения, налицо теократия»[156].

От излишней увлеченности метафизикой при поиске формулы «русской демократии» предостерегал авторитетный русско-немецкий философ, историк, социолог, публицист Ф.А. Степун. Признавая привлекательность идеи «христианского государства» и даже являясь, в целом, сторонником концепции «христианской демократии», он указывал на некоторую ее утопичность, вследствие невозможности противодействия государства, которое «отказалось бы от сопротивления злу силой и решилось бы точно придерживаться евангельской этики», распространению насилия и тирании[157].

Точкой отсчета борьбы за истинную «христианскую свободу» Степун считал советскую действительность, тем самым, выступая принципиальным противником практики рассмотрения российской государственности как tabula rasa (чистого листа) при проведении реформ.

Особого внимания заслуживает позиция Ф.А. Степуна по вопросу восприятия западных форм демократии при развитии властно-общественных отношений в постсоветской России. Справедливо полагая, что «нам, русским,

---

[156] Вишняк М. Политика и миросозерцание (О «русском социализме») // Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. - С. 409

[157] Степун Ф.А. «Новоргадские» размышления // Опыты. 1956. Кн. VII. – С. 46

критиковать [западную демократию – *Ю.Б.*], конечно, можно и нужно», Ф. А. Степун утверждает, что самые ярые ее критики «скоро поймут, что право по существу не реакционно», а «сущность народовластия вовсе не в подсчете голосов» [158]. Таким образом, главными ценностями демократии, которые должна воспринять и Россия, Степун считал принципы верховенства права и реальной возможности народа участвовать в формировании власти и контроле за ней.

Вместе с тем, мыслитель предостерегал и от соблазна излишнего увлечения «формами демократии».

Известный русский общественно-политический деятель П.Б. Струве, сам являясь поборником концепции христианского государства, в то же время был активным противником русского мессианства в вопросе построения и распространения демократии. По его мнению, само возникновение в среде русской эмиграции идей мессионерства России в вопросе демократизации как советского, так и иных форм государственного устройства вызвано «не только фактопоклонством, растерянностью, но и жаждой быстрого успеха, которая иногда заставляет становиться на голову».

Г. П. Федотов, видный публицист и христианский богослов русского зарубежья, в рамках своей концепции пореволюционной России последовательно отстаивал тезис о принципиальной возможности привития ценностей индивидуальной свободы, свойственных западной цивилизации, на российскую почву, с ее православными ценностями и коллективистскими идеалами. Федотов не преклонялся перед западноевропейской государственностью, призывая научиться «видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта»[159]. В советской государственности Федотов видел не только слабые стороны, но и

[158] Степун Ф.А. Рец. на кн.: К молодой России: Сб. младороссов.1928 // Современные записки. 1928. Кн. XXXVII. - С. 547

[159] Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 3 - 14

некую преемственность ценностей имперской государственности, необходимую для дальнейшего развития демократии по-русски. Полагая, что техническое направление советской модернизации выбрано верно и оправдывая стремительную военную индустриализацию необходимостью противостоять постоянным врагам России, «могущественным, безжалостным», он указывал на необходимость обогащения «низменной», технической стороны модернизации СССР идеей воссоздания «того разрушенного революцией культурного строя, который был способен поднять качество культурной работы и передвинуть интерес с вопросов техники к вопросам духа»[160].

Одним из ключевых аспектов государствоведческого наследия Г.П. Федотова, очень важным в аспекте исследуемой проблематики ценностей СО ННКО, является вопрос ресурсного обеспечения российской демократизации.

Важным политическим институтом, который способен и должен помочь преодолеть России (да и всему христианскому миру) пороки государственности, является христианская Церковь. Именно она, по мнению Федотова, должна выполнять свои социальные функции в государстве (причем, как в России, так и в западноевропейских странах), формируя и подпитывая социокультурную сторону формирования свободной и ответственной личности.

Опорным классом российских преобразований к «лучшему» государственно-общественному строю, оплотом подлинной демократизации России Федотов считал средний класс, цементирующий национальную экономическую и социально-политическую систему, «без которого всякое общество неизбежно раскололось бы на враждующие силы»[161]. Любопытно, что в советской России Федотов видел зачатки этого среднего класса –

[160] Федотов Г.П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 188 – 205.
[161] Федотов Г.П. Тяжба о России // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 103 – 121.

«социалистическое мещанство», аполитичная настроенность и прагматизм которого были гарантом социальной стабильности в стране[162].

Духовно-культурным ресурсом подлинной демократизации властно-общественных отношений в пореволюционной России Федотов считал русскую литературу, в первую очередь, творчество А.С. Пушкина. Всплеск интереса советских людей к наследию великого русского поэта, по мнению Федотова, был обусловлен, во-первых, глубинным протестом народа против иммортализма сталинской элиты, когда ложь стала «всеобщей повинностью», а во-вторых, наличием в творчестве А.С. Пушкина этического идеала «синтеза Империи и свободы», к которому всегда интуитивно стремился русский народ [163] . Важнейшим маркером культурно-ценностного возрождения в советской России Федотов считал демократизацию советской культуры, а также формирование собственных, советских культурных ценностей, в частности, появление «областнической, региональной литературы», в которой отсутствует государство, а «человек –крестьянин живет лицом к лицу с Богом и землей»[164].

Важнейшим ресурсом русской демократии, как справедливо считал Федотов, является патриотизм. Заслуживает внимание отношение исследователя к феномену «советского патриотизма», который, как полагал ученый, отчасти восполнил вакуум «выветрившегося русского патриотизма», когда русский солдат «отказался защищать свою родину» в предреволюционный период. Наблюдая, как в формате советского патриотизма в ходе Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. происходит постепенное вытеснение мотивов сохранения революционных завоеваний истинными человеческими ценностями – любовью к России, «дремавшей

[162] Федотов Г.П. Культурные сдвиги // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 98 – 102.
[163] Федотов Г.П. О гуманизме Пушкина // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 328 – 332.
[164] Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 233 – 252.

нежности – к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата», Федотов отмечал связь политического и национального сознания в идее советского патриотизма: «Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России»[165].

Ценно в философии Федотова то, что он не отстаивает категорично идею мессианства России, справедливо усматривая при этом необходимость обретения ею своего формата и содержания демократии.

Таким образом, взгляды Руднева, Федотова, Степуна, Струве, Вишняка можно охарактеризовать как **рационально-идеалистическую концепцию демократии «по-русски», основанную на примате коммунитарных ценностей гражданственности.**

Признавая необходимость единства идеи и формата в поисках идеала властно-общественных отношений в России, они справедливо указывали на исторический субъективизм (или «фактопоклонство»), которым страдали леволиберальные концепции. В то же время, они указывали на некоторую утопичность идей «христианского демократического государства» в контексте необходимости соблюдения в правовом государстве права свободы и вероисповедания, недальновидность консервативных позиций воинственного неприятия либеративных методов и технологий, успешно зарекомендовавших себя в западных демократиях. В этом смысле, ценности российской государственности, охарактеризованные представителями российской эмиграции начала XX в., не являются «абсолютными» (абстрактными, присущими всему человечеству) и в то же время не отражают идею ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом[166].

Изложенные идеи были частично воспроизведены представителями умеренного (либерально-консервативного) направления постсоветской

[165] Федотов Г.П. Защита России // Федотов, Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. – СПб: София, Т.2. – с. 122 – 125.
[166] Лукин А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). - С. 18–23.

социально-политической науки[167], несмотря на популярность идей построения в России либеральной демократии по западному образцу в последнее десятилетие XX в.

Запрос на конструирование идеала демократии по-русски был сформирован в начале 2000-х гг. на высшем государственно-политическом уровне, в рамках концепции «суверенной демократии», предложенной В.Ю. Сурковым - заместителем руководителя Администрации Президента РФ, курировавшим вопросы внутренней политики, федеративных и межнациональных отношений (2004 – 2008гг.) Идея российской «суверенной демократии», определяемая В.Ю. Сурковым как «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всём её многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, её образующими» [168] , представляет собой ренессанс идей умеренного русского консерватизма, с учетом вызовов и тенденций начала XXIв., как внешних (глобализация, рост диспропорций между Севером и Югом, эрозия принципа государственного суверенитета как константы современной геополитики), так и внутренних (распространение коррупции, отсталость российской экономики, бедность, несправедливость распределения доходов, размывание российской политической идентичности, ангажированность политических элит) .

«Суверенная демократия» В.Ю. Суркова сочетает в себе ценности прав человека с идеей сильного авторитетного государства, независимого геополитически, готового и способного извлечь выгоды из глобализации,

[167] См.: Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: издательство МГУ, 1997. – 384 с.
[168] Семенихин И. Владислав Сурков: Pro et Contra. Диалоги о суверенной демократии и историческом выборе новой России. – М.: Изд-во СГУ, 2008. С.162; Владислав Сурков: параграфы pro суверенную демократию. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (дата обращения: 06.06.2024 г.)

противостоять международному идеологическому произволу либерализма, сберечь и возродить российскую нацию, доказав, что в XXI в. «о свободе и справедливости можно и должно думать и говорить по-русски». Среди приоритетных направлений развития суверенной демократии автор концепции называет: укрепление гражданской солидарности; консолидацию креативных гражданских групп в национальных интересах; развитие российской культуры как основы смыслообразования нации; усиление роли России как «соавтора» европейской цивилизации; развитие отечественного образования и науки в качестве основного конкурентного преимущества нашего государства в условиях цифровизации; укрепление обороноспособности страны; устойчивое развитие глобально значимой национальной экономики с учетом конкурентных преимуществ, унаследованных от СССР[169].

Концепция В.Ю. Суркова не содержала каких-либо принципиально новых для отечественной социально-политической мысли идей. Ее ценность состояла в практикоориентированности. Во-первых, она представляла собой призыв высшей государственно-политической элиты к широким кругам общественности помочь воссоединить «расстроенную было [*в 1990-е гг., в период разгула ультралиберальных идей и радикальных преобразований, - Ю.Б.*] нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку [*в процессе политико-административных реформ В.В. Путина, - Ю.Б.*]» [170] , направить деятельность общественности, в т.ч. СО ННКО, в конструктивное русло[171]. Не случайно в этой связи обоснованную в рамках «суверенной демократии» управляемость демократических процессов в России дальновидные западные политологи Т. Колтон и М. Макфол

[169] Владислав Сурков: параграфы pro суверенную демократию URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (дата обращения: 06.06.2024 г.)
[170] Семенихин И. Владислав Сурков: Pro et Contra. Диалоги о суверенной демократии и историческом выборе новой России. – М.: Изд-во СГУ, 2008. С.155-190
[171] См.: Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск, 2007.

восприняли не как цель, а как средство установления демократического суверенитета постсоветской России[172]. Во-вторых, она вывела общественно-политическую дискуссию о будущности Российской Федерации с абстрактно-теоретического на конкретно-исторический уровень, выявив практическую несостоятельность рецептов либералов о демократизации России по западно-европейскому образцу. В-третьих, встраивание идеи суверенной демократии по-русски в политическую повестку дня (эта идея стала доктриной самой многочисленной партии «Единая Россия» и была поддержана всеми оппозиционными политическими партиями) подтвердило готовность отечественной высшей политической элиты продолжать масштабную работу по созиданию ценностных основ российской государственности, вовлечению в данный процесс всех неравнодушных, неангажированных, конструктивных политических сил.

В контексте изложенного, развитие России как суверенной демократии представляется операциональной (инструментальной) ценностью для отечественных СО ННКО. Посредством внедрения в национальный менталитет ценности суверенной демократии по-русски возможно придать публичный характер рассмотренным выше содержательным ценностям нашей государственности. Следуя риторике современной аксиологии государственного управления[173], публичность этих ценностей предполагает: их установление в качестве принципов, на которых должна основываться деятельность политиков и правительства (1); их широкое обсуждение с возможностью корректировки в ходе властно-общественного взаимодействия (2); их «заземление» на уровне социально-политических практик и инициатив НКО (3).

---

[172] Colton, T.J., & McFaul, M. Popular choice and managed democracy: the Russian elections of 1999 and 2000. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2003. – P. 28.

[173] Bozeman B., Sarewitz D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation // Minerva. 2011. № 49. P. 4. URL: https://cspo.org/legacy/library/1104251411F19066350XV_lib_BozemanSarewitz.pdf (дата обращения 14.01.2023 г.); Beck Jorgensen T., Bozeman B. Public Values: An Inventory // Administration and Society. 2007. Vol. 39. № 3. - P. 358; 14 Alford J., Douglas S., Geuijen K., Hart P. Ventures in public value management: introduction to the symposium // Public Management Review. 2017. Vol. 19. № 5. - P. 593.

Представляется, что проанализированные в данном параграфе ценности российской государственности должны составить основу привлекательной для россиян и их объединений незападной модели ценностей. Ее внедрение отнюдь не будет означать «торжества ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом»[174], а будет содействовать личностному гражданскому росту россиян и их объединений как свободных, патриотичных, ответственных созидателей российской государственности.

[174] Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. - С. 110.

1.3. Социально ориентированные негосударственные некоммерческие организации как субъекты реализации гражданских инициатив в современной России

Все авторитетные исследователи организаций некоммерческого сектора солидарны в том, что СО ННКО, решая социальные проблемы отдельных социальных групп во взаимодействии с государством, являются значимыми акторами демократизации современных политических систем.

По мнению известного исследователя феномена российского гражданского общества Т.А. Васильевой, вне зависимости от типа национальной государственности, объективную основу ННКО как социально-политических акторов составляет плюралистическая структура социума, наличие в обществе разнонаправленных интересов[175].

Лестер М. Саламон на основе обширного первичного материала о состоянии третьего сектора в различных странах выявляет сущностные признаки СО ННКО:

1. Организационно-юридическое оформление. Под этим, в первую очередь, понимается не столько факт регистрации данной организации, сколько наличие устава, некоторой структуры, более или менее четких целей и рамок деятельности.

2. Автономия от государства. Это, однако, не означает, что СО ННКО не могут получать помощи от государства или что официальные лица не могут входить в состав их управляющих органов. Их «негосударственность» заключается, скорее, в том, что они не являются структурной частью государственного аппарата и не обладают правительственными полномочиями.

3. Некоммерческий характер целей и функционирования. СО ННКО

[175] Васильева Т.А. Взаимодействие государственных органов власти и негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в современной России: тенденции, противоречия, перспективы развития. Дисс. на соиск. ..д.полит.н. 23.00.02. М.: Российский государственный социальный университет. 2009. – с. 51.

не может преследовать в качестве основной цели существования получение коммерческой прибыли и экономическое обогащение своих учредителей, участников и волонтеров.

4. Саморегулирование собственной деятельности. Для соответствия данному критерию ННКО должны быть в значительной степени независимы от власти и бизнеса и в них должны существовать легитимные механизмы внутреннего управления.

5. Высокая степень самоорганизации, обозначающей самоупорядочение деятельности СО ННКО без директивного вмешательства со стороны государства и бизнеса, способность СО ННКО поддерживать уровень своей организации.

6. Добровольческий характер участия, т.е. с некоторой, иногда значительной долей участия волонтеров. Волонтерство как общественное явление отличается двумя сущностными признаками:

1) волонтеры должны принимать деятельное участие в деятельности организации или в ее управлении;

2) участие волонтеров не может быть принудительным[176].

Выявляя миссию СО ННКО, исследователи подчеркивают ее социально-политический характер, который заключается в снижении «издержек представительной демократии», содействии трансформации политического режима к партисипативной демократии [177] . Именно ННКО могут рассматриваться как важные столпы демократического правового социального государства. Действительно, вступая в ННКО, как подчеркивал К. Ясперс, каждый в той или иной степени определяет свою политическую, социальную, гражданскую и индивидуальную ответственность за правовой

[176] См.: Лестер М. Саламон, Хельмут К. Анхайер. Появляющийся сектор. Новые данные // О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами власти. – М.: Центр «Социальное партнерство». 2001. - С. 86 – 87.

[177] О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. – М.: Изд-во «Социальное партнерство», 2004. – С. 21.

порядок в государстве и мире[178], или, по емкому выражению Ю. Хабермаса, «индивидуально осваивает гражданскую позицию»[179].

Изральский политолог Е. А. Дрор утверждает, что СО ННКО вне зависимости от политического режима выполняются следующие социально-политические функции:

1. Генерация человеческого и общественного капитала, который заставляет демократию работать. Данный капитал выражается в формальной и неформальной сети коммуникаций между государственно – политической системой и гражданским обществом, а также внутри гражданского общества, основанной на доверии, открытости, обмене информацией и сотрудничестве, равно как на единых нормах, целях и институтах для выработки решений и реализации действий на государственном уровне на благо народа. Толкование этого аспекта миссии ННКО соответствует концепции позднего модерна и постмодерна, когда гражданское общество рассматривается через взаимодействие личности и властных структур государства, а также через взаимоотношения системного (совокупность безличных коммуникаций людей в сфере государственной и экономической деятельности, основанных на принципах рациональности) и жизненного (область прямой коммуникации людей и публичная сфера, основанная на принципах коммуникативной рациональности) миров. Именно СО ННКО являются тем уникальным, мобильным, адаптируемым механизмом вовлечения личности в процессы политического, гражданского, социального участия и организуют их в мощные группы, способные влиять на государственную политику и получать доступ к государственным ресурсам. ННКО контролируют государственную власть и осуществляют мониторинг нарушений и баланс общественных интересов, предоставляют гражданам возможность развивать их способности и совершенствовать образ жизни посредством осуществления контроля за

[178] См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. – 1994. №1. – С.151.
[179] См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. – М., 1995. – С. 123 –147.

состоянием окружающей среды, оказания помощи наименее благополучным слоям населения, развивают человеческие ресурсы, знания и информацию.

2. Снижение социальной напряженности в обществе. Посредством вовлечения в деятельность СО ННКО, граждане снижают уровень своей депривации, реализуют свои потребности и интересы.

3. Содействие гармонизации правоты с законом. Правота — это публичное предъявление самоопределения в государстве социальной группы (индивида), основанное на отрицании сложившихся социальных норм и правил общежития[180]. Правота может быть еще не вписана в закон, но она значима для жизненных интересов социальных групп, признания их своеобразия и человеческого достоинства. Такая правота, поскольку она становится предметом широкого гражданского участия, дает основание для критики существующих законов, социальных институтов и культурных традиций и в перспективе приводит к обновлению права. В таком контексте, например, действуют ННКО, выступающие против различных форм дискриминации в отношении женщин, инвалидов, людей с разным цветом кожи.

4. Установление баланса между правами и обязанностями гражданина, оптимального соотношения свободы и ответственности личности в рамках демократии.

5. Идентификация и артикуляция наиболее острых социальных, политических, правовых, экономических проблем, реально существующих в социуме.

6. Оказание помощи государству в улучшении качества социальных услуг. ННКО помогают преодолеть кризис патерналистской концепции «государства всеобщего благосостояния», взяв на себя часть функций по обеспечению достойного уровня жизни граждан. Широкое применение

[180] См.: О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. – М.: Изд-во «Социальное партнерство», 2004. – С. 69.

программ институциональной перестройки и связанное с этим разрушение прежнего государственного строя в различных странах породило определенный политический вакуум, но с другой стороны мобилизовало общественные институты во всем мире на деятельность с целью смягчить воздействие этих программ, равно как и на деятельность по замене социальных служб, которые государство не в состоянии далее финансировать. ННКО находят новые аспекты развития и предоставляют адресную помощь тем, до кого не могут дойти государственные службы. Большими преимуществами подобного рода организаций является их отзывчивость на запросы общества, гибкость, новаторский подход, непосредственная связь с беднейшим слоями населения, способность инициировать активное участие населения в жизни общества, экономное расходование ресурсов и независимая оценка вопросов[181].

Оценивая социально - экономический аспект роли объединений граждан в современном демократическом правовом государстве, исследователи подчеркивают их исключительную важность в незападных демократиях. Как справедливо замечает М.В. Либоракина, здесь ННКО обретают новую роль, дополняя традиционно государственные функции, и границы между властью и институтами гражданского общества становятся взаимопроникающими[182].

Вместе с тем, в незападных демократиях гражданское общество и его организации в большей степени регулируются государством. Будучи добровольным и независимым, третий сектор часто рассматривается субъектами власти и исследователями как нечто второстепенное по сравнению с остальными. Эту особенность статуса СО ННКО в незападных демократиях подчеркивают Е.В. Белокурова и Н.Ю. Беляева[183].

---

[181] См.: Е. Дрор. О роли государства в процессе реформ. Доклад. По материалам двенадцатого совещания экспертов по программе ООН в области государственного управления и финансирования. - Нью – Йорк, 1996г. – с. 67-79.

[182] Либоракина М. Обретение силы: российский опыт. - М., 1996. – с. 153

[183] Белокурова, Е.В. Гражданский форум ЕС – Россия: причины и факторы формирования и развития // Публичная политика. 2021. Т. 5. №1. – С. 73; Беляева, Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. - С. 24.

По мнению автора, причинами столь низкой роли СО ННКО в незападных демократиях является несопоставимость уровня их институциализации с организациями третьего сектора в западном мире. Часто правовая основа и директивные документы, регулирующие деятельность этих организаций, носят лаконичный характер. Кроме того, существует и проблема недостаточности опыта функционирования «незападных» СО ННКО в области анализа, управления, работы в единой сети, а также в вопросах мобилизации ресурсов. К тому же, СО ННКО в незападных странах не обеспечивают достаточную отчетность перед своими членами.[184]

Изложенное обусловливает необходимость повышения роли государства в области стимулирования деятельности СО ННКО в незападных демократиях. Это поможет СО ННКО стать равноправными эффективными партнерами власти по решению общественно – значимых проблем.

В данном контексте, значимым представляется трактование партнерства как комплексного явления, предполагаемое, в частности, зарубежным исследователем третьего сектора Л. Олзеном[185]. По его мнению, партнерство – это больше, чем кооперация. Оно есть: и развитие проектной культуры, разделяемой партнерами; и среда разделения ответственности; и процесс поиска новых / альтернативных решений, относящихся к специфическим группам уязвимых людей, в который партнеры вовлекают друг друга; и содержание конкретных обязательств; и система улучшения качества услуг, которую все партнеры должны изучать и развивать.

Первые теоретические подходы к осмыслению роли и места общественности в решении социально-политических проблем в парадигмальных рамках социального партнерства появились более века тому назад.

---

[184] Гимазова Ю.В., Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А., Харичкин И.К. Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций: монография. – М.: ГУУ. 2015. - С. 28 – 29.

[185] Olesen L. Partnership for Social Welfare – Local Concepts for the Development and Renewal of the Welfare Sustems// ISTR Conference Abstact Volume. – Mexico, 1996. – p. 156.

На Западе обращение исследователей к данной проблематике было вызвано объективными факторами, предопределившими характер государственно-общественных отношений в начале XXв.: нарастающая критика конфликтогенной парадигмы марксизма, рассматривающего классовую борьбу, антагонистическую непримиримость в отношении между трудом и капиталом как главный двигатель общественно-исторического прогресса; кризис тейлоризма и внедрение в социально-трудовую практику идей т.н. «школы человеческих отношений»; обострение борьбы общественности за социальные права (и, как следствие, расширение социальных функций государства).

Именно в 1910-х гг. в странах Запада и США возникает и стремительно развивается *теория социального партнерства*, краткий обзор формирования и эволюции которой позволяет выявить взаимосвязь развития данной теории с проблемами генезиса и развития «организаций труда», «производственных ассоциаций». Такой подход обосновывается в исследованиях представителей различных философских школ: от основоположников анархизма до теоретиков утопического коммунизма. Социальное партнерство, появившись в истории человеческого общества как альтернатива классовым революциям и конфликтам, рассматривалось в тот период в качестве способа решения противоречия между трудом и капиталом. Наиболее полно идеи справедливого обмена между товаропроизводителями представлены в исследованиях П.Прудона и Л.Бланки. Идеи общественной солидарности раскрываются в трудах Э.Дюркгейма, М.Вебера, Р.Дарендорфа. В этих трудах солидарность рассматривается как высший моральный принцип и высшая универсальная ценность, развивается идея создания профессиональных корпораций - как новых органов общественной солидарности. Антагонизм труда и капитала, моральный и экономический кризисы капиталистического общества признаются отклонением от нормы, результатом неурегулированности отношений между основными классами общества. Здесь

социальное партнерство представлено авторами как механизм взаимоотношений между государственными органами, представителями трудящихся и работодателями.

С 1950-х гг. социальное партнерство активно и целенаправленно утверждается как имманентная часть социально-трудовых отношений. Идеи современного социального партнерства получают развитие в концепциях «конфронтирующего партнерства», «фордизма» и др. Проблемы социального партнерства выдвигаются в связи с генерацией идеи создания «государства всеобщего благоденствия», «государства социального партнерства», «солидарного общества», «постиндустриального общества». К тому же, именно в середине 1950-х гг. в США и странах Западной Европы возникают ННКО, которые конкурируют с государством (в ряде случаев весьма успешно) в удовлетворении разнообразных нематериальных потребностей общественности, а порой меняют социально-политическую систему, делая ее более открытой, транспарентной по отношению к общественности.

При переходе к постиндустриальному этапу развития и представителям власти, и ННКО, и исследователям стало очевидно, что работа над своими специфическими проблемами и даже создание достаточно большого, альтернативного государству пространства деятельности еще не позволяет качественно изменить на политическом уровне сложившиеся приоритеты и структуры. Для установления партнерства с государственным и коммерческим секторами в процессе инициирования и реализации своей гражданской инициативы СО ННКО должны отвечать, по справедливому замечанию международного эксперта ПРООН Г. Златевой, следующим требованиям[186]:

- Профессионализм и компетентность.

Комментируя это условие партнерства, исследователи замечают, что часто государственные чиновники жалуются на то, что представители

[186] О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. – М.: Изд-во «Социальное партнерство», 2004. - С.37 –39.

общественных организаций обращаются с просьбами о финансовой помощи, при этом предлагая в ответ лишь весьма расплывчатую готовность «быть к услугам»[187]. Действительно, СО ННКО, которые предлагают действительно жизнеспособные, интересные, профессиональные гражданские инициативы, могут в значительно большей степени рассчитывать на поддержку со стороны государства. Если СО ННКО может предложить или практически осуществить проект в соответствующей сфере, отказа, скорее всего, такая организация не получит.

Вместе с тем, в процессе взаимодействия с СО ННКО выявляется также и степень профессионализма государственного служащего[188]. Поскольку современную государственную структуру невозможно представить без служб по связям с общественностью, это дает основания полагать, что вопросами взаимодействия с гражданскими структурами должны заниматься прежде всего данные специализированные отделы. Вместе с тем, каждый чиновник, независимо от должности и вида деятельности, должен обладать навыками общения с представителями СО ННКО[189]. У ее представителя не должно быть ощущения, что власти преуменьшают ее роль, угрожают ее существованию или просто игнорируют ее деятельность. Для органов власти будет полезно проявить вежливость по отношению к членам общественной организации, выказать интерес к их заявлениям, задать им вопросы, оценить их предложения, оказать консультативную помощь.

- Способность к привлечению дополнительного финансирования. Являясь некоммерческими, многие организации испытывают затруднения не

[187] Лысенко В.В. Финансирование НПО: российский, международный и региональный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. - С. 67.
[188] Гимазова Ю.В. К вопросу о развитии компетенций межсекторного социального партнерства у государственных служащих / Время больших перемен: политика и политики. материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. 2017. - С. 90.
[189] Шпак А.А. Социальное проектирование как фактор устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций // Устойчивое будущее России: креативная модель возможна? Материалы XX Всероссийского научного форума. – Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. 2014. – с. 264.

только в финансировании своей деятельности, но даже содержании собственного аппарата сотрудников. Как обосновано в исследовании [190], государственная политика в отношении СО ННКО может как стимулировать, так и, наоборот, препятствовать не только развитию, но и выживанию СО ННКО. Некоторым гражданским организациям удается изыскать средства для успешного осуществления своей деятельности. Как правило, СО ННКО, располагающая свидетельствами о позитивных результатах деятельности, проводящая продуманную стратегию фандрайзинга (привлечения средств на осуществление деятельности), может рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства.

- Способность выражать и лоббировать интересы своей группы на уровне принятия государственных решений [191]. Действия государства зачастую отражают потребности народа только в том случае, если достаточно большое количество граждан берет на себя труд довести свою точку зрения до сведения тех, кто принимает решения на государственном уровне. ННКО, которая стремится установить партнерские отношения с государством или оказать влияние на процесс принятия решений, должна разработать программу лоббирования своих интересов. Взаимоотношения с правительством или программы лоббирования ННКО обычно направлены на то, чтобы оказать воздействие на местные, региональные или государственные выборные или назначенные органы и отдельных чиновников и правительственные учреждения. Программа должна быть организована и спланирована на основании четкого понимания временных рамок принятия решений и тех ключевых лиц, от которых эти решения зависят.

Вместе с тем, представляется необходимым, чтобы организации

[190] Гимазова Ю.В., Казбан Е.П. Развитие инфраструктуры государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России /Общественные науки: вопросы и тенденции развития. Секция №9. Политические институты, процессы и технологии / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 10 ноября 2015 года. – С. 16 – 18.

[191] Гимазова Ю.В., Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А., Харичкин И.К. Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций [текст]: монография. – М.: ГУУ. 2015. - С. 54.

третьего сектора осознавали свою ответственность за политическую ситуацию в стране в целом. В этой связи, миссия СО ННКО видится не просто в отстаивании интересов отдельной социальной группы. СО ННКО должны лоббировать свои интересы не в частном порядке и не корпоративными группами, а через единую ассоциацию, действующую на принципах пропорционального представительства интересов, самоорганизации и саморегулирования. Они должны осмыслить, что являются не только «просителями» благ у государства для своей цели, но и акторами публичной политики, равноправными партнерами власти, способными оказать государству реальную помощь, в том числе и посредством конструктивного политического влияния.

Как справедливо замечает Т. Клименкова [192] , взаимоотношения общественности и государства, основанные на принципе «проситель – благотворитель», ведут к социальной инвалидизации общественной группы – «клиента», т.е. пассивном, безынициативном выпрашивании благ от государства. В конечном счете, это приводит к обострению существующих и появлению новых социальных проблем, созданию все большего количества «клиентов» из числа общественных организаций и, соответственно, перенапряжению государства, на плечи которого взваливается все большее число общественных сложностей.

Идея партнерства, напротив, предполагает активизацию коммунитарных гражданских ценностей в структуре гражданского сознания и – как следствие - действия СО ННКО в решении общегосударственных социальных проблем совместными усилиями. Само партнерство в этом случае оказывается гражданской реакцией (ответной конструктивной самоорганизацией) на действия государственных структур. Суть партнерского мышления, как подчеркивает И. Леонова, «планировать то, что ты способен отдать. Быть партнером означает разделять идеи другого, иметь перед ним

[192] Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. – М., 1996. – С.147.

обязательства, принимать участие в совместной деятельности, наконец, разделять ответственность за происходящее».[193]

Чтобы реализовать вышеозначенные идеи в практике взаимодействия СО ННКО и государственных учреждений, необходимо тщательно проработать механизм партнерства.

Концептуализируя взаимодействие государства и СО ННКО, часто употребляют категорию «социальное партнерство»; если же во взаимодействии участвует бизнес, то речь идет о «межсекторном социальном партнерстве» (далее – МСП).

Автор первой в России диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук по проблематике МСП В.Н. Якимец выделил следующие группы механизмов МСП, основываясь на анализе сущности и порядка их работы: конкурсные; социально – технологические; организационно – структурные; процедурные; комплексные.[194]

В каждом из анализируемых им механизмов (кроме социально-технологических) выделены определенные социально-политические элементы взаимодействия власти и ННКО.

В рамках конкурсных механизмов таким элементом является выдвижение на конкурсы или гранты оформленных в виде проекта инициатив ННКО. Среди проектов ННКО, выдвигаемых на конкурсы различного уровня и тематики, можно выделить социальные и социально-политические проекты (последние предполагают, помимо достижения ННКО в результате реализации проекта определенных социальных целей, и политическое влияние с целью привлечения внимания власти и / или общественности к той или иной социальной проблеме).

Организационно-структурные механизмы партнерства предполагают

---

[193] Цит. по: И. Леонова. Размышления о партнерстве… - с. 12.

[194] Якимец В.Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Владимир Николаевич Якимец. - Санкт-Петербург, 2002. – с. 334 - 348.

создание совместной структуры (как правило, юридического лица), которой делегируется часть функций по решению совокупности задач путем вовлечения граждан и общественных объединений при финансовой поддержке со стороны государства / муниципалитета (например, ресурсные центры поддержки СО ННКО).

Реализация процедурных механизмов взаимодействия предполагает установление правил сотрудничества СО ННКО и государства при решении определенного класса задач без организации конкурса, создания новых юридических лиц и опоры на какие – либо инновационные технологии. Такие процедуры формируются в ходе совместного обсуждения и чаще всего оформляются в виде рамочного соглашения либо положения, действующего в течение фиксированного периода. Это, например, различного рода и статуса общественные палаты, круглые столы, форумы граждан, общественные парламенты, региональные собрания общественности, палаты социального бизнеса, общественные советы. Процедурные механизмы взаимодействия могут быть закреплены в виде законов и иных нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления (например, процедура обеспечения нормы льготного налогообложения участников благотворительной деятельности в Санкт – Петербурге, процедура получения некоммерческой организацией благотворительного паспорта и льгот по уплате налогов в Москве).

Таким образом, организационно-структурные и процедурные механизмы МСП создают институциональный дизайн для проявления и реализации ННКО политических аспектов гражданских инициатив.

Наконец, комплексные механизмы представляют собой формы взаимодействия, комбинирующие в себе черты, по меньшей мере, любых двух из вышеназванных механизмов. Это, например, фонды развития местного сообщества (объединяют черты конкурсных, технологических и

оргструктурных механизмов) [195] , ярмарки ННКО [196] . В рамках таких механизмов отрабатываются технологии выдвижения, поддержки, реализации гражданских инициатив СО ННКО.

Рассматривая специфику генезиса МСП в России, В.Н. Якимец замечает, что это партнерство «выросло» из региональных, прагматичных, естественно необходимых для государственного, частного и некоммерческого секторов практик взаимодействия, и лишь начиная с 1997 г. начало масштабно осмысливаться исследователями и экспертами с концептуально-теоретических позиций».

К началу 2000-х гг. в России возникали региональные и межрегиональные «точки роста» МСП как «нового научно-практического направления в решении социально-значимых задач федерального, регионального или муниципального масштабов» [197] . С помощью МСП удавалось не только в разы повысить эффективность решения многочисленных социальных задач, но и масштабно привлекать внебюджетные ресурсы, а также «изобретать» инновационные механизмы властно-общественного взаимодействия, тем самым повышая уровень конструктивной гражданской активности.

Обилие тематических научно-практических конференций, форумов, переговорных площадок власти и представителей ННКО, развитие на уровне российских регионов и муниципальных образований нормативно-правовой и методической базы обеспечения функционирования механизмов МСП, создание «низовых» партнерских механизмов – все это наследие конца 1990-х – начала 2000-х гг., до сих пор не до конца осмысленное отечественными исследователями МСП, не могло быть накоплено в России без активного

[195] См.: Диси Ал. Сибирские общественные школьные фонды: местная альтернатива традиционной модели общественного фонда: издание МОФ СЦПОИ, 1999.
[196] См.: К.В. Гребенник, Н.А. Киричук. Ярмарки НКО, МОФ СЦПОИ, Новосибирск, 1998.
[197] Якимец, В.Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Владимир Николаевич Якимец. - Санкт-Петербург, 2002. – с. 357.

инициативного гражданского (социально-политического) участия ННКО.

Однако, большинство проектов МСП в 1990 – х – начале 2000-х гг. реализовывалось при ресурсной и организационной поддержке НПО – зарубежных фондов, ориентиры и принципы понимания сущности МСП представителей которых являлись частью либеральной демократической культуры. В данном контексте, требует пристального внимания заключение исследователя процесса реализации механизма социального заказа в российских регионах А.К. Толмасовой о том, что как общество, так и государство к завершению 1990-х гг. оказались не готовы к разгосударствлению социальной сферы, сопутствующему переходу на договорные начала реализации социальных программ[198].

Представляется, что эта неготовность отражала не только организационные и профессионально-компетентностные навыки, но, прежде всего, ценностные, культурные аспекты.

Например, ключевым принципом МСП, транслируемым иностранными фондами (в том числе в распространяемой этими фондами специальной литературе [199]), является принцип субсидиарности в интерпретации Х. Анхайера. Он полагал, что вмешательство государства в решение социальных проблем на местном уровне должно быть минимальным, а за властью должны сохраниться лишь функции правового регулирования и опосредованной поддержки третьего сектора путем субсидируемых на общегосударственном уровне объединений ННКО[200].

Данный принцип МСП, безусловно, соответствует специфике государственного устройства США и ряда стран Западной Европы, однако, вряд ли успешно реализуем в современной России, в которой децентрализация

[198] Толмасова А.К. Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы. М.: CAF Россия, 1998. - С. 137.
[199] Саламон Л.М., Анхайер Х.К. Появляющийся сектор. новые данные // О взаимодействии организаций третьего сектора с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. М., 1999. – С. 24.
[200] Anheier H.K. Nonprofi t organizations: Th eory, management, policy. L., 2005. - P. 174.

государственного управления 1990-х гг. прошла в формате разрушительного для национальной государственности «парада суверенитетов» субъектов Российской Федерации и во многих субъектах сопровождалась масштабным кризисом социальной сферы.

К тому же, сами ННКО (особенно правозащитные) слишком неоднозначно оценили попытку власти в 2013 – 2016 гг. субсидировать их деятельность путем наделения функцией грантоператора организации из их же среды - общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство». Так, в 2013 г. через «Гражданское достоинство» было распределено 200 миллионов рублей; в 2014 году - 500 миллионов рублей; в 2015 году - 528,5 миллионов рублей для поддержки гражданских инициатив СО ННКО по проектным тематикам «защита прав и свобод человека», «защита социально-экономических прав трудящихся». Однако, такая политика встретила неоднозначную реакцию общественников. Если одни оценили деятельность ООД «Гражданское достоинство» положительно, подчеркнув, что «там и процедура принятия решений прозрачная, и критерии очевидные, и всё соответствовало нашему пониманию о том, как нормально проводить конкурсы проектов»[201] , то другие назвали грантоператора «агентом Кремля», при этом, не сообщив своего мнения по поводу качества работы оператора [202]. В итоге, на высшем государственно-политическом уровне было принято решение учредить единый некоммерческий фонд под попечительством Президента Российской Федерации, который бы распределял гранты СО ННКО, в том числе по правозащитной тематике. Данный пример демонстрирует ценностную дезориентацию, увлеченность либеральными идеалами и разобщенность общественного правозащитного движения, а также свидетельствует о кризисе доверия власти по отношению к ННКО, в первую очередь, правозащитным. Отражение этого не преодоленного до сих пор

[201] Цит. по: «Гражданское достоинство» / Википедия. - https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданское_достоинство#cite_note-13 (дата обращения: 03.12.2025 г.)
[202] Епифанова М. Агенты Кремля. Новая газета . 9 декабря 2013 г. (дата обращения: 27 мая 2024 г.)

кризиса доверия отчетливо читается в высказывании Президента России В.В. Путина в отношении правозащитных ННКО на заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2024 г.: «Кто платит деньги, то и заказывает музыку»[203].

С 2000-х гг. по настоящее время в России по проблематике МСП издано много научной литературы[204].

Вместе с тем, в ней приоритетное внимание уделяется проблематике эффективного решения социальных проблем общественности, а гражданско-политические аспекты взаимодействия недостаточно освещены.

Такая ситуация применительно к перспективам российской модели МСП представляется методологически неопределенной и стратегически недальновидной, поскольку даже совершенное владение прикладными навыками межсекторного взаимодействия (работа в команде, технологии фандрайзинга и грантрайтинга, единый для ННКО и чиновников «социально – экономический синтаксис» общения [205] и т.д.) является пусть и необходимым, но недостаточным условием реализации эффективного МСП в России, пока не преодолен кризис доверия между властью и общественностью.

С позиций проанализированных теоретических основ гражданских инициатив СО ННКО, необходимо проанализировать профильные научные исследования и статистические данные о российском третьем секторе.

Термин «некоммерческая организация» пришел в российскую науку и

---

[203] Ольга Иванова. Путин прокомментировал механизм финансирования правозащитной деятельности. Взгляд: деловая газета. 10 декабря 2024 года. https://vz.ru/news/2024/12/10/1302693.html (дата обращения: 12.12.2025 г.)

[204] См.: Ильичева Л.Е. Паршина Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства //Власть. 2024. Т.2. №2. – с. 145 – 159; Ильичева Л.Е., Паршина Е.В., Ильичева М.В., Лапин А.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4 (182). С. 315-332; Нестерчук О.А. Государственная политика в сфере поддержки добровольческого движения в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88). – с. 2481-2494.

[205] См.: В.И. Редюхин. Местные сообщества и органы муниципального управления: понять, чтобы взаимодействовать.// Материалы Центра взаимодействия общественных и государственных структур «Социальное партнерство» Правительства Москвы и Программы ООН.

практику из-за рубежа. Этим обусловлено наличие множества «пересекающихся» терминов, определяющих данный институт гражданского общества, в отечественной социально-политической науке и организационно-управленческой практике. Международным аналогом российского определения НКО отчасти можно считать используемый специалистами международного права термин «*неправительственные организации*» (далее: НПО). Это «структуры третьего сектора, сфера и направление деятельности которых ограничена социальными параметрами»[206].

Раскрывая первую часть дефиниции, следует пояснить, что такое «третий сектор». Согласно относительно устоявшимся в научно – публицистическом сообществе представлениям, жизнь общества делится на три сектора: функционирование государства и его структур, коммерческая деятельность институтов гражданского общества и, наконец, сфера гражданской самодеятельности в различных, преимущественно неэкономических ее проявлениях. Последняя и есть третий сектор, в рамках которого функционируют НПО[207]. В отличие от государства третий сектор не объединен в единое целое, не имеет жесткой иерархии и не существует полностью на бюджетные средства. В отличие от бизнеса третий сектор, как правило, вообще не стремится к извлечению прибыли, а если она и имеется, то тратится на общественно полезные дела, для которых и созданы НПО[208].

В термине «социальные параметры», которыми ограничена деятельность НПО-сектора, можно выделить два аспекта:

1) Сфера, отличная от политической (учитывая в данном случае, что политика – сфера общественных отношений по поводу борьбы за государственную власть и ее удержание) и экономической (как сферы

[206] See: Isagani, Serrano R. Civil Society in Asia – Pacific Region. Washington, 1994, p. 138 – 143.
[207] Мухаметов Р.С. Некоммерческая организация как категория политической науки // Studia Humanitatis/ 2016. №2. – С. 15.
[208] Кутейников А.Е. Самоорганизация российского социума, третий сектор и общественная экспертиза // Материалы Гражданского форума – 2003 «Гражданское общество и местное самоуправление в России» / Редакц. совет, предс. редакц. совета проф. Л.А. Вербицкая. - СПб.: ООО «Скифия», 2003. – с. 180 – 181.

общественных отношений по поводу материального производства, материальной прибыли и ее распределения между участниками). Согласно международной классификации ООН, в перечень НПО, с одной стороны, не входят общественно – политические движения, а тем более, партии, а с другой – профсоюзы, потребительские кооперативы. Вместе с тем, практика показывает, что любая НПО все же влияет на власть опосредованно. Важно, чтобы борьба за власть не становилась основной целью деятельности НПО, и она адекватно выражала интересы своей социальной группы (групп).

2) Направленность субъектов на решение общественных проблем, причем значимых как для одной социальной группы, так и для нескольких групп / всего общества. В этой связи под категорию НПО не подпадают структуры, ориентированные на организацию досуга (например, спортивные клубы и общества, объединяющие людей, имеющих одинаковые хобби).

Следует подчеркнуть принципиальное отличие НПО от общественных (civil, public) объединений, которые ориентированы на защиту исключительно внутригрупповых социальных интересов, а также от благотворительных (charity) организаций, которые занимаются реализацией целевых программ по оказанию помощи тем или иным людям. И общественные объединения, и благотворительные организации входят в класс НПО как отдельные виды.

К НПО относятся также «грас – рутс» (grass roots) организации[209] – структуры третьего сектора, ориентированные на поддержание и развитие местных инициатив общества с преимущественной опорой на собственные силы, а также добровольческие (voluntary) организации, имеющие в своем составе большое число волонтеров, безвозмездно осуществляющих общественно – полезную деятельность.

Исследователи отмечают, что целевое назначение НПО носит разносторонний характер и охватывает все сферы жизнедеятельности современного общества. НПО могут создаваться для достижения социальных,

[209] «grass – roots» – «корни травы» (англ.)

благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Разнообразные цели деятельности некоммерческих организаций известный российский исследователь неприбыльного сектора В.Э. Гордин объединяет в одну задачу роста «социального капитала общества». Под «социальным капиталом» автор подразумевает такую «систему общественных взаимоотношений, которая предполагает разнообразные формы взаимопомощи и сотрудничества членов отдельных социальных общностей»[210].

В современной общественно-политической российской риторике и законодательстве под НПО подразумевают крупные международные организации (ООН, ЮНЕСКО и т.д.), которые реализуют широкомасштабную социально значимую деятельность путем финансирования национальных общественных организаций, либо путем учреждения филиалов и представительств на территории данного государства[211].

Наиболее близкой к НПО по смысловому значению является российская дефиниция «некоммерческие организации» – не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками[212] (т.е. принадлежащие к третьему сектору), а также созданные в целях, направленных на достижение общественных благ [213] (в некотором роде, ограниченные социальными

[210] Гордин В.Э. Место и роль негосударственных некоммерческих организаций в реформировании социальной сферы России // Благотворительность в России. 2005/2006. Исторические и социально-экономические исследования СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007. – С.120.
[211] П. 5 ст. 2. Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»
[212] Ст. 2. п.1. указ. Федерального закона.
[213] Ст. 2. п.2. указ. Федерального закона.

параметрами). Однако, в перечень организационно – правовых форм НКО законом включены: государственная корпорация, государственная компания, государственное (муниципальное) учреждение, бюджетное учреждение, которые, в общем – то, относятся к структурам первого (государственного) сектора. С учетом того, что Федеральный закон «О некоммерческих организациях» был принят в целях создания организационно-правовых условий для развития экономики третьего сектора, данная в нем трактовка НКО не содержит никакого социально-политического смысла.

Наряду с этим термином, применительно к организациям неприбыльного сектора в России в качестве синонима употребляется категория «общественное объединение». Последние, определяемые как добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан на основе общности интересов для реализации общих целей [214] , являются единственными легитимизированными Конституцией Российской Федерации организациями третьего сектора (ст. 30). В то же время, как по международной классификации, так и российским законодательством они признаны лишь частью, организационно – правовой формой НКО[215].

Нередко встречающееся в отечественной литературе употребление термина «общественная организация» для обозначения всего спектра российских НКО вообще юридически неправомерно, поскольку, согласно действующему национальному законодательству, общественная организация является лишь одной из организационно - правовых форм общественных объединений[216].

До сих пор употребляется в научной и публицистической литературе термин «неформальные организации». Ввиду того, что статус НКО в России легализован, а также из-за негативных по отношению к государству

[214] Ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995г. «Об общественных объединениях» № 82 – ФЗ.
[215] Ст. 2 п.3 Федерального закона от 12 янв. 1996г. « О некоммерческих организациях» №7 - ФЗ
[216] Ст. 7 указ. Федерального закона.

ассоциаций, связанных с использованием данного термина, его целесообразно исключить.

В условиях и по причине терминологической эклектичности российской нормативно – правовой базы некоторые отечественные исследователи гражданского общества используют термин «неправительственные некоммерческие организации», понимая под ним весь спектр российских негосударственных НКО и международное НПО – сообщество.

Наиболее удачным с точки зрения статуирования негосударственных НКО как социально-политического института выдвижения и реализации гражданских инициатив представляется термин «негосударственная некоммерческая организация». Он был впервые введен в России профильным законом г. Москвы [217], проект которого готовился при активном участии первого в России ресурсного центра общественных организаций – «Социальное партнерство». Данный региональный закон выводит из сферы регулирования государственные НКО, ориентирован на взаимодействие публичной власти и негосударственных организаций третьего сектора, тем самым, раскрывая социально-политическую сущность негосударственных некоммерческих организаций как автономных от государства институтов гражданского общества, взаимодействующих с ним в целях выражения гражданской позиции и удовлетворения нематериальных потребностей, основанных на принципах общности интересов, добровольности, самоорганизации, саморегулирования.

Начиная с 2014 г. в российском законодательстве, а затем и в публичной риторике стал использоваться термин «социально ориентированные НКО».

При этом, российский законодатель включает в спектр организаций некоммерческого сектора НКО с государственным участием. В данной работе такие НКО исключены из исследовательского фокуса, в связи с чем

[217] Закон г. Москвы «О взаимодействии органов власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями» от 12 апр. 2000г. №8.

используется аббревиатура СО ННКО (социально ориентированные негосударственные некоммерческие организации).

Вопрос о том, какие же ННКО считать социально ориентированными, является сегодня дискуссионным в политической науке и по-разному решается в политико-управленческой практике различных государств. Однозначного решения не получил он и в Российской Федерации.

В широком значении, социально ориентированными являются все ННКО, поскольку они возникли как ответ на потребность части общества артикулировать свои проблемы перед публичной властью, а также как попытка общественности разрешить данные проблемы совместно с властью либо при ее поддержке.

Однако, в юридической и управленческой российской практике утвердился более узкий подход, согласно которому социально ориентированными являются лишь те ННКО, которые:

- имеют своей целью решение социально значимых проблем общества;

- не вмешиваются в политическую сферу;

- не получают от иностранных физических и юридических лиц финансирования.

Таким образом, судьба СО ННКО на практике зависит от того, будут ли в ее деятельности усмотрены «политические» мотивы, а также от степени поддержки ее проектов отечественными спонсорами (инвесторами), и прежде всего государством.

Согласно действующему российскому законодательству, в приоритетном порядке должны получать государственную или муниципальную поддержку СО ННКО, внесенные в реестр социально ориентированных, который ведется «уполномоченными государственными или муниципальными органами». Следовательно, именно государство признает данную ННКО социально ориентированной, несмотря на то, что

потенциально таковой может себя назвать, по словам Президента РФ В.В. Путина, каждая организация третьего сектора.

В отечественной специальной литературе и на практике все чаще можно столкнуться с позиционированием СО ННКО в качестве агента социальных услуг. Теоретическое обоснование данная дефиниция получила в рамках позиционирования современного государства как совокупного «института по оказанию услуг гражданам и их организациям» в рамках концепции «государственного менеджеризма», популярной в 1980-е гг. в большинстве западноевропейских стран и США. Сторонники данного подхода считают СО ННКО социально-экономическим институтом, целью которого является альтернативное государству предоставление социальных услуг населению[218]. Подобный подход представляется необоснованно узким. Во-первых, за его рамками остаются те ННКО, которые решают социальные проблемы граждан, не занимаясь при этом предоставлением социальных услуг. Во-вторых, он позиционирует ННКО, прежде всего, в качестве субъектов социального предпринимательства, которые оказывают востребованные общественностью услуги, пользуясь при этом государственными льготами, субсидиями, занимаясь фандрайзингом. Статуирование ННКО как агентов социальных услуг способствует развитию экономики третьего сектора, содействует совершенствованию качества его повседневной работы, но не стимулирует его социально-политическую инициативность.

Тем не менее, изложенный экономикоориентированный подход принят за основу современной политики Правительства Российской Федерации по отношению к СО ННКО. Постановлением Правительства России от 27 октября 2016 года №1096[219] утвержден перечень общественно полезных

[218] Шпак А.А. Социальное проектирование как фактор устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций // Устойчивое будущее России: креативная модель возможна? Материалы XX Всероссийского научного форума. – Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. 2014. – с. 265.

[219] Постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. N 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания»

услуг, качественное оказание которых в течение не менее одного года служит основанием для вхождения ННКО в реестр исполнителей социально полезных услуг и получающих за это приоритетную поддержку от государства в форме субсидий.

По-прежнему остро стоит в современной политической науке и государственной практике вопрос, касающийся позиционирования СО ННКО как социально-политического института, способного выходить за рамки социальных параметров, выдвигая и реализуя гражданские инициативы.

Не проработанным в общественно-политической науке и практике является вопрос о классификации гражданских инициатив СО ННКО с целью возможности их учета и исследования.

С учетом предложенной в п.1.1. данной работы дефиниции гражданских инициатив СО ННКО, эти инициативы можно разделить на 2 вида:

1) Инициативы – идеи. Они обычно не проработаны на уровне проекта, и потому в гораздо меньшей степени характерны для организаций ННКО-сектора, уже приученного облекать идею в проект, чем для обычных граждан.

2) Инициативы – проекты. Могут быть инициированы как численно небольшими СО ННКО, которые живут «от проекта к проекту», так и крупными СО ННКО / НКО – членами реестров социально ориентированных организаций и /или поставщиков социальных услуг, которые «упаковывают» определенные аспекты своей регулярной деятельности в проекты.

В целях попытки «измерения» количества и качества гражданских инициатив СО ННКО в современной России, в данной работе под гражданскими инициативами СО ННКО предлагается понимать инициативы в формате проектов.

Не решенным вопросом остается классификация проектных инициатив третьего сектора. Наиболее популярные типологии проектов, построенные по сферам / направлениям реализации, масштабам проектирования, источникам

финансирования, страдают несоблюдением принципа полноты и непротиворечивости классификации (когда один проект можно отнести сразу к нескольким подмножествам классификации).

С учетом специфики данной работы, востребована классификация инициатив – проектов СО ННКО по характеру изменений объекта воздействия в результате реализации проекта. С этой точки зрения, проекты СО ННКО можно разделить на простые (воспроизводящиеся), инновационные и расширенные. Однако, применительно к инициативным проектам СО ННКО, эту классификацию необходимо скорректировать с учетом следующих соображений.

Во-первых, воспроизводящиеся проекты (например, оказание социальных услуг) никакой новой идеи в себе не содержат и потому являются не инициативой, а, скорее, запросом на поддержку ранее осуществлявшейся деятельности.

Во-вторых, несмотря на то, что в основе каждой инициативы лежит идея изменить что-то к лучшему, не любой инициативный проект СО ННКО следует относить к инновационному (как бы ни хотелось этого его автору или исследователю социальных инноваций).

Изложенное дает основания предложить классификацию гражданских инициатив-проектов СО ННКО на инновационные (которые действительно не имеют аналогов) и расширенные (которые предполагают воспроизводство на иной территории / ином уровне / в иных условиях).

Основным ограничением на пути признания социально-политической роли ННКО в современных государствах (и, соответственно, их возможности социально-политической инициативной деятельности) является дестабилизация на внутри – и внешнеполитической арене. Решая данную проблему, большинство государств вынуждены обезопасить политическое влияние негосударственных агентов, сузить поле политической деятельности, напрямую запретить СО ННКО участвовать в политической жизни. Вот

почему, помимо выделения политических партий и религиозных организаций из спектра СО ННКО, современные государства вводят «цензуру» на политическую деятельность третьего сектора. Введя запрет для СО ННКО вести «политическую деятельность», российский законодатель попытался конкретизировать виды этой деятельности. Однако, итоговые формулировки направлений политической деятельности[220] оказались размытыми, неясными, что оставляет за Минюстом России и взаимодействующими с СО ННКО субъектами публичной власти широчайшую дискрецию в аспектах выявления «политического» в гражданских инициативах организаций третьего сектора. К тому же, законодательное выведение из политической сферы деятельности СО ННКО в социально ориентированных областях (наука, культура, искусство, благотворительность, социальное обслуживание и т.д.)[221] не освобождает организацию, осуществляющую деятельность в рамках одной из указанных сфер, от риска стать иностранным агентом в случае, например, участия в экологической акции, либо комментария лидера организации по поводу качества и проблем законодательства в области социального обслуживания.

В итоге, установка Президента России В.В. Путина «не размывать», «не делать резиновым» понятие «политическая деятельность» по отношению к НКО[222], не в полной мере реализована сегодня на законодательном уровне.

Таким образом, СО ННКО, охарактеризованные российской политической наукой как социально-политические институты, в то же время, не являются самостоятельным объектом нормативно-правового регулирования именно в социально-политическом плане. Как политический институт часть СО ННКО – общественные объединения - статуированы в Конституции России и профильном федеральном законе; как социально-

[220] Ст. 1 Федерального закона от 02.06.2016 N 179-ФЗ "О внесении изменений в статью 8 Федерального закона "Об общественных объединениях" и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»
[221] Ст. 2 Федерального закона от 02.06.2016 N 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»
[222] Путин об НКО: понятие «политическая деятельность» не должно быть размыто. URL: https://rg.ru/2015/10/01/nko-site-anons.html (дата обращения: 01.12.2024г.)

экономический институт СО ННКО объединены российским законодателем с государственными некоммерческими организациями; наконец, как разновидность социального предпринимательства СО ННКО могут осуществлять свою деятельность в качестве социально ориентированных, с перспективой получения статуса поставщиков социальных услуг. В то же время, возможность политической деятельности СО ННКО трактуется в действующем законодательстве чрезвычайно широко, что не может не расширять дискрецию субъектов публичной власти в отношении определения «политического» в деятельности организаций третьего сектора. Все это сужает «коридор возможностей» реализации социально-политического потенциала российских СО ННКО, оставляет за пределами нормативно-правового регулирования множество вопросов, связанных с выдвижением и осуществлением СО ННКО гражданских, т.е. социально-политических инициатив.

Изложенные особенности и пробелы научного и законодательного статуирования СО ННКО не могут не вызывать проблем их статистического учета и исследования, в аспекте проявления ими социально-политической инициативности.

Так, не преодолена противоречивость российской официальной статистики СО ННКО. По данным реестра Минюста России, по состоянию на 01.01.2023 г. таких организаций было более 215 тыс[223]. В этот перечень входят как организации, имеющее статус «исключенных» [из ЕРЮЛ – прим. Ю.Б.], так и статус «зарегистрированных» [из ЕРЮЛ – прим. Ю.Б.] Однако, рассуждать о масштабах третьего сектора, а значит, о его реальных потребностях и перспективах развития в России, довольно сложно, поскольку статистика на предмет «социально ориентированные ННКО» весьма противоречива. Например, приводимые Росстатом данные о численности

[223] Минюст прогнозирует рост новых НКО в России. URL: https://rg.ru/2023/11/23/miniust-prognoziruet-rost-novyh-nko-v-rossii.html (дата обращения: 07.11.2025г.)

ННКО сектора по состоянию на 01.01.2023 г., втрое (!) превосходят те же данные, приводимые Федеральной регистрационной службой, и почти вдвое (!) превосходят статистику Минэкономразвития России на начало 2023 г. Реестр СО НКО, сформированный в соответствии с профильным Постановлением Правительства РФ [224], по состоянию на 01.07.2023 гг. включает в себя 53631 СО НКО.

Такие «странности» статистики российского третьего сектора эксперты объясняют тем, что, во-первых, существуют официально не зарегистрированные ННКО; во-вторых, есть «спящие» ННКО, которые работают по довольно редким отдельным проектам; в-третьих, ННКО, прекратившие свое существование, часто не могут оплатить юридическую процедуру ликвидации, а зарегистрировать или ликвидировать ННКО порой даже сложнее, чем коммерческое предприятие[225]. К тому же, в различные правила учета до сих пор относят к числу ННКО гаражные и дачные кооперативы, союзы вкладчиков и инвесторов, государственные некоммерческие организации и др.

Пользуясь устоявшейся в науке классификацией ННКО, из заявленных статистикой по сост. на 01.01.2023 г. 223 605 ННКО к «третьему сектору» (или социально ориентированным) можно отнести не больше половины организаций (т.к. к неприбыльному сектору не относятся: политические партии, государственные корпорации, государственно-общественные объединения, ассоциации крестьянских хозяйств, товарищества, ТСЖ, ТПП, нотариальные палаты, учреждения, советы муниципальных образований).

Для оценки динамики СО ННКО за 2019 – 2023 г., в данной работе использованы данные Минэкономразвития России (см. табл. 1).

[224] Постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. N 1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций»

[225] См.: Тополева-Солдунова Е.В. Доклад о состоянии НКО в России. Комиссия по делам НКО Совета Президента РФ по правам человека. – М., 2014.

Таблица 1

Динамика состояния СО ННКО в России (2019 – 2023 гг.)[226]

показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество СО ННКО, ед.	Около 146000*	128709	127632	129939	130532	133 812
Итого средняя численность штатных работников, нештатных работников (привлечённых по договорам гражданско–правового характера), внешних совместителей, занятых в одной СОНКО, чел.	4 - 7	4 -7	3	3	3	3
Среднесписочная численность штатных работников (за исключением внешних совместителей), тыс. чел.	375,8	374,3	109,9	106,2	109,9	110, 1
Среднесписочная численность добровольцев (волонтеров), тыс. чел.	4 056,7	3 429,1	3 767,8	3 232,6	3 958,5	4102,3
Средняя численность внешних совместителей, тыс. чел.	64,9	63,8	57,2	47,6	50,6	53,1

*По данным доклада «О деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации» https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/tiff2pdf.pdf

[226] Сост. автором на основе докладов «О деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации» за 2019 – 2024 гг. Утв. приказами Минэкономразвития России

Как можно увидеть из таблицы, в 2021 – 2024 гг. по сравнению с 2019 – 2020 гг. наблюдается снижение численности СО ННКО и численности занятых в этом секторе работников, а также волонтеров.

Эксперты связывают эту тенденцию с отрицательными последствиями пандемии, в ходе которой многие ННКО вынуждены были приостановить или вообще прекратить свою деятельность[227]. И.В. Мерсиянова, руководитель Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора при НИУ «ВШЭ», замечает, что некоторые российские ННКО, фактически являясь банкротами, не могут оплатить процедуру банкротства; процесс формирования реестров СО ННКО недостаточно контролируется федеральной властью, что вызывает множество фактических ошибок, связанных с неучетом либо, наоборот, множественным учетом российских ННКО[228].

Несмотря на то, что в 2024 г. наблюдался незначительный прирост количественных показателей СО ННКО по сравнению с 2021 годом, «нечувствительность» методологии официального статистического исследования СО ННКО не позволяет строить надежных прогнозов развития третьего сектора на основе этих данных.

По данным доклада Минэкономразвития России, устойчивая положительная динамика за период с 2019 по 2024 гг. наблюдался в отношении развития экономики третьего сектора, в части роста количественных параметров благотворительности.

Эти результаты отчасти подтверждают итоги рейтинга благотворительных организаций России, исчисляемого Агентством «РАЭКС-

[227] См.: Семикова М.А. Влияние пандемии коронавируса на деятельность благотворительных организаций в Сибири // Социология. 2021. №3. С. 41 – 45; Иванова, В.Н. () Анализ влияния COVID-19 на тренды развития некоммерческого сектора: международный опыт // Студенческий вестник. 2021. №12-3 (157). С.66 – 77; Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 80. Июнь 2020 г.

[228] См.: Мерсиянова И.В. Мониторинг состояния гражданского общества // Информационно-аналитический бюллетень. О развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – М. изд-во НИУ ВШЭ. Август 2021 г. – с. 22 – 25.

Аналитика». По подсчетам Агентства, с 2021 г. по 2023 г. «…сектор организованной благотворительности стал заметно прозрачнее. Особенно это заметно в сегменте фандрайзинговых благотворительных СО НКО. Прогресс раскрытия отмечается и в наполнении официальных сайтов, и в объеме и качестве публикуемой отчетности». Вместе с тем, в 2023 г. «…количество участников рейтинга корпоративных и частных благотворительных ННКО сократилось, по сравнению с рейтингом 2022 года, с 205 до 185, …некоторые крупные благотворительные организации существенно сократили в 2021 и 2022 годах масштабы деятельности, …минимум половина выбывших из рейтинга ННКО приостановили активную деятельность или были ликвидированы, а не просто опустились ниже установленного методикой порога отсечения по объему поступлений (5 млн рублей за последний отчетный год)». Эксперты «РАЭКС-Аналитика» связывают это снижение фактических объемов благотворительной деятельности с наличием внешних ограничений для эффективного развития экономики третьего сектора.

Одним из таких ограничений для российского третьего сектора оказалась пандемия, связанная с распространением вируса COVID-19. Обсуждение проблем эффективности мер государственной поддержки НКО в период пандемии в России было предпринято в рамках Общероссийского Гражданского форума 2020 г. с применением методики ситуационного анализа[229].

По результатам дискуссии, в числе конкретных проявлений низкой результативности этой поддержки были выявлены следующие:

- рост частоты отказов банков в поддержке ННКО по причине отсутствия единой четкой методики оценки социальных проектов;

- недостаточность денежных средств, перечисленных региональным органам власти на поддержку социальной сферы в период пандемии;

[229] Общероссийский Гражданский Форум 2020: ситуационный анализа мер поддержки НКО в период пандемии (2020, 9 декабря). URL: https://grany-center.org/note/ogf-2020-situacionnyy-analiza-mer-podderjki-nko-v-period-pandemii-1607506266 (дата обращения: 21.02. 2021г.)

- отсутствие у муниципальных органов власти ресурсов на поддержку ННКО вследствие низкой бюджетной обеспеченности муниципальных образований и экономического кризиса пандемии;

- невозможность для ННКО требовать снижения ставок арендной платы за пользование коммерческой недвижимостью (такая возможность в пандемийный период была предоставлена лишь субъектам малого бизнеса);

- незнание большинством ННКО, занимающихся проектной деятельностью, о возможностях воспользоваться мораторием на штрафы по контрактам;

- несвоевременное оповещение Минюстом России некоммерческих организаций о введении моратория на плановые проверки в период пандемии;

- нечеткость ведения органами государственного и муниципального управления реестров СО ННКО, что помешало организациям своевременно получить соответствующие выписки из реестров и, следовательно, воспользоваться льготами как в качестве пострадавших от ограничительных мер;

- отсутствие единой системы информирования СО ННКО о возможных мерах поддержки некоммерческого сектора со стороны государства и институтов развития, из-за чего большинство СО ННКО оказались не осведомленными о ресурсах поддержки в период пандемии.

Оценивая результаты этой дискуссии, можно заключить, что концептуальная, методическая и организационная нечеткость, недоработанность, дискреционность мер государственной поддержки российских ННКО, о которой не раз упоминали исследователи российского некоммерческого сектора в допандемийный период [230], в полной мере проявились во время распространения COVID-19.

[230] См.: Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. Власть. 2018. 18 (4). 15-25.

Вместе с тем, именно в пандемию более жизнеспособными оказались те НКО, которые работали в режиме инициативных проектов, по сравнению с теми, которые осуществляли рутинную работу и надеялись на бесперебойную помощь государства.

К такому выводу привел проведенный автором в ноябре 2020 г. сравнительный анализ адаптации к условиям пандемии ННКО, которые входили в реестры поставщиков социальных услуг, и ННКО, не входящих в эти реестры (следовательно, не получавших бюджетных средств под уставные цели деятельности)[231].

Анализ материалов интервью, проведенных автором, а также изучение доступных материалов о деятельности данных ННКО в пандемийный период, позволили прийти к следующим результатам.

Во-первых, в условиях пандемии успешность адаптационных практик НКО во многом зависела от двух групп факторов:

1) Организационные (входит ли ННКО в реестр поставщиков социальных услуг; какая форма деятельности: реализация проектов или оказание социальных услуг – является для НКО приоритетной);

2) Профессионально-деятельностные (опыт, энергия, творческий подход лидеров неприбыльных организаций, квалификация сотрудников НКО, способность их к работе в режиме команды, степень развитости у сотрудников адаптационных навыков).

Во-вторых, сокращение объемов государственной поддержки в пандемию сильнее сказалось на секторе НКО-поставщиков социальных услуг.

[231] Методика исследования: интерпретация результатов ситуационного анализа государственной поддержки НКО в рамках Общероссийского Гражданского Форума 2020г.; проведение в ноябре 2020 г. экспертных интервью с лидерами НКО из пяти субъектов РФ (республика Ингушетия, республика Чечня, Московская область, Новосибирская область, Ярославская область). Экспертную выборку составили представители 10 НКО – поставщиков социальных услуг и 10 НКО, не входящих в реестры НКО - поставщиков социальных услуг. Автором была проведена рассылка анкет, беседа онлайн с руководителями НКО по методике глубокого неформализованного интервью с использованием платформы ZOOM, транскрибирование, обработка и анализ результатов анкетирования. Анкета содержит 30 вопросов (из них 26 – неформализованные) и предполагает развернутые ответы экспертов на вопросы о том, какие меры государственной поддержки некоммерческого сектора они считают эффективными либо неэффективными и почему, какие трудности испытали НКО в период пандемии и каким образом они эти трудности преодолевали.

Действительно, государственное финансирование деятельности таких организаций было урезано на 40 – 80% по причине кризиса (отметили 9 из 10 опрошенных лидеров НКО-поставщиков социальных услуг), а также потому, что предоставлять социальные услуги в условиях самоизоляции для многих ННКО оказалось невозможным (данную причину назвали 8 из 10 опрошенных лидеров НКО – поставщиков социальных услуг).

Организации некоммерческого сектора, которые не входили (по сост. на 01.01.2019 г.) в реестры поставщиков социальных услуг и, соответственно, не пользовались приоритетной поддержкой со стороны государства, и до пандемии находились в активном поиске ресурсов, подавая заявки в форме инициативных проектов в различные фонды. Все респонденты – сотрудники таких организаций указали, что ежегодно подают заявки в 3 – 4 фонда, в том числе в ФПГ и в негосударственные благотворительные фонды поддержки социальных инициатив. Наиболее популярными из таких негосударственных фондов в 2020 – 2021 гг. оказались:

- Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, который с 2014 г. реализует проект «Культурная мозаика малых городов и сел». Победителями данного конкурса стали 417 СО ННКО из 65 регионов РФ[232] (в период 2018 – 2020 гг. на данный конкурс подавали заявки 8 из 10 исследуемых ННКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг; из них получили микрогранты 6 СО ННКО);

- Благотворительный фонд «Нужна помощь», который с 2013г. реализует проекты развития системной филантропии в России, предоставляя СО ННКО, решающим социальные проблемы, организационную, материальную, консультативную и иную помощь[233] (в период 2018 – 2020 гг. в данный фонд

[232] Конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Тимченко (2020, 20 сентября). URL: http://timchenkofoundation.org/konkursy-i-granty/vserossijskij-konkurs-kulturnaja-m/ (дата обращения: 21 февраля 2021г.)

[233] Отчет Благотворительного фонда «Нужна помощь» за 2019 г. (2019, 30 декабря). URL: https://2019.nuzhnapomosh.ru/?_ga=2.233886046.1519259230.1615823078-1211327544.1615823078 (дата обращения: 21 февраля 2021г.)

подавали заявки 6 из 10 исследуемых СО ННКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг; получили помощь в той или иной форме 5 из 10 СО ННКО).

Среди ННКО, включенных в реестры поставщиков социальных услуг, наибольшей популярностью пользуется ФПГ, который является крупнейшим государственным донором для российских негосударственных некоммерческих организаций. Заявки в данный фонд могут подавать все НКО, в том числе поставщики социальных услуг, а также организации с государственным участием. Получение гранта от ФПГ не исключает для этих ННКО мер государственной поддержки, в соответствии с их статусом. Как следует из интервью 8 опрошенных представителей НКО – поставщиков социальных услуг, в 2019 – 2020 гг. организации, входящие в реестр социальных услуг, не подали заявок в негосударственные благотворительные фонды. В итоге, не получив в период пандемии господдержки в ожидаемых объемах из бюджетов соответствующих уровней, эти НКО вынуждены были существенно сократить объемы своей деятельности.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что в условиях пандемии способность НКО-поставщиков социальных услуг к фандрайзингу оказалась ниже, чем у ННКО, не входящих в данные реестры и потому привыкших привлекать средства из различных источников.

В-третьих, оценивая организационно-управленческие способности ННКО в период пандемии, следует отметить, что именно «проектный» формат инициатив помог им получить поддержку доноров 2019 – 2020 гг.

По результатам опроса представителей обеих подвыборок НКО, все частные фонды -доноры в 2020 г. согласились продлить сроки отчетности по грантам, а также скорректировать поддерживаемые проекты ННКО с учетом неблагоприятных внешних условий пандемии. В то же время, как отметили в своих интервью 7 из 10 респондентов – сотрудников НКО-поставщиков

социальных услуг, «в 2020 году банки предоставляли кредиты под цели уставной деятельности с меньшей охотой, чем в допандемийный период».

Из приведенных результатов опроса можно сделать вывод о том, что ННКО, реализовывавшие преимущественно инициативные проекты, в условиях пандемии оказались жизнеспособнее организаций, сосредоточившихся на оказании социальных услуг в рамках уставной деятельности.

В-четвертых, профессионально-деятельностные способности лидеров и активистов ННКО также сыграли немаловажную роль в вопросах их адаптации к эпидемиологическим ограничениям. При этом, сотрудники ННКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг, в целом оказались более креативными, гибкими и адаптивными.

В условиях пандемии большинство ННКО попытались «переформатировать» свою деятельность в режим онлайн (на это указали все респонденты). 17 из 20 опрошенных отметили следующее: организациям, проекты которых носили событийный характер (благотворительные ярмарки, фестивали, праздники) это удалось в меньшей степени, чем организациям, которые занимались деятельностью обучающего, досугового, познавательного, творческого характера (уроки, мастер-классы, творческие мастерские).

Заслуживают внимания, например, такие «находки» ННКО, как: «книги на карантине», «онлайн экскурсии», «интерактивные музеи онлайн», «квесты в социальных сетях», серии мастер-классов онлайн. При этом, по мнению респондента ННКО – победителя конкурсов негосударственных грантов фонда Тимченко в 2018 – 2020 гг., «активизация деятельности ННКО в социальных сетях должна носить не просто информативный характер. Мы должны постараться сделать интернет-пользователей соучастниками онлайн – события».

Помимо перевода мероприятий в онлайн формат, к числу успешных практик ННКО в эпоху пандемии можно отнести практики объединения, консолидации усилий в рамках определенной проектной инициативы. Такие коалиции ННКО, по свидетельству опрошенных экспертов, сформировались в направлениях: помощи врачам в борьбе с пандемией COVID-19 (создание справочной службы для снижения нагрузки на учреждения здравоохранения; диагностика потребностей и обеспечения больниц, работающих с пациентами[234]; поддержка пожилых[235].

Кроме того, успешными практиками выживания ННКО в период пандемии стал т.н. «ковидный фандрайзинг», направленный на сбор средств на реализацию проектов, когда спонсоры и со-партнеры по каким-либо причинам не могут продолжать сотрудничество. Успешными, по мнению респондентов-экспертов, оказались благотворительные акции в поддержку россиян, оказавшихся в сложной жизненной ситуации в режиме пандемии[236], когда участники акции оформляют регулярное или разовое пожертвование в пользу одного из фондов.

В-пятых, весьма важным направлением развития ННКО в период пандемии стала активизация их деятельности в сфере саморазвития и саморефлексии. Это связано с появлением в период самоизоляции возможности внимательно заняться оценкой результатов своей работы (отметили 14 респондентов из обеих групп), преодолеть депрессию и «эмоциональное выгорание» сотрудников и волонтеров (указали 11 опрошенных), «потребностью команде сплотиться» (отметили 9 респондентов). Практически все опрошенные сотрудники ННКО (19 из 20 респондентов) говорили о возрастающей необходимости развития т.н.

[234] Фонд профилактики рака: движение против COVID-19 (2019, 30 декабря). URL: https://defeatcovid.ru (дата обращения: 27.02.2021г.)
[235] Как помочь пожилым людям во время карантина? Старость в радость. (2019, 30 декабря) URL://starikam.org/news/ (дата обращения: 27.02.2021г.)
[236] Меня касается (2019, 30 декабря) URL:https://covid.nuzhnapomosh.ru (дата обращения: 05.04.2021 г.)

«сетевых, партнерских инициативных проектов», предполагающих «активное соучастие» ННКО, «рост их профессионализма», «совершенствование стратегического управления», «независимый мониторинг». Данные идеи и элементы стратегического управления, управления развитием организации предусмотрели в проектных заявках 2021 г. 8 из 10 опрошенных представителей ННКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг, и лишь 3 из 10 опрошенных представителей ННКО-поставщиков социальных услуг.

Таким образом, результаты проведенного исследования привели к выводу о том, что именно деятельность инициативных СО ННКО, выраженная в формате проектов, способствует развитию навыков их самоорганизации, стимулирует их способность к устойчивому развитию, содействует совершенствованию навыков управления рисками.

Напротив, деятельность ННКО-поставщиков социальных услуг исключительно в формате регулярной работы может стимулировать их ожидание стабильного государственного финансирования под уставные цели.

С учетом изложенного, на постпандемийном этапе организациям третьего сектора представляется целесообразным несколько дистанциироваться от ожидания государственной поддержки и сосредоточиться на разработке и предложении инициативных проектов.

Наиболее полную информацию о количестве и направлении инициативного проектирования СО ННКО можно получить, анализируя статистику проектных заявок в рамках конкурсов ФПГ с 2017 по 2023 гг. (см. табл.2).

Таблица 2

Показатели деятельности ФПГ в отношении конкурсов Президентских грантов (2017 – 2023 гг.)[237]

Количество проектов		Годы проведения конкурсов						
		2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
1.	Количество поданных проектов	16139	19016	18081	24261	22318	23828	21994
2.	Прирост/убыль показателя в сравнении с предшествующим годом, %	-	+18	-5	+34	-9	+7	-11
3.	Количество НКО-заявителей	10367	12330	12090	14458	14108	14570	14235
4.	Прирост/убыль показателя в сравнении с предшествующим периодом, %	-	+19	-2	+20	-3	+3	-2
5.	Количество поддержанных ФПГ проектов	3213	3573	3772	5319	4144	4324	3349
6.	Прирост/убыль показателя в сравнении с предшествующим периодом, %	-	+11	+7	+41	-32	+4	-33
7.	Количество регионов, участвовавших в конкурсах ФПГ	68	70	70	71	74	78	78
8.	Доля проектов НКО, зарегистрированных в Москве, в общем количестве поддержанных проектов, %	17	13	13	11	11	11	10
9.	Доля проектов НКО, зарегистрированных в Москве, в общей сумме выделенных грантов, %	37	36	33	32	33	30	30

[237] Составлено автором на основе отчетов ФПГ об оценке результатов проектов победителей конкурсов ФПГ на развитие гражданского общества за 2017 – 2023 гг. / https://президентскиегранты.рф/public/open-data

Как можно увидеть из данных таблицы, в 2023 г. по сравнению с 2017 г. количество поданных на конкурс ФПГ проектов выросло на 36%; количество ННКО – авторов инициативных проектов, увеличилось на 37%. Однако, ежегодная динамика этих изменений не была равномерной, что может свидетельствовать о нестабильности инициативной проектной деятельности ННКО.

Ежегодная динамика поддержанных ФПГ проектов ННКО также весьма неравномерна. Если до пандемии она была положительной (в 2020 г. было поддержано на 41% проектов больше, чем в 2019 г.), то в период самоизоляции приобрела резко отрицательный характер (в 2021 г. из средств ФПГ поддержано проектов на 32 % меньше, чем в 2020 г.) Снижение количества поддержанных проектов из средств ФПГ в 2023 г. по сравнению с 2022 г. также уменьшилось на 33%.

Эксперты ФПГ связывают это с возрастающими возможностями диверсифицированного фандрайзинга ННКО[238]. Однако, по оценкам самих представителей третьего сектора, «с каждым годом выиграть грант становится все труднее. Если раньше выигрывала в среднем каждая восьмая заявка, то сегодня прогнозировать вероятность получения гранта практически невозможно»[239].

С 2023 г. по сравнению с 2017г. на 10 регионов России расширилась география проектов ННКО – конкурсантов ФПГ (см. строку 7 таблицы). Вместе с тем, по-прежнему наблюдаются существенные диспропорции по концентрации поддержанных ФПГ проектов ННКО в г. Москва, как в абсолютном, так и в стоимостном выражении (строки 8, 9 таблицы).

[238] Отчет об оценке результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, реализация которых завершилась в 2022 году // Открытые данные. Сайт ФПГ. https://президентскиегранты.рф/public/open-data (дата обращения: 01.02.2023 г.)

[239] Из беседы автора с руководителями НКО по методике глубокого неформализованного интервью с использованием платформы ZOOM (ноябрь 202 г.)

Исследователи объясняют такую ситуацию различными обстоятельствами, в том числе: диспропорциями в объемах выделяемых грантов по субъектам Российской Федерации (несмотря на реализуемую ФПГ с 2020 г. политику софинансирования грантов регионами); неадекватностью системы оценивания грантовых заявок их качественным характеристикам; демотивацией ННКО со стороны ФПГ искать дополнительное финансирование и диверсифицировать источники ресурсов[240].

Эти диспропорции проявляются не только на уровне регионов, но и внутри каждого из них. В числе причин этого выделяют: наличие сильных, конкурентноспособных участников в крупных городах региона; бюрократические трудности оформления заявки на грант; низкий уровень (или даже невозможность) софинансирования заявки в соответствии с требованиями ФПГ; недостаточная креативность команды ННКО, недостаточность компетенций в вопросах подготовки инициативных проектных заявок.

Показательно, что последнюю причину некоторые исследователи понимают не как качественное несоответствие команд ННКО компетенциям проектирования, а как несовершенное овладение техникой грандрайтинга (англ. – технологии составления заявок)[241]. Такая позиция может косвенно свидетельствовать о все возрастающей проблематике преобладания формального подхода политики ФПГ в отношении оценки заявок распределения грантов ННКО, провоцирующего среди организаций третьего сектора расцвет «искусства грантрайтинга» без содержательного совершенствования деятельности по инициированию и реализации проектов.

[240] См.: Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. №9. – с. 79 – 89.

[241] Кобыльников В.П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. ВЫП. 1 (99) . 2019. — с. 119.

В итоге, даже при относительно большом объеме поступлений грантового финансирования в регион многие его территории оказываются недостаточно охваченными социально значимыми и важными проектами, реализуемыми ННКО этих муниципальных образований[242].

Изложенные выводы дают основание для обращения к вопросам организационно-правового и методического обеспечения государственной политики России в отношении стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

[242] Тарасова А.Н., Ижик А.В. Грантовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. - С. 80 - 81.

Выводы по первой главе.

В рамках современной политологии, ННКО позиционируются как институты гражданского общества, обеспечивающие непосредственное взаимодействие государства и общественности в вопросах артикуляции и эффективного решения многочисленных задач социально-экономического развития. Инструментом такого взаимодействия является выдвижение и реализация ННКО гражданских (социально-политических) инициатив.

Реализуя гражданские инициативы, ННКО не могут не взаимодействовать с государством; в ряде случаев это взаимодействие сопровождается социально-политическим влиянием ННКО (форумы, политические акции, публикация и распространение материалов через средства массовой коммуникации и т.д.)

Оценивая сущность и характер этого социально-политического влияния, исследователи и эксперты обращают внимание на проблему политической ангажированности ННКО иностранными принципалами. ННКО – иностранные агенты наносят серьезный ущерб политической безопасности современной государственности, особенно в незападных демократиях. Ультралиберальные ценности и целевые установки, распространяемые ННКО – иностранными агентами, зачастую провоцируют гражданско-политические конфликты, разрушающие нелиберальную государственность незападных демократий.

Существующий теоретико-методологический аппарат изучения социально-политической сущности СО ННКО не вполне отвечает запросам современной политической практики, поскольку не различает сущности протестной, деструктивной и конструктивной социально-политической деятельности ННКО, а также не позволяет объяснить, почему в различных государствах социально-политический потенциал СО ННКО проявляется по-разному и от каких факторов это зависит.

Так, либерально ориентированные концепции и методы (парадигмы социологии общественных движений, либеральный подход к гражданскому обществу) не дифференцируют протестный и декструктивный потенциал СО ННКО, полагая проявление любых инициатив общественных организаций «спусковым механизмом» демократизации.

Ограниченную валидность применительно к исследованию СО ННКО в незападных демократиях демонстрирует институциональный подход, поскольку он не позволяет объяснить, почему сформированные по одним и тем же институциональным правилам социально-политические институты (общественные организации) по-разному функционируют в рамках различных политических систем. Сравнительный анализ состояния третьего сектора в США, странах Западной Европы и незападных демократиях «бинарен», поскольку берет за эталон социально-экономические и политические параметры ННКО в странах, принадлежащих к западной цивилизации.

Для прояснения сущности и характера социально-политического влияния СО ННКО, в диссертации разработана категория «конструктивные гражданские инициативы СО ННКО», а также обоснованы критерии отнесения данных инициатив к конструктивным. Внедрение предлагаемой категории в политическую науку и практику, как представляется, поможет сконцентрировать усилия научного и экспертного сообщества, а также представителей государственного сеектора, на вопросах стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, а также проблемах профилактики проявления общественными организациями деструктивного социально-политического потенциала.

Применительно к предмету данной диссертации, перспективными представляются консервативно ориентированные исследования гражданского общества, а также работы, развивающие цивилизационную парадигму изучения феномена гражданского общества в незападных демократиях. В данных методологических рамках, позволяют сформировать аксиологический

ориентир исследования и развития российских ННКО как социально-политических акторов идеи о приоритете коммунитарных ценностей гражданственности над эгалитарными целевыми установками гражданского общества. Определенную ценность представляет историко-правовой подход к исследованию общественных организаций в рамках российской государственности, дающий возможность понять не только характер и динамику институциализации ННКО-сектора в различные эпохи, но и оценить политический контекст государственных реформ, выявить факторы и силы, определяющие этот процесс.

В развитие методологии исследования социально-политического потенциала российских СО ННКО, в работе использован политико-культурный подход, скорректированный с учетом идеи «культурной археологии». Его применение позволило, исследуя онтологические и гносеологические аспекты генезиса гражданского общества в позднеимперский, советский и ранний постсоветский периоды российской государственности, охарактеризовать проблему поверхностной увлеченности идеями либерализма как основу деструктивных настроений и действий общественности, а также определить ценностные основы конструктивной общественно-политической деятельности отечественных общественных организаций и лидеров общественного мнения. В числе этих ценностей: идея сильной, авторитетной государственной власти, поддерживаемой народом и опирающейся на духовно-нравственные идеалы; восприятие сущности социального государства как основного гаранта социальной справедливости; примат коммунитарных ценностей демократии над эгалитарными. Данные ценности коррелируют с традиционными основами российской государственности, определенными Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, и потому могут послужить концептуальной аксиологической базой государственного стимулирования выдвижения и реализации российскими

СО ННКО конструктивных гражданских инициатив, преодоления кризиса доверия власти по отношению к общественным организациям.

Некоторые теоретические аспекты МСП, представленные в отечественной специальной литературе (особенно в работах, переведенных в 1990-х гг. на русский язык при поддержке НПО – иностранных благотворительных фондов), требуют переосмысления отечественными учеными, с учетом культурно-ценностных основ русской гражданственности, накопленного в 1990-х – начала 2000-х гг. богатого опыта организации МСП в регионах России, а также практики субсидирования федеральной властью проектной деятельности третьего сектора посредством наделения отдельных ННКО функцией грантоператора. Так, не вполне состоятелен применительно к России принцип субсидиарности, сформулированный американским исследователем Х. Анхайером в качестве ключевого принципа МСП и предполагающий децентрализацию государственной поддержки инициатив третьего сектора. Вместе с тем, перспективны для отечественной методологии и практики МСП идеи российских исследователей о необходимости для СО ННКО приоритизировать коммунитарные ценности в процессе лоббирования своих интересов, важности осознания организациями третьего сектора ответственности за политическую ситуацию в стране в целом, развитии общего «социально-экономического синтаксиса» партнерства, а также соблюдении этических аспектов межсекторного взаимодействия. Адаптация методологии МСП под российскую специфику, а не только совершенствование нормативно-правовых, методических и технологических аспектов межсекторного взаимодействия, повысит эффективность и социально-политическую результативность существующих конкурсных, организационно – структурных, процедурных и комплексных механизмов МСП в нашей стране.

Анализируя действующие концептуальные и нормативно-правовые основы статуирования третьего сектора в России, представляется

необходимым ввести в научный и юридический оборот термин «социально ориентированная негосударственная некоммерческая организация». Данное определение выводит из сферы регулирования государственные НКО и в полной мере раскрывает социально-политическую сущность негосударственных некоммерческих организаций как автономных от государства институтов гражданского общества, взаимодействующих с ним в целях выражения гражданской позиции и удовлетворения нематериальных потребностей, основанных на принципах общности интересов, добровольности, самоорганизации, саморегулирования.

В условиях нечеткости нормативно-правового регулирования статуса российских СО ННКО, официальная статистика учета их численности и динамики за 2019 – 2024 гг. не может служить валидной основой для профильных исследований и политических решений в отношении регулирования третьего сектора.

Вместе с тем, проанализированные статистические данные, результаты встреч представителей власти и ННКО-сектора, а также итоги исследования автором состояния СО ННКО в пандемийный период (2019 – 2020 гг.) дают основание для вывода о большей устойчивости к неожиданным неблагоприятным изменениям окружающей среды организаций, инициирующих и реализующих гражданские проектные инициативы, в сравнении с теми ННКО, которые осуществляют рутинную деятельность (в том числе, по оказанию социальных услуг) и надеются на бесперебойную поддержку со стороны государства.

Изложенное дает основание для приоритизации стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в формате проектов.

Глава 2. Механизмы поддержки государством конструктивных гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций и борьбы с иностранными агентами: зарубежный и российский опыт

2.1. Зарубежные практики борьбы с деструктивной политической деятельностью негосударственных некоммерческих организаций

Исследование опыта зарубежных стран в отношении стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО позволит выявить общее и особенное в системе такой поддержки, определить, какие меры, практики, технологии поддержки и стимулирования СО ННКО, практикуемые за рубежом, могут оказаться полезными для нашей страны.

Приступая к данному исследованию, следует отметить, что, начиная с 2000-х гг., на процессы развития системы такой поддержки и стимулирования гражданских инициатив практически во всех странах существенное влияние оказал политический фактор - возрастающая необходимость обеспечить защиту государства от иностранного нежелательного политического влияния на состояние национальной безопасности.

Все возрастающее влияние данного фактора заставило даже страны с богатыми либеральными традициями взаимодействия государства и ННКО предпринять определенные меры по ограничению для ННКО политической сферы, повышению контроля за их политической деятельностью. Такая политика в современной литературе и публицистике получила название «борьбы с иностранными агентами» (далее: иноагентами).

Единая концепция понимания сущности иноагентов в современной политической науке отсутствует. Выделяют различные признаки, отличающие иноагента от иных субъектов политической системы, например: поддержка из-за рубежа, политическое влияние на общество или отдельные социальные

группы, участие в политической деятельности, несоответствие реальных и декларируемых целей деятельности [243] . Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с тем, что иноагент «может действовать исходя из своих целей и интересов» [244] . Вне зависимости от того, получает иноагент какую-либо поддержку от принципала или нет, он не имеет собственной политической воли. Несамостоятельную природу иноагента объясняет П. Бурдье. По его мнению, социальные агенты, являясь носителями некоей властной воли, в то же время не анализируют взаимосвязи своих действий и действий общества[245]. Л. Эгхольм и Л. Касперсен замечают, что гражданское общество несет в себе не только позитивное, созидательное начало с позиций консолидации и взаимодоверия, но и является плодотворной средой для всякого рода диссациативных элементов, способных оказать негативное влияние на политическую систему в целом [246] . Эти выводы находят широкое подтверждение в общественно-политической практике деструктивной деятельности иноагентов. И речь идет не столько об их организационной, финансовой, технологической несамостоятельности. Прежде всего, стоит подчеркнуть факт отсутствия у иноагентов собственных политических ценностей, целей, установок, кроме тех, что навязаны их принципалами. Это превращает иноагентов в марионеточные деструктивные элементы современной политической системы.

Сегодня ННКО – иностранные агенты признаются одним из наиболее эффективных инструментов деструктивного воздействия на политические элиты и население государства, в отношении которого запланирована / осуществляется деятельность по подрыву внутриполитической стабильности,

[243]See: Laine V., Silvan K. “Foreign Agent” as an internal representative of “the West” in Russia’s geopolitical discourses // Remapping Security on Europe’s Northern Borders / ed. by J. P. Laine, I. Liikanen, J. W. Scott. London : Routledge, 2021. P. 62–81. https://doi. org/10.4324/9781003096412-5

[244] Руденкина А. И., Керимов А. А. Иностранный агент влияния как субъект управления обществом: методологический аспект // Вопросы управления. 2016. № 6 (24). - С. 62.

[245] Бурдье П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко; пер. с фр. Е. Д. Вознесенская. М. : Socio-Logos, 1993. – с. 216.

[246] Egholm L., Kaspersen L.B. Introduction to the Special Issue ‘Beyond Civil Society’: Advancing a Post-sectoral Conception of Civil Society – Moving Beyond Civil Society? Int J Polit Cult Soc. 2021. № 34. - pp. 144-145.

эскалации социально-политических конфликтов, ограничению суверенитета [247] . Количественные результаты деятельности аноагентов оценить затруднительно, поскольку и они, и их принципалы скрывают обычно маскируют либо под целями филантропии объемы инвестиций, а итоги их деятельности не всегда количественно измеримы и подлежат долгосрочной оценке. Влияние иноагентов осуществляется с помощью разнообразных технологий т.н. «мягкой силы» (пропаганда, политические диверсии, провокации и т.д.), адаптированных под особенности менталитета различных социальных (демографических, этнических, культурных, экономических, политических) групп. И чем разнообразнее, сложнее государственность – объект деструктивного политического воздействия, тем более дифференцированы средства и технологии ННКО-иноагентов.

В условиях обострения проблем обеспечения политической стабильности, большинство государств сделали выбор в пользу ужесточения санкций за участие СО ННКО в политической деятельности. Так, даже страны «старого света»: Австрия, Бельгия, Швеция, Великобритания – с 2009г. достаточно резко и неоднозначно отделили политическую сферу от социальной, запретив ННКО каким – либо образом участвовать в политическом процессе, трактуя политическую деятельность широко, как влияние на общественное мнение.

Любопытно, что «инкубатором» и наиболее последовательным субъектом авторитарной модели государственной политики является США, страна - миссионер либеральной демократии. В этой стране в 1938 году в связи с «опасностью усиления нацистской пропаганды», необходимостью «идентификации агентов иностранных заказчиков, которые могли быть вовлечены в подрывные действия или осуществление иностранной пропаганды и в требовании к ним давать публичные отчеты о цели их

[247] См.: Боброва О.В., Подберезкин А.И. Политико-правовое противодействие подрыву основ национальной государственности России // Обозреватель – Observer. 2021. №10. – с. 5 – 25.

найма»[248], был принят первый соответствующий закон - «Акт о регистрации иностранных агентов» (далее: FARA). Таковым в США (по состоянию на 2025 год) считается лицо (физическое или юридическое), которое действует «по приказу, по просьбе, под руководством или под контролем иностранного принципала» и при этом занимается «политической деятельностью в интересах иностранного принципала». Этот закон был принят под влиянием геополитических обстоятельств (борьба с пропагандой и подрывной политической деятельностью иностранных субъектов). Впоследствии статут не раз претерпевал изменения, касающиеся ужесточения санкций для иноагентов, расширения их спектра (за счет внутригосударственных «вредителей») и деконктретизации термина «политическая деятельность»[249]. На сегодняшний день декларируемое субъектами власти США предназначение FARA - ограничение иностранного лоббизма, выявление иностранного участия в попытках повлиять на законы, политику или общественное мнение США[250]. При этом, политическая деятельность может квалифицироваться как угодно (даже простое общение с иностранцами, как в случае с российской студенткой М. Бутиной, приговоренной к 1,5 годам тюрьмы за нерегистрацию в качестве иноагента[251]), а субъект, в отношении которого решено, что он является иноагентом, обязан самостоятельно зарегистрироваться в качестве такового под угрозой уголовных санкций. Таким образом, американский законодатель последовательно расширял дискрецию власти в вопросе трактовки политического - и даже (по определению заместителя генерального прокурора США по вопросам национальной безопасности К. Вайнстайна) - «квазиполитического»

[248] Новости. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.rossia3.ru/politics/russia/inostrprincipal (дата обращения: 07.03.2022)

[249] См.: Лебедев В. А. Закон США о регистрации иностранных агентов 1938 года: особенности содержания и применения // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 25–37.

[250] См.: Бараненков В.В. Закон о регистрации иностранных агентов в системе правового обеспечения национальной безопасности США / Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 5 (298). С. 91 – 100.

[251] Кузнецов Д. Бутина возглавит новый проект RT «Своих не бросаем». URL: https://dailystorm.ru/news/butina-vozglavit-novyy-proekt-rt-svoih-ne-brosaem (дата обращения: 07.03.2022)

относительно иностранного влияния, объясняя это потребностью защиты «национальной обороны, внутренней безопасности и внешней политики США»[252], т.е. пытаясь пресечь любой иностранный шпионаж.

Помимо FARA, в 1940г. в США был принят т.н. «закон Вурхиса», с целью политического контроля за организациями, которые участвовали в политической деятельности на территории США и, по мнению субъектов власти, являлись «субъектами иностранного влияния» получая материальную поддержку от иностранных принципалов либо же просто взаимодействуя с ними любым образом. Такие организации также должны были добровольно зарегистрироваться в качестве иноагентов, под угрозой уголовных санкций.

Кроме этого, в США действуют законы об обязательной регистрации иностранцев, действующих на американской территории как агенты иностранного правительства[253], и о регистрации лиц, прошедших подготовку в системе разведки иностранного государства[254], в которых политическая деятельность также трактуется чрезмерно дискреционно и предусмотрены уголовные санкции (в т.ч. тюремный срок) за непризнание субъектом себя в качестве деструктивного политического агента либо его представителя либо даже лица, взаимодействовавшего с ним. С 2013 по 2023 гг. по вопросу обвинения субъектов в шпионской деятельности состоялось 46 судебных заседаний[255].

В сочетании с легализованной лоббистской деятельностью (благодаря чему лоббизм, во-первых, является формой бизнеса, а во-вторых, существенно обогащает коррупционную статистику), современная политика о борьбе с иноагентами в США делает очевидным и статистически учитываемом подавляющее большинство попыток проявления деструктивной политической активности.

---

[252] Россия наращивает официальную лоббистскую деятельность в США. URL: http://www.newsru.com/russia/05jun2007/lobby.html (дата обращения: 07.03.2022).
[253] Alien Registration Act of 1940, June 28, 1940, Ch. 439, 54 Stat. 670 (§ 2385 разд. 18 Кодекса законов США).
[254] Registration of Certain Persons Trained in Foreign Espionage Systems. Act of Aug. 1, 1956, Ch. 439, 54 Stat. 683.
[255] Министерство юстиции США. URL: https:// www.justice.gov/ (дата обращения: 10.03.2024).

К началу 2025г. примеру США в той или иной мере последовали более 60 государств в разных частях света, что связано с осознанием все возрастающей опасности эрозии суверенитета и «размывания» культурно-национальных ценностей под воздействием т.н. «мягкой силы», проводниками которой являются иностранные агенты и связанные с ними субъекты.

Как и в случае США, законодательство данных государств о борьбе с иноагентами развивается в реакционном режиме, в ответ на попытки со стороны «нежелательных» организаций и физических лиц обойти нормы, запрещающие или пресекающие их деструктивную политическую деятельность.

Можно выделить следующие аспекты такой реакционной политики.

Во-первых, это деконкретизация толкования сущности «политическая деятельность» в национальном законодательстве и, соответственно, расширение дискреции субъектов власти в вопросе квалификации той или иной деятельности СО ННКО как политической. Так, в Австралии под политической деятельностью понимается парламентское и общее политическое лоббирование (в данной стране действует закон о лоббизме), коммуникация, осуществляемая с целью политического или правительственного влияния, а также деятельность, связанная с предоставлением финансовых средств (денежных средств и иного имущества) от имени иностранного принципала[256]. В Великобритании политической считается деятельность, преследующая следующие цели: влияние на выборы или референдум в стране, решение британского или автономного государственного департамента или министра, деятельность зарегистрированной в Великобритании политической партии или британского

[256] О регулировании деятельности лиц, выполняющих функции иностранных агентов в Австралии и Российской Федерации сравнительно-правовой анализ законодательства / Материалы круглого стола Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Министерства юстиции Российской Федерации «Государственное регулирование деятельности некоммерческого сектора: в поисках баланса. Российский и международный опыт» в рамках VIII Московского юридического форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды». Москва, 2024 г.

законодателя, действующего в своём официальном качестве; осуществление публичного сообщения, включая публикацию или распространение информации, документа или другой статьи, или предоставление информации, документа или другой статьи для публикации или распространения, за исключением случаев, когда из сообщения достаточно ясно, что оно осуществляется иностранной державой или по её указанию; распределение денег, товаров или услуг гражданам Великобритании[257].

Во-вторых, это установление экономического критерия (факта поддержки зарубежными принципалами) признания данной ННКО политическим агентом. Размеры такой минимальной иностранной поддержки существенно варьируются. Например, в Эфиопии для признания ННКО иноагентом по экономическому критерию минимальный порог составляет 10% иностранного финансирования. В Венгрии создан отдельный реестр организаций, угрожающих национальному суверенитету, используя иностранное финансирование для влияния на общественную жизнь; при этом, минимальный порог такого финансирования не предусмотрен[258].

Во-третьих, это обязательное требование регистрироваться в качестве иноагентов для тех ННКО и / или субъектов, которые были уличены в «шпионской» деятельности. Данное требование введено практически во всех странах, борющихся с нежелательной иностранной интервенцией.

В-четвертых, это экономические санкции. К таковым относятся: штрафы (введены практически во всех государствах, борющихся с иноагентами); повышенные налоги (Израиль). Штрафам в значительном размере за шпионскую деятельность подвергаются практически во всех государствах,

[257] UK Government Reportedly Considering Enhanced Registration Obligations for Relationships with Chinese Government or State-Controlled Entities англ.. 2024-05-12. Проверено 7 апреля 2025 (дата обращения: 23.04.2025).

[258] О регулировании деятельности лиц, выполняющих функции иностранных агентов в Венгрии, Израиле и Российской Федерации сравнительно-правовой анализ законодательства / Материалы круглого стола Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Министерства юстиции Российской Федерации «Государственное регулирование деятельности некоммерческого сектора: в поисках баланса. Российский и международный опыт» в рамках VIII Московского юридического форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды». Москва, 2024 г.

принявших соответствующие законы: большинство стран Африки (в среднем 140 – 150 тыс. долл.). Также практикуется блокировка счетов иноагентов (все страны, принявшие закон об иноагентах), установление обязательства открывать специальные счета, контролируемые государством (Бангладеш). В ряде стран СО ННКО, получающие иностранное финансирование, попросту подлежат закрытию (Индия).

В-пятых, это запреты для иноагентов взаимодействовать с национальными органами власти и управления, организациями, бизнесом, институтами гражданского общества, заниматься определенными видами деятельности. В Эфиопии ННКО-иноагентам запрещено заниматься правозащитной и экологической деятельностью.

В-шестых, это обязательство для ННКО-иноагентов обеспечивать открытость о своей деятельности, регистрировать результаты любого своего взаимодействия с зарубежными физическими лицами и организациями в министерстве юстиции. Такие обязанности введены практически во всех странах, где принято специальное законодательство об иноагентах.

В-седьмых, это административная и уголовная ответственность. В Венесуэле за нарушение требований законодательства об иноагентах иностранцы могут быть высланы из страны, а собственные граждане оштрафованы и лишены права заниматься политической деятельностью на срок до восьми лет [259] . Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иноагентах действует в США (как уже отмечалось выше) и в Австралии.

Вместе с тем, многие национальные правительства начинают осознавать недостаточную эффективность нормотворчества «вдогонку», пытаясь разработать акты по превенции деструктивной политической деятельности иноагентов и аффилированных с ними субъектов.

[259] Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. - С. 207.

В этом аспекте показателен опыт Австралии, где ННКО обязаны описывать характер своей деятельности (а не просто указывать на свой статус) перед общественностью. В соответствии с австралийским Законом о программе прозрачности иностранного влияния (Foreign Infl uence Transparency Scheme Act), принятом в 2018г., субъект, осуществляющий коммуникационную деятельность (в т.ч. и ННКО), в случае каких-либо коммуникаций с иностранным принципалом, должен обеспечить раскрытие информации о том, что информация или материал предоставляется, доводится до сведения или распределяется от имени иностранного принципала и является регистрируемым видом деятельности. Программой прозрачности иностранного влияния Австралии предусмотрены подробные требования к раскрытию информации для различных видов коммуникационной деятельности, в том числе о том, где и когда должно происходить раскрытие информации и в какой форме. В раскрытии должны указываться: лицо, осуществляющее коммуникационную деятельность; иностранный принципал, от имени которого осуществляется коммуникационная деятельность; что коммуникационная деятельность осуществляется от имени иностранного принципала, что раскрытие осуществляется в соответствии с Законом [260]. Такие нормы австралийского законодательства позволяют широкой общественности узнать о факте коммуникации ННКО с иностранным субъектом и содержании информации, распространяемой иноагентом, следовательно, способствуют формированию определенного, фактологически обоснованного мнения общества о данном субъекте и его принципале.

В Китайской Народной Республике (далее: КНР) акт о противодействии иноагентам называется «Законом о борьбе со шпионажем», что уже само по себе подчеркивает принципиальную позицию китайского руководства бороться со всеми проявлениями гражданско-политического деструктивизма

[260] О регулировании деятельности лиц, выполняющих функции иностранных агентов в Австралии и Российской Федерации сравнительно-правовой анализ законодательства URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/prilozhenie-2_zwi53s7.pdf (дата обращения: 05.07.2024 г.)

со стороны иностранных субъектов. Особенностями этого акта, вступившего в законную силу с января 2017 г., являются:

- расширение трактовки термина «шпионаж», под которым понимается любая деятельность с информацией широкого спектра, способная нанести какой-либо вред национальной безопасности и интересам КНР;

- необходимость для каждой иностранной ННКО, зарегистрированной на территории КНР, регистрироваться в МВД КНР и отчитываться по источникам доходов и направлениям расходов средств;

- запрет для иностранных ННКО финансировать коммерческую, политическую или религиозную деятельность на территории КНР и участвовать в ней;

- возможность вмешательства в любую деятельность и мероприятия, проводимые иноагентами, со стороны представителей китайской власти;

- обязательное введение в штат иностранной организации китайского бухгалтера;

- запрет для ННКО, уличенной в политическом шпионаже, реализовывать любую деятельность на территории КНР, без возможности реабилитации этой организации.

Элементы превентивности в борьбе с иноагентами можно наблюдать и в современной политике Франции и Египта.

В системе государственного управления Франции для усиления государственного контроля и превенции деятельности ННКО – иноагентов действует Высший орган по прозрачности общественной жизни (Haute Autorite pour la transparence de la vie publique, HATVP). Начиная с 2025 г., он и спецслужбы смогут использовать алгоритмический анализ и анализ «больших данных» для выявления практики фактов нежелательной активности как СО ННКО, так и физических лиц, в том числе в Интернет. Бывшие чиновники, перешедшие в фирму с иностранным финансированием, в течение 5 лет после увольнения с госслужбы будут объектом усиленного государственного

мониторинга. спецслужб: они смогут использовать алгоритмический анализ для выявления подозрительной активности, связанной с иностранным вмешательством, в том числе в интернете Французский законодатель требует необходимости получения всеми ННКО от государственных органов предварительного разрешения на перечисление средств от зарубежных источников с обязательным условием предоставления подробной отчетности[261].

Правительство Египта требует соблюдения от ННКО тех же условий получения иностранных пожертвований, что и французская власть. Кроме того, в Египте ННКО строго запрещается любое взаимодействие с зарубежными экспертами и организациями, а сама деятельность ННКО подвергается не только ревизионному государственному контролю, но и постоянному мониторингу со стороны правоохранительных органов. Все иностранные ННКО, прежде чем осуществлять какую-либо деятельность, должны получить одобрение египетского правительства[262].

В аспекте развития инструментов противодействия иностранной интервенции показателен опыт стран – участниц СНГ. Эти демократии незападного типа в постсоветский период подверглись активному влиянию агентов «мягкой силы» по внедрению либерально-демократических ценностей, в том числе посредством деятельности зарубежных неправительственных организаций. Хотя в большинстве из этих государств нет специального законодательства о борьбе с ННКО-иноагентами, элементы противодействия деструктивной политической деятельности можно обнаружить в нормах, регулирующих деятельность общественных объединений.

---

[261] Как страны борются с иностранными агентами: законы, правила, штрафы. https://www.kommersant.ru/doc/7776406

[262] Legislation on Foreign Agents and Foreign Financing: From the USA to Algeria. URL: https://rapsinews.ru (дата обращения 10.06.2024 г.).

Белорусское законодательство запрещает всем национальным ННКО хранить финансы в иностранных банках и иных зарубежных кредитно-денежных организациях.

В Киргизии запрещено учреждать СМИ, финансируемые из-за рубежа[263].

В Таджикистане любая ННКО обязана ежегодно размещать в сети Интернет отчеты о доходах и расходах, в течение не менее 5 лет после совершения финансовых операций хранить соответствующие данные.

Законодательство Казахстана обязывает ННКО публиковать сведения о своих финансовых операциях в случаях факта любого финансирования из зарубежных источников; данное требование является обязательным по отношению к филиалам и представительствам иностранных ННКО на территории государства.

В Узбекистане ННКО обязано уведомлять государственные органы о планируемой иностранной командировке. Кроме того, узбекские правовые нормы, помимо обязательств для ННКО предоставлять доступ к финансово-экономической информации о ее деятельности, информировать государство о любых фактах получения финансирования из-за рубежа, либо фактах посредничества в таких операциях, а также сообщать государственному органу о фактах взаимодействия с иностранными организациями и физическими лицами. При этом, установлена обязанность предварительного согласования с государственными органами возможности получать ННКО любое иностранное финансирование.

Законодательство Туркменистана обязует ННКО официально регистрировать все проекты, программы и отчеты всем ННКО, реализующим эти программы и проекты хотя бы с минимальной зарубежной поддержкой любого вида.

---

[263] Как Запад использует женщин и мигрантов для влияния в странах бывшего СССР // Спутник Литва. URL: https://lt.sputniknews.ru/20230216/kak-zapadispolzuet-zhenschin-i-migrantov-dlya-vliyaniya-vstranakh-byvshego-sssr-26925189.html (дата обращения: 11.05.2024 г.)

Наиболее последовательным в аспекте противодействия иностранному деструктивному политическому влиянию является законодательство Азербайджана. Система превенции здесь включает: требования к обеспечению прозрачности иностранных ННКО, их филиалов и представительств, а также любых операций с иностранным участием; требование к введению в состав руководство иностранной ННКО гражданина республики; запрет на укрупнение иностранной ННКО на территории государства; ограничение на максимальный размер иностранного финансирования[264].

Таким образом, страны СНГ, испытавшие на себе всю мощь «мягкой силы» Запада в постсоветский период, к настоящему времени активизируют свои усилия в направлении сохранения и укрепления суверенитета, стремясь избавиться от негативных последствий политической интервенции Запада.

В аспекте темы данной работы, нельзя не обратить внимание на специфику политического дискурса в отношении развития института государственного контроля за ННКО – иноагентами в различных странах.

В т.н. «демократиях первой волны» публичных дискуссий о правильности и справедливости внутренней политики в отношении борьбы с иноагентами в принципе не ведется. Официальные политические лица разъясняют широкой общественности несомненную правомерность ужесточения контроля за иноагентами, при этом, не усматривая в этом никаких посягательств на права человека. С одной стороны, открытие в США Интернет-портала в 2007 г. с целью размещения на нем информации об иноагентах, по заявлению заместителя генерального прокурора США по вопросам национальной безопасности К. Вайнстайна, стало «значительным шагом в усилиях по обеспечению прозрачности в мире лоббизма с иностранным влиянием»[265]. С другой стороны, нет никаких рассуждений

[264] См.: Кожевников О.А., Нечкин А.В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 242–249.
[265] Генпрокуратура США расширила доступ к данным об «иностранных агентах». Агентство РИА-новости. 01.06.2007. URL: https://ria.ru/20070601/66480590.html (дата обращения: 24.12.2024г.)

американских лидеров общественного мнения по поводу того, что законодатель и судья США фактически уравняли в статусе иноагентов российскую студентку, защитника апартеида Макгоффа, а также PR-компанию, которая за 11 млн долларов организовала серию демонстраций в поддержку шаха Ирана[266].

При этом, те же западные политики и лидеры общественного мнения считают развитие института контроля за иноагентами в демократиях «второй и третьей волны» недопустимым, противоречащим принципам прав и свобод человека и либерально-демократическим ценностям. Например, американские публицисты и эксперты негативно отзываются о развитии китайского антишпионского законодательства, указывая на то, что введение превентивных мер против иноагентов в КНР усложнит жизнь обездоленных[267], что вмешательство в деятельность иностранных организаций и запрет зарубежного финансирования ухудшит положение китайского бизнес-сообщества и одновременно выражая опасения по поводу реалистичности сценария геополитического доминирования КНР[268]. В статье издательства неправительственной организации Amnesty International*[269], основанной в Великобритании в 1961 г., сказано, что китайский закон об иноагентах будет иметь суровые последствия для свободы слова, мирного собрания и объединения в организации, а поэтому должен быть немедленно отменен[270]. Подобная нетерпимость Запада в вопросе интенсификации политики противодействия иноагентам в незападных странах в совокупности с масштабным либерально-демократическим миссионерством, с очевидностью

[266] Эволюция иноагентов: 81 год действия FARA в США. Максим Блинов. РИА – Новости. 31.10.2019. URL: https://rapsinews.ru/publications/20191031/304972792.html (дата обращения: 24.12.2024г.)
[267] Война Китая с группами, которые помогают обездоленным. The Washington Post. 01.05.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/chinas-war-on-groups-that-help-the-powerless/2016/05/01/7099b940-0e38-11e6-8ab8-9ad050f76d7d_story.html?wpmm=1&wpisrc=nl_opinions (дата обращения: 12.04.2024г.)
[268] J. Pelson. Wireless Wars': How China (Almost) Came to Dominate 5G – The Diplomat URL: thediplomat.com›2023/08/wireless-wars-how-china-almost-came-to-dominate-5g/
[269] Объявлена Генеральной прокуратурой РФ «нежелательной организацией» 19.05.2025г.
[270] amnesty.org (англ.) (фр.) (исп.) (ар.) — официальный сайт Amnesty International

иллюстрирует политику «двойных стандартов», проводимую США и странами Западной Европы в отношении демократий незападного типа.

Показателен также опыт попыток принятия законов об иноагентах на Украине и в Грузии, политические системы которых испытали и испытывают на себе значительное иностранное влияние. Так, законы о борьбе с иноагентами, принятые властями Украины в 2014 г., не просуществовали и двух месяцев, поскольку препятствовали реализации целей организаторов Евромайдана, усиливших к тому времени свои политические позиции. Законодатели устанавливали запреты для иноагентов заниматься определенными видами деятельности, облагали налогом на прибыль ННКО-иноагентов, обязывали их пройти государственную регистрацию[271]. В Грузии попытка принятия законодательства об иноагентах (причем, лояльного в экономическом отношении по сравнению с большинством других стран) встретила протест со стороны Европейского союза, квалифицировавшего данный законопроект «пророссийским» и пригрозившего Грузии непринятием ее в свой состав в случае вступления закона в силу[272]. Таким образом, в странах, фактический суверенитет которых подвергся эрозии именно в результате деструктивной иностранной политической интервенции, инициаторы и принципалы этой интервенции стремятся удержать свои позиции, в том числе, и путем запрета какого-либо законодательного регулирования положения иноагентов.

Параллельно с ужесточением борьбы с деструктивной политической деятельностью СО ННКО (преимущественно, путем введения прямого запрета заниматься политикой и усмотрительного контроля по данному вопросу), в большинстве стран развиваются технологии стимулирования и поддержки социально ориентированных гражданских инициатив ННКО.

---

[271] Украина впервые ввела в законодательство понятие иностранного агента // РИА Новости. URL: https://ria.ru/ 20140117/ 989749405.html (дата обращения: 09.05.2024г.)

[272] Чем грузинский законопроект об иноагентах отличается от законов в США и РФ? // Спутник Грузия. URL: https://sputnik-georgia.ru/20230220/ chem-zakonoproekt-ob-inoagentakh-otlichaetsya-otzakona-v-ssha-i-rf--otvet-deputatov-275037573.html (дата обращения: 25.03.2024 г.)

Учитывая специфику процесса централизации и укрепления государственной власти в Российской Федерации начиная с 2000-х гг., а также все возрастающую необходимость обеспечения политической безопасности и, соответственно, усиление мер борьбы с иноагентами, следует признать, что не все предлагаемые в современной литературе рекомендации по использованию опыта стимулирования инициативной деятельности СО ННКО будут востребованы в нашей стране в ближайшей перспективе. В числе таких «рискованных» мер видятся, например: использование зарубежного опыта по введению упрощенного порядка и процедур государственной регистрации СО ННКО (штат Иллинойс, США); упрощение порядка освобождения СО ННКО от налогов (штат Северная Каролина, США)[273].

Вместе с тем, представляются ценными для России следующие принципы и направления стимулирования государством конструктивных инициатив СО ННКО:

1. Развитость преимущественно конкурсных механизмов межсекторного социального взаимодействия. Изучение международного опыта межсекторного социального партнерства позволяет выделить такие конкурсные формы взаимодействия государства, общественности и бизнеса, как социальный грант и социальный заказ. В мировой практике они уже подтвердили свою высокую эффективность по сравнению с традиционными методами решения социальных проблем и продемонстрировали высокую адаптивность к специфике социального, экономического, культурного развития регионов.

Уникальность этих механизмов состоит в поддержке общественных инициатив на принципах комплементарности ресурсов сторон и софинансирования, которые обеспечивают решение двух, на первый взгляд,

[273] Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. – с. 153 – 155.

несовместимых задач: активной социальной политики и экономии финансовых средств. Широкомасштабное внедрение социального заказа и социального гранта в систему взаимодействия государства и СО ННКО позволяет:

- повысить уровень политической, гражданской и социальной активизации населения по решению общественно значимых проблем,
- освоить технологии проектной культуры государственными и муниципальными служащими, а также представителями общественности,
- создать развитую сеть межведомственного и межсекторного взаимодействия субъектов и объектов социальной сферы,
- привлечь дополнительные человеческие, интеллектуальные ресурсы для более полной и эффективной реализации актуальных общественных инициатив,
- создать новые или восстановить старые социальные услуги, предоставляемые государственными / муниципальными учреждениями и общественными организациями,
- внедрить инновационные социальные технологии, которые могут быть тиражированы.

Имея общую методологию, социальный грант и заказ несколько различаются по методике реализации. Социальный заказ — более «жесткая» форма партнерства, чем социальный грант, поскольку ориентирует СО ННКО на достижение строго заданного результата с минимальными затратами. В отличие от гранта, смысл заказа не столько в пробуждении инициативы, сколько в рациональном расходовании ограниченных средств для достижения уже известной цели, а также соблюдении всех технологий, механизмов, способов ее реализации, требуемых заказчиком.

Социальный грант и заказ – конкурсные механизмы. Основным преимуществом конкурса является возможность получения ресурсов вне государственной иерархической структуры. В то же время, конкурсный

механизм — это всего лишь средство и потому необходимо четкое управление этим механизмом.

Есть два основных назначения конкурсного механизма.

Первое — отбор лучшего (в определенном отношении), здесь конкурс превращается в соревнование.

Второе — запуск проектов, которые соответствуют приоритетам (конкурса). Конкурс с несформированными приоритетами может только породить конфликты и обиды. При этом формирование приоритета находится вне самой акции проведения конкурса, и тот, кто их формирует, фактически управляет ситуацией. Таким образом, следует подчеркнуть, что конкурс эффективен только в определенных условиях, а именно:

- приоритеты в сфере социальной, образовательной и культурной политики всем известны;
- созданы равные условия для всех организаций, которые обладают ресурсами для воплощения в жизнь этих приоритетов. Таких организаций достаточно много.

Социальный заказ и грант - конкурсные механизмы - направлены на повышение финансовой, социально – экономической, культурно – этической и управленческой эффективности работы по консолидации усилий сторон.

Финансовая эффективность социального гранта и заказа позволяет соотнести затраты на администрирование организации и проведения конкурсов, обучение проектной культуре, консультирование при подготовке проектов на конкурсы *с* реальными результатами выполнения конкурсных проектов. Условный «волонтерский доллар», учитываемый в представляемых на конкурс проектах, играет важную роль для решения инновационных социальных задач, т.к. значительно удешевляет социальные программы. Кроме того, технологии социального заказа и гранта предусматривают широкое привлечение инвестиций как отечественных, так и иностранных спонсоров.

Социально – экономическая эффективность выражается в адаптивности к конкретным нуждам для данного региона, инновационности и оригинальности подходов к решению социально значимых проблем. Создаются временные и эластичные рабочие места для исполнителей проектов, деятельность вовлекаемых специалистов вознаграждается заработной платой или разовыми вознаграждениями. Победители приобретают оборудование и оргтехнику, получают возможность подготовки и публикации инновационных информационно-методических изданий и проведения обучающих занятий.

Культурно – этическая эффективность выражается в возрождении самобытных культур, осуществлении познавательных и обучающих программ, привлечении волонтеров, активизации граждан, обладающих духовно – нравственным потенциалом.

Управленческая эффективность представлена ростом профессионализма и компетентности как государственных и муниципальных служащих, так и сотрудников СО ННКО, повышением степени их готовности и способности эффективно использовать потенциал и ресурсы друг друга.

Указанные факторы делают социальный грант и заказ предпочитаемыми формами взаимодействия власти и СО ННКО в социальной сфере за рубежом. Так, в 2013г. в Норвегии 87% межсекторных социальных проектов были реализованы в форме социального гранта; в Канаде и Швеции эти цифры составили соответственно 83,4 и 79,9%.

2. Детальная проработанность нормативно-правовой базы организации взаимодействия СО ННКО с государством именно на территориальном уровне, с учетом специфики социально-экономического, географического, культурного, этнического «профиля» конкретной территории. Например, в США федеральное законодательство о государственной поддержке и стимулировании социально ориентированного третьего сектора крайне лаконично, зато на уровне штатов нормативно-

правовые основы межсекторного социального партнерства проработаны досконально. Например, закон штата Иллинойс «О некоммерческих корпорациях» представляет собой стопятидесятистраничный документ, который содержит практически все вопросы межсекторного взаимодействия: от приоритетов социальной политики штата до регламентации технологий сотрудничества.

3. Процедурально работающая система стимулирования социальной активности бизнеса. При этом, за филантропическими программами, с которыми связаны и деловая активность и маркетинговые стратегии корпораций, стоит точный расчет, который строится с учетом мнения акционеров, клиентов, общественности и СМИ, позиции правительства и давления со стороны рынка. Таким образом, каждая денежная единица, вложенная в благотворительность, дает бизнесмену конкретную выгоду, которая может заключаться в освобождении от части налогов и взносов, либо в укреплении своей деловой репутации. Благодаря этому стал формироваться слой этичных инвесторов - развивающейся группы акционеров, акцентирующих внимание на социальные и экологические аспекты фирмы не в ущерб доходности вложений. Такими являются: физические лица, пенсионные фонды и трасты, наследственные фонды, религиозные и учебные заведения, финансовые институты (аннуитеты и др.), отдельные компании.

4. Развитие экономических основ функционирования социально ориентированного третьего сектора. Так, в США, где традиционно государство брало на себя только необходимый минимум ответственности за социальное благополучие своих граждан, в настоящее время организации третьего сектора составляют основу экономического комплекса социальной сферы. В странах Европы тенденция передачи заметной части прав и ответственности за социальное благополучие граждан и социальное развитие в неправительственный сектор также становится все более очевидной. Так, доходы СО ННКО из негосударственных (привлеченных) источников в 38

западноевропейских странах в 2012г. составили в среднем 44%[274]. При этом, в государствах с развитым третьим сектором нет особого разнообразия организационно-правовых форм СО ННКО, что существенно облегчает взаимодействие с ними специализированных административных органов, унифицирует процедуры государственного контроля за их деятельностью, а значит, делает механизм межсекторного взаимодействия более понятным, транспарентным (для сравнения: в России действующее федеральное законодательство разрешает 16 организационно-правовых форм ННКО, что не может не провоцировать рост «теневой» экономики третьего сектора).

5. Инновационные технологии межсекторного социального партнерства. Помимо ставших уже для многих стран традиционными социальных грантов (субсидий), социальных заказов, освобождения СО ННКО от части налогов, предоставления им в аренду помещений на безвозмездной основе, в ряде стран разрабатываются и успешно апробируются такие «ноу-хау» инновационной экономики и менеджмента, как: возмещение стоимости оказанных СО ННКО услуг с использованием ваучеров; социальный налоговый вычет; государственное стимулирование «добросовестного управления» СО ННКО; развитие самоорганизации и саморегулирования в спектре социально ориентированного общественного движения.

[274] Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Международный опыт государственной поддержки и регулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник Университета. 2014. № 16. - С. 276 – 279.

2.2. Механизм борьбы с организациями – иностранными агентами в Российской Федерации

Элементы политики борьбы с нежелательным иностранным влиянием можно наблюдать на всем протяжении истории Российского государства.

Еще в период Московской Руси существовал государственный контроль за въездом иностранцев. Например, в Новоторговом уставе 1667 г. иноземцев пропускали в города, только если у них была от государя «жалованная грамота за красной печатью» [275] . При этом, иностранные ремесленники контролировались русским «работодателем» - либо церковью, либо князьями, а иностранные купцы – отечественными купеческими гильдиями[276].

Охранялись от иностранного влияния православные ценности. Вплоть до имперского периода российской государственности строительство иностранцами – иноверцами своего храма на русской территории трактовалось как властью, так и народом как угроза покушения на православный мир.

Действовали ограничения для иностранцев на право собственности. Так, владеть вотчиной человеку иностранного происхождения разрешалось только после того, как он поступал на государеву службу, становился русским подданным, и только с разрешения царя[277].

Политика борьбы с нежелательным иностранным влиянием реализовывалась и в имперский период российской истории. Петр I, объясняя свою несколько прозападную политику соображениями пользы для России, допускал иностранцев исключительно для того, чтобы они «сделали Россию еще более могущественною, а народ искусным в торговле, промыслах, науке и художествах[278]. Государственный контроль за нежелательным иностранным влиянием был также установлен первым русским императором. Это

[275] Соловьев Вл. История России с древних времен. М., 1993. Т. 1.- С. 217.
[276] Лешков Г. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности // Москвитянин. 1852. Ч. 6; Бунге Н. О правах иностранцев в России. Ч. 1. - С. 77.
[277] Неволин К.А. История российских гражданских законов. М., 1848. Т. 3. - С. 40.
[278] Мыш М.И. Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций. СПб., 1888. - С. 6.

выразилось: в отказе в Россию допускать «шведов всякого чина и достоинства», в пресечении иностранной розничной торговли.

Елизавета I установила предварительную цензуру Синода на иностранные издания, а также обязательность контроля Синода за переводом иностранных духовных книг[279].

В XIX в. российскими императорами были установлены:

- политический, «особый» надзор за въезжающими в Россию иностранцами с целью превенции проникновения идей Французской буржуазной революции (Александр I)[280];

- преференции русскому купечеству с одновременным запретам вступления в отечественные купеческие гильдии иностранцам (Александр I)[281];

- приоритет российского законодательства над иностранным (Александр III)[282];

С конца XIX в. и на протяжении всего советского периода российской государственности в XX в. противодействие нежелательному иностранному влиянию велось в рамках обеспечения государственной безопасности, борьбы со шпионажем[283].

Вместе с тем, эффективной реализации охранительной государственной политики от нежелательного иностранного влияния препятствовал феномен демократического идолопоклонничества, охарактеризованный в параграфе 1.2. данной работы.

В XX в. этот феномен проявился в нашей стране еще в период т.н. «оттепели» 1960-х – 1970-х гг. Именно тогда отчасти под влиянием

[279] Указ от 9 декабря 1743 г. «О непривозе из-за границы печатных в чужих краях на Российском языке книг, неосвидетельствованных Синодом и о непереводе иностранных духовных книг без дозволения Синода».
[280] ПСЗ. Т. XXIII. № 17201, 17683, 17689.
[281] Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных российскому купечеству новых выгодах, отличиях и преимуществах»
[282] См.: Мыш М.И. Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций. СПб., 1888. С. 137 – 148.
[283] Свириденко О.М. История борьбы с иностранными агентами в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. N 8.– С. 47.

внешнеполитических сил, отчасти вследствие сопротивления представителей интеллигенции советскому авторитаризму, отчасти как дань памяти жертвам сталинских репрессий в СССР получило развитие диссидентство. Это масштабное, разноплановое и многоуровневое неформальное общественно-политическое движение, внесшее огромный вклад в развитие советской литературы, живописи, театра и др., в нашей стране является объектом изучения многих социальных наук. Любопытно, что диссидентство считают культурно-историческим феноменом, присущим только СССР и некоторым странам Восточной Европы 1960 – 1970-х гг. [284], таким образом, не отождествляя его с либерально-демократическими общественными движениями Западной Европы и США. В контексте проблематики данной работы важно подчеркнуть, что метаидеей диссидентства, по словам самих же его ярчайших представителей, была *вера в либерализм* как «совокупность добрых пожеланий, не удостоверенных ни политическим опытом, ни политическими знаниями, ни, тем более, политическим мировоззрением»[285]. Л. Богораз называла диссидентство «броуновским движением, скорее психологическим, чем социальным…, с завихрениями и потоками, куда-то движущимися»[286]. В политическом аспекте, эта вера и активность объединяла всех, кто был против советского государственного строя: от социалистов до крайних националистов. Лидер московского диссидентского движения, а впоследствии руководитель первой в России правозащитной общественной организации «Московская Хельсинская группа» Л.М. Алексеева сравнивала диссидентов с декабристами, народниками [287], тем самым признавая и подчеркивая некую наивность, эмоциональность, идеализированность их менталитета.

[284] См.: Серебрякова Е.Г. Трансформация научных подходов к исследованию советского диссидентства 1960 – 1970-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2023. Т.33. №22. – с. 387 – 394.
[285] См.: Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. №9.
[286] Там же.
[287] См.: Безбородов А. Б. Академическое диссидентство в СССР // Русский исторический журнал. 1999. том II. № 1. С. 54 – 108.

Наиболее последовательными и прагматичными представителями диссидентства стали, по классификации Л.М. Алексеевой, «либералы – западники», считавшие единственно «правильным» строем капитализм западноевропейского или американского образца[288]. Закономерно в этой связи, что данное течение советских диссидентов активно поддерживалось Западом, что способствовало развитию организационных основ и технологизации политической деятельности. Диссиденты-либералы активно использовали как поддержку извне, так и внутренние ресурсы (протестные настроения, «тлеющие» этнические, социально-политические конфликты). Активизации либеральной идеологической интервенции способствовали связи советских либералов-диссидентов с американскими и западноевропейскими партнерами. Хотя официальная статистика об объемах зарубежной помощи советским диссидентам-либералам и их организациям автору недоступна, о масштабах зарубежной поддержки либеральной демократии в советской России можно косвенно судить из официального доклада председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 г. По его сведениям, «в условиях политики разрядки международной напряженности западные спецслужбы изменили свою тактику работы, направленной на подрыв социалистической системы, перейдя от «лобовой атаки», прямой проповеди антисоветизма и антикоммунизма, к попыткам «эрозии» социализма, возбуждения негативных процессов, которые бы «размягчали, а в конечном счёте ослабляли социалистическое общество». В связи с этим, по словам Ю.В. Андропова, КГБ были известны планы западных спецслужб активизировать работу по «установлению контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и созданию из них нелегальных групп», а впоследствии — по консолидации таких групп и превращению их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию. Деятельность этих лиц «инспирировалась подрывными центрами,

[288] Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. Вильнюс; М.: Весть. 1992. – с. 139.

находящимися на Западе» и направляющими через своих эмиссаров в Советский Союз инструкции, деньги, средства тайнописи и печатной техники для своих подопечных[289].

Численность советских диссидентов однозначно определить достаточно трудно. По сведениям КГБ СССР, «потенциально враждебный контингент» в СССР «составлял 8,5 млн человек»[290].

С 1960-х гг. преследование либералов-диссидентов осуществлялось в СССР в рамках Уголовного кодекса РСФСР и союзных республик. В качестве мер наказания применялось лишение свободы сроком от 5 до 10 лет за «контрреволюционную», «антисоветскую» агитацию, «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». По всем этим статьям с 1956 по 1987 гг. в СССР было осуждено 8145 человек[291], поскольку в большинстве случаев диссидентов сначала предупреждали о возможных санкциях, и лишь при рецидиве их применяли. Кроме того, в качестве меры государственной политики борьбы с «воинствующим инакомыслием» использовали насильственное психиатрическое лечение.

Таким образом, начиная с 1960-х гг. политика КГБ по борьбе с проявлением инакомыслия приобрела более «мягкий» и даже профилактический характер.

В противовес этому, либеральное диссидентство проявляло себя все активнее, организованнее, вовлекало все большее количество сторонников и сочувствующих из самых разных социальных групп.

---

[289] Из выступления председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 г. Дата обращения: 22 января 2023 г. Архивировано 24 ноября 2012 года / Диссидентское движение в СССР. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Диссидентское_движение_в_СССР (дата обращения: 15.10.2025 г.)

[290] Быков А. Индустрия терроризма // Новости разведки и контрразведки, 2003. № 7-8. - С. 30.

[291] Владимир Козлов. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953—1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР. Дата обращения: 22 января 23. Архивировано 29 сентября 2007 года.

Интенсификация дезинтеграционных процессов советской государственности в 1980-х гг. явилась одним из решающих факторов, который изменил «политический расклад» в пользу диссидентов-либералов.

В данных процессах большую роль сыграли государственно-политические и управленческие элиты СССР. Начиная с 1980-х гг. в их среде происходила «своеобразная деидеологизация…, эрозия «марксистско-ленинской» идейности, в верности которой клялись более всего. Причем в этом процессе — как это ни выглядит парадоксальным — руководство и аппарат опережали значительную часть общества»[292].

Такая среда стала благоприятной почвой для развития либерального диссидентского движения. После возвращения из заключения и ссылок диссидентов часть из них включились в активную политическую деятельность, став народными депутатами СССР и республик в его составе.

Вместе с тем, для большинства представителей этого движения политическая реабилитация инакомыслящих стала временем завершения политической активности, поскольку они «достигли цели, к которой стремились»[293], т.е. распада СССР и образования демократической России.

Однако, глубинная причина потери интереса к политической деятельности у большинства диссидентов в Российской Федерации 1990-х видится в несоответствии их понимания «политического» западноевропейским и американским меркам. Как уже аргументировалось выше, советское диссидентство носило метафизический, а не прикладной политический характер. У большинства его представителей не было никакой четкой политической цели, отсутствовало представление о необходимости и возможностях использования политических инструментария, а главное – отсутствовала политическая воля. Дальше цели свержения советского строя и установления абстрактной демократии в постсоветской России они не пошли,

[292] Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. — М.: Междунар. отношения, 2005. — С. 37.
[293] Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2006. - С. 60.

да и не в состоянии были этого сделать, поскольку «…никто никогда не учил их, как перейти от сущего к должному. Каковы алгоритмы этого перехода, каковы стадии этого перехода? Как пройти по этому пути, не поскользнувшись, не перейдя границы допустимого и недопустимого компромисса?»[294]. Таким образом, советское диссидентство воспроизвело в конце XXв. традиции либерально-демократического идолопоклонничества, свойственные русскому политическому менталитету.

Вместе с тем, на фоне философствования большинства инакомыслящих о «судьбах российской демократии» выделялось либерально ориентированное политическое диссидентство, которое быстро и успешно обучалось у западных коллег технологиям «мягкой силы», таким как: горизонтальная кооперация деятельности, создание «дочерних» организаций, активная «жесткая» агитация, организация и участие в публичных провокационных акциях, создание и распространение негативного образа отдельных политических явлений, процессов и лидеров в СМИ.

Подчеркивая ненасильственный характер своей деятельности, под лозунгом демократизации и защиты прав человека либеральные диссиденты активно и эффективно действовали в той мере, в которой им позволяла это делать советская и, в дальнейшем, российская власть (которая в первой половине 1990-х гг. также состояла из ультралиберальных «младореформаторов»). При этом, сами правозащитники - либералы были крайне разобщены и принципиально не соглашались ни на какое взаимодействие с властью. Об этом, в частности, свидетельствует история организации первого Всероссийского гражданского форума (1999г.) и последовавший за ней раскол в самом правозащитном движении, а также стремительное дистанциирование правозащитников от остальных ННКО.

1990-е гг. стали периодом разрушения российской системы политической безопасности, и иностранные агенты получили практически не

[294] «Solidarnosc»: взгляд с Востока. Дата обращения: 30 апреля 2023г. Архивировано 16 мая 2017 года.

ограниченные правовые и технологические возможности политического влияния. В этот период политика либерально-демократического миссионерства США приобрела глобальный характер, в том числе посредством создания собственных и ангажирования уже существовавших СО ННКО в своих геополитических целях[295]. В конце XX – начале XXI вв. с помощью подконтрольных США СО ННКО «…притягательность американских принципов и институтов подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства...»[296].

Учитывая, что в 2000 г. до 80% кинопродукции и СМИ в России контролировалось американскими НПО[297], вряд ли стоит удивляться, что по отношению к России и странам постсоветского блока это влияние приобрело разрушительный характер, в аспекте внедрения в менталитет части политической элиты и широких слоев населения американских политических ценностей и идей либеральной демократии, индивидуалистического образа жизни. Таким образом, в конце XXв. для российской политической культуры вновь актуализировалась угроза воспроизводства феномена либерально-демократического идолопоклонничества, охарактеризованного в первой части данной работы.

Начиная с 2000-х гг., в большинстве зарубежных стран, которые пытаются сохранить свой политический суверенитет, борьба с иностранными агентами стала одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности независимо от цивилизационной принадлежности и модели демократизации. Успех на данном направлении во многом

[295] Боброва О.В., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель- Observer. 2021. №8. – С. 18.
[296] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2020. – С. 50.
[297] Боброва О.В., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель- Observer. 2021. №8.– С. 20.

определяет качество национальной государственно-политической элиты, которое может быть охарактеризовано в терминах политической воли, национального самосознания, институциональных возможностей. В условиях институциональной слабости национальной государственности, часть национальных политических элит оказывается деморализованной, подверженной деструктивному влиянию внешней недружественной интервенции. Примерами такой ситуации стали многие правящие элиты Восточной и Центральной Европы в конце XX- начале XXI вв., сознание и поведение которых посредством деструктивной деятельности иноагентов удалось переформатировать на либерально-демократический лад. Благодаря иноагентам из бывших союзников нашего государства эти элиты превратились в его непримиримых врагов либо оппонентов, в то же время, подчиняя интересы своей страны геополитическим целям США.

Государство, политическая элита которого стремится укрепить внутреннюю политическую безопасность и обеспечить суверенитет на внешнеполитической арене, инвестирует масштабные средства в национальные политические СО ННКО-институты влияния (а порою создает НПО и / или стремится ангажировать уже действующие), одновременно «закрывая» внутриполитическую сферу от любого нежелательного иностранного вмешательства.

С 2001г. российская государственно-политическая элита начала предпринимать определенные меры по противодействию политически ангажированной деятельности СО ННКО, в том числе иностранных и международных. Так, в 2001г. были приняты: федеральный закон «О политических партиях», который вычленил политику как сферу борьбы за власть из социальной сферы, а также федеральный закон «О противодействии терроризму и экстремизму», который позволил власти инициировать приостановление либо прекращение деятельности СО ННКО, в чьих уставах или деятельности была замечена угроза подрыву национальной безопасности

России. В контексте ситуации огромного политического влияния либеральных стран на Россию показательно, что подготовленные проекты федеральных законов, предоставившие государству возможности для контроля над ННКО, какими власть не располагала в 1990-е гг., стали объектом жесткой критики как внутри страны, так и за ее пределами, в частности, в Совете Европы[298].

В 2012г. были приняты фундаментальные поправки в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», положения которого установили значительные ограничения для деятельности СО ННКО - «иностранных агентов», т.е. тех организаций, которые занимаются «политической деятельностью» на территории России, включая «организацию и проведение политических акций» либо «влияние на общественное мнение», а также получение «денежных средств и иного имущества от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства». НКО - «иностранные агенты» должны были зарегистрироваться в качестве таковых в соответствующем реестре Минюста России и указывать свой статус во всех публикациях в СМИ и Интернете.

Официальная власть, аргументируя свою правотворческую деятельность, подчеркивала, что закон стал необходимой реакционной мерой борьбы с политическим шпионажем и паразитизмом, поскольку по сост. на 2 апреля 2013 года на территории Российской Федерации действовали 654 СО ННКО, финансируемые из-за рубежа. Только за четыре месяца после принятия закона на счета этих организаций, по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, из-за границы поступило 28,3 млрд. рублей, в том числе 855 млн. рублей — через дипломатические представительства.

Последующая трансформация российского законодательства об иногентах была осуществлена в следующих направлениях: принятие т.н. «Закона Димы Яковлева», который, в частности, позволил приостанавливать

[298] Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008.– С.229.

действие СО ННКО, финансируемых за счет американских физических и юридических лиц (2013 г.)[299]; включение СМИ (2017 г.) и физических лиц (2019 г.) в перечень субъектов, которым может быть присвоен статус иностранных агентов.

В целях систематизации законодательного регулирования статуса иностранных агентов, а также предотвращения деструктивных практик политического влияния, в 2022 г. был принят Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который несколько трансформировал прежнюю трактовку термина «иностранный агент», с учетом текущей ситуации необходимости обеспечения сохранения суверенитета России в условиях политического давления со стороны недружественных ей стран. Теперь иностранным агентом признается «лицо, осуществляющее политическую деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, участие в создании и распространении для неограниченного круга лиц сообщений и материалов»[300]. Кроме того, в 2024 г. введен в действующее законодательство термин «нежелательная организация», т.е. иностранная или международная НПО, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства[301].

Степень актуальности принятия данного закона подтверждается, например, следующими данными: по словам заместителя госсекретаря по вопросам Европы и Евразии Филиппа Гордона, с 2009 по 2022 годы США потратили на цели «поддержки прав человека и демократии в России» 200 млн долл., а в 2023 году намеревались выделить российским оппозиционным СМИ и лидерам общественного мнения, в особенности молодежи, 50 млн долл.[302]

[299] Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О санкциях в отношении физических лиц, нарушающих основные права человека и свободы граждан Российской Федерации»
[300] Ст. 4 Федерального закона от 14.07.2022 N 255-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»
[301] Федеральный закон от 08.08.2024 N 219-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
[302] США выделяют 50 миллионов долларов на поддержку демократии в России URL:

Как следует из доклада председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции В. И. Пискарева, в 2020 году на счета 44 из 75 НКО-иноагентов от иностранных источников поступило порядка 994 млн рублей. Объём перечислений в 2020 году увеличился примерно на 20% по сравнению с 2019 годом. При этом, иноагенты «успешно реализуют ориентированные на россиян проекты через сеть своих опорных пунктов, разместив эти офисы на территории государств Восточной Европы по периметру нашей страны – в Польше, Чехии, Литве, Эстонии, Украине, Грузии. Там они себя чувствуют весьма уютно», организуя для россиян за рубежом «тренинги и семинары, где их учили, как влиять на избирательные кампании, организовывать массовые беспорядки и несанкционированные политические акции»[303].

Существенно, что влияние американских и западноевропейских НПО на российские ННКО несколько различается в аспекте характера, методов и географии воздействия. Американские принципалы вкладывали ресурсы более «точечно», в конкретные ННКО; приоритетными направлениями их финансирования являлись обучение лидеров ННКО, организация краткосрочных командировок в США; деятельность такие НПО осуществляли в регионах с более либеральным менталитетом (Нижегордская, Новгородская, Свердловская области). Стратегия западноевропейских принципалов более институциональна. Они реализовывали, в первую очередь, совместные проекты с государственными структурами и ассоциациями ННКО, действовали на приграничных, географически близких территориях (республика Карелия, Санкт-Петербург), а тематика их сотрудничества носила

https://www.infox.ru/news/220/89663-ssa-vydelaut-50-millionovdollarov-na-podderzku-demokratii-v-rossii (дата обращения: 1.10.2022г.)

[303] Комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России URL:https://www.pnp.ru/social/rossiyanam-zapretyat-sotrudnichat-s-nezhelatelnymiorganizaciyami (дата обращения: 12.01.2025 г.)

более «мягкий» и менее политизированный характер. Однако, усиление агрессивной политики США по отношению к России со второй половины 2010-х гг. послужило причиной пресечения деятельности на территории России не только американских, но и западноевропейских НПО и «сворачивания» соответствующих проектов (например, Гражданского форума ЕС – Россия)[304].

Эффективность российской политики борьбы с ННКО - иноагентами в 2013 – 2025 гг. отчасти можно оценить по динамике количества организаций, внесенных Минюстом России в реестр иностранных агентов[305].

Оценивая приведенные в реестре данные, можно сделать следующие выводы:

1) В период с 2014 по 2016 гг. в реестр иноагентов было включено больше всего ННКО, в первую очередь: общественных объединений (68), некоммерческих фондов (41), автономных некоммерческих организаций (21), правозащитных общественных организаций (9). Именно эти организационно-правовые формы ННКО предпочитали иноагенты, в том числе, из-з удобного формата взаимодействия с иностранными спонсорами – принципалами.

2) С 2017 г. (когда появилась юридическая возможность объявлять СМИ иноагентами) по 2024 гг. наблюдается рост числа СМИ (в организационно-правовых формах обществ с ограниченной ответственностью, а также автономных некоммерческих организаций), включенных в реестр иноагентов.

3) В 2023 – 2024 гг. в реестр иноагентов стали включаться проекты, реализуемые физическими лицами и организациями – иноагентами.

Комментируя эти тренды, заместитель министра Минюста России О.М. Свириденко подчеркнул, что, в ходе правоприменительной практики

[304] См.: Белокурова Е.В. Гражданский форум ЕС – Россия: причины и факторы формирования и развития // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 1. – с. 80 – 84.
[305] Реестр иностранных агентов. Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/ (дата обращения: 05.01.2026 г.)

министерство сталкивалось «с большим количеством случаев, когда уже внесенные в реестр иноагенты ликвидировали НКО, регистрировали общество с ограниченной ответственностью с аналогичным названием и продолжали осуществлять свою деятельность. Кроме того, часть работы НКО-иноагентов переносилась на физических лиц, что тоже позволяло обходить требования законодательства»[306].

Таким образом, российское законодательство об иностранных агентах последовательно совершенствуется, «реагируя» на попытки субъектов, которые ранее были признаны иноагентами как ННКО и самоликвидировались, вновь реализовывать свои цели, меняя организационно-правовую форму деятельности, действуя неформально (без официальной регистрации), в качестве физического лица, либо путем реализации проектов.

Такое настойчивое желание осуществлять деструктивное политическое влияние продиктовано материальными интересами российских иноагентов отчасти. Представляется, что значимую роль здесь продолжает играть фактор либерального идолопоклонничества.

Данный фактор вновь проявился в *отношении* отдельных представителей российской интеллектуальной и творческой элит к политике власти в сфере борьбы с иноагентами.

Это отношение выразилось, в частности, в масштабной (на момент принятия соответствующих законов о контроле за деятельностью СО ННКО – иноагентами, СМИ – иноагентами, о нежелательных организациях) бескомпромиссной критике решений политической власти. При этом, наиболее активные субъекты критики закона об иноагентах в России до июня 2013 г. даже входили в состав Совета по развитию гражданского общества и

[306] Замглавы Минюста: зарубежное финансирование не единственный фактор для статуса иноагента. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49521/ (дата обращения: 03.10.2025 г.)

правам человека при Президенте Российской Федерации и, несмотря на их заявления об удаленности от политики, продолжали оказывать влияние на органы государственной власти и вносить предложения об изменении ряда законов.

Так, одним из направлений критики принятого в 2012 г. Федерального закона «Об иностранных агентах» в России стала позиция лидеров общественного мнения - правозащитников относительно корректности трактовки термина «иностранный агент».

В.П. Лукин, занимавший в период принятия закона политическую должность Уполномоченного по правам человека в России, обратился в Конституционный суд Российской Федерации (далее: КС РФ) с жалобой, в которой отметил политическую и юридическую неконкретность терминов «иностранный агент» и «политическая деятельность».

Иски в КС РФ о несоответствии норм об иноагентах статьям 19, 29, 30, 32 и 51 Конституции России (равенство всех перед законом и судом, право на свободу слова, право на свободу членства в организациях, право на участие в управлении делами государства и право не свидетельствовать против себя) в 2013 г. были поданы руководством Фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», гражданами Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренским и В.П. Юкечевым. Авторы исков, в частности, полагали некорректной трактовку в принятых нормах термина «политическая деятельность», указывая на возможность отнесения к таковой работы ННКО в сферах защиты прав человека и контроля за выборами[307].

При этом, действия всех четверых сотрудников ННКО – лидеров общественного мнения (которых заключались не только в получении средств

[307] Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102348947&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 12.10.2024 г.)

от иностранных СО ННКО (поддержка иностранным принципалом), но и носили несомненно деструктивный политический характер, в частности: организация круглых столов с обсуждением тем российско-американских отношений и реформирования российского избирательного законодательства в соответствии с рекомендациями Европейской комиссии, пикетирование, размещение политизированной информации в сети Интернет. Во всех четырех случаях ННКО получили предостережение от прокурора, но не отреагировали на него.

Бывший эксперт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, комментируя проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», отметил, что «закон игнорирует ряд важных положений Конституции Российской Федерации, а также административного, гражданского и информационного законодательства, очевидно преследуя не правовую, но политическую цель»[308].

Среди экспертов – конституционалистов принятие законодательства о борьбе с иноагентами в России вызвало опасения по поводу того, что это законодательство может превратиться «в защиту интересов узкой политической группы, находящейся у власти»[309].

В 2019 г. в адрес Президенту России было составлено обращениек со стороны 60 общественных деятелей: правозащитников, музыкантов, писателей (впоследствии признанных иноагентами), в котором закон о признании иноагентами физических лиц назван «юридически абсурдным и заведомо антиконституционным, поскольку…вводит меры принуждения,

[308] Заключение о Федеральном законе «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» URL: https://drive.google.com/file/d/1CG5TkPaYgE-K7n2hdNsOKAdc7o07GELm/view (дата обращения: 01.11.2025 г.)
[309] См.: Романовская О.В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 36–48.

которые связаны с ограничением права граждан свободно получать и распространять информацию из любых источников»[310].

В данном контексте, представляется обоснованным и справедливым комментарий КС РФ о том, что федеральный законодатель в аспекте борьбы с нежелательным иностранным политическим воздействием не только правомочен, но и обязан «устанавливать …правила, которые, не посягая на само их существо, способствовали бы достижению - на основе баланса частных и публичных начал - конституционно значимых целей, включая обеспечение общественного порядка и безопасности в интересах всех граждан, как являющихся учредителями, членами и (или) участниками общественных объединений, так и не принимающих участия в их деятельности»[311].

В аспекте формирования общественного мнения к термину «иностранный агент» и, соответственно, к ННКО, внесенным в соответствующий реестр, у российского законодателя не сложилось единой позиции.

С одной стороны, КС РФ призвал отказаться от попыток обнаружить в слове «иностранный агент» какие-либо сложившиеся в советский период стереотипы, отрицательные контексты, отметив, что законодательная конструкция ННКО – иноагента «не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства, не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым не может восприниматься как проявление недоверия или желания

[310]Обращение к Президенту Российской Федерации о неконституционности закона о признании физических лиц иностранными агентами в Российской Федерации. URL: https://www.zaprava.ru/zakon-klishasa-ne-dolzhen-byt-vveden-v-dejstvie (дата обращения: 03.12.2023г.)

[311] Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г.Кузьминой, С.М.Смиренского и В.П.Юкечева. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102348947&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 12.10.2024 г.)

дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности»[312].

С другой стороны, показательно особое мнение судьи КС РФ В.Г. Ярославцева, идущее вразрез с позицией суда: «Законодательная конструкция некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, предполагает негативную оценку такой организации со стороны государства, рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности»[313].

Оценивая данные точки зрения с позиции восприятия термина «иностранный агент» российской общественностью, можно привести данные сравнений результатов профильного опроса ВЦИОМ в 2022 и 2025 гг.

Во-первых, в 2022 г. готовность одобрять маркировку иностранных агентов выросла на 11% (с 54%в 2022 г. до 65% в 2025 г.), а доля противников маркировки среди опрошенных с 2022 г. сократилась в 2025 г. по сравнению с 2022 годом в полтора раза. При этом поддержка закона об иноагентах в 2025 г. по сравнению с 2022 годом прослеживается во всех возрастных группах респондентов. У большинства россиян термин «иноагент» вызывает негативное восприятие и ассоциируется с образами врага, шпиона, предателя, «засланного казачка» (советские образы), а также с современным политикобразным термином «пятая колонна». Наряду с эмоциональными маркерами (страх, недоверие, раздражение), термин вызывает репрессивные ассоциации (гнать, уничтожать, сажать). При этом, нейтральные ассоциации

[312] Там же.

[313] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г. Ярославцева по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева. – Правовая база «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.08.2025г.)

при употреблении данного термина в 2025 г. среди большинства практически отсутствуют. И лишь меньшинство опрошенных ассоциируют иноагентов с борцами за правду, инакомыслящими, оппозиционерами. В качестве факторов, повлиявших на негативизацию отношения российской общественности к иноагентам, эксперты ВЦИОМ называют «рутинизацию самой практики объявления иноагентов, а также поддержку власти в борьбе с «внешним врагом» в условиях конфронтации с Западом». Вместе с тем, среди иноагентов опрошенные называют не юридических лиц, а физических лиц – артистов, деятелей искусства, музыкантов и блогеров. Это позволило экспертам сделать вывод о том, что категория «иностранный агент» для большинства современных россиян – не политическая, а, прежде всего, социокультурная[314].

Проанализированные результаты социологического опроса позволяют сделать вывод об обоснованности мнения В.Г. Ярославцева в отношении негативизации в глазах общественности тех ННКО, которые попадают в реестр иноагентов.

В целом, предложения исследователей «смягчить» термин «иноагент»[315], например, путем его замены в действующем российском законодательстве на категорию «ННКО, финансируемая из иностранных источников», оказываются социально необоснованными. Неприемлемой также является позиция ученых о нарушении «чистоты терминологии» при введении в законодательство термина «иноагент» в отношении ННКО. Так, известный конституционалист В.Е. Чиркин отмечал семантическую нелогичность употребления термина «иностранный агент» в отношении отечественной ННКО, указывая, что сам термин «иностранный» не может употребляться в

[314] Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты мониторингового опроса россиян об иноагентах. Москва, 31 октября 2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inoagenty-sredi-nas (дата обращения: 12.11.2025 г.)

[315] См.: Нечкин А.В., Истомин М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 90–104.

отношении отечественных ННКО [316]. Представляется, что скурпулезное следование принципам конституционной терминологии в данном случае негативно скажется на достижении цели совершенствования политики борьбы с деструктивным политическим влиянием [317].

Вместе с тем, настораживает выявленный ВЦИОМ фактор «рутинизации» правоприменительной практики внесения в реестр иноагентов. В условиях, когда правовой институт СО ННКО – иноагентов еще не до конца сформирован и процесс его развития сопровождается масштабной критикой (в том числе и политически деструктивной), восприятие общественностью данного института в условиях выявленной в ходе опроса незначительной осведомленности о нем может спровоцировать негативизацию отношения россиян к проводимой реформе.

Предметом острых дискуссий с момента выхода закона об иноагентах стала категория «политическая деятельность».

Исследователи-правоведы, признавая необходимость законодательного ругулирования «шпионской» деятельности ННКО – иноагентов, в то же время полагают, что «меры, которые использует власть, считаются дискриминирующими одну категорию граждан от других и являются искусственным инструментом охраны, на деле предназначенным для создания рычагов давления и ограничения со стороны административного аппарата страны»[318].

Отвечая на изложенные выше доводы, судья КС РФ Сергей Князев подчеркнул, что абсолютно точных условий в этом вопросе определить невозможно – всегда остается пространство для субъективной оценки. При этом, заметил судья, за ННКО должна сохраняться своеобразная «презумпция

[316] См.: Чиркин В.Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13–19.
[317] См.: Лысенко В.В. Финансирование НПО: российский, международный и региональный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 63–71.
[318] Петрова-Ядреева Я.А., Назарова Н.Н. Статус иностранного агента в Российской Федерации: проблемы трансформации // Право и государство: теория и практика. 2023.№ 5 (221).– с. 150.

невиновности» – в спорных ситуациях, по мнению Князева, суды, рассматривая конкретные дела, должны принимать решение в пользу СО ННКО[319].

Вместе с тем, в выраженной в анализируемом постановлении КС РФ официальной позиции власти содержатся обязательные элементы политической деятельности ННКО-иноагента, а именно:

- организация ННКО политических акций или участие в них, в том числе путем финансирования (как формат политической деятельности);

- изменение проводимой государственной политики (как цель политической деятельности);

- воздействие на решения органов государственной власти и на общественное мнение (как методы политической деятельности);

- получение и принятие финансовой поддержки из-за рубежа (как ресурс политической деятельности)[320].

В постановлении особо подчеркивается, что отсутствие хотя бы одного из вышеизложенных признаков в деятельности ННКО «…исключает отнесение некоммерческой организации к выполняющим функции иностранного агента, даже если организуемые (проводимые) с ее участием акции объективно были сопряжены с критикой решений государственных органов либо вызвали в общественном мнении негативные оценки проводимой ими государственной политики»[321].

---

[319]Агенты национальной опасности. Пресс-служба. Конституционный Суд Российской Федерации в прессе. РАПСИ от 09 апреля 2014. URL: https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/22015/ (дата обращения: 22.11.2020г.)

[320] Амелин Р.В., Добробаба М.Б., Капитанец Ю.В., Капитанец М.Э., Мильшина И.В., Мошкина Н.А., Плещева М.В., Чаннов С.Е., Чистякова Л.В. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая: комментарий к главам 15-32 КоАП РФ (под общ. ред. Л.В. Чистяковой). - ИД "ГроссМедиа": РОСБУХ, 2019 г.

[321] Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г.Кузьминой, С.М.Смиренского и В.П.Юкечева. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102348947&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 12.10.2024 г.)

Таким образом, в соответствии с официальной позицией КС РФ, сама по себе политическая деятельность ННКО еще не означает ее автоматического признания государством иноагентом, если эта деятельность не поддерживается из-за рубежа, а ограничивается «как по содержанию, так и по последствиям, на наступление которых она рассчитана, … собственными (внутренними) нуждами некоммерческой организации»[322]. В этом аспекте, показателен кейс некоммерческого учреждения «Муравьевский парк устойчивого природопользования», которое собирало подписи граждан в поддержку обращения к губернатору Амурской области о закрытии весенней охоты и за эту деятельность была признана иностранным агентом прокуратурой Тамбовской области. Вроде бы политическая по форме инициатива данной ННКО не ангажирована никаким иностранным принципалом и направлена на конструктивизацию национальной экологической политики России. Данная ННКО смогла реабилитироваться и была исключена из реестра иноагентов. Таким образом, отечественный законодатель предоставил возможность проявлять СО ННКО самостоятельную политическую инициативу, если такая инициатива не продиктована деструктивным иностранным влиянием и носит конструктивный по отношению к национальной государственности характер.

В то же время, факт получения и принятия иностранной помощи без осуществления политической деятельности сам по себе не дает основания для признания ННКО иноагентом, в соответствии с мнением судей КС РФ.

Наконец, из сферы политической деятельности российским законодателем исключены: наука, культура, искусство, здравоохранение, профилактика и охрана здоровья граждан, социальная поддержка и защита граждан, защита материнства и детства, социальная поддержка инвалидов, пропаганда здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защита растительного и животного мира, благотворительная деятельность, а также

[322] Там же.

деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества. Это предоставляет российским ННКО широкие возможности для проявления не только социальных, но и политических инициатив по развитию социальной сферы.

Проанализированный выше подход российского законодателя к определению «политическая деятельность» в отношении ННКО – иностранных агентов является лояльным в сравнении с зарубежной практикой. Действительно, в США для признания ННКО иноагентом достаточно факта политического влияния в интересах иностранного принципала, а под размытую формулировку политической деятельности подпадают лоббисты, финансисты, эксперты и просто физические лица. В Великобритании, с принятием Британской Схемы регистрации иностранного влияния с 1 июля 2025 г., нежелательной политической деятельностью становится любое «политическое взаимодействие с иностранным правительством или структурой», проявление «любой соответствующей активности», формальной или неформальной[323]. В Эфиопии ННКО, получающая более 10% иностранного финансирования, автоматически становится иностранным агентом, хотя при этом может и не заниматься политической деятельностью. Законодатель Австралии позволяет считать политической «шпионской» деятельностью посты и общение в социальных сетях. Таджикское законодательство обязывает любое общественное объединение ежегодно публиковать отчеты о доходах и расходах, даже не являясь при этом иноагентом.

Таким образом, обвинения либерально настроенной общественностью российского законодателя в нелояльной по отношению к ННКО трактовке «политическая деятельность», как минимум, не коррелируют с

[323] Игорь Серебряный. Иноагент 007. В Великобритании начали охоту на сотрудничающих с Россией. Expert.ru. 2 апреля 2025. URL: https://expert.ru/v-mire/inoagent-007/ (дата обращения: 12.05.2025)

международной практикой и не содержат конструктивных предложений по существу.

Актуальным остается вопрос о том, в какой степени востребована поддержка из-за рубежа представителями деструктивных гражданских инициатив российского третьего сектора?

В рамках научного проекта № 21–011–31537, выполненного при финансовой поддержке РФФИ в 2021 г. в Центре военно-политических исследований МГИМО, составлена база данных политически «небезопасных» НКО, которые получали иностранное финансирование в 2002 – 2018 гг. и теоретически могли использовать свой потенциал для подрыва политической безопасности России. Таких ННКО в базе насчитывается 27 136, а их общий доход за 2002 – 2018 гг. равен 3 666 770 663891 руб., или около 50 млрд долл. Составители базы данных основывались на предположении, что основным критерием отнесения ННКО к числу иностранных агентов является получение поддержки из-за рубежа.

Однако, эти официальные данные дают неточное представление об уровне и характере деструктивного потенциала представителей третьего сектора и общественных активистов в России. Остается не проясненным, является ли материальная поддержка основным мотиватором осуществления деструктивной политической деятельности для российских СО ННКО и лидеров общественного мнения.

Глубже понять причины и мотивы гражданского деструктивизма позволяет анализ результатов исследования интервью представителей правозащитного ННКО–сообщества, опрошенных в ходе мероприятия «Гражданский сектор России: от стратегии выживания к стратегии развития» (Москва, 27–28 сентября 2018 года; Ереван, 1–4 ноября 2018 года)[324].

[324] См.: Гимазова Ю.В. Результаты регулирования гражданского сектора в России: взгляд правозащитников // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 15. Вып. 5. – с. 35 – 51.

Представители правозащитного российского сектора отмечали существенное ухудшение своего положения в результате ужесточения политики в их отношении, в следующих аспектах: административный (обязанность вести дополнительную отчётность), социально–политический (изменение общественного мнения и позиции СМИ в отношении правозащитников), организационно–управленческий (возрастающие трудности в вопросах менеджмента, краудсорсинга и файндрайзинга). В этих условиях они выделяли два основных направления «выживания»: объявление себя иностранным агентом либо самоликвидация[325].

Многие из этих организаций превратились в неформальные численно небольшие группы экспертов, работающих на дому. Ввиду изменившейся обстановки правозащитная деятельность отчасти трансформировалась в экспертную, просветительскую, информационно–аналитическую, а также организацию и участие в различных дискуссиях, конференциях, форумах.

Отвечая на вопрос: «Изменился ли состав (члены и сотрудники) вашей организации и каким образом? Есть ли в организации разные поколения?», большинство респондентов указывают на значительное обновление кадрового состава, в том числе и команды. Во всех организациях существует приток новых сотрудников. Трудятся люди от 20 до 70 лет. При этом большинство ННКО выразили заинтересованность в том, чтобы молодые сотрудники постоянно повышали свою квалификацию и навыки, становились активными членами организации, разрабатывали свои направления деятельности. ННКО с 20–30– летним стажем отметили, что за время их деятельности кадровый состав изменился на 45 – 60%. Многие уходят, становясь депутатами, чиновниками, идейными оппонентами. Ужесточение российской политики к правозащитным организациям вызвало отток их сотрудников по причине «страха за свою судьбу». Кроме того, в качестве причин ухода сотрудников из СО ННКО респонденты назвали: исключение как постоянно пребывающих

[325] Там же.

или граждан США; уход из жизни правозащитников «первого поколения»; отсутствие в организации средств на оплату труда; недостаточную востребованность правозащитных организаций обществом.

Ещё одним негативным следствием текущей государственной политики в отношении правозащитного сектора является, по мнению одного сотрудника правозащитной организации, «усложнение возможности для появления в нём [правозащитном секторе – *Ю.Б.*] молодых людей, в связи с чем предыдущие методы перестали работать и появилась необходимость к выработке новых подходов деятельности».

Сужение «коридора возможностей» по отношению к правозащитным ННКО способствовало росту активности неформальных правозащитных организаций, реализации «стратегии индивидуального активизма». Такие неформальные объединения выживают за счёт инициативности и самоотдачи их лидеров. Нуждаясь в финансовых ресурсах, эти неформальные объединения тем не менее не решаются на юридическую регистрацию ННКО, поскольку боятся, что «проблем со стороны властей будет больше, чем выгод», а также того, что «быть формальными учредителями люди опасаются». Такие опасения лишь увеличивают дистанцию между властью и правозащитным сообществом.

В аспекте самоорганизации, партнерства правозащитных ННКО показателен ответ одного респондента, утверждающего, что «попытки сотрудничества с другими российскими ННКО весьма проблематичны из–за отсутствия традиций такого сотрудничества: все варятся в своем соку, каждый считает себя звездой, совместная работа требует равноправного и уважительного подхода, а с этим почему–то проблемы». Еще один респондент указал на проблематику конкуренции за ресурсы в условиях постоянно сужающегося «коридора возможностей» правозащитных и иных ННКО, в результате которой вымирают «слабые» организации.

Для того, чтобы российский правозащитный сектор существовал далее, по результатам ответов опрошенных, необходимо:

– больше работать и развиваться самим (включая творческую разработку новых проектов, получение финансирования для продолжающейся работы и новых проектов, развитие международного партнерства с НКО, творческое освоение и использование новых форм коммуникации и методов работы с аудиторией, расширение аудитории);

– искать и привлекать последователей, способных работать в новых условиях и заработать в этом качестве средства к полноценному существованию;

– отказаться от старых неработающих вещей, посмотреть по–новому на ситуацию и придумать новое, элегантное и работающее решение.

Результаты приведенного интервью позволяют сделать вывод об эффективности российской государственной политике по борьбе с иностранными агентами с позиций экономического (иноагентом в России быть крайне невыгодно) и формально-юридического (опасения респондентов и их потенциальных партнеров перед угрозой государственных санкций) критериев.

Вместе с тем, эта эффективность носит преимущественно реакционный характер, поскольку предполагает борьбу государства с результатами и последствиями деструктивного влияния иноагентов на общественно-политическую жизнь. Профилактический эффект, как следует из ответов респондентов, заключается лишь в боязни официально, юридически подпасть под санкции в качестве «шпиона».

Показательно, что среди ответов и рассуждений респондентов не было озвучено мыслей и предложений о конструктивизации взаимодействия с властью, о возможном созидательном вкладе правозащитного общественного движения в настоящее и будущее российской государственности.

Напротив, высказывания о крайней разобщенности правозащитного третьего сектора, о противопоставлении себя по отношению к государственной власти свидетельствуют о том, что ультралиберальные ценности правозащитников «первого поколения» достаточно сильны и сегодня.

О содержании этих ценностей можно судить хотя бы по риторике лидера российского правозащитного движения 1990-х, экс - руководителя Московской Хельсинской группы Л.М. Алексеевой. Ее интервью об истории организации Гражданского форума в ноябре 2001г. пестрит выражениями «свои», «опять мы были в меньшинстве», «тетки с авоськами» (о представителях социальных и досуговых СО ННКО), «мы разные, и потому мы не можем голосовать ни за что и у нас не может быть согласия». Символичны отказы от участия в форуме наиболее радикальных либералов-правозащитников[326].

Сохранение этих принципов и ценностей в российской правозащитной среде, а также их распространение (в первую очередь среди молодежи) в условиях ужесточения государственной политики по борьбе с иноагентами, чревато возрождением в современной России диссидентского движения в его деструктивном формате, тем более что отношение широкой общественности к иноагентам все еще нельзя назвать однозначно и устойчиво негативным.

Если сравнить результаты исследований ВЦИОМ за 2022 и 2023 гг., можно заметить тенденцию ухудшения общественного мнения по отношению к иностранным агентам (несмотря на различия в методологии исследований). Если в 2022 году скорее негативное отношение к иноагентам выражало чуть менее 56% опрошенных, то в 2023 г. — уже 71%. В ответ на вопрос о том, кто такие иностранные агенты, в 2023 г. более 60% опрошенных предпочли вариант «скорее предатели, которые за деньги недружественных стран распространяют ложь о нашей стране», и лишь 16% — «скорее борцы за права

[326] Сунгуров А.Ю. Российское гражданское общество и власть. Монография. – СПб: Алатейя, 2023. – с. 12.

граждан и свободу слова в России, которых власть пытается наказать, чтобы запугать остальных» (в 2022 г. вопрос не ставился в такой формулировке). Около половины опрошенных в 2023 г. респондентов заявили, что они не потеряют интерес к СМИ, если оно будет объявлено иноагентом.

В 2023 г. по сравнению с 2022 г. также наблюдалась тенденция резкого снижения интереса россиян к опросам (коэффициент кооперации снизился на 67%). Нежелание респондентов отвечать на вопросы после уточнения тематики анкетирования социологи объясняют снижением доверия россиян к опросам вообще, а также опасениями разговаривать на тему иноагентов[327].

Отдельно следует упомянуть о специфике отношения к иноагентом опрошенной молодежи. В 2022 г позиция респондентов 25 – 34-х летнего возраста разделилась: 43% считали присвоение статуса иноагента необходимым, столько же думали иначе (43%). В рамках опроса за 2023 г., чем моложе был респондент, тем реже он выбирал вариант «предатель» и чаще – «борец за права граждан»; при этом в возрастной группе 18-29 лет почти половина (47%) затруднились с ответом. [328] С учетом известной социологической закономерности о более либеральном менталитете молодежи в сравнении со старшим поколением, неоднократно подтвержденной российской социально-политической практикой[329], можно сделать вывод о по-прежнему серьезном и неоднозначном влиянии иноагентов (особенно, лидеров общественного мнения) на менталитет молодого поколения россиян.

Большая часть российской интеллектуальной и творческой элиты в настоящее время согласна с необходимостью идентификации борьбы с

[327] Эмилия Габдуллина. Агентские проценты ВЦИОМ заметил ухудшение отношения россиян к иноагентам // Коммерсантъ. №179 от 27.09.2023, стр. 5.
[328] ВЦИОМ: 71% россиян имеют негативные ассоциации со словосочетанием «иностранный агент» https://www.kommersant.ru/doc/6238354ВЦИОМ (дата обращения: 05.12.2024); Новости: россияне об иноагентах URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-inoagentakh (дата обращения: 05.12.2024).
[329] Гимазова Ю.В., Головин Д.А. Сущность и критерии технологии конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе // Социально-политические исследования. 2022. №2 (15). – С. 14.

деструктивным политическим влиянием СО ННКО – иностранных агентов и поддерживают на данном направлении субъектов государственно-политической власти.

Анализируя тексты научных статей, экспертных суждений и политических инициатив, посвященных развитию институциональных аспектов и технологий противодействия деструктивному политическому влиянию иноагентов в России, можно обнаружить следующие рекомендации:

- усовершенствовать институт уголовной ответственности в случае деятельности иностранных агентов в ущерб национальной безопасности при отсутствии признаков государственной измены[330];

- внедрить классификацию российских иноагентов по множественным критериям (субъектный состав, профессиональная деятельность, основание для включения в Реестр, степень аффилированности с иностранными источниками, доля проживающих за пределами Российской Федерации лиц внутри группы), на основе чего диверсифицировать методы административного воздействия на различные группы иноагентов[331];

- установить не административный, а судебный порядок признания иностранного агента таковым[332];

- расширить систему предупредительных (превентивных) мер перед внесением Минюстом России организации или физического лица в реестр иностранных агентов (например, давать три месяца на «устранение оснований» для внесения в реестр, а также освободить физических лиц – иноагентов от обязанности маркировать все публикуемые материалы и комментарии, если публикуемые материалы касаются частной жизни)[333];

---

[330] См.: Ступина С.А. К вопросу об уголовной ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию// Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237). С.510 – 513.

[331] См.: Матвеева Н.В., Арутюнян Г.А. Классификация лиц, находящихся под иностранным влиянием (иноагентов) и ее значение для совершенствование административного законодательства // Образование и право. 2024. №3. С. 310 – 319.

[332] Законопроект внесен фракцией Коммунистической партии Российской Федерации на голосование в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 8 апреля 2025 г. Газета «Коммерсантъ». №64 от 09.04.2025, стр. 3.

[333] Предложения Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации https://news.ru/society/smyagchit-uchast-inoagentskie-popravki-spch-doshli-do-gosdumy

- установить порядок, при котором получение международных премий и участие в конференциях не становились бы основанием для включения в список Минюста[334];

- внедрить технологии идентификации авторства имеющих деструктивный политический характер постов и комментариев в социальных сетях[335];

- связать получение статуса иностранного агента не просто с фактом финансирования из иностранного источника, а с фактом получения сумм определенного размера, причем с определенной законом степенью регулярности[336]

Эти и другие предложения свидетельствуют, как минимум, о конструктивном отношении представителей российской интеллектуальной и творческой элиты к проблеме необходимости обеспечения российской политической безопасности посредством борьбы с деструктивной политической деятельностью иноагентов.

Однако, помимо сугубо правовых и технологических аспектов профилактики деятельности иноагентов, представляется важным решение вопросов концептуального характера.

Во-первых, это недостаточная ясность как для субъектов государственного управления, так и для широкой общественности категории «политическая деятельность» в отношении физических и юридических лиц – иностранных агентов.

Несмотря на проанализированные выше разъяснения КС РФ, правоприменительная практика Минюста России, а также органов суда и

---

[334] Инициатива члена Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации, главного редактора газеты «Московский Комсомолец» П. Гусева https://www.forbes.ru/society/446127-spc-poprosit-putina-preduprezdat-smi-i-nko-o-riske-vklucenia-v-spisok-inoagentov

[335] См.: Романов А.С., Федотова А.М., Куртукова А.В., Шелупанов А.А. Методика идентификации автора текстовых материалов деструктивной направленности //Информационные технологии. 2024. Т.30.№ 12. С. 632 – 640.

[336] Кожевников О.А., Нечкин А.В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471.– с. 248.

прокуратуры, в вопросе квалификации данной деятельности СО ННКО как политической, остается весьма разнообразной, а правило «двойных критериев» для признания ННКО иностранным агентом (наличие политической деятельности и установление факта иностранной поддержки) на практике соблюдается не всегда.

Представляется, что закон «Об иностранных агентах», скопированный из американского опыта, нуждается в адаптации применительно к специфике российской государственности, где политическое влияние всегда не является предметом экономических отношений, отсутствует институт законодательного лоббизма, не столь развита формально-правовая культура и институт правового прецедента. Расплывчатость российской трактовки категории «политическая деятельность» не компенсируется, как в США, законодательной регламентацией лоббистских процедур. Расплывчатое определение в действующем законодательстве термина «политическая деятельность» не может не провоцировать увеличение и без того значительного объема дискреционных полномочий для государственных органов, что в российской правоприменительной практике уже неоднократно приводило к парадоксальным ситуациям, когда получение поддержки из-за рубежа давало основания для статуирования ННКО в качестве иностранного агента, независимо и даже без учета его политической позиции и, тем более, установления фактов политической деятельности. Так, первым официально зарегистрированным иностранным агентом стало некоммерческое партнерство «Содействие развитию конкуренции в странах СНГ» (соответственно, исключительно по материальному критерию). Под пристальное наблюдение Прокуратуры и Минюста России попадали неполитические СО ННКО, получавшие финансирование из иностранных источников, такие как: благотворительный общественный фонд «Помощь больным муковисцидозом», «Муравьевский парк устойчивого природопользования», занимающейся охраной даурских и японских журавлей

и дальневосточных аистов в заказнике «Журавлиная родина», «Союз охраны птиц России».

Порождают множество вопросов иные несовершенства действующего законодательства об иноагентах, такие как: отсутствие для них запрета выступать на информационных площадках, осуществлять образовательную и информационно-просветительскую деятельность для студентов; рассмотрение анонимного пожертвования или пожертвования против воли получателя со стороны иностранной организации или физического лица; установление минимальной суммы /объема иностранной поддержки для целей объявления получателя иноагентом[337].

Таким образом, проходящее не без противоречий развитие правового института ответственности иностранных агентов в России, осуществляется в условиях большой степени дискреции представителей государства (в первую очередь, в регионах России) и стимулирования социально ориентированной деятельности ННКО. Прогрессирующее опасение представителей государственного сектора по отношению к политической активности российских СО ННКО может привести к тому, что потенциал многих, добросовестных и политически неангажированных СО ННКО, окажется невостребованным. По мнению Президента России В.В. Путина относительно развития института иноагентов, представителям власти нужно постоянно «совершенствовать этот инструмент и ни в коем случае не злоупотреблять им»[338].

Помимо указанных проблем правового характера, приведенные результаты социологических исследований позволили выявить проблему недостаточной эффективности проводимой властью профилактики

[337] Огнева В.В., Киселев С.А, Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. №1. – с. 43- 44.
[338] Александр Пятин. Путин пообещал заняться «размытыми» критериями об иноагентах. Forbes. 21 октября 2021 г. URL: https://www.forbes.ru/society/443665-putin-poobesal-zanat-sa-razmytymi-kriteriami-zakona-ob-inoagentah (дата обращения: 05.12.2025).

распространения деструктивного политического влияния иноагентов на менталитет широкой общественности, особенно молодежи.

Российская государственно-политическая элита сегодня осуществляет активную политику, направленную на национальную мобилизацию в идеологическом, ресурсном, культурно-нравственном аспектах, с целью концентрации и активизации не только властных, но и общественных сил в интересах укрепления национальной политической безопасности.

Несмотря на существенную интенсификацию за последние два года масштабной работы государства в СМИ, Интернет-пространстве и социальных сетях по стимулированию патриотизма, пропаганде традиционных ценностей российской государственности, инструментарий этой работы пока еще недостаточно «настроен» на отдельные социальные группы и в отношении отдельных общественно-политических вопросов. Выявленное в 2023 г. снижение желания общественности участвовать в опросах об иноагентах, неоднозначное отношение молодого поколения к данному явлению может являться симптомом снижения доверия к интервью как валидному инструменту выявления общественного мнения, а также служит показателем риска «замалчивания» данной проблемы обществом, ее «теневизации» в сознании россиян.

В этих условиях, сохранившиеся в правозащитном секторе России ультралиберальные стереотипы, переход ряда правозащитников в неформальный режим деятельности, могут спровоцировать «диссидентский ренессанс» в современной России. А это, в свою очередь, чревато усложнением внутриполитической обстановки, дестабилизацией национальной государственности.

Предотвращение этого явления в сложившихся условиях представляется возможным, в первую очередь, посредством усиления «точечной» работы по внедрению и укреплению конструктивных гражданских ценностей в сознании представителей сектора СО ННКО, особенно молодежи.

В целом, «охранительная» политика России в отношении политических ННКО, во многом спровоцированная правозащитными ННКО в 1990-х гг. и усилившаяся в период обострения множественных политических кризисов, нападок на российский суверенитет со стороны недружественных стран, вполне оправдана официальной статистикой и неслучайно поддерживается большей частью общества.

Вместе с тем, мотивы деструктивной политической деятельности ННКО - не только материальные (т.е. зарубежная поддержка). Проблема видится также в не преодоленной на сегодняшний день нестабильности ценностно-политических установок деятельности части российских ННКО, в части идеализации их лидерами идей либеральной демократии.

Вот почему проводимая в России политика борьбы с иноагентами нуждается в корректировке не только в организационно-правовом, но и в ценностном аспектах, а ревизионные меры этой политики (борьба с результатами и последствиями деятельности иноагентов) должны дополняться превентивными мерами (профилактика деструктивных политических настроений и явлений среди общественников - активистов).

2.3. Организационно-правовые механизмы стимулирования государством гражданских инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в России

Приступая к исследованию нормативных и организационных основ стимулирования конструктивных инициатив СО ННКО, необходимо подчеркнуть, что российский законодатель чаще оперирует термином «государственная поддержка»; термин «стимулирование» гораздо менее употребим в официальных государственных документах по отношению к третьему сектору.

Как было обосновано в теоретической части работы, в отличие от различных мер государственной поддержки, стимулирование инициатив СО ННКО всегда предполагает конкурсный характер отбора организаций (а не «точечную» поддержку конкретных СО ННКО). В свою очередь, конкурсы проводятся в отношении проектов СО ННКО, соответственно, стимулируют развитие той части их деятельности, которую можно «упаковать» в проект.

Изложенные аргументы позволяют исключить из фокуса анализа в данной работе материальные неконкурсные направления господдержки СО ННКО, такие как: налоговое льготирование, имущественная поддержка и создание возможностей управления целевым капиталом.

К числу актуальных государственно-политических мер развития организационно-правового обеспечения стимулирования инициатив российских СО ННКО можно отнести следующие:

1) Отказ от программно-целевого подхода к решению задачи государственной поддержки третьего сектора в пользу стимулирования развития проектирования в среде СО ННКО. Реализация в 2010 – 2015 гг. Федеральной целевой программы поддержки СО НКО, по оценкам исследователей, послужила мощным импульсом для активизации развития

третьего сектора в регионах России[339]. Однако начиная с 2016 г. целевая программа перестала финансироваться из госбюджета, а федеральный центр форсировал процесс элитизации СО ННКО в регионах путем обособления и приоритизации поддержки организаций — поставщиков социальных услуг, которые приравнялись законодателем (применительно к льготированию) к субъектам малого и среднего бизнеса и фактически стали разновидностью социального предпринимательства. Большинство организаций третьего сектора оказалось экономически не готовыми к работе в предложенном властью режиме государственных/муниципальных закупок. После прекращения финансирования упомянутой выше целевой программы, финансирование мер государственной поддержки СО ННКО легло на плечи бюджетов субъектов и муниципальных образований Российской Федерации. Федеральное законодательство стало носить более «мягкий», рекомендательный характер в отношении организации инфраструктуры поддержки СО ННКО, функции федерального центра от исполнительно-распорядительных, обеспечивающих свелись к консультативным, способы отчетности федеральных органов исполнительной власти о проделанной работе в отношении установления требований к регионам об инфраструктуре поддержки стали более рекомендательными (ведомственные доклады, планы мероприятий и т.д.)

В противовес ослаблению роли исполнительной власти в вопросах поддержки «рядовых» СО ННКО, начиная с 2016–2017 гг. роль ФПГ как форварда институциализации российского социального проектирования существенно возросла. Помимо конкурсного распределения грантов, важными направлениями деятельности ФПГ сегодня являются: обучение СО ННКО навыкам социального проектирования, консультативная, экспертная поддержка инициативной деятельности СО ННКО содействие развитию

[339] См.: Никовская Л. И., Якимец В. Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 37–48.

экспертно-аналитического потенциала третьего сектора, финансирование проектных инициатив НКО в регионах. Подотчетность ФПГ непосредственно Президенту Российской Федерации, наличие сети региональных филиалов сделали его не просто всероссийским ресурсным центром поддержки СО ННКО, но и «институтом развития» нового типа в сфере партнерства власти и третьего сектора по вопросам стимулирования конструктивных гражданских инициатив - проектов[340].

2) Инвентаризация и систематизация усилий органов исполнительной власти в отношении стимулирования развития СО ННКО. Начиная с 2017 г., Правительство Российской Федерации начало масштабную работу по анализу и консолидации в единую систему реализуемых на федеральном уровне мероприятий поддержки и развития СО НКО. Результатом этого процесса стала разработка Комплекса мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2021 - 2024 годы, утвержденного поручением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2020 г. № 11826п-П44 (далее: Комплекс мер). Он предполагает распределение задач между федеральными органами исполнительной власти (далее: ФОИВ) в вопросах нормативно-правового регулирования, стандартизации, снижения административных барьеров, широкого информирования и вовлечения добровольцев и иных мер по различным аспектам государственной поддержки и стимулирования СО ННКО, а также по сферам социальной политики. Данный Комплекс мер является «рабочим» поэтапным планом развития системы поддержки СО ННКО, с указанием вида мероприятий, ответственных за реализацию органов, сроков исполнения и форм отчетности.

[340] Гимазова Ю.В. Традиции и инновации межсекторного взаимодействия в России / Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIIIВсероссийского конгресса политологов. Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М., 06 – 08 декабря 2018 года. – С. 132 – 133.

3) Создание единой инфраструктуры информационного обеспечения господдержки СО ННКО органами исполнительной власти.

Подробные информационные материалы о внедрении мер государственной поддержки СО НКО в субъектах и муниципальных образованиях России подготовлены Минэкономразвития России на основе анализа регионального опыта поддержки программ, проектов и инициатив третьего сектора в 2020 – 2022гг[341] (далее – информационные материалы Минэкономразвития России). Они содержат описание успешных региональных практик, а также рекомендации региональным органам власти по организации различных аспектов поддержки и стимулирования СО ННКО и их инициатив. Однако, эти материалы носят необязательный, информационно-ознакомительный характер и потому лишь могут (но не обязательно должны) быть приняты к сведению территориальными органами исполнительной власти.

4) Стандартизация отдельных аспектов поддержки и стимулирования публичной властью СО ННКО и их инициатив. Так, в 2017 г. Автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив» (далее - АСИ) разработан Стандарт поддержки волонтерства в регионах, а также методические материалы по его внедрению[342]. В 2022 г. Минэкономразвития России подготовлен Стандарт информационной поддержки СО НКО, добровольческих объединений и участников благотворительности на региональном уровне. Данные документы составлены на основе анализа и учета успешных региональных практик господдержки СО ННКО в стандартизируемой сфере. Однако, стандарты также не утверждены

[341] Письмо Министерства экономического развития РФ от 1 ноября 2022 г. N Д04и-35629 «Об информационных материалах по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне Комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2021 - 2024 годы, утвержденного поручением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2020 г. N 11826п-П44 (пункт 21)»

[342] Методические рекомендации по внедрению стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/upload/upload_docs/investclimate/volunteer-support-standart.pdf (дата обращения: 05.12.2025)

официально на федеральном уровне, и потому их внедрение на территориальном уровне государственного управления носит рекомендательный характер.

5) Расширение сети ресурсных центров НКО – специализированных некоммерческих организаций регионального уровня, способствующих развитию сектора СО НКО путем оказания им информационной, консультационной, образовательной, организационной и иной ресурсной поддержки, содействия внедрению в деятельность СО ННКО новых социальных и управленческих технологий[343].

Федеральное законодательство и информационные материалы Минэкономразвития России довольно подробно определяют цели, функционал ресурсных центров.

Ресурсные центры СО НКО рекомендуется создавать на территории каждого субъекта Российской Федерации в качестве элемента инфраструктуры поддержки и развития организаций третьего сектора, их инициатив[344].

Несмотря на то, что целью создания ресурсных центров СО НКО в 2016 году являлось обеспечение их доступа к бюджетным средствам [345] , рекомендованный функционал данных центров позволяет рассматривать их в качестве структур поддержки и развития конструктивных гражданских инициатив в регионах России, институтов властно-общественного взаимодействия и даже оказания помощи государственным / муниципальным органам для совершенствования действующих форм сотрудничества с НКО-сектором.

[343] Ст. 2 п.2.3. Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О некоммерческих организациях»
[344] Письмо Минэкономразвития России от 30.09.2016 N 29850-ОФ/Д01и «Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»
[345] Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016 – 2020 годы. Утвержден Правительством Российской Федерации от 23 мая 2016 года N 3468п-П44

Функционал ресурсных центров СО НКО представлен на рис. 1.

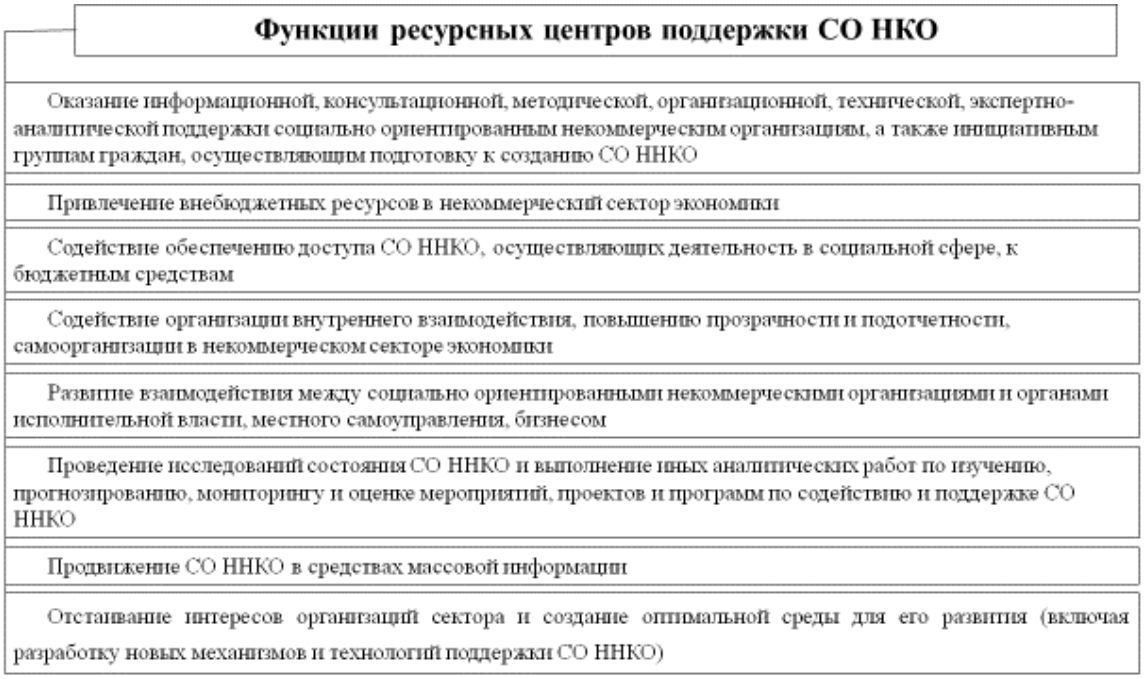

Рисунок 1 – Функции ресурсных центров СО НКО[346]

По мнению Минэкономразвития России, ресурсные центры не обязательно должны учреждаться «сверху». Напротив, территориальным органам власти рекомендовано «взращивать», т.е. «поддерживать и развивать уже существующие элементы инфраструктуры поддержки СО НКО в регионе».

В этой связи, предусмотрены два способа генезиса и функционирования региональных ресурсных центров. С одной стороны, ими могут стать независимые от власти СО ННКО, которые заслужили авторитет в региональном сообществе, признаны профессионалами среди организаций третьего сектора, способны и готовы содействовать конструктивному развитию властно-общественного взаимодействия в регионе. С другой стороны, функции ресурсных центров могут исполнять «также иные организации, в том числе центры инноваций в социальной сфере», т.е.

[346] П. 3. Методических материалов по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (Письмо Минэкономразвития России от 30.09.2016 N 29850-ОФ/Д01и)

созданные государством учреждения, организации.

Финансирование и поддержка деятельности ресурсных центров может осуществляться путем бюджетного субсидирования по результатам региональных конкурсов (которые рекомендуется проводить по отдельной номинации). Субсидии ресурсным центрам рекомендовано предоставлять на срок не менее 2 лет.

Другим источником финансирования ресурсного центра может стать оказание им услуг СО ННКО, бизнесу, государственным / муниципальным структурам на платной основе.

Оценку качества этих услуг рекомендовано проводить в рамках оценки результативности деятельности ресурсных центров, разработанной на основе показателей, предложенных в п. 7 Методических материалов.

Ресурсные центры стали инновационным для постсоветской России элементом организационно-правового механизма поддержки СО ННКО и стимулирования их гражданских инициатив. Сегодня развитие законодательства и методического обеспечения ресурсных центров отчасти стало результатом масштабирования положительного опыта ресурсных центров поддержки общественных организаций, которые действовали в некоторых регионах России в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (например, центр поддержки НКО «Социальное партнерство» в Москве). Однако, политика по борьбе с иностранными агентами, а также рекомендательный для регионов режим создания, поддержки и развития ресурсных центров СО НКО сделали большинство этих ресурсных центров реципиентами федерального и региональных бюджетов.

Охарактеризованные меры во многом повлияли на трансформацию российского организационно-правового обеспечения поддержки и стимулирования СО ННКО и их инициатив.

Анализ действующих нормативно-правовых актов и информационных материалов и организационных основ государственного стимулирования и

поддержки СО ННКО позволяет выделить нематериальные и комбинированные механизмы стимулирования инициатив СО ННКО (см. рис. 2).

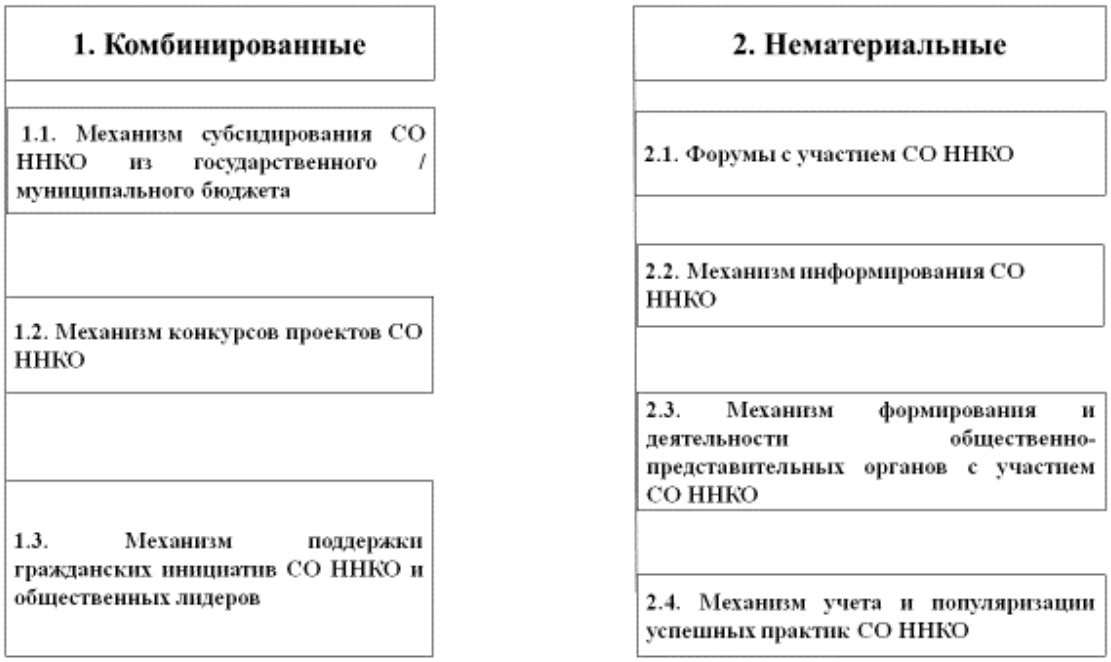

Рисунок 2 – Организационно-правовые механизмы стимулирования и поддержки государством деятельности и инициатив СО ННКО[347]

Под организационно-правовым механизмом стимулирования гражданских инициатив СО ННКО следует понимать определенную совокупность нормативно-правовых и организационных правил, нацеленных на побуждение СО ННКО инициировать и реализовывать конструктивные гражданские инициативы во взаимодействии с органами публичной власти и управления, государственными и муниципальными организациями, учреждениями, предприятиями.

Комбинированные инструменты стимулирования конструктивной деятельности СО ННКО в России включают меры материального и нематериального характера, такие как: бюджетное субсидирование ННКО; проведение различных конкурсов и проектов инициатив и поддержка таких

[347] Составлено автором по материалам действующего российского законодательства

инициатив. Эти меры призваны задействовать как материальные, так и нематериальные мотивы деятельности третьего сектора.

Спектр нематериальных стимулов представлен мерами консультативной, информационной поддержки СО ННКО (в том числе посредством ресурсных центров), организацией профильных форумов, обучением сотрудников СО ННКО и волонтеров, а также масштабированием успешных практик организаций третьего сектора.

Реализуемая российская политика направлена на приоритетное развитие СО НКО, поэтому именно такие организации чаще всего упоминаются в качестве объектов государственной поддержки в действующем российском законодательстве. Тем не менее, социально ориентированной может объявить себя любая СО ННКО. В этой связи, исследуемые механизмы будут касаться всех российских СО ННКО, за исключением имеющих статус иностранных агентов.

Разберем обозначенные в схеме механизмы подробнее.

1.1. Субсидирование СО ННКО из государственного / муниципального бюджета.

В соответствии с действующим законодательством и информационными материалами Минэкономразвития России, субсидии СО ННКО могут предоставляться из бюджета соответствующего уровня на конкурсной основе[348].

При этом, в приоритетном порядке рекомендовано предоставлять субсидии СО ННКО, деятельность которых соответствует направлениям,

[348] Статья 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, П. 5. Ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 N 1492 «Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам - производителям товаров, работ, услуг, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»; Информационные материалы органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 08.09.2025 г.)

перечисленным в п 1 статьи 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях в Российской Федерации» (далее: Федеральный закон №7 – ФЗ).

По состоянию на 01.01.2026 г. насчитывается 15 постановлений Правительства Российской Федерации, каждое из которых устанавливает правила предоставления субсидий из федерального бюджета отдельным видам СО ННКО (в сфере духовно-просветительской деятельности[349], в сфере музыкального, театрального, изобразительного искусства и народного творчества[350], в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций[351] и т.д.), на реализацию отдельных государственных проектов (развитие международной культурной коммуникации Северо-Кавказского федерального округа[352], развитие гуманитарного сотрудничества между Россией и Польшей[353] и др.), а также отдельным СО ННКО (например «Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации»[354]). При этом СО ННКО, включенные в реестр исполнителей общественно полезных услуг, получают субсидии на срок не менее 2 лет, что ставит их в приоритетное положение перед иными организациями, которые в данный реестр не вошли. Перечень видов деятельности СО ННКО, которым может быть оказана

[349] Постановление Правительства РФ от 26.01.2021 N 49 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на поддержку некоммерческих организаций в сфере духовно-просветительской деятельности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»

[350] Постановление Правительства РФ от 27.06.2018 N 741 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям) на реализацию творческих проектов в сфере музыкального, театрального, изобразительного искусства и народного творчества и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»

[351] Постановление Правительства РФ от 17.10.2018 N 1237 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»

[352] Постановление Правительства РФ от 06.06.2013 N 478) «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческим организациям (за исключением государственных и муниципальных учреждений) в целях реализации мероприятий и творческих проектов в рамках развития международной культурной коммуникации Северо-Кавказского федерального округа»

[353] Постановление Правительства РФ от 30.07.2021 N 1288 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии некоммерческой организации на развитие гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Польша и поддержку российско-польского диалога и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»

[354] Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 N 453 «Об утверждении Правил предоставления в 2022 - 2024 годах субсидии из федерального бюджета Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации»

финансовая поддержка за счет субсидий, является открытым и может быть дополнен на уровне субъекта или муниципального образования Российской Федерации. Однако, расширить региональный перечень СО ННКО-получателей финансовой поддержки за счет субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации могут себе позволить только финансово обеспеченные регионы.

Несмотря на то, что субсидирование по законодательству содержит элементы конкурсного отбора, данная мера господдержки инициатив СО ННКО не представляется совершенной по следующим причинам:

1) Государство определяет и периодически пересматривает тематические направления конкурса, оставляя СО ННКО незначительную свободу лишь в альтернативах реализации этих направлений;

2) В правилах, определяющих тематические направления предоставления субсидий, критерии отбора являются достаточно «размытыми», что оставляет конкурсным комиссиям значительное поле дискреции в ходе отбора и оценки кандидатов;

3) СО ННКО-получатель субсидии должна ее израсходовать не позднее указанного в проекте срока и строго по целевому назначению, поскольку Счетная палата Российской Федерации (либо контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации) контролируют расходование бюджетных средств, руководствуясь двумя критериями: своевременность и полнота расходования. Эти условия дестимулируют стремление СО ННКО гибко управлять финансовыми средствами в процессе реализации проекта, в частности: экономить выданные ей средства / переориентировать их из одной статьи расходов в другую в рамках проекта / выбирать более успешную альтернативу в процессе реализации проекта, по каким-либо причинам не предусмотренную в заявке;

4) В правилах предоставления субсидий не определены порядок и процедуры мониторинга реализации проекта за счет субсидирования[355], что может повлечь на практике формализацию оценки эффективности СО ННКО.

Обнаруженные недостатки несколько снижают валидность конкурсного механизма субсидирования СО НКО, что позволяет назвать субсидирование квазиконкурсной государственной поддержкой.

Российский законодатель относит к отдельному направлению субсидирования органов власти субъектов Российской Федерации на поддержку СО ННКО ведение реестров некоммерческих организаций. Это является, по нашему мнению, «избыточной» статьей финансирования региональных органов управления, т.к. ведение реестров СО ННКО должно входить в регулярную компетенцию регионов.

Отчасти вопросы организационно-правового обеспечения субсидирования СО ННКО органами государственной власти / местного самоуправления на территориальном уровне прояснены в информационных материалах Минэкономразвития России.

В соответствии с ними, порядок предоставления субсидий СО НКО устанавливается специальным правовым актом, принимаемым уполномоченным исполнительно-распорядительным органом на региональном /муниципальном уровне. При этом, рекомендуется вынести проект данного акта на публичное обсуждение с привлечением территориальных СО ННКО, общественных консультативно-совещательных органов при региональных органах власти.

Для каждой субсидии уполномоченным государственным или муниципальным органом устанавливаются отдельные правила

[355] П. 17. Постановления Правительства РФ от 06.06.2013 N 478 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческим организациям (за исключением государственных и муниципальных учреждений) в целях реализации мероприятий и творческих проектов в рамках развития международной культурной коммуникации Северо-Кавказского федерального округа»

предоставления. СО ННКО субсидия может быть предоставлена на срок не менее двух лет.

В числе критериев конкурсного отбора СО ННКО в целях предоставления субсидии рекомендовано предусмотреть те, которые касаются проекта (инициативы) и те, которые характеризуют СО ННКО (см. рис. 3).

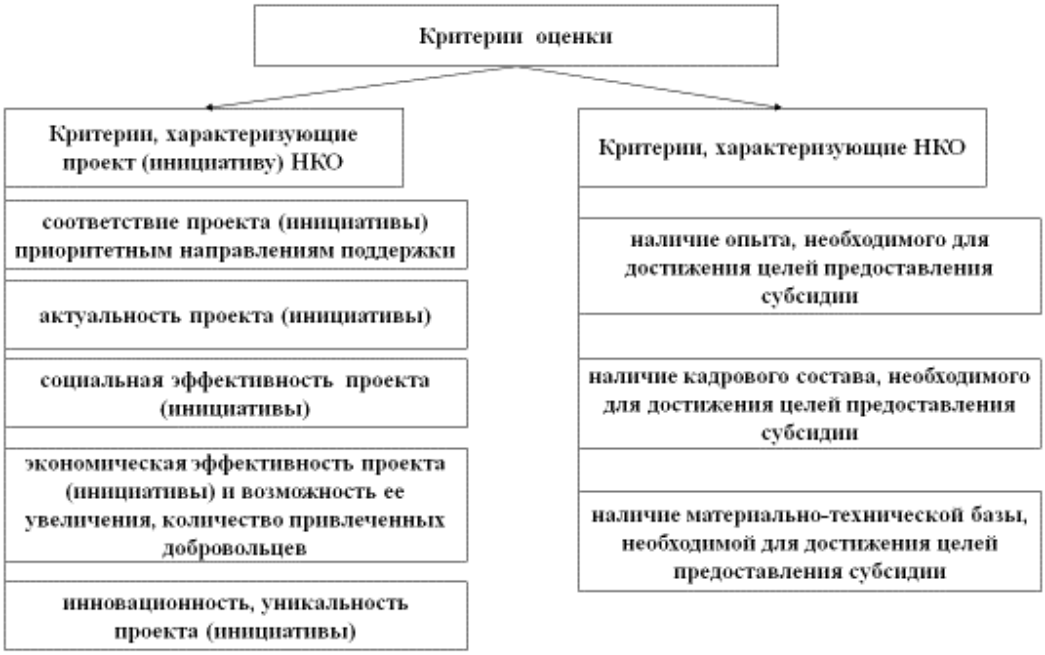

Рисунок 3 – Критерии оценки проекта (инициативы) СО ННКО в целях получения субсидии[356]

Как видно из рисунка, количество критериев оценки проекта (инициативы) СО ННКО превышает количество критериев, характеризующих саму организацию. Это позволяет молодым СО ННКО успешно конкурировать с авторитетными организациями. Вместе с тем, ни в законодательстве, ни в методических рекомендациях не содержится уточнения о соотношении (удельных весах) критериев оценки проекта и оценки организации.

[356] П.6. гл. 2 Информационных материалов органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 10.02.2025)

При проведении конкурса Минэкономразвития России рекомендует:

- «сохранять гибкость» при распределении субсидий для СО ННКО, поскольку эти организации «первыми реагируют на актуальные потребности граждан, не охваченные государством, создают новые технологии и услуги в социальной сфере»;

- использовать показатели, заложенные в документах стратегического планирования федерального уровня, а также показатели, указанные в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

- не создавать избыточных административных барьеров участникам конкурса (в аспектах предоставления дополнительной документации, обеспечения софинансирования исключительно в денежном эквиваленте, принуждения открывать счет в банке)[357].

К обязательным организационным элементам конкурса субсидий для СО ННКО, в соответствии с информационными материалами, относятся:

- конкурсная комиссия;

- экспертный совет конкурса. Он должен состоять из нечетного числа экспертов и включать представителей региональной / муниципальной публичной власти (не более одной трети от общего числа экспертов), а также общественности из числа лиц, обладающих «признанной высокой квалификацией по номинациям конкурса».

Решения об определении победителей конкурса рекомендовано принимать коллегиально, на основе составления рейтинга конкурсных заявок.

Отдельное внимание уделено вопросам оценки эффективности программ и проектов СО ННКО, представляемых на конкурсы субсидий и иные конкурсы господдержки.

[357] П.2. гл. 1 Информационных материалов органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 10.02.2025)

Обоснована значимость оценки программ и проектов СО ННКО в аспектах определения их востребованности, результативности, эффективности и устойчивости достигнутых социальных эффектов (хотя значение данных терминов в исследуемом тексте не прояснено).

Определены и разграничены понятия «оценка», «мониторинг», «аудит» и «контроль» в отношении социальных программ и проектов СО ННКО.

Наряду с этим, вводятся термины «внутренняя оценка», «самооценка» и «внешняя оценка», которые не сопрягаются в тексте информационных материалов с терминами «мониторинг», «аудит» и «контроль». Возникает избыточная терминология.

Спорны утверждения авторов информационных материалов о том, что «оценка программ и проектов представляет собой систематический сбор информации о деятельности…», а также о том, что «мониторинг… представляет собой форму внутреннего контроля исполнения хода программ и проектов».

Вопросам внешней оценки проектов и программ СО ННКО Минэкономики России рекомендует уделить особое внимание.

Заложены рекомендации увязывать показатели, используемые в процессе оценки программ и проектов СО ННКО, с государственными документами стратегического развития, национальными проектами и целевыми программами, для возможности оценки вклада организаций третьего сектора в решение актуальных задач развития России. Для решения задачи оценки достигнутого СО ННКО социального эффекта также рекомендовано проводить независимую внешнюю оценку за счет расходов из бюджета грантодателя. Эту оценку должны осуществлять независимые эксперты, имеющие релевантный опыт оценивания. Результаты внешней независимой оценки не должны служить основанием для изъятия средств у грантополучателя, либо сокращения объема бюджетного финансирования поддержки инициатив третьего сектора в регионе. По тематике оценки также

рекомендуется проводить регулярные образовательные программы с привлечением представителей государственного, некоммерческого сектора, экспертного сообщества, включая обзор «лучших» практик в данной сфере, а также широко популяризировать проблематику оценки программ и проектов СО НКО. Однако, необязательный характер этих рекомендаций делает внешнюю оценку факультативным элементом механизма распределения субсидий для СО НКО.

Исследованные акты определяют общие рекомендуемые рамки стимулирования инициатив СО ННКО посредством проведения конкурсов субсидий, что оставляет широкую дискрецию региональным органам управления – операторам бюджетных средств в аспектах:

- соотношения критериев оценки проекта и СО ННКО при анализе заявки экспертами;

- определения порядка и процедур работы экспертов при ознакомлении с заявками и их оценке;

- соблюдения экспертами требований анонимности и неангажированности по отношению к оцениваемым ими заявкам и СО ННКО;

- профилактики конфликта интересов при организации и проведении конкурса;

- установления способов оценки проекта или программы СО ННКО, а также организации процесса оценивания на различных стадиях реализации инициатив третьего сектора, поддержанных государством.

1.2. Конкурсы проектов СО ННКО

Проектирование является предпочитаемым форматом проявления СО ННКО инициатив и одновременно наиболее динамично развивающейся сферой стимулирования этих инициатив государством. Стимулирование проектов СО ННКО осуществляется в настоящее время как государством, так и частными фондами.

Наиболее крупным государственным агентом поддержки проектов СО ННКО является ФПГ, который с 2017 г. во всероссийском масштабе на конкурсной основе выделяет гранты Президента Российской Федерации на реализацию социально значимых проектов СО ННКО, способствует развитию третьего сектора, благотворительности, добровольчества[358]. На сегодняшний день ФПГ является крупнейшим всероссийским оператором государственных грантов ННКО, о чем свидетельствует ежегодный прирост грантового финансирования с 2017 г. по наст. время[359].

Среди уставных целей ФПГ – не только поддержка проектов, но и повышение эффективности взаимодействия между СО ННКО и государством, расширение профессионально-экспертного потенциала СО ННКО, выявление и масштабирование успешных практик проектирования. Это позволяет охарактеризовать ФПГ как «институт развития» нового типа в контексте стимулирования инициатив третьего сектора в России.

Организационно-правовое обеспечение деятельности ФПГ представлено решениями Президента России о финансировании очередных конкурсов, положениями о конкурсах, методическими рекомендациями по подготовке заявок на конкурсы, требованиями к использованию гранта, а также документацией по организации оценки проектов.

Учитывая изложенное, методика и организация оценки проектных инициатив ФПГ имеет огромное значение.

Положение о конкурсе разрабатывается ежегодно и содержит условия и порядок проведения конкурса среди СО ННКО, которые «участвуют в развитии институтов гражданского общества». Такая трактовка сферы проектирования СО ННКО выходит за рамки «социального обслуживания», очерченные Правительством Российской Федерации для организации

[358] Цель Фонда Президентских грантов. URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/ (дата обращения: 10.02.2025г.)

[359] Статистика деятельности Фонда президентских грантов по регионам. URL: https://статистика.президентскиегранты.рф/ (дата обращения: 10.02.2025г.)

государственной поддержки третьего сектора. Это существенно расширяет диапазон деятельности СО ННКО как субъектов выдвижения и реализации гражданских инициатив, которые могут быть поддержаны ФПГ.

В числе утверждаемых ФПГ грантовых направлений представлены практически все возможные сферы деятельности СО ННКО. При этом, тематика направлений проектирования названа «примерной», что не исключает подачи НКО инициативы, не входящей в перечень ФПГ.

Вместе с тем, имеют равные права подать заявку на конкурс ФПГ как СО ННКО, которые не входят в реестры социально ориентированных либо поставщиков социальных услуг, так и СО ННКО, состоящие в данных реестрах и уже (возможно) получающие в приоритетном порядке от государства поддержку своей деятельности. Такая ситуация представляется несправедливой, поскольку, во-первых, уравнивает более обеспеченных ресурсами СО ННКО с теми, кто только «стартует» в области социального проектирования, либо с теми, чьи заявки на протяжении долгого времени не поддерживаются; во-вторых, потому что позволяет СО ННКО, уже получающим господдержку своей деятельности, «упаковывать» часть своих уже финансируемых государством функций как новый проект.

Методическое обеспечение подготовки конкурсных заявок СО ННКО представлено не только соответствующими рекомендациями [360], но и обучающими модулями с иллюстративными примерами и даже возможностью онлайн обучения социальному проектированию в процессе подготовки инициативной заявки [361]. Прослеживается логическая взаимосвязь между рекомендуемым форматом заявки и критериями ее оценки экспертами ФПГ. По результатам предыдущих и текущего конкурса ФПГ проводит

[360] Методические рекомендации по подготовке заявки на участие во втором конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 г.; Требования, предъявляемые Фондом президентских грантов к использованию гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. URL: https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials (дата обращения: 11.02.2025г.)

[361] Обучайтесь, не отрываясь от добрых дел. Фонд президентских грантов: официальный сайт. URL: https://обучение.президентскиегранты.рф/ (дата обращения: 10.02.2025г.)

аналитическую работу, направленную, в том числе, на выявление проблем оценки проектов, и корректирует свою политику.

Вместе с тем, предлагаемый ФПГ алгоритм социального проектирования (и, соответственно, методика оценки заявок и результатов проектов) не лишен недостатков.

Во-первых, недостаточно четко проработан понятийный аппарат проектирования.

Термин «социальный проект» в трактовке ФПГ содержит обязательные элементы, такие как: целедостижение, запланированные результаты, ограниченность временем, территорией, командой и бюджетом, направленность на решение актуальной проблемы. Однако, отсутствует акцкентуация внимания на такой значимый аспект проекта, как его отличие от «рутинной» работы. Более того, ФПГ рекомендует: «Если у организации нет проектов, но она регулярно проводит программы и мероприятия, чтобы решить конкретные проблемы целевых групп, оформите текущую деятельность организации в полноценный проект со сроками, целями, задачами, мероприятиями, заранее запланированным результатом, партнерами и бюджетом и попробуйте подать на конкурс»[362]. Такая установка провоцирует обилие «поддерживающих» и «квазипроектов» от СО ННКО, которые занимаются регулярной деятельностью (как правило, это организации, оказывающие социальные услуги) либо хотят провести какое-либо знаковое мероприятие по итогам своей работы (фестиваль, съезд и т.д.), предполагающее большие затраты.

В методических рекомендациях по оценке заявки проекта приоритетное внимание уделено финансово-экономическим требованиям. Целевое, экономичное, результативное расходование грантовых средств трактуется в аспектах достижения целей и задач проекта в указанные сроки с учетом

[362] Почему нет смысла подавать заявку, не имея проекта. URL: https://поддержка.президентскиегранты.рф/Article/?id=65 (дата обращения: 10.02.2025г.)

запланированных затрат, а также расходования грантовых средств исключительно на запланированную в заявке проекта статью расходов[363]. Не обособляется значимый для социального проектирования критерий экономичности как способности исполнителя гранта выбрать и реализовать лучшую альтернативу достижения цели с использованием возможных средств. Таким образом, методистами конкурса заложен «жесткий» подход к социальному проектированию, не позволяющий оперативно управлять грантовыми средствами (после запроса / уведомления об этом оператора).

В части оценки социального эффекта проекта указывается, что данная оценка может проводиться «по расширенному числу критериев», среди которых: «характеристики возможного увеличения доходов / уменьшения расходов бюджета Российской Федерации в результате реализации проекта; характеристики разницы между фактической суммой грантов на реализацию проекта и возможными затратами на достижение тех же результатов, полученных иными способами»[364]. Как видно, этот критерий ориентирован на достижение экономического эффекта.

Во-вторых, неоднозначна трактовка ФПГ категории «оценка влияния». Используемая терминология «более значимая цель и ожидаемые результаты, которых невозможно достичь в стандартные сроки реализации»[365] несколько искажает сущность эффекта влияния, увязывая и с результатом, и с продолжительностью реализации проекта. Это не стимулирует СО ННКО, чьи инициативы имеют продолжительность менее 1,5 года, предусматривать в своих проектах эффект влияния. Кроме того, оценка долгосрочного вклада проекта отсутствует в числе предлагаемых ФПГ критериев оценки

[363] Требования, предъявляемые Фондом президентских грантов к использованию гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества; Методические рекомендации по оценке заявок на участие в конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества URL: https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials (дата обращения: 10.02.2025г.)

[364] П. 50 Положения о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17.

[365] Раздел II Методические рекомендации по подготовке заявки на участие во втором конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 г.;

социального эффекта. Это лишает инициативные проекты многих СО ННКО стратегичности, ориентируют их на «рутинную» деятельность.

В-третьих, формальным является реализуемый ФПГ механизм мониторинга социальных проектов.

Мониторинг социального проекта упоминается в документации ФПГ. Так, п. 36 Положения о порядке оценки результатов победителей конкурсов ФПГ (далее: Положение о порядке оценки)[366] гласит, что ФПГ организует мониторинг проектов – победителей, в т.ч. с привлечением физических и юридических лиц, а также результатов таких проектов, включая социальный эффект. Однако, механизм привлечения сторонних наблюдателей к мониторингу проектов в положении о порядке оценки отсутствует. Согласно п. 37 Положения, поддержанные ФПГ проекты подлежат контролю, в том числе: мониторингу расчетных счетов, проверке отчетности (как правило, в электронной форме) и проверке иной информации[367]. Но порядок, процедуры и сроки проведения такого мониторинга в документации ФПГ не устанавливаются. Указано лишь, что мониторинг осуществляется работником ФПГ, путем сбора и сопоставления информации о достижении базовых показателей, предусмотренных договором о выполнении гранта. Базовыми показателями мониторинга считаются: уровень достижения ожидаемых количественных результатов проекта; уровень выполнения ключевых контрольных точек проекта; объем дополнительно привлеченных средств; количество благополучателей проекта; количество добровольцев, участвовавших в реализации проекта [368] . При этом, уровень реально достигнутых результатов в соотношении с запланированными в заявке

[366] Положение о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17.
[367] Положение о первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2025 году. URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/documents?tagId=9 (дата обращения: 10.02.2025г.)
[368] П.24 Положения о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17.

показателями указывает сама СО ННКО в аналитическом отчете по итогам реализации проекта (подтверждая это соответствующей документацией, фото или видеоотчетами), а работник ФПГ лишь принимает эти заявленные значения, за исключением случаев, когда у него появляются доказательства о недостоверности представленной в отчете информации. Кроме того, рекомендация проводить мониторинг в течение трех месяцев после получения ФПГ итогового аналитического отчета (п. 15 Положения о порядке оценки) нивелирует саму сущность данного вида наблюдения, которое должно осуществляться в процессе реализации проекта. Все это формализует мониторинг, не способствует его главной функции: вовремя выявить риски невыполнения проекта и обратить на них внимание как исполнителя, так и грантодателя.

В-четвертых, не конкретизированы критерии отбора экспертов ФПГ.

В соответствии с требованиями федерального законодательства об оценочной деятельности[369], эксперт должен профессионально исполнять свои функции. Конкретизация данной нормы осуществляется в рамках отраслевых актов, а также конкурсной документации. Согласно рекомендациям ФПГ, в состав экспертов конкурса входят специалисты, которые обладают значительным опытом и знаниями в определенной сфере социальной, культурной, общественной или научной деятельности, а также в сфере социального проектирования. Однако, каковы критерии этого «значительного опыта и знаний», в документации ФПГ не раскрываются. Кроме того, непроясненность механизма ротации экспертов ФПГ может способствовать развитию проблемы предпочитаемого дискурса заявок (тех, которые нравятся экспертам благодаря определенным лингвистическим конструкциям, форме подачи материала и т.д.) Данное обстоятельство может привести к поддержке т.н. заявок – «двойников» (перерабатываемых из года в год менее чем на

[369] Ст. 3 Федерального закона от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»

половину для подачи на очередной конкурс при том, что подобный проект уже реализуется данной СО ННКО).

В-пятых, используется непродуктивный, по мнению автора, подход выявления лучших (успешных) практик при определении наиболее удачных (по мнению экспертов конкурса) проектов СО ННКО.

Номинирование в число 100 лучших проектов, реализованных с помощью ФПГ, осуществляется Объединенным экспертным советом и Координационным комитетом фонда путем рейтинговой оценки проектов, которые сначала были признаны успешно реализованными экспертами ФПГ, членами Общественной палаты РФ и региональных общественных палат, а также региональных органов власти, коллегами и общественностью. Среди критериев отбора лучших проектов: степень достижения количественных и качественных результатов, выполнения «контрольных точек» проекта, количество привлеченных добровольцев и иных дополнительно привлеченных ресурсов, соблюдение требований к бюджетированию, уровень информационной открытости, а также масштабируемость проекта. Оценка проектной инициативы по последнему критерию никак не урегулирована на методическом уровне, что может послужить существенным затруднением при попытке тиражирования проекта. Неурегулированность механизма рейтингового отбора способствует проявлению субъективизма экспертов.

В-шестых, в методических рекомендациях ФПГ не прояснен вопрос учета дополнительно привлеченных ресурсов (за исключением софинансирования), несмотря на высокий удельный вес данного критерия при оценке заявки и реализованного проекта. Это демотивирует НКО искать реальные дополнительные источники софинансирования проектных инициатив, кроме государственных ресурсов, таким образом, способствуя распространению т.н. модели «вытеснения»[370].

[370] Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. №9. - С. 86.

Помимо изложенных, можно выделить еще организационную проблему стимулирования гражданских инициатив СО ННКО посредством ФПГ – неравномерное распределение грантов среди субъектов РФ. Эта проблема вызывает существенные диспропорции в развитии третьего сектора по регионам России. Она может быть связана как с существенной разницей качества проектных инициатив СО ННКО в различных субъектах России, так и с издержками, вызванными институциональной и организационной близостью «агента» - ФПГ к «принципалу» - субъекту государственной власти (лоббизм, коррупционные риски)[371].

С 2021 года на уровне ФПГ данная проблема начала решаться путем создания механизма софинансирования президентских грантов в регионах России. Этот механизм учитывает: количество субъектов РФ, которые подают заявки на софинансирование; количество СО ННКО и данного региона, участвовавших в конкурсе ФПГ; коэффициент софинансирования (для Москвы и Санкт-Петербурга этот коэффициент установлен в размере 0,5, тогда как для остальных регионов он составил 1,0). Это позволило отчасти преодолеть проблему существенного переизбытка финансирования проектных инициатив в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, на которую обращали внимание исследователи[372].

Обозначенные проблемы дестимулируют российские СО ННКО (особенно не имеющие существенных ресурсов) участвовать в конкурсах проектных инициатив, способствуют распространению псевдопроектов, а также, по мнению самих участников конкурсов, сосредоточению усилий СО ННКО на технологиях грантрайтинга[373].

---

[371] См.: Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций //Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. №1. С. 29 – 46.

[372] Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. №9. - С. 82; Ефимова Л.А. Новый порядок софинансирования субъектов РФ при реализации программ развития гражданского общества // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. - С. 192 – 193.

[373] Орлов П.А. Южноуральские НКО в конкурсах Фонда президентских грантов / XXII Уральские социологические чтения. Национальные проект и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург. 17 – 17 марта 2020 г. – с. 312.

Заслуживает внимания организационно-правовое обеспечение оценки социального проектирования СО ННКО – участников конкурсов.

Проблематика важности оценки социальных программ и проектов была озвучена на государственно-политическом уровне в России в рамках решения вопросов долгосрочного социально-экономического развития[374].

В соответствии с нормами Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»[375], оценочная деятельность – это вид профессиональной деятельности, которая связана с установлением в отношении ее объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной стоимости. Основными объектами оценки качества социальных услуг, по закону, являются организации, учреждения, предприятия, относящиеся к государственному сектору экономики. Помимо ведомственных органов, по отдельным направлениям оказания услуг оценивать их качество могут граждане и их организации[376]. Такая оценка называется независимой. Организаторами оценивания являются общественные советы при федеральных, региональных органах исполнительной власти, органах местного самоуправления. К их функциям относится: определение перечня организаций, в отношении которых производится оценка; формирование технического задания для оператора – организации, которые проводят мониторинг деятельности объектов оценивания; осуществление независимой оценки качества услуг; предоставление в уполномоченные государственные органы федерального, регионального и местного уровней отчетов о независимой оценке.

По состоянию на 01.01.2024 г., совершенствование механизма независимой оценки качества услуг продолжается на федеральном уровне в

[374] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2030 года. URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 10.02.2025г.)
[375] Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ
[376] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» от 21.07.2014 N 256-ФЗ

отношении организаций культуры, здравоохранения, социального обслуживания и образования. Оценка качества деятельности социально ориентированных организаций государственного сектора должна реализовываться с использованием федеральных стандартов (например, образовательный стандарт). Оценка по государственному стандарту может производиться и в отношении деятельности СО ННКО, если она оказывает платные услуги. Если СО ННКО начинает оказывать платные услуги, на нее распространяются все требования, которые предъявляются к коммерческим организациям. Исключение составляют те организации, которые включены в региональные реестры СО НКО – поставщиков социальных услуг. Такие организации работают по правилам социального обслуживания, предусмотренным для государственных учреждений, и получают субсидии из региональных бюджетов[377]. Региональные органы государственной власти, формирующие реестры СО НКО – поставщиков социальных услуг – разрабатывают стандарты, по которым оценивается деятельность этих организаций. По состоянию на 01.01.2024 г., пополнение реестров НКО – поставщиков социальных услуг, а также разработка профильных стандартов, осуществляется в российских регионах фрагментарно и неравномерно. В большинстве субъектов Российской Федерации формирование таких реестров началось 5 – 6 лет назад, и в них попали не более 5 % от общего числа зарегистрированных СО ННКО.

В отношении большинства СО НКО, деятельность которых осуществляется на безвозмездной для благополучателей основе, обязательная оценка применяется на этапе анализа результатов исполнения этой заявки. На примере ФПГ разберем механизм этой оценки.

Оценка результатов социального проектирования победителей конкурсов ФПГ проводится в несколько этапов:

[377] Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ

1) самими СО ННКО, реализовавшими проект, в форме аналитического отчета;

2) работником ФПГ в форме мониторинга проекта;

3) заинтересованными сторонами в различных формах (запрос и проверка документации и иных сведений об СО ННКО);

4) конкурсной комиссией в форме итогового совещания и определения лучших проектов.

Аналитический отчет СО ННКО представляет собой вид самооценки по результатам реализации конкурса. Отчет обязательно должен содержать информацию о количественных и качественных результатах реализации проекта, как запланированных, так и не запланированных в проекте.

Оценка результатов проекта также проводится заинтересованными сторонами, в числе которых могут выступать: благополучатели проекта, Общественная палата Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, эксперт конкурса либо другая СО ННКО-победитель конкурса ФПГ. Оценке проекта заинтересованными лицами подлежат количественные и качественные результаты проекта, а также достигнутые в ходе его реализации значения.

Оценивают проект с помощью специальной электронной формы на официальном сайте ФПГ, выбирая один из вариантов: проект реализован успешно, удовлетворительно или плохо. Оценка проводится по критериям актуальности и социальной значимости проекта, полезности его для целевой группы, степени информационной открытости. Можно использовать информацию из заявки проекта, о его результатах, а также данные, полученные из иных открытых источников. Если проект оценивается как удовлетворительно или плохо реализованный, субъект его оценки должен дать пояснительные комментарии.

По результатам оценки заинтересованные стороны могут номинировать проекты в число 100 лучших проектов ФПГ в текущем году. Региональные заинтересованные организации могут делать это пропорционально числу СО ННКО – победителей текущего конкурса.

Завершающий этап оценки проводится Координационным комитетом конкурса ФПГ с привлечением объединенного экспертного совета. В ходе работы уточняются предварительные оценки по отдельным проектам, выявляются сводные характеристики реализации данного конкурса, а также определяется 100 лучших проектов по критериям: степень достижения результатов, уровень их информационной открытости и масштабируемость.

Работы по выявлению, анализу и обобщению таких практик могут проводиться в рамках задания ФПГ.

По итогам такой масштабной работы СО ННКО, реализовавшая проект, может получить заключение ФПГ, в котором излагаются результаты оценки, в т.ч. в аспекте социального эффекта.

Лаконичность действующей методики оценки проектов СО ННКО, реализовавших полученные ФПГ гранты, оставляет за экспертами широкую дискрецию в аспектах выбора методов, технологий, уточнения и интерпретации критериев оценки, делая экспертизу «непрозрачной» для широкой общественности.

Среди преференций победителей конкурса ФПГ – возможность быть включенной в реестр СО ННКО – исполнителей общественно полезных услуг. Однако, учитывая большую разницу между деятельностью по оказанию социальных услуг (направлена на оптимизацию процесса) и социальным проектированием (направлена на получение нового результата в определенные сроки), целесообразность предоставления такого «бонуса» ФПГ победителям конкурса не может не вызвать вопросов в аспекте развития механизмов стимулирования роста качества общественно полезных услуг и совершенствования социального проектирования.

1.3. Механизм поддержки государством и политическими партиями гражданских инициатив СО ННКО и общественных лидеров

В 2013 г. Указом Президента России[378] был учрежден механизм подачи гражданами России инициатив по широкому спектру вопросов социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления.

Подать инициативу возможно после регистрации в установленном порядке (через портал «Госуслуги») и заполнения специальной формы о содержании инициативы на общероссийском Интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ). для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним[379]. Подать данную инициативу с помощью Интернет-ресурса имеют право граждане России (в том числе, лидеры и сотрудники СО ННКО) по широкому спектру вопросов социально-экономического развития России и совершенствования системы государственного и муниципального управления. Каждая заявка проходит предварительную модерацию экспертами, в соответствии с Правилами (утверждены Указом Президента РФ N 183 от 04.03.2013). В случае успешной модерации инициатива становится доступной для голосования на Интернет-ресурсе «РОИ» и должна для принятия ее к реализации набрать в течение 1 года не менее установленного количества голосов, в зависимости от уровня ее действия (федеральный, региональный либо муниципальный). Инициатива, набравшая требуемое количество голосов, направляется в экспертную рабочую группу соответствующего уровня. Последняя принимает мотивированное решение о реализации данной инициативы либо отказе.

---

[378] Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет–ресурса «Российская общественная инициатива»

[379]Официальный портал «Российская общественная инициатива» URL: https://www.roi.ru/page/how-it-works/ (дата обращения: 10.02.2025г.)

В качестве СО ННКО, которой указом №183 поручено организовывать процесс принятия, экспертизы инициативы, а также выполнять иные функции по обеспечению работоспособности механизма РОИ, выступает Фонд развития электронной демократии и гражданского общества «Фонд информационной демократии».

Наиболее важными элементами механизма РОИ выступают: ее предварительная экспертиза, по итогам которой инициатива размещается на портале РОИ и допускается до голосования / снимается с рассмотрения; дополнительная экспертиза, по результатам которой инициатива принимается либо отклоняется органами государственного / муниципального управления.

Механизм предварительной экспертизы не отражен в Порядке, за исключением обозначения четырех критериев, которым заявленная инициатива должна соответствовать, а именно:

- соответствие инициативы Конституции РФ, правам и свободам человека и гражданина,

- актуальность общественной проблемы, по которой выдвигается инициатива,

- обоснованность предлагаемых вариантов ее решения,

- отсутствие в заявке призывов к экстремистской деятельности[380].

Механизм дополнительной экспертизы осуществляется путем направления инициативы, поддержанной гражданами РФ, в экспертную рабочую группу федерального, регионального или муниципального уровня, в зависимости от уровня инициативы. Правила и критерии оценочной деятельности этими экспертами, равно как и порядок формирования экспертных групп, предъявляемые к экспертам требования, также не конкретизированы в Правилах.

[380] П. 10 Правил рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет –ресурса «Российская общественная инициатива» (утв. Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. №183)

Несмотря на то, что автору РОИ в обеих случаях проведения экспертизы предоставляется мотивированный ответ при ее отклонении, лаконичность изложения вопросов оценки экспертизы в нормативном акте превращает в «черный ящик» процесс принятия экспертами решения.

Помимо РОИ, для СО ННКО созданы организационные возможности подавать свои инициативы на различные специализированные конкурсы, учреждаемые органами государственной власти и местного самоуправления, системными политическими партиями.

К числу этих конкурсов относится, например, Международная премия «Мы Вместе», учрежденная Президентом России для добровольцев, СО ННКО, бизнеса и органов власти, а также Всероссийский конкурс гражданских инициатив, организованный ВПП «Единая Россия».

Портал Национального трека «Мы Вместе» консолидировал 11 направлений, по которым НКО может подать свои инициативы с целью получения премии и всероссийского (и даже международного) признания. Для подачи заявки, информирования участников, выполнения заданий и получения результатов в форме экспертной оценки действует платформа ДОБРО.РУ. Подавать инициативы могут как зарегистрированные СО ННКО, так и не имеющие форму юридического лица команды. Однако, в равном положении оказываются и обычные СО ННКО, и государственные / муниципальные учреждения, и поставщики социальных услуг.

Кроме того, действующий регламент экспертизы заявок определяет экспертов, оценивающих инициативы на отборочных этапах конкурса, как членов «профессионального сообщества из числа представителей некоммерческого, добровольческого секторов, органов исполнительной власти, бизнес- и медиасообщества»[381], что также не дает оснований для предъявления более четких критериев к их квалификации.

[381] П. 5.21. Регламента проведения национального трека Международной Премии #МЫВМЕСТЕ 2024. Утвержден протоколом заседания Дирекции национального трека Международной Премии #МЫВМЕСТЕ от 01.03.2024 № 1.

В 2023г. Всероссийской политической партией «Единая Россия» был организован специализированный Всероссийский конкурс гражданских инициатив для СО ННКО, с целью выявления и поддержки лучших СО ННКО и лидеров общественных проектов и инициатив, направленных на помощь людям и развитие Российской Федерации»[382].

Такое емкое определение цели конкурса дает основание полагать, что СО ННКО могут выдвигать для участия в нем не только социальные, но и социально-политические инициативы.

Победители конкурса получают денежные средства в размере до 3 млн рублей, «всероссийское признание, поддержку и возможность стать кандидатом в депутаты от самой сильной партии страны»[383], а именно:

- помощь партии «Единая Россия» в реализации инициативы, ее масштабировании;

- PR-сопровождение проекта, его продвижение в СМИ и (при необходимости) продюссирование,

- обучение в высшей партийной школе для прохождения предварительного голосования с возможностью стать кандидатом в депутаты соответствующего уровня.

Конкурс объявляется ежегодно в трех номинациях: «Лучшая НКО», «Лучшая идея», «Лучший проект».

В конкурсе могут участвовать СО ННКО, которые официально зарегистрированы Минюстом минимум за 2 года до участия в конкурсе.

Разработано Положение о проведении конкурса «Всероссийских гражданских инициатив»[384].

---

[382] П. 2.1. Положения «О Всероссийском конкурсе гражданских инициатив». Утверждено решением Президиума Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» от 03.11.2023 г.

[383] Официальный Интернет –портал «Всероссийский конкурс гражданских инициатив». URL: https://sila-idey.er.ru/ (дата обращения: 07.03.2025 г.)

[384] Положение «О Всероссийском конкурсе гражданских инициатив». Утверждено решением Президиума Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» от 03.11.2023 г.

В п. 10 Положения «Требования к заявкам и ответственность сторон» в числе обязательных требований к СО ННКО содержатся: этичность, отсутствие в заявке элементов дискриминации по любому признаку, призывов к терроризму и экстремизму, а также содержание образов антиздорового образа жизни.

Требования, предъявляемые к экспертам Конкурса (п. 7.3. Положения), достаточно размыто определяют их компетентность и профессионализм: лидеры общественного мнения, представители институтов гражданского общества, наличие значительных знаний и опыта в социальной, общественной, научной, международной и культурной деятельности.

Кроме того, не раскрыты в Положении критерии «качество и содержание заполненной заявки на сайте», «эффективность результатов проекта / идеи», «инновационность и уникальность проекта / идеи». (п. 3.2.1. Положения).

Неконкретность этих критериев вызывает неоднозначность их толкования участниками и экспертами конкурса, что может снизить объективность оценок.

Нематериальные способы стимулирования СО ННКО гораздо более разнообразно представлены в числе мер поддержки общественного сектора.

2.1. Механизм публичных форумов с участием СО ННКО

Участие СО ННКО в профильном публично-общественном форуме позволяет ознакомиться его сотрудникам с актуальными задачами выдвижения и поддержки инициатив третьего сектора, установить рабочие контакты с представителями власти, благотворителями и СО ННКО, узнать об успешных практиках в сфере своей деятельности, напрямую взаимодействовать с иными участниками форума по обсуждению проблем и определению перспектив развития инициатив третьего сектора поддержки этой деятельности государством, участвовать в разработке мер публичной

политики в отношении продвижении своей инициативы либо по смежным проблемам государственно-общественного взаимодействия.

Эти и иные задачи сотрудникам СО ННКО можно решить, если форум организован корректно с точки зрения его целедостижения.

Указание на необходимость организации региональных форумов, конференций и иных публичных мероприятий с участием СО ННКО с целями конструктивизации властно-общественного взаимодействия, развития мер поддержки СО ННКО и их инициатив изложено в разделе «Консультационная поддержка СО ННКО» Федерального закона №7[385] и конкретизировано в разд. 4 Методических рекомендаций, направленных Письмом Минэкономразвития России от 12.12.2017 N 35706-ОФ/Д01[386].

Несмотря на все возрастающую популярность форумов как инструмента выявления и поддержки конструктивных инициатив СО ННКО, в настоящее время на федеральном уровне методические рекомендации по организации таких мероприятий составлены только в отношении организации молодежной форумной кампании, а также форумов молодых семей Федеральным агентством по делам молодежи[387]. Отдельные СО ННКО размещают советы по организации форумов, которые могут быть учтены на практике[388].

Анализируя доступный автору методический материал по организации форумов, можно заключить, что форумы представляют собой запланированные тематические масштабные встречи представителей СО ННКО и субъектов власти, с целями артикуляции и обсуждения актуальных

[385] пп. 1 п. 3 ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ

[386] Письмо Минэкономразвития России от 12.12.2017 N 35706-ОФ/Д01и «О Методических рекомендациях субъектам Российской Федерации по содействию органам местного самоуправления в организации поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на муниципальном уровне»

[387] Методические рекомендации по организации и проведению молодежных форумов в рамках всероссийской молодежной форумной кампании. Утверждены приказом Федерального агентства по делам молодежи от 22.06.2020 г. №170; Методические рекомендации по организации и проведению в субъектах Российской Федерации форумов молодых семей. Утверждены приказом Федерального агентства по делам молодежи от 03.11.2017 г. №421.

[388] Алгоритм проведения форума. Официальный сайт Ресурсного центра серебряных волонтеров. https://volonter.mszn27.ru/node/95763 (дата обращения: 19.07.2024 г.); Как организовать молодежный форум. Официальный сайт ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр». URL: https://mol-rm.ru/events/news/kak-organizovat-molodezhnyy-forum/ (дата обращения: 19.07.2024 г.)

проблем и направлений сотрудничества, информирования общественности о возможностях самореализации и самоорганизации.

В числе возможных организаторов форума могут выступать как органы государственной власти и местного самоуправления, так и общественные объединения.

Рабочим органом форума является организационный комитет, участвовать в котором приглашаются как представители власти, так и наиболее авторитетные лидеры СО ННКО, либо эксперты в той или иной сфере. Правила формирования оргкомитета, а также критерии к его участникам, не уточняются.

Отбор участников форумов может осуществляться по рекомендуемым в положении о нем критериям, в числе которых: профессиональные и квалификационные характеристики, опыт деятельности в соответствующей сфере, рекомендации от организаций, учреждений, предприятий, результаты труда в рамках научной, образовательной, проектной деятельности по тематике форума.

Работа организационного комитета форума заключается в модерации его участников, составлении и корректировке программы форума, повестки дня, организационном, информационном, аналитическом, консультативном обеспечении мероприятий.

Помимо вопросов организации прибытия, участия, проживания, питания участников форума и обеспечению требований безопасности, организации привлечения волонтеров, разработчики методических рекомендаций уделяют внимание содержательным аспектам программы форумов. Они должны соответствовать актуальным направлениям реализации государственной политики в той или иной сфере (например, основам государственной политики, поручениям Президента Российской Федерации, распоряжениям Правительства Российской Федерации).

В целом, исследуемые рекомендации можно рассматривать как начало процесса упорядочивания и стандартизации организации форума в качестве эффективного инструмента поддержки и стимулирования властью инициатив общественности. Пока этот процесс ведется в сфере молодежной политики, в аспекте проведения форумных кампаний[389].

Вместе с тем, данный процесс находится на начальной стадии развития. Исследуемые методические материалы не содержат принципов организации форума, рекомендаций по формированию оргкомитета, обеспечению пропорционального представительства органов власти и ННКО-сектора, не конкретизируют вопросы формирования и утверждения повестки дня форума, определения его тематических площадок, составления и корректировки итоговых программных документов, а также мониторинга и контроля их реализации.

Подобные недочеты могут превратить форумы в разновидность громких массовых имитационных акций властно-общественного взаимодействия, инструментов одностороннего информирования СО ННКО о целях и направлениях развития публичной политики в той или иной сфере.

2.2. Механизм информационной поддержки СО ННКО

Данный формат нематериальной поддержки СО ННКО является необходимым стимулом проявления ими инициатив. Уже на стадии замысла, идеи у авторов гражданской инициативы должно быть четкое понимание того, кто может быть адресатом этой инициативы, какие механизмы ее поддержки доступны, кто может быть партнером либо конкурентом и т.д.

В соответствии с действующим законодательством[390], информационная поддержка НКО осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления путем: создания информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей соответствующего уровня и обеспечения их

[389] См.: Ильичева А.В. Обзор всероссийской молодежной форумной кампании: история развития и становления // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. №4. – с. 151 – 159.
[390] п. 12 ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ

функционирования; предоставления организациям третьего сектора бесплатного эфирного времени / бесплатной печатной пощади государственными / муниципальными СМК, размещения соответствующих материалов в сети «Интернет».

Также СО ННКО, входящие в реестры СО НКО, могут претендовать на предоставление вычислительных мощностей для функционирования их информационных систем, на содействие Минцифры России в аспекте создания и обеспечения функционирования официальных сайтов этих организаций, использования портала госуслуг[391].

Нарастающая востребованность информационной поддержки для СО ННКО, а также существенные региональные различия реализации норм федерального законодательства в данной сфере, послужили основанием для разработки Минэкономразвития России рекомендательного Стандарта информационной поддержки НКО в регионах и муниципальных образованиях России (далее – Стандарт информационной поддержки). Его требования приведены на рис. 4.

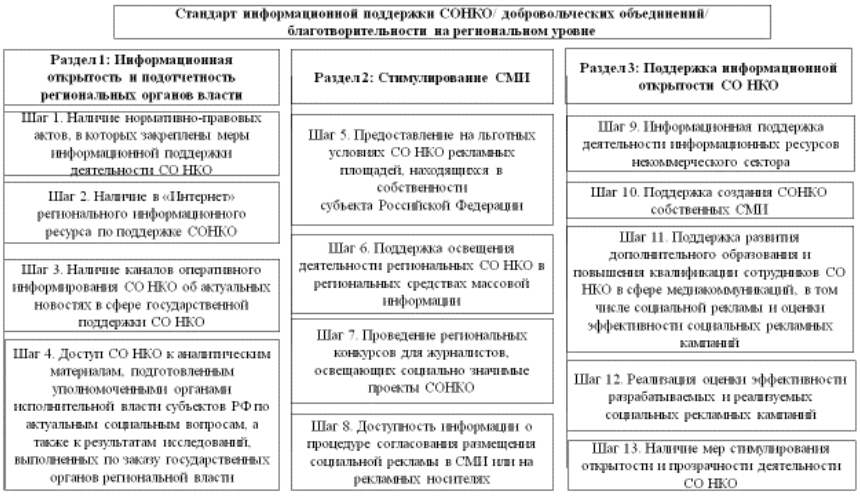

Рисунок 4 – Требования Стандарта информационной поддержки СО НКО[392]

[391] Правила информационной поддержки СОНКО в форме содействия в создании официальных сайтов в сети Интернет и (или) обеспечении их функционирования путем использования портала госуслуг. Утверждены Постановлением Правительства РФ от 29.11.2023 N 2022.

[392] Составлено автором на основании Информационных материалов органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-

Как видно из рисунка, Стандарт содержит всевозможные требования к информационной открытости как территориальных органов власти, так и СО НКО, а также положения о стимулировании региональных СМК взаимодействовать с организациями третьего сектора, требования к оценке эффективности реализуемых в регионах социальных рекламных кампаний, меры информационной поддержки СО НКО со стороны региональной власти. Вместе с тем, эти требования Стандарта рекомендательны и носят информационно-ознакомительный характер для уполномоченных региональных органов власти в области организации информационной поддержки. К тому же, принятие на уровне региона соответствующих нормативных и организационных мер в отношении информационной поддержки СО ННКО еще не означает реального выполнения положений данного Стандарта.

2.3. Механизм формирования и деятельности общественно-представительных органов с участием СО ННКО

В системе государственной поддержки СО ННКО России все более важную роль приобретают «посредники», государственно-общественные структуры при органах публичной власти (общественные палаты, советы и т.д.) В состав этих структур входят наиболее авторитетные представители общественности, в т. ч. лидеры и сотрудники СО ННКО.

Собственно, именно общественные палаты можно назвать наиболее «политическим» механизмом проявления гражданских инициатив СО ННКО, поскольку именно посредством общественных палат инициативы СО ННКО могут быть услышаны, а сами палаты могут стать эффективными «рабочими» площадками государственно-общественного взаимодействия.

Общественные структуры при органах государственной власти и местного самоуправления являются весьма распространенным явлением в

---

na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 20.10.2025 г.)

национальной системе публичной власти: сегодня они существуют практически во всех субъектах РФ и в подавляющем большинстве крупных муниципальных образований. Они появились и развиваются во многом «по образу и подобию» Общественной палаты Российской Федерации, на своем уровне «заземляя» профильный федеральный закон[393]. В 2016 г. был издан «рамочный» закон об организации и деятельности общественных палат в регионах России[394].

Цель и направления деятельности региональных общественных палат представлены на рис. 5.

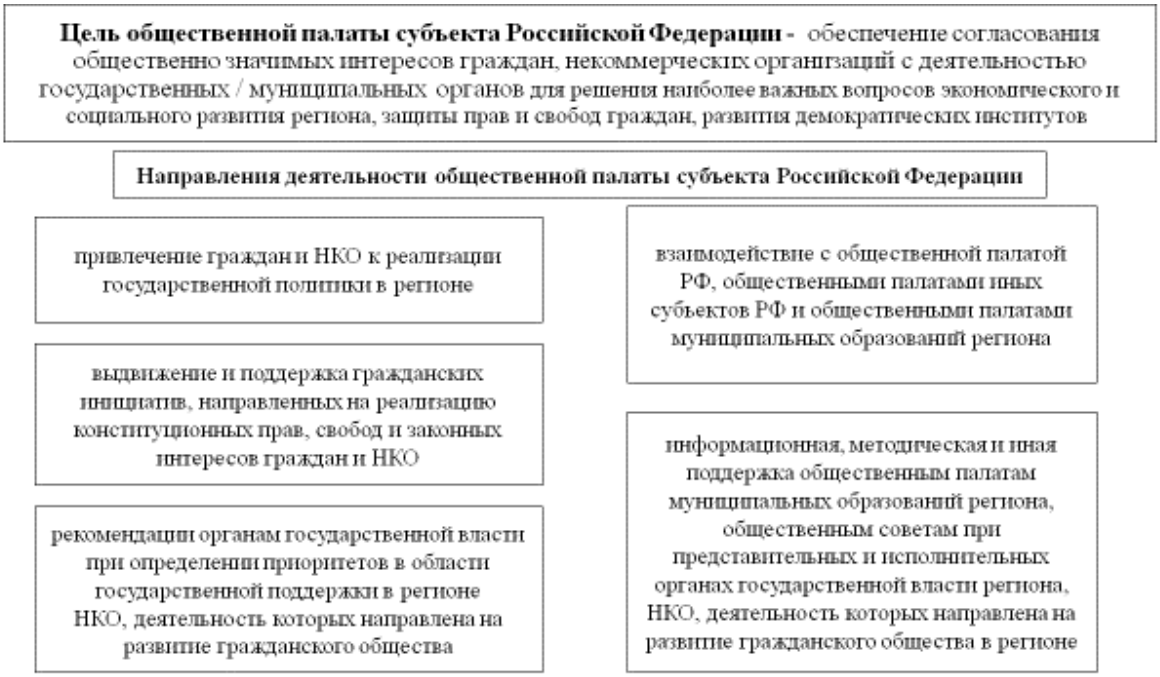

Рисунок 5. Цель и направления деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации[395]

Вхождение в состав общественных палат региона либо взаимодействие с ними уже само по себе стимулирует гражданскую инициативность НКО, поскольку помогает им напрямую взаимодействовать с властью, выносить на

[393] Ст.2 Федерального закона от 04.04.2005 N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».
[394] Федеральный закон от 23 июня 2016 года N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»
[395] Составлено автором на основе Федерального закона от 23 июня 2016 года N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»

публичное обсуждение свои проекты, предложения, обращения, разрабатывать рекомендации органам публичной власти (см. рис. 5). Кроме того, сотрудники третьего сектора – члены общественно-консультативных органов, нередко становятся кадровым резервом для государственного сектора.

Общественные палаты формируются и действуют на основе принципов добровольности и безвозмездности.

Деятельность региональных общественных палат регулируется федеральным законом об основах организации и деятельности данных структур в субъектах Российской Федерации [396] , профильным законом субъекта Российской Федерации, а также регламентом, в котором подробно описаны формы и процедуры заседания палат, участия их в профильных заседаниях представительных законодательных и исполнительных органов власти региона, главы региона и т.д.

В число обязанностей члена общественной палаты входит соблюдение кодекса этики, который разрабатывается и утверждается на заседании палаты. Несмотря на то, что этический кодекс не является юридическим документом, его нарушение служит основанием для отзыва у члена общественной палаты удостоверения.

Заключения (акты общественного контроля), предложения и обращения региональных общественных палат носят рекомендательный характер, однако, подлежат обязательному рассмотрению адресатами и обоснованному ответу в установленный законодательством срок[397].

На сегодняшний день общественные палаты учреждены практически во всех субъектах РФ и в 90% крупных муниципальных образований России. Органом законодательной представительной власти субъекта Российской

[396] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»
[397] Ст. 27 Федерального закона от 21 июля 2014 года N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

Федерации разрабатывается модельное положение о деятельности общественных палат муниципальных образований. В соответствии с этим модельным положением, в число полномочий муниципальных общественных палат могут входить: поддержка гражданских инициатив; привлечение НКО к общественному контролю, публичным слушаниям; принятие решения о включении НКО в реестры социально ориентированных и / или поставщиков социальных услуг и предоставлении таким СО ННКО приоритетных мер государственной поддержки[398].

Если положения об общественных палатах утверждены во всех муниципальных образованиях, то регламенты их деятельности приняты далеко не везде. Соответственно, степень проработанности отдельных направлений деятельности общественных палат на уровне процессов и процедур существенно варьируется.

Однако в условиях, когда регулирование их деятельности на уровне региона или муниципального образования, процедуры властно-экспертного взаимодействия, а также учета актов палат зависят от воли главы и представительного законодательного органа власти данного уровня, результативность деятельности общественных палат определяется, главным образом, лояльностью представителей региональной власти к этим структурам.

К тому же, наличие в составе общественной палаты лидера данной СО ННКО зачастую обеспечивает ему приоритетную возможность лоббирования интересов своей организации.

[398] Типовое положение об общественной палате городского округа Московской области. Утверждено Советом Общественной палаты Московской области от 21.10.2020 г.; Положение об общественной палате (совете) муниципального образования Тюменской области. Утверждено Советом Общественной палаты Тюменской области от 12.04.2021 г.

2.4. Механизм учета и популяризации успешных практик СО ННКО

Лучшие практики достаточно давно и масштабно используются в отечественной практике в качестве механизма стимулирования инициатив СО ННКО.

Под лучшими (успешными, «умными») практиками в негосударственном некоммерческом секторе обычно понимаются те, которые:

- были успешнее других реализованы ранее на определенной территории /в определенной сфере / в отношении того или иного объекта деятельности СО ННКО;

- могут быть масштабированы (т.е. воспроизведены) с высокой степенью похожести на другой территории /в другой сфере / в отношении другого (других) объекта (объектов) деятельности СО ННКО.

Данный подход тесно коррелирует с т.н. доказательным подходом, который заимствовании социальными науками из медицины. Успешным в медицине считается тот препарат или практика, эффективность которого доказана на значительной экспериментальной выборке объектов, сходных по совокупности значимых признаков. Вместе с тем, даже в медицине валидность доказательного подхода подвергается сомнениям по причинам невозможности преодоления исследовательского субъективизма, а также наличия эффекта плацебо в результате использования медицинского вмешательства в определенных случаях [399] . В социальной сфере сами разработчики и сторонники доказательного подхода отмечают множество рисков, снижающих его практическую валидность[400].

Примером применения доказательного подхода к выявлению и стандартизации лучших практик СО ННКО является Стандарт доказательности практик в сфере детства, разработанный в рамках проекта

[399] См.: Шульман В.А. Доказательная медицина. Насколько она доказательна? // Сибирское медицинское обозрение. 2007. №3. – с. 24 – 30.

[400] См.: Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы // Социальные науки и детство. 2020. Т. 1. № 1. С. 8 - 26.

«Развитие СО НКО: доказательность социальных практик», реализованного АНО «Эволюция и Филантропия» при поддержке Межотраслевого профессионального объединения «Оценка программ в сфере детства», Фонда Тимченко и Центра доказательного социального проектирования Московского государственного психолого-педагогического университета[401].

Стандарт содержит 5 критериев успешной практики СО ННКО в сфере детства (общая информация о практике, краткое описание практики, регламентированность практики, обоснованность практики и данные о достижении социальных результатов и влиянии практики). СО ННКО, претендующая на признание своей практики успешной, последовательно отвечает на ряд вопросов, предусмотренных в рамках каждого критерия. После этого эксперты оценивают ответы и присваивают каждой практике баллы по совокупности критериев. Лучшей признается практика СО ННКО, набравшая большее количество баллов, чем остальные. СО ННКО – авторы практик, признанных лучшими, удостаиваются наград, иного поощрения, а из успешных практик формируются сборники (атласы успешных практик)[402]. Главным достоинством доказательного подхода к выявлению лучших практик СО ННКО является индуктивный характер, что позволяет экспертам оценивать не промежуточную, абстрактную информацию, а деятельность конкретной СО ННКО. Такой подход, несомненно, способствует постоянной ревизии методологии, критериев, технологий оценки социальных проектов. Однако, формализованы в рамках данного алгоритма лишь комплект документов, которые должна представить СО ННКО– разработчик социальной практики экспертам, а также вопросы, на которые должна

[401] Стандарт доказательности практик в сфере детства. Подготовлен в рамках государственного задания Министерства Просвещения России № 073-00041-21-03 от 11.06.2021 «Разработка методологических оснований для формирования единого национального подхода к определению социальных (в том числе образовательных) практик с доказанной эффективностью». URL: https://mgppu.ru/resources/news/Стандарт%20доказательности%20практик%20в%20сфере%20детства%20-%202023.pdf (дата обращения: 20.10.2025г.)

[402] См..: Успешные практики социально ориентированных некоммерческих организаций Ростовской области. Р-н/Д, 2021г. URL: https://atlas-nko.ru/media/pdf/lifehack/17/SbornikPraktikNKO_2021.pdf (дата обращения: 20.10.2025г.)

последовательно ответить данная организация, чтобы эксперты признали ее «успешной» и пригодной к масштабированию. Развернутые описательные ответы автора практики на наукообразные вопросы с трудом позволяют сопоставить один проект по сравнению с другим по степени «успешности», что подчеркивает лишь уникальность каждой гражданской инициативы СО ННКО. Действительно, для успешного внедрения определенной социальной практики требуются воспроизведение т.н. «сходных условий», что возможно только для некоторых химических или физических экспериментов[403]. К тому же, социальная практика, чья эффективность доказана в данных условиях и для данной целевой группы, в других условиях может стать неэффективной либо послужить в качестве «плацебо» для благополучателей.

Метод выявления лучших (успешных) практик при определении наиболее удачных (по мнению экспертов конкурса) проектов СО ННКО используется и экспертами ФПГ. Номинирование в число 100 лучших проектов, реализованных с помощью ФПГ, происходит по результатам рейтинговой оценки проектов по степени достижения количественных и качественных результатов, выполнению «контрольных точек» проекта, количеству привлеченных добровольцев и иных дополнительно привлеченных ресурсов, соблюдению требований к бюджетированию, уровню информационной открытости, а также масштабируемости проекта.

Вместе с тем, оценка проектной инициативы по последнему критерию никак не урегулирована на методическом уровне, что провоцирует субъективизм экспертов.

Кроме того, отсутствует такой важный критерий «лучшего» проекта, как уникальность в сравнении с реализуемыми, что нивелирует сам термин «лучший» в отношении проекта.

[403] Гимазова Ю.В. Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методологии и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №1. С. - 12.

Наконец, при определении лучших практик эксперты ФПГ не учитывают неудачный опыт разработки и реализации социальных проектов, следовательно, не предоставляют СО ННКО шансов «учиться на чужих ошибках».

Изложенное позволяет говорить о некоторой уязвимости действующей в ФПГ методики определения «лучших» практик проектирования СО ННКО.

Слабыми звеньями доказательного подхода, снижающего его валидность применительно к инициативам СО ННКО, представляются:

- скудность эмпирических данных, позволяющих судить об успешности анализируемой практики (поскольку в отличие от сферы медицины, где доказательный подход используется при апробации лекарственных средств, СО ННКО, как правило, располагает существенно меньшими возможностями для экспериментов);

- различные условия внедрения практик (практика, успешная в одних условиях, может оказаться неудачной в других условиях);

- трудности в процессе технологизации социальных практик (их воспроизводимости);

- отсутствие единого формализованного подхода (алгоритма) аргументации доказательности социальной практики.

Таким образом, излишняя увлеченность идеей доказательности в реализации механизма выявления лучших практик может привести к снижению объективности оценивания, неучету наработанных ранее принципов и методик оценки проектов СО ННКО, а также потере интереса исследователей и экспертов к неудачному опыту проектирования.

Анализ неудачных практик проектирования СО ННКО представляется не менее важным, чем изучение удачного опыта, поскольку это позволяет выявить возможные «подводные камни» и проблемы на всех этапах жизненного цикла социального проектирования, разработать рекомендации по управлению рисками в данной сфере. Изложенное дает основание для

интенсификации дальнейшего поиска на вопросы методологического обеспечения оценки проектных инициатив СО ННКО.

С этих позиций, крайне востребован многоаспектный, объективизированный, непредвзятый внешний анализ разнообразных практик процесса и результатов социального проектирования СО ННКО, с выявлением условий, перспектив и рисков реализации проекта, способами минимизации и управления такими рисками.

Лучшие практики реализации инициатив СО ННКО, в свою очередь, служат основой для стандартизации их деятельности.

Развивая положение о том, что социальные проекты должны отвечать стандартам социального обслуживания, дифференцированным по сферам деятельности, исследователи, эксперты и практики по-разному отвечают на вопрос о том, кто, как и каким путем должен устанавливать эти стандарты.

В специальной литературе сложились три модели стандартизации качества: рыночная, государственная и гибридная. Применительно к институциализации оценки социальных проектов, гибридная модель представляется наиболее перспективной, поскольку предусматривает сочетание государственного регулирования и рыночной конкуренции. В соответствии с данной моделью: государство устанавливает стандарты качества социальных услуг по отдельным их видам и контролирует соблюдение этих стандартов; СО ННКО соглашаются выполнять эти стандарты; действуют механизмы партнерства государства и СО ННКО по вопросам стимулирования развития качества и стандартизации социальных услуг.

Наконец, в рамках проблематики оценки и масштабирования практик, проектов и инициатив российских СО ННКО, нельзя обойти вниманием проблему экспертного сопровождения данного процесса, в частности, и взаимодействия государства с экспертами – представителями СО ННКО, в целом.

В современной России проблема качества экспертного сообщества во многом определяется спецификой властно-экспертного взаимодействия.

В свою очередь, на механизм взаимодействия экспертов и власти влияет множество факторов.

Во-первых, высокая степень автономии органов государственной власти различных уровней, а также низкий уровень межведомственного взаимодействия обусловливают широкую дискрецию чиновников в вопросах разработки управленческого решения и, в частности, привлечения экспертов.

Во-вторых, в большинстве практик оценивания к процессу принятия решений привлекаются сотрудники научно-исследовательских и высших образовательных учреждений (в том числе и в форме автономных некоммерческих организаций, некоммерческих фондов). Это люди - «символы», которые обладают солидным теоретическим багажом знаний, но нередко имеют недостаточно практического опыта, и потому выполняют лишь символическую функцию эксперта.

В-третьих, неразвитость института права интеллектуальной собственности, а также низкая востребованность экспертного знания отечественным средним бизнесом (по сравнению с зарубежными развитыми и развивающимися странами) делают субъекты государственной власти и местного самоуправления основными (если не единственными) пользователями услуг экспертов.

В-четвертых, недостаточно высокий уровень культуры властно-экспертного взаимодействия в России объективно не способствует соблюдению основных принципов и процедур сотрудничества сторон.

В этих условиях эксперты играют преимущественно символическую роль «компетентного сообщества при властных структурах» и выражают готовность поддерживать решения власти при условии преумножения своего символического капитала (награждение почетными грамотами, присвоение

статуса советника должностного лица на общественных началах и т.д.) либо оплаты услуг.

Принципы и модели сотрудничества власти и экспертов реализуются в рамках соответствующего структурного дизайна. Характеризуя способы организации сообщества экспертов, в политической науке употребляют термины «фабрики мысли» и «центры публичной политики». «Фабрики мысли» (от англ. think tank) весьма распространены в США и странах Запада. Обычно это объединения интеллектуалов и экспертов, которые, взаимодействуя с властью в рамках линейно-автономной модели, занимаются аналитическими разработками в сфере стратегического планирования и прогнозирования, методического и технологического обеспечения государственной и муниципальной политики.

К современным российским «фабрикам мысли» можно отнести, в частности: Международный дискуссионный клуб «Валдай»; Исследовательский центр «Диалог цивилизаций»; Совет экспертных центров БРИКС; Российский институт стратегических исследований (РИСИ); Институт внешнеполитических исследований и инициатив; Фонд развития гражданского общества; Институт социально-экономических и политических исследований.

Обращаясь к отечественной политической практике, можно выделить четыре группы «фабрик мысли», исходя из направления их деятельности, степени прикладной разработанности их результатов и источников финансирования: профессиональные независимые от государства «фабрики мысли»; аналитические центры при органах власти, партиях; научно-исследовательские «фабрики мысли»; любительские «сообщества интеллектуалов»[404].

[404] Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011. – с. 86.

Анализ представленной классификации российских «фабрик мысли» позволяет выделить две группы проблем, препятствующих реализации публично-демократического потенциала данных общественных институтов во взаимодействии с властью.

Первая, «внутренняя», группа проблем связана с отсутствием либо недостаточностью стратегического планирования в области миссии, целей и задач «фабрик мысли», наращивания организационной и профессионально-кадровой результативности и эффективности, маркетинга таких организаций.

Вторая, «внешняя», группа проблем обусловлена политическим и экономическим контекстом становления третьего сектора в России. Сюда относятся: неготовность многих фондов поддерживать «фабрики мысли»; не вполне преодоленная конъюнктурность и кулуарность российской политической практики; недостаток общественного доверия к политическим аналитикам – сотрудникам независимых от государства центров; не всегда высокий уровень профессионализма экспертов «фабрик мысли».

Отдельной проблемой деятельности российских «фабрик мысли», обостряющейся в условиях российской политической конъюнктуры, является профессионально-этическая и гражданская ответственность руководителей и сотрудников центров. «Центры публичной политики» являются одним из видов «фабрик мысли», отличаясь от последних приоритетами своей деятельности. Так, миссия «центра публичной политики» − не просто проведение качественных исследований, а посредничество (медиация) между властью и общественностью[405].

По способу образования можно выделить два вида «центров публичной политики». Первые эволюционируют «снизу», путем территориального и содержательного разрастания деятельности, вовлечения все большего количества экспертов; их судьба напрямую зависит от политики власти по

[405] Гимазова Ю.В. От «фабрик мысли» к «центрам публичной политики»: международный опыт и перспективы России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. - С. 12.

отношению к независимой гражданской экспертизе и ее организациям. Вторые учреждаются государством «сверху» в качестве масштабных провластных научно-экспертных проектов; они имеют выход на первое лицо государства, не входят в систему госорганов, взаимодействуют со всеми заинтересованными группами в вопросах формирования, реализации, мониторинга и оценки государственной политики в определенной сфере. Учрежденные сверху центры часто получают от первых должностных лиц своеобразный мандат на право контролировать исполнение решений, которые были совместно приняты государственными ведомствами и общественными экспертными группами (поскольку большинство барьеров развития имеет, как правило, межведомственную природу). Такой уникальный статус позволяет «центрам публичной политики» стать форпостами стратегических инноваций, максимально задействовать ресурс публичности государственно-политического управления, выявить, поддержать и масштабировать действительно креативные идеи и проекты. Возросшая значимость «центров публичной политики» сопряжена с тем, что в постиндустриальном мире эффективная политика, независимо от ее сферы, предполагает стратегическое сотрудничество власти и общественности. Цель такого сотрудничества − совместное выявление наиболее серьезных барьеров развития и совместные же выработка и осуществление корректирующих воздействий, которые способны нивелировать данные барьеры. Первостепенной задачей институтов публичной политики является разработка правил и процедур взаимодействия участников диалога в процессе совместного поиска решений[406].

Институты публичной политики могут быть эффективны как в либерально-демократических странах, являясь организационным форматом традиций публичного властно-экспертного взаимодействия (жюри граждан, экспертные советы, омбудсманы), так и в демократиях незападного типа, где

[406] Фрейнкман Л.Я., Яковлев А.А. Агентство стратегических инициатив как институт развития нового типа // Вопросы экономики. 2014. № 6. - С. 22.

недостаточность правил и норм взаимодействия компенсируется за счет устойчивой воли высшего руководства к вовлечению общественности в процесс преобразований. Такие структуры доказали свою эффективность в организации стратегического государственно-общественного диалога как в США, Великобритании, ФРГ, так и в Сингапуре, Южной Корее, Малайзии[407].

Однако ресурс «близости» к первым должностным лицам может стать для института публичной политики основным источником риска его бюрократизации. Поэтому резонно предположить, что учрежденные «сверху» (т.е. как проект власти) институты должны существовать ограниченное время, для выполнения задач организации стратегического диалога между властью и общественностью, разработки программы реформ, масштабирования успешных практик в определенной сфере публичной политики. По мере институциализации взаимодействия, привития инновационных форм и технологий, расширения сетевой структуры потребность в учрежденных сверху «центрах публичной политики» должна постепенно сойти на нет. В долгосрочной перспективе эксперты должны работать с властью в режиме ассоциативного сотрудничества.

Представляется резонным, что без расширения сети экспертного сообщества «снизу», без повышения профессионализма и компетентности рядовых сотрудников СО ННКО риск «бронзовения» образованных «сверху» институтов публичной политики существенно возрастет[408].

Можно заключить, что в Российской Федерации на данном этапе ее развития созданы и действуют с различной степенью эффективности нормативно-правовые и организационные механизмы стимулирования развития конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, предполагающие взаимодействие между государственными органами и

[407] Абучакра Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века. Реформирование государственного управления в современном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2016. – С. 13.
[408] Бронников И.А., Гимазова Ю.В. Взаимодействие власти и экспертов в России: состояние, риски и перспективы // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. - С. 168.

некоммерческими организациями. Однако, в условиях лаконичности действующего федерального законодательства, многие вопросы повышения эффективности этих механизмов находится в поле дискреции региональных и муниципальных органов власти.

Выводы по 2 главе.

Изучение зарубежного опыта стимулирования гражданских инициатив СО ННКО позволило выявить общую с 2010 – х гг. тенденцию в политике как либеральных, так и незападных демократий, связанную с потребностью реагировать на обострение международной политической обстановки и противодействовать деструктивному влиянию «мягкой силы».

Отделив «политическое» от «социального», большинство стран, поддерживая и стимулируя социально ориентированную деятельность третьего сектора, одновременно активизировали борьбу с деструктивной политической деятельностью ННКО.

Вместе с тем, если в США и ряде стран Западной Европы борьба с иноагентами исторически складывалась в рамках противодействия нежелательному иностранному влиянию, то незападным демократиям, в том числе и России, приходится бороться как с НПО, так и с иноагентами - ННКО, зарегистрированными в качестве юридических лиц – резидентов данных стран.

Поддерживая исследовательские выводы относительно определения несамостоятельности ННКО – иноагентов как ключевой характеристики их деструктивной политической деятельности, применительно к российским ННКО – иноагентам необходимо подчеркнуть такую их характеристику, как поверхностную увлеченность их лидеров и сотрудников ультралиберальными идеями.

Проанализированный опыт борьбы с иноагентами в США и ряде стран Западной Европы позволил выявить, что данная политика, зародившись в этих странах как реактивная, развивается в настоящее время и как превентивная, т.е. включает профилактику нежелательного политического влияния.

Исследование политического дискурса по вопросу адекватности и эффективности политических мер борьбы с иноагентами в различных странах

позволило заключить, что общественные лидеры США и стран Запада, полагая развитие такой политики необходимым в своих странах, заявляют об «избыточности» и антидемократичности подобных мер в незападных странах и активно препятствуют принятию законодательства об иноагентах в странах, находящихся под их политическим влиянием. Такая политика «двойных стандартов» является дополнительным доказательством фактов посягательств на суверенитет незападных демократий с помощью «мягкой силы».

В отечественной истории элементы политики борьбы с нежелательным иностранным влиянием можно выявить еще с т.н. московского периода. Вместе с тем, начиная с XIX в., исследователи отмечают феномен демократического идолопоклонничества как особенность менталитета части российского общества, считая этот феномен фактором эрозии политической безопасности. В XX в. этот феномен наиболее последовательно был воспроизведен в нашей стране в форме либерального диссидентства. Последователи данного течения отличались прагматичностью и ориентацией на идеал капитализма западноевропейского или американского образца. В 1990-х, в отличие от основной массы диссидентского движения, мечта которого – распад СССР – была достигнута, диссиденты-либералы активировали свою деструктивную политическую деятельность, используя как поддержку извне, так и внутренние факторы ослабления российской государственности, применяя технологии «мягкой силы» для политической дестабилизации. Анализ феномена постсоветского правозащитного движения позволил, помимо увлеченности либеральными идеалами, выявить такие характеристики, как: разобщенность внутри правозащитников, дистанцирование от остальных ННКО, принципиальное нежелание сотрудничать с властью. Проанализированные официальные данные о методах, результатах деятельности и объемах иностранного финансирования российских правозащитных ННКО позволяют сделать вывод о деструктивном для российской государственности характере их политического влияния.

Оценивая российскую политику борьбы с ННКО – иностранными агентами в 2010-х гг., следует отметить ее реактивный характер, поскольку ее развитие явилось реакцией власти на масштабную деструктивную политическую деятельность НПО и российских общественных организаций (прежде всего, правозащитной направленности). Исследованное нормативно-правовое обеспечение и официальные разъяснения к его толкованию в отношении сущности иностранного агента приводят к выводу об относительной лояльности российского законодателя, полагающего возможным считать иностранными агентами только тех, которые пропагандируют чуждые (в т. ч. не нужные самой организации) политические идеи и установки, при этом, получая ресурсную поддержку из-за рубежа. Таким образом, отечественный законодатель предоставил возможность проявлять СО ННКО самостоятельную политическую инициативу, если таковая не продиктована деструктивным иностранным влиянием. Проведенный автором анализ практик включения ННКО в перечень иноагентов с 2012 по 2025 гг. свидетельствует о наличии фактов политической и ресурсной ангажированности организации в каждом случае пополнения реестра иностранных агентов. В то же время, существуют российские практики реабилитации ННКО (исключения организаций из реестра иноагентов) в случае возникновения оснований для этого. Все это позволяет считать обвинения либерально настроенной общественности в нелояльной по отношению к ННКО политике борьбы с иноагентами несостоятельными.

Институциализация борьбы с иноагентами в 2010-х гг. вызвала неоднозначную реакцию политических лидеров и исследователей. Встречающиеся в научной и экспертной среде негативные суждения касаются не столько отдельных инструментов, сколько целевых аспектов такой политики, что может свидетельствовать о сохранении демократического идолопоклонничества в менталитете отдельных представителей российской интеллектуальной и творческой элиты.

Динамика общественного мнения о проводимых изменениях в области противодействия нежелательному политическому влиянию за 2022 и 2025 гг. позволяет выявить тренд усиления негативизма граждан по отношению к деятельности иностранных агентов.

Однако, в условиях институциональной незавершенности российской политики борьбы с иноагентами, а также обострения международной политической обстановки, следует повышать осведомленность российской общественности об основаниях включения в реестр иноагентов каждой ННКО.

Проведенное автором в 2018 г. исследование реакции правозащитных общественных организаций на ужесточение борьбы с иноагентами в России позволяет сделать вывод об эффективности такой политики в отношении пресечения иностранного финансирования и деструктивной политической деятельности. Представители правозащитного российского сектора отмечали существенное ухудшение своего положения в результате ужесточения политики в их отношении, в следующих аспектах: административный (обязанность вести дополнительную отчётность), социально–политический (изменение общественного мнения и позиции СМИ в отношении правозащитников), организационно–управленческий (возрастающие трудности в вопросах менеджмента, краудсорсинга и файндрайзинга). Вместе с тем, выявлены тенденции превращения этих организаций в неформальные, а также трансформации их деятельности в экспертную, просветительскую, информационно–аналитическую, коммуникативную.

Охарактеризованные изменения правозащитного общественного сектора позволяют обосновать вывод о необходимости интенсификации механизмов и технологий противодействия деструктивному политическому влиянию ННКО в современной России. Может быть адаптирован проанализированный зарубежный опыт такой профилактики. Наряду с этим, эффективным инструментом обеспечения политической безопасности России

представляется воздействие на ценности ННКО с целью их конструктивизации, приведения в соответствие с традиционными ценностями российской государственности, а также преодоления кризиса доверия власти к ННКО.

Рассмотрение нормативно-правовых и организационных основ российской политики стимулирования государством социальных инициатив СО ННКО позволило выявить реализуемые в с середины 2010-х гг. меры развития механизмов такого стимулирования, а именно: отказ от программно-целевого подхода к решению задачи государственной поддержки третьего сектора в пользу стимулирования проектной деятельности СО ННКО (1); инвентаризация и систематизация усилий органов исполнительной власти в отношении стимулирования развития СО ННКО (2); создание единой инфраструктуры информационного обеспечения СО ННКО органами исполнительной власти (3); стандартизация отдельных аспектов поддержки и стимулирования публичной властью СО ННКО и их инициатив (4); расширение сети ресурсных центров НКО – специализированных некоммерческих организаций регионального уровня (5).

Анализ реализации данных мер позволил обособить комбинированные и нематериальные механизмы стимулирования государством инициатив СО ННКО.

К комбинированным механизмам относятся: субсидирование СО ННКО из государственного / муниципального бюджета; конкурсы проектов СО ННКО; поддержка гражданских инициатив ННКО и общественных лидеров. Нематериальные механизмы включают: форумы с участием СО ННКО; механизм информирования СО ННКО; механизм формирования и деятельности общественно-консультационных структур с участием ННКО; механизм учета и популяризации успешных практик СО ННКО.

Действующий механизм субсидирования СО ННКО не лишен недостатков, с точки зрения обеспечения эффективного менеджмента

проектирования, а также создания действительно равных для всех организаций транспарентных условий. Так, перечень тематических направлений конкурсов на предоставление субсидий является «закрытым» и полностью формируется государством; критерии отбора ННКО «размыты», порядок отчетности за субсидию является «жестким» и определяется только двумя критериями (своевременность и полнота расходования); в правилах предоставления и освоения субсидий не определены процедуры мониторинга, что может повлечь на практике формализацию оценки успешности освоения СО ННКО полученной субсидии; не установлено соотношение критериев оценки СО ННКО и ее проекта при анализе экспертами заявки; не определен порядок и процедуры работы экспертов, оценивающих претендентов на субсидии; не лишена противоречий терминология конкурсной документации субсидирования СО ННКО, в аспектах мониторинга и внешней оценки.

Эти недостатки «размывают» механизм субсидирования инициатив СО ННКО, особенно на региональном уровне, что, соответственно, увеличивает дискрецию региональных органов власти и управления – операторов бюджетных средств.

Механизм конкурса проектных инициатив СО ННКО проанализирован в работе на примере ФПГ – крупнейшего общероссийского оператора распределения грантов Президента России на реализацию социально значимых проектов СО ННКО.

Анализ действующего функционала ФПГ позволяет охарактеризовать фонд как «институт развития» нового типа, стимулирующий конкурсные проектные инициативы третьего сектора в России, в аспектах распределения грантовых средств, повышения эффективности взаимодействия между СО ННКО и государством, расширения профессионально-экспертного потенциала СО ННКО, выявления и масштабирования инициатив СО ННКО.

Существующая методика и организация оценки проектных инициатив ФПГ является, по результатам исследования автора, наиболее полной и

проработанной в сравнении с методическим обеспечением иных действующих в 2020-х гг. конкурсов.

Вместе с тем, в процессе анализа этого механизма выявлены «слабые звенья» организации конкурсов ФПГ, такие как:

- равноправие в вопросах подачи заявок на конкурсы как негосударственных, так и государственных СО НКО, а также организаций, включенных в реестры поставщиков социальных услуг. Такая ситуация обеспечивает возможность двойного государственного финансирования проектов, а также уравнивает в возможностях организации, в разной мере обеспеченные ресурсами;

- неравномерное распределение грантов среди СО ННКО по регионам (хотя работа по выравниванию такого распределения активно ведется ФПГ с 2020 г.);

- недостаточно четкий понятийный аппарат проектирования (отсутствует акцентуация внимания на такой значимый аспект проекта, как его отличие от «рутинной» работы, что провоцирует развитие квазипроектирования; «жесткий» подход к социальному проектированию, затрудняющий возможность оперативно управлять грантовыми средствами (после запроса / уведомления об этом оператора); неоднозначность определения категории «оценка влияния»; формальность реализуемого ФПГ механизма мониторинга социальных проектов; отсутствие конкретных критериев отбора экспертов ФПГ; формальное применение подхода выявления лучших (успешных) проектных практик СО ННКО; нечеткость процедуры учета дополнительно привлеченных ресурсов (за исключением софинансирования), несмотря на высокий удельный вес данного критерия при оценке заявки и реализованного проекта).

Эти «слабые звенья» дестимулируют российские СО ННКО (особенно не имеющие существенных ресурсов) участвовать в конкурсах проектных

инициатив, способствуют распространению псевдопроектов, а также сосредоточению усилий СО ННКО на технологиях грантрайтинга.

Механизм поддержки государством и политическими партиями гражданских инициатив общественных лидеров и СО ННКО на федеральном уровне представлен, главным образом, Интернет-ресурсом «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ), а также различными всероссийскими премиями и конкурсами (Международная премия «Мы Вместе», учрежденная Президентом России для добровольцев, СО ННКО, бизнеса и органов власти, Всероссийский конкурс гражданских инициатив, организованный ВПП «Единая Россия»).

Данные инструменты, несомненно, востребованы участниками ННКО-сектора и волонтерами, поскольку позволяют в интерактивном режиме направить свои инициативы (как идеи, так и проекты) органам власти и управления, реализовать их с помощью политических партий, найти ресурсы и единомышленников, получить консультационное сопровождение по доработке проектов, привлечь волонтеров.

Вместе с тем, «слабым звеном» данного механизма является недостаточная определенность критериев «хорошей» инициативы, а также лаконичность критериев, предъявляемых к уровню экспертов, и процедур экспертной оценки инициатив.

Механизм публичных форумов с участием СО ННКО достаточно широко используется в современной России в качестве инструмента ознакомления с актуальными задачами выдвижения и поддержки инициатив третьего сектора, установления рабочих контактов с представителями власти, благотворителями и СО ННКО, обмена практиками, взаимодействия с иными участниками форума по обсуждению проблем и определению перспектив развития инициатив третьего сектора и поддержки этой деятельности государством, участия в разработке мер публичной политики в отношении

продвижении своей инициативы либо по смежным проблемам государственно-общественного взаимодействия.

Однако, несмотря на значимость форумов для СО ННКО и власти, подчеркиваемую в Федеральном законе «О некоммерческих организациях», в настоящее время на федеральном уровне методические рекомендации по организации таких мероприятий составлены только в отношении организации молодежной форумной кампании, а также форумов молодых семей Федеральным агентством по делам молодежи. Отсутствие детализированных методических рекомендаций по организации всех форумов по тематике стимулирования развития ННКО-сектора усиливает риск превращения механизма форума в разновидность громких массовых имитационных акций властно-общественного взаимодействия, инструментов одностороннего информирования СО ННКО.

Механизм информационной поддержки СО ННКО является необходимым стимулом проявления ими инициатив, поскольку дает авторам инициатив четкое понимание того, кому данная инициатива может быть адресована, каковы возможные ресурсы ее поддержки, есть ли партнеры либо конкуренты и т.д.

В действующем законодательстве предусмотрены различные направления реализации механизма информационной поддержки ННКО государством, такие как: создание информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей соответствующего уровня и обеспечение их функционирования; предоставление СО ННКО бесплатного эфирного времени / бесплатной печатной пощади государственными / муниципальными СМК, размещения соответствующих материалов в сети «Интернет»; отдельные формы информационной поддержки могут разрабатываться Минцифры России для СО ННКО. Для повышения эффективности реализации данного механизма в 2023 г. Минэкономразвития России разработало Стандарт информационной поддержки для регионов и

муниципальных образований. Однако, в условиях, когда выполнение этого стандарта носит рекомендательный характер, эффективность внедрения стандарта зависит от «доброй воли» представителей публичной власти соответствующего уровня.

Общественно-консультативные органы при субъектах и институтах публичной власти являются широко практикуемыми в Российской Федерации механизмами стимулирования инициатив СО ННКО. Эти структуры позволяют: привлечь ННКО к реализации государственной политики; выдвигать и поддерживать гражданские инициативы; обеспечивать информационную и иную поддержку ННКО, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества; направлять рекомендации соответствующим органам публичной власти и управления в вопросах приоритизации мер поддержки ННКО, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества; принимать акты общественного контроля, а также предложения и обращения государственным органам.

Организационно-правовые основы деятельности общественных палат на федеральном (Общественная Палата Российской Федерации) и региональном уровнях в достаточной мере проработаны и представлены не только профильными законами, но и положениями и регламентами деятельности. На муниципальном уровне степень такой проработки существенно варьируется, а учет актов палат адресатами зависит от их «доброй воли». Вот почему ключевым фактором результативности этих механизмов является лояльность субъектов территориальной власти.

Механизм учета и популяризации успешных практик СО ННКО является для России относительно новым и носит экспертно-аналитический характер. Его сущность состоит в том, что экспертное сообщество, пользуясь более или менее формализованными методиками оценки практик ННКО в определенной сфере, выбирает лучшие практики и определенным образом поощряет их авторов (либо вносит ННКО в реестр поставщиков социальных

услуг, как комитет ФПГ, либо пытается рекомендовать эти практики к масштабированию, либо просто популяризирует эти практики, составляя соответствующую методическую литературу, атласы, базы данных).

Исследования таких механизмов позволило как выявить их несомненную полезность для стимулирования инициатив третьего сектора, так и определить «слабые звенья» их организации. В числе этих «слабых звеньев»: непроясненность категорий «успешная», «лучшая» практика; неоднозначность методики сравнения и ранжирования практик; невозможность учитывать неудачный опыт деятельности ННКО в будущей деятельности; нечеткость профессионально-квалификационных требований к экспертам и недостаточная регламентация процесса их привлечения к принятию решений в органах публичной власти.

Вопрос качества общественных экспертов и экспертизы приобретает особую актуальность, поскольку в России с 2016 г. наблюдается существенное увеличение количества привлекаемых к процессу принятия решений экспертов из некоммерческих организаций на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Эффективность совершенствования консультационно-общественных экспертных механизмов, таким образом, определяется профессионально-квалификационным уровнем эксперта, проработанностью и транспарентностью процедур и правил экспертного сопровождения, а также, в немалой степени, близостью экспертов и их структур к власти.

Глава 3. Механизмы и методики государственного стимулирования конструктивных политических инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций в России

3.1. Принципы и направления государственного стимулирования конструктивных гражданских инициатив российских социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций

Каждая СО ННКО имеет социально-политическую сущность, обладает правами, способностью и возможностями влиять на общественное мнение, взаимодействует с органами публичной власти и местного самоуправления, а также с подразделениями административно-управленческого аппарата госсектора.

Фактическое сужение государством рамок деятельности СО ННКО до социальных параметров, пресечение любых политических аспектов их социально-политического функционала, в совокупности с приоритизацией мер поддержки СО ННКО – поставщиков социальных услуг, представляется не вполне продуманной стратегически политикой. Такая политика способствует «рутинизации» практики выявления и пресечения «политического» в деятельности СО ННКО и, таким образом, существенно сужает «коридор возможностей» проявления организациями конструктивной гражданской активности. В итоге, дестимулируется гражданско-политическая инициативность в среде третьего сектора, растет депривация среди его представителей, а ключевыми целями СО ННКО становится борьба за ресурсы.

Текущая позиция требует корректировки, в аспектах признания за СО ННКО статуса социально-политического актора, а также акцентуации усилий власти на стимулировании конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Такая политика государства должна быть ориентирована на решение следующих целей:

1) укрепление взаимодействия между государством и гражданским обществом, ориентированного на развитие российской государственности с учетом ее традиционных ценностей и в условиях необходимости обеспечения ее политической безопасности;

2) повышение эффективности решения социально значимых проблем граждан России посредством СО ННКО в публичной политике;

3) развитие СО ННКО как институтов демократического участия и представительства.

Для достижения этих целей, российская политика в отношении стимулирования эффективной реализации конструктивного политического потенциала СО ННКО должна реализовываться в следующих направлениях:

- совершенствование действующей системы поддержки и регулирования СО ННКО, в том числе, в части содействия реализации их социально-политического потенциала;

- противодействие деструктивной политической активности представителей СО ННКО-сектора.

Можно сформулировать принципы стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, а именно:

1) Системность. Политика стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО должна разрабатываться и реализовываться на всех уровнях публичной власти, государственного и муниципального управления, и предполагать взаимосвязанный комплекс мер концептуального, стратегического, нормативно-правового, методического, организационного, технологического характера, с учетом специфики организации публичной власти и управления в Российской Федерации.

2) Содействие. Государство на всех уровнях публичной власти и управления должно всемерно способствовать выдвижению и реализации конструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

3) Вовлечение и взаимодействие. Власть должна активно вовлекать институты и лидеров гражданского общества, в первую очередь СО ННКО-сектора, в процесс развития государственной политики по стимулированию конструктивных гражданских инициатив СО ННКО на всех этапах политического цикла (определение проблем и целей; разработка и легитимация; выполнение и мониторинг; оценка результатов и последствий; контроль; корректировка).

4) Приоритетность развития конкурсных механизмов стимулирования и поддержки инициатив СО ННКО. Именно конкурс, а не прямое субсидирование, должен стать приоритетным механизмом генерации и поддержки конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Это обусловлено необходимостью развития здоровой конкуренции идей, проектов СО ННКО, исключения возможности монополизации отдельными прогосударственными некоммерческими организациями доступа к ресурсам.

5) Объективность. Каждая СО ННКО, независимо от организационно-правовой формы, сферы и масштабов деятельности, должна иметь равное право на участие в конкурсе конструктивных гражданских инициатив. Объективность должна обеспечиваться в отношении условий проведения конкурса, цензов доступа к нему, единообразия требований к СО ННКО, оценки инициатив, определения их соответствия требованиям политической безопасности, контроля за их реализацией.

6) Независимый мониторинг реализации инициатив СО ННКО. Данный инструмент должен стать имманентным звеном системы оценки инициатив СО ННКО в процессе из реализации. Это позволит вовремя выявить «слабые звенья» и риски неисполнения инициатив СО ННКО в целях повышения эффективности и результативности реализации проектов.

7) Профессионализм и креативность. Все участники процесса поддержки и стимулирования гражданских инициатив должны владеть необходимыми компетенциями в данной области. Вместе с тем, эти знания не

должны «убивать» в них способность к разработке инновационных, не реализованных ранее, идей и проектов, а также умение «увидеть» и поддержать это новаторство.

8) Развитие экспертного потенциала. Количественное обилие экспертов, которые оценивают инициативы СО ННКО на различных этапах и разработки и реализации, должно перерасти в качество экспертного сообщества, действующего на основе профессионализма, объективности и компетентности, а также избегающего ситуации конфликта интересов.

9) Баланс между демократизацией и обеспечением политической безопасности. СО ННКО должны иметь возможность выдвигать все гражданские инициативы, если они не противоречат основам российской государственности и требованиям политической безопасности России.

10) Анализ и оценка всех доступных исследованию гражданских инициатив СО ННКО. Изучаться должны все инициативные практики СО ННКО для выявления и анализа как успешных, так и неудачных кейсов. Успешные кейсы должны подлежать масштабированию. Неудачные практики должны стать основой для разработки системы профилактики рисков выдвижения и реализации инициатив СО ННКО.

Руководствуясь изложенными принципами, можно предложить актуальные для современной России направления стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО: развитие стратегических и организационно-правовых основ стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО (1); совершенствование механизма превенции деструктивной политической деятельности СО ННКО (2); управление по ценностям СО ННКО (3); совершенствование методологии и методики оценки гражданских инициатив СО ННКО (4).

Ниже подробнее становимся на каждом из указанных направлений.

1.Стимулирование конструктивных гражданских инициатив СО ННКО должно стать самостоятельной категорией российской политики в отношении

развития третьего сектора. Однако, в специальной литературе термины «стимулирование» и «государственная поддержка» применительно к институтам гражданского общества нередко используются как синонимы.

Изложенное определяет необходимость уточнения термина «стимулирование» и его соотношения с термином «государственная поддержка» в российских стратегических документах и нормативно-правовых актах, касающихся воздействия государства на СО ННКО.

Теория управления определяет стимулирование как внешнее воздействие на объект с целью побудить его поступать определенным образом и / или не поступать иначе. Стимулирование является элементом системы поддержки, способствующим активизации деятельности объекта. При этом, стимулирование от поддержки отличает преимущественно косвенный характер воздействия (т.е. стимул применяется ко всей совокупности объектов определенного рода, а не «точечно», к одному из них), осознанность действий (когда объект имеет свободу выбора альтернатив поведения), перспективность (чем охотнее объект следует за стимулом, тем большее вознаграждение он получает).

Стимулирование представляется предпочитаемым методом воздействия государства на СО ННКО по следующим причинам. Во-первых, косвенный характер стимулирования оставляет за СО ННКО свободу выбора: реагировать ей на данный стимул либо нет, что обеспечивает сохранение ее статуса как автономного от власти института гражданского общества. Во-вторых, стимулирование осуществляется по отношению ко всему множеству объектов (в данном случае, СО ННКО), что предполагает элемент состязательности (конкурса) за получение преференции, следовательно, способствует развитию в среде неприбыльных организаций здоровой конкуренции, обеспечивает действительно качественный отбор СО ННКО. Таким образом, стимулирование конструктивных инициатив СО ННКО – более трудоемкий с точки зрения организации и одновременно более

результативный с точки зрения качественного развития политически активного, инициативного третьего сектора компонент госполитики в отношении СО ННКО, чем поддержка регулярной деятельности этих организаций.

В рамках теории права государственная поддержка: характеризуется вертикальным, директивным характером правоотношений субъекта и объекта; предполагает довольно четкую урегулированность государством траектории поведения объекта поддержки; имеет преимущественно прямой характер; нацелена на стабилизацию и сохранение определенного положения вещей; предусматривает гарантированность государственного обеспечения в случае должного поведения объекта такой поддержки[409].

Стимулирование государством развития какого-либо объекта носит более мягкий и мотивирующий характер, чем господдержка. Правовое стимулирование является предпочитаемым методом изменения мотивации деятельности субъекта гражданских правоотношений, поскольку корректирует мотивацию поведения субъекта в сторону увеличения ее социальной полезности, активности, предполагает осознанное поведение со стороны субъекта и объекта стимулирования, носит необязательный, т.е. косвенный характер по отношению к объекту и потому характеризуется свободой поведенческой траектории последнего, предусматривает большее вознаграждение за большие усилия[410].

Учитывая изложенные теоретические положения, применительно к СО ННКО как актору гражданского общества, направленному на удовлетворение нематериальных потребностей россиян, стратегически верной траекторией государственной политики является приоритизация мер стимулирования над мерами государственной поддержки.

---

[409] Ковалев П.В. Государственная поддержка в современной России. Автореф. на соиск. … к.ю.н. специальность 12.00.01. Н. Новгород, 2004. – С. 6.

[410] См.: Провалинский Д.И. Подходы к определению понятия «правовой стимул» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 20 – 26.

В соответствии с выводами современной теории менеджмента, стимулированию подвергаются материальные и нематериальные мотивы деятельности. Материальные стимулы воздействуют на предпринимательские способности объекта. Особенно трудным признается стимулирующее воздействие на внутренние нематериальные мотивы (этические ценности, принципы поведения, моральные установки, творческая самореализация, социально-психологические факторы, формирующие отношение объекта к действительности). Вместе с тем, адекватно подобранные и реализованные стимулирующие механизмы существенно увеличивают как эффективность деятельности, так и содействуют достижению разделяемого видения, усвоению общих для объектов стимулирования ценностей[411].

В контексте эффективного решения задачи стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО государством, сугубо материальные стимулы развития третьего сектора должны отойти на второй план, уступив место нематериальным и комбинированным механизмам. Разумеется, государство должно обеспечивать материальную поддержку эффективным СО ННКО. Однако, приоритизация материального стимулирования, воздействуя лишь на экономические мотивы сотрудников некоммерческого сектора, способна превратить эти организации в разновидность социального предпринимательства без содержательного идейного наполнения.

2.Охарактризованные ценности российской государственности устойчиво воспроизводятся в отечественной истории, политической культуре, системе властно-общественного взаимодействия, и потому должны стать критическим ресурсом конструктивизации гражданских инициатив СО ННКО, приобретя, таким образом, публичный характер.

[411] Иванова И.Н. Нематериальная мотивация и стимулирование: от концептуальных подходов к практике применения в условиях цифровизации организационной среды // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. №2 (47). – С. 20.

Для этого в качестве исходного элемента и приоритетной задачи деятельности государства в области стимулирования и поддержки конструктивных гражданских инициатив СО ННКО необходимо использовать инструментарий управления по ценностям в отношении СО ННКО-сектора.

Управление по ценностям – это эффективный инструмент современного менеджмента. В сфере корпоративного управления управление по ценностям служит перспективной альтернативой целевому менеджменту, давно и успешно применяется в целях укрепления и развития корпоративной культуры, достижения разделяемого видения развития организации руководства и сотрудников[412].

В государственной сфере управление по ценностям также востребовано, в аспекте обеспечения срабатываемости и повышения эффективности управленческих команд по развитию регионального инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации[413].

Идея масштабного внедрения управления по ценностям в систему публичного управления стала набирать популярность на Западе на фоне критики концепции «New Public Management», распространения идей об аксиологической сущности государственного управления[414].

В современной российской политологии все возрастающую популярность приобретает ценностно-ориентированный подход применительно к проблематике стимулирования конструктивной гражданской

[412] См.: Колесников А.В. Корпоративная культура современных организаций. М.: Альпина Паблишер, 2011; Ленсиони П. Пять пороков команды. Бизнес – роман / пер. с англ. И.Э. Коротенко. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017; Лузин А.В. Ключевые концепции современного менеджмента. М.: Питер, 2007; Иванова Т.В. Эффективная управленческая команда и конкурентоспособность организации // Конкурентоспособность бизнеса. 2013. №4 (40); Михельсон-Ткач В.Л., Скляр Е.Н. Процесс согласования ценностей: проблема и оценка // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. №1; Незамайкин И.В. Формирование ценностного управления в корпорациях. Дис. на соискание ученой степени к.э.н. М.: ГУУ, 2011.

[413] См..: Никитин А.С., Гимазова Ю.В. Ценностный фактор развития региональных управленческих команд в субъектах Российской Федерации // Государственная служба. 2018. №20. №2. С. 8 – 16.

[414] See: Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; Talbot C. Public Value: The Next ‘‘Big Thing’’ in Public Management? // International Journal of Public Administration. 2009. Vol. 32. № 3–4. P. 167–170; Глухова А.В. Аксиологический поворот в государственном управлении и его российские проекции // Власть. 2015. № 2. С. 202–208.

активности различных представителей общественности, прежде всего, молодежи[415].

Применительно к современной России необходимость масштабного внедрения аксиологических методов публичного воздействия аргументируется, во-первых, признанием значимости ценностей как социального регулятора поведения российских граждан; во-вторых, пониманием открывающихся новых возможностей повышения качества государственного управления при использовании регулятивного потенциала ценностных ориентаций; в третьих, необходимостью создания механизма формирования публичных ценностных предпочтений у большинства россиян[416]. К этим доводам необходимо добавить отсутствие у России резерва времени в связи с постоянным ускорением политических процессов при их усложнении на современном этапе постиндустриального развития, а также постоянно возрастающей необходимостью обеспечения национальной, в т. ч. политической, безопасности.

В отношении СО ННКО-сектора внедрение управления по ценностям представляется не просто актуальным инструментом, но и первостепенным шагом профильной государственной политики по следующим причинам.

Во-первых, российские СО ННКО являются активными агентами распространения социально-политических идей и ценностей, действенными институтами приобщения граждан к социально-политической активности. Вместе с тем, лидерам и сотрудникам СО ННКО, а также волонтерам как представителям авангарда гражданского общества в той и или иной степени свойственны либеральные ценности. Важно, чтобы эти ценности в

[415] См.: Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101-107; Сизов, И.В. Ценностные основания политического участия в современной России. Автореферат дисс. На соиск. ... к.полит.н. по спец. 23.00.02. М.: МГУ, 2013. - 27 с.

[416] Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск. 2018. .№ 68. - С. 328.

политическом сознании представителей СО ННКО–сектора не переходили грань деструктива, а сочетались с умеренно-консервативными идеями сильного государства, способного гарантировать и защитить права и суверенитет своих граждан в современных условиях.

Во-вторых, управление по ценностям относится к «мягким» инструментам воздействия, поскольку предполагает соучастие объекта в созидании ценностей [417] . В условиях преобладания характерного для современного постмодернистского общества ценностного субъективизма, деятельностной и региональной разнородности СО ННКО (и, соответственно, высокой степени разнородности менталитета представителей СО ННКО-сектора), динамизма и неопределенности их идеалов, идей и целей, управление по ценностям предстает как эффективный инструмент воздействия с сильной обратной связью, позволяющий власти «своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов и производить коррекцию управленческих решений, а населению влиять на формирование «повестки дня» и процесс принятия управленческих решений, участвовать в решении социально значимых проблем и контролировать качество их решения» [418] . Именно в результате масштабного рабочего властно-общественного диалога и формулируются и упорядочиваются личные ценности, а также артикулируются т.н. публичные ценности[419]. К последним относят ценности, которые «обеспечивают нормативный консенсус относительно (1) прав, льгот и прерогатив, которыми должны обладать граждане; (2) обязательств граждан перед обществом, государством и другим

[417] See: Bryson J., Sancino A., Benington J., Sørensen E. Towards a multi-actor theory of public value co-creation // Public Management Review. 2017. Vol. 19. № 5. P. 640–654.
[418] Якимец В.Н., Никовская Л.И. Проблема состоятельности институтов публичной политики в контексте менеджмента публичных ценностей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). - С. 62.
[419] Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. Публичные ценности в структуре идеологии местного сообщества: проблемы формирования и идентификации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). - С. 37

человеком; (3) принципов, на которых должна основываться деятельность политиков и правительства»[420].

Изложенное предопределяет приоритетность выбора тех инструментов диагностики ценностей СО ННКО, которые: не ставят своей задачей осознанное разделение и противопоставление личных и коллективных ценностей (1); позволяют испытуемым понять разницу между желаемыми и текущими ценностями (2); основаны на сравнении ценностей российской государственности с ценностями иных цивилизаций, в частности, западно-европейской и американской (3); не предусматривают агрессивных, «жестких» социальных технологий менеджмента по ценностям (4).

Таким образом, в контексте проблематики данной работы, управление по ценностям СО ННКО предстает как первичная задача государственной политики Российской Федерации по стимулированию конструктивных гражданских инициатив СО ННКО-сектора, предполагающая «подтягивание» менталитета лидеров, сотрудников и волонтеров общественных организаций к единым ценностям российской государственности, а также мотивацию представителей СО ННКО-сектора добровольно и последовательно придерживаться этих ценностей.

3.Стимулирование конструктивных гражданских инициатив должно сочетаться с мерами по превенции деструктивной деятельности СО ННКО.

Чем выше статус СО ННКО, тем насущней и одновременно острее для нее становится проблематика участия в политике. Все это дает веское основание для постановки современной наукой проблематики обоснования политической роли и границ «политического» участия СО ННКО.

Данный вопрос по-своему решает сегодня любое государство. Вместе с тем, начиная с 2000гг., отношение власти к СО ННКО – сектору меняется в

[420]Bozeman B., Sarewitz D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation // Minerva. 2011. № 49. P. 4. URL: https://cspo.org/legacy/library/1104251411F19066350XV_lib_BozemanSarewitz.pdf (дата обращения 14.01.2022 г.).

сторону ужесточения государственного контроля за ними[421]. Все это вызвано процессами, происходившими на внешнеполитической арене, а также той ролью, которую сыграли в данных процессах СО ННКО.

Речь идет о волне «цветных революций», которые прокатились в Грузии осенью 2003г., на Украине – зимой 2004г., в Киргизии – весной 2005г., где произошла смена политического режима во время выборов, официальные результаты голосования были оспорены оппозицией, которую поддержали лидеры части СО ННКО, проходили массовые многодневные митинги и пикеты результатом которых стали отмена итогов предыдущих и проведение новых выборов – теперь уже под контролем оппозиции, увенчавшихся ее победой [422] . В ходе «оранжевых» процессов обнаружилось, что неполитические по уставным целям деятельности неправительственные организации, а также национальные авторитетные правозащитные СО ННКО оказывали существенное политическое влияние при смене правящей элиты. Выяснилось также, что большинство СО ННКО, сыгравших важную роль в данных процессах, получали финансовую поддержку международных фондов, и прежде всего фонда Дж. Сороса. Именно этот фонд поддерживал поездки грузинской молодежи в Сербию в качестве «обмена опытом», где сходные выступления молодежи привели к уходу С. Милошевича с руководящих постов годом раньше аналогичных событий в Грузии, повлекших отставку Э. Шеварднадзе[423].

Вместе с тем, ужесточение ответственности для СО ННКО за их участие в политической деятельности является санкционной, а не превентивной мерой государственной политики. Учитывая, что сознание является культурно-ценностным «ядром» отношения и поведения в социально-политической

[421] Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. – М., 2006. – с.23.
[422] См.: Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. №2. С. 81 – 108; Межуев Б.В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста // Полис. 2006. №5. С. 75 – 91.
[423] Зайцев А. В. Диалогика гражданского общества. – Кострома: Костромской государственный университет (КГУ), 2013. – 443 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275651 (дата обращения: 06.03.2025г.)

сфере, превенция деструктивной политической деятельности должна осуществляться, прежде всего, на уровне политического сознания и ценностей лидеров общественного мнения и сотрудников СО ННКО.

Специальных исследований об уровне политического сознания представителей российского некоммерческого сектора в России не проводилось. Однако, результаты многочисленных социологических исследований состояния и динамики политического сознания в современном российском обществе позволяют заключить, что риск проявления политического деструктива все еще не преодолен.

Умозаключения зарубежных политологов относительно «культурного» неприятия современной российской общественностью ценностей либеральной демократии [424] вовсе не предполагают справедливость тезиса о чуждости демократических ценностей российскому менталитету. Напротив, в настоящее время происходит процесс активного поиска и утверждения в сознании современного российского общества основ и ценностей культурно-исторической модели русской демократии, отличной от полисной, полиархической и консоциативной моделей, которые были обособлены в известном труде Р. Даля [425]. Анализ динамики массового политического сознания россиян в постсоветский период показывает, что на смену запросам на либерально-демократические преобразования к началу 2000-х годов формируется четко выраженный запрос на консервативно-авторитарную модель политической системы, в центре которой находятся ценности «политического порядка», «справедливости» и «патриотизма» [426]. Вместе с тем, этому процессу не могут не сопутствовать определенные риски, в т.ч. риски дезориентированного политического сознания и отношения и, как следствие, поведения. О том, что вероятность этих рисков сохраняется,

[424] Pipes R. flight from freedom. What Russians think and want // Foreign Affairs. N.Y., 2004. – P. 6.
[425] См.: Р. Даль. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 576 с.
[426] Мустакимов А.В. Периодизация эволюции политического сознания россиян в постсоветский период: структурообразующие концепты / Социально-гуманитарные знания. 2023. №10. – С. 122.

свидетельствуют, в частности, результаты опросов ВЦИОМ об отдельных аспектах государственной политики Российской Федерации. Исследование ВЦИОМ 2022 г. относительно отношения россиян к западным ценностям выявило значительный разрыв в отношении к Западу среди молодежи и в старших возрастных группах: 50-55% респондентов в возрасте 18-34 лет симпатизировали западным ценностям, в то время как 70% опрошенных в возрасте 60+ эти ценности считали губительными для страны[427].

Такие симптомы некоторой нестабильности и противоречивости политического сознания россиян требуют системной превентивной проработки на уровне государственной политики профилактики деструктивного гражданского сознания и поведения, в том числе и прежде всего в отношении лидеров общественного мнения и СО ННКО.

В данном аспекте следует указать на существенные с политической точки зрения критерии отнесения СО ННКО к числу иностранных агентов:

- ангажированность иностранными принципалами, т.е. отсутствие собственной политической воли[428];

- доверие отдельных представителей общества либо социальных групп и определенная власть над ними[429].

Учет этих критериев в политике противодействия иностранным агентам, по крайней мере, не менее важен, чем совершенствование национального законодательства по борьбе с иноагентами. Одни лишь только законодательные меры не в состоянии обеспечить профилактику политико-гражданского деструктивизма общественных организаций.

Так, С. Тулаева, М. Тысячнук, А. Хенри Лора, исследуя действовавшие в 2017 г. в России законодательные ограничения в отношении СО ННКО –

---

[427] Влияние Запада и российская культура. ВЦИОМ, 23.08.2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultur (дата обращения: 20.08.2024).

[428] Laine V., Silvan K. “Foreign Agent” as an internal representative of “the West” in Russia’s geopolitical discourses // Remapping Security on Europe’s Northern Borders / ed. by J. P. Laine, I. Liikanen, J. W. Scott. London : Routledge, 2021. P. 62–81. URL: https://doi. org/10.4324/9781003096412-5(дата обращения: 25.10.2025 г.)

[429] Руденкина А. И., Керимов А. А. Иностранный агент влияния как субъект управления обществом: методологический аспект // Вопросы управления. 2016. № 6 (24). - С. 60-61.

иноагентов, выявили, что все СО ННКО, занимающиеся юридически и /или фактически деструктивной политической деятельностью, пытаются, формально соблюдая законодательные требования, в то же время использовать не запрещенные российским законодательством методы и технологии деструктивного социально-политического влияния. Исследователями были определены стратегии таких СО ННКО: формальное соблюдение российского законодательства об иностранных агентах; фиктивное соблюдение требований об иноагентах; деятельность в форме движений или объединений, без регистрации в качестве СО ННКО; влияние из-за рубежа[430].

В иностранной литературе широко известна т.н. «стратегия бумеранга», когда «местные НКО обходят свое государство и напрямую ищут международных союзников, чтобы попытаться оказать давление на свои государство извне»[431]. Очевидно, что «стратегия бумеранга» представляет собой наиболее опасный для незападных демократий сценарий деструктивной политической деятельности ННКО, пресечь которую с помощью только законодательных мер затруднительно.

Несмотря на то, что совершенствование российского законодательства о борьбе с иноагентами в 2018 – 2025 гг. существенно сократило возможности для любого открытого проявления декструктивного политического влияния СО ННКО, стратегии, направленные на обход законодательных ограничений для иноагентов, продолжают изобретаться лидерами общественного мнения и СО ННКО.

Стать объектами деструктивного политического влияния могут отдельные граждане и социальные группы: молодежь с ее неустановившимся социально-политически менталитетом, социально малозащищенные слои

[430] См.: Тулаева С., Тысячнук М., Хенри Лора А. Стратегии экологических НПО в контексте закона об иностранных агентах: игры с формальностью // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2017. Т. 9, № 3. С. 18–43.

[431] See: Keck M., Sikknik K. Activists beyong Borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell Univercity Press. 1998. – 240 p.

населения, лица, по каким-либо причинам не довольные политикой государства или действиями чиновников.

В этой связи, внимание следует уделять не только экономическим и административным мерам (установление высоких ставок налогообложения, лишение льгот и субсидий, запреты заниматься определенными видами деятельности и т.д.), но и публично-политическим инструментам противодействия деструктивной политической деятельности СО ННКО (придание публичной огласке акций и результатов деятельности СО ННКО и политических лидеров – иностранных агентов, масштабная информационно-разъяснительная работа о вреде декструктивной политической деятельности для различной целевой аудитории, профилактические мероприятия с представителями различных СО ННКО и лидеров общественного мнения, популяризация кейсов об СО ННКО и лидеров общественного мнения, исключенных из реестра иностранных агентов по причине их реабилитации, масштабная общественно-политическая дискуссия о сущности и рисках «нежелательного» воздействия на общественно-политическую сферу со стороны лидеров общественного мнения и СО ННКО).

Не менее важно находить и артикулировать истинные социально-политические потребности российских СО ННКО, предоставлять им возможность реализации регулярной обратной связи с представителями государственного и муниципального сектора в формате «круглых столов», форсайтов, специальных исследований с презентацией и обсуждением их результатов, конструктивной публичной критики решений и действий власти, содержащей конкретные предложения по ее совершенствованию.

Необходимо также проводить мониторинг социально-политической деятельности СО ННКО, с публикацией его результатов и возможностью для СО ННКО проведения разъяснений относительно законодательства об иностранных агентах, на стадии досудебного разбирательства.

Такие меры государства будут способствовать тому, чтобы лидеры общественного мнения и СО ННКО стали источниками и агентами распространения конструктивных политических ценностей российской гражданственности.

4.Значимой мерой стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО представляется развитие методологии и методики оценки таких инициатив, в первую очередь, в форме проектов.

Оценка социальных проектов, разрабатываемых и реализуемых государством и СО ННКО, стала объектом научного интереса, начиная с середины XX в., что можно объяснить следующими обстоятельствами.

С одной стороны, именно в это время в США и ряде стран Западной Европы активно развивались СО ННКО, оказывающие населению разнообразные социальные услуги; при этом, данные услуги предоставляются порой более гибко, клиентоориентированно и качественно, чем это делают организации государственного сектора. Сторонниками концепции «New Public Management» современное государство рассматривалось как «гипермаркет», где государственные и негосударственные агенты производят и продвигают различного рода социальные услуги, а потребитель оценивает их качество[432]. Таким образом, оценка социальных услуг стала одним из наиболее перспективных направлений теории социального обслуживания, методологии развития государственного управления и третьего сектора в условиях постиндустриальной экономики.

С другой стороны, начиная с 1960-х гг., бурное развитие получило проектное управление, сначала в частном, затем и в государственном секторе экономики. Проектное управление как комплексная менеджмент-технология выгодно отличается от т.н. процессуального управления маневренностью, гибкостью, улучшенной координацией между исполнителями. Все эти

[432] См.: Игнатова Т. В. Интеграция «нового государственного менеджмента» в концепцию российской административной реформы // Экономический вестник Южного федерального округа. 2006. № 3. - С. 94 – 100.

преимущества достигаются за счет внедрения методик оперативного контроля, предполагающего активизацию оценочной деятельности. Соответственно, оценка проектов приобрела архиважное значение для развития теории и технологий менеджмента. В конце XX – начале XXI вв. активно шло приращение научного знания в области социального проектирования. При этом, расширилась сфера и масштабы оценочной деятельности: из «рабочего» инструмента контроля грантодателя за реализацией проекта оценка превратилась в направление и формат сотрудничества сообщества индивидов и организаций, желающих максимизировать социальные результаты своей деятельности.

В России с 2000–х гг. стали возникать и развиваться экспертные сообщества оценки социальных проектов и программ. Большинство идей, методик и технологий оценки социальных проектов было перенесено в Россию с Запада, во многом благодаря деятельности зарубежных благотворительных фондов. Неслучайно поэтому, что первые отечественные тематические работы по оцениванию были преимущественно переводными [433] . Вместе с тем, адаптация этих методик и технологий к российской практике способствовала появлению оригинальных отечественных исследований. В 2000-х гг. появляются работы по осмыслению международного опыта оценивания в государственном управлении [434] ; критическому анализу теории оценки социальных программ и политик, изучению отечественных практик оценки социальных программ в контексте российской административной реформы[435].

Современная методология оценки социальных проектов- инициатив СО ННКО, объединяя в себе достижения теории социального обслуживания и проектного менеджмента, пытается ответить на три взаимосвязанных вопроса:

---

[433] См.: Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт / А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. - 54 с.

[434] См.: Маршаков В. А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы // Оценивание программ и политик: методология и применение. Сборник материалов. Вып. 1. М., 2006. - С. 182-209.

[435] См.: Оценка программ: методология и практика / Под ред. А. И. Кузьмина, Р. О' Салливан, Н. А. Кошелевой. М.: Престо-РК, 2009. 396 с.

каково содержание критериев и направлений оценки социальных проектов; кто и как устанавливает и изменяет эти критерии; каким образом организован процесс оценивания. Эволюция содержательного аспекта оценивания социальных проектов происходила в контексте трансформации концепций государственного управления (рациональное государственное управление В. Вильсона, «new public management», «good governance») и моделей социального государства (скандинавская, советская, либеральная), развития идей о межсекторном социальном партнерстве. Хронологические первые концепции оценивания (1950-е – 1960-е гг.) выдвигают критерии эффективности и результативности в качестве ключевых ориентиров успешного социального проекта или государственной социально ориентированной программы[436]. В более поздних исследованиях (начиная с 1970-х гг.) аргументирована значимость критериев профессионализма субъекта социального проектирования, таких как: гибкость, экономичность, навыки управлять рисками проекта, способность генерировать и выбирать оптимальную альтернативу из числа допустимых[437]. Наконец, в отдельную группу исследований можно включить работы, авторы которых учитывают необходимость оценки влияния проекта на состояние и развитие социальной сферы, целевых групп, стейкхолдеров проекта[438]. Вместе с тем, проблематика критериев оценивания и их совокупности остается одной из наиболее дискуссионных, в аспектах оценивания качественных, неэкономических параметров. Неслучайно один из основателей концепции оценивания в социальной сфере Д. Форбс заметил, что оценка социальных эффектов представляет собой попытку «измерения неизмеримого», тем самым указав на существенные трудности измерения социальных эффектов, результатов,

[436] See: Alkin M. & Ellett F. Evaluation models and their development. In T. Husén & T. N. Postlethwaite (Eds.), International encyclopedia of education: Research and studies. Oxford, England: Pergamon Press, 1985. - 580 p.
[437] See: Alkin M., Christie C. & Stephen N. Choosing an Evaluation Theory: A Supplement to Evaluation Roots (3rdEdition). – Evaluation roots (3rd ed.). Guildford Press. Journal of MultiDisciplinary Evaluation. 2021. Vol. 17, Issue 41. Pp. 51 – 60.
[438] См.: Социальный проект: разработка, реализация, оценка, практики: Сборник материалов / Под ред. Т. А. Артеменковой, И. А. Прихожан. Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2018. - 228 с.

последствий на обширном эмпирическом опыте деятельности социально ориентированных организаций [439].

Вместе с тем, можно выделить ряд проблем, препятствующих развитию методологии оценки гражданских проектных инициатив российских СО ННКО.

Во-первых, несмотря на обилие конференций, научных семинаров, тренингов по проблематике оценки в социальной сфере, самими представителями российского экспертного сообщества отмечается отсутствие «каких-то фундаментальных концептов методологии оценки социальных проектов»[440], что не может не отразиться на практике оценивания.

Во-вторых, проблематика важности оценки социальных программ и проектов озвучена сегодня на государственно-политическом уровне в России; однако, несмотря на очевидную актуальность этой проблемы, обязательной оценке (и, соответственно, стандартизации) подлежат только те социальные услуги, которые закреплены в федеральных нормативных актах как государственные. Это нашло отражение в федеральных законах, регулирующих вопросы оценочной деятельности в Российской Федерации[441], ведомственной и независимой оценки качества оказания услуг в сферах культуры, социального обслуживания, здравоохранения и образования[442], а также деятельности оценки организаций – поставщиков социальных услуг[443].

В-третьих, реализация проектов, выигравших в различных конкурсах, требует от их авторов (большинство из которых – СО ННКО) соответствующих знаний, навыков, умений в области планирования деятельности, фандрайзинга, управления проектом и мониторинга его

---

[439] Forbes D. Measuring the Unmeasurable: Empirical Studies of Nonprofit Organization Effectiveness from 1977 to 1997 // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1998. Vol. 27. № 2. - P. 22.

[440] Гимазова Ю. В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). - С. 25.

[441] Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ

[442] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» от 21.07.2014 N 256-ФЗ

[443] Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ.

исполнения, поиска нематериальных ресурсов, взаимодействия с государственными и муниципальными структурами и т.д. Так, в 2024 г. по сравнению с 2017 годом количество СО ННКО, получивших гранты на реализацию своих проектных инициатив впервые только средств из ФПГ – крупнейшего грантодателя России, возрастало приблизительно на 10% ежегодно. Вот почему для этих и иных СО ННКО эффективное и результативное расходование средств благотворителей является, как правило, малознакомым «искусством возможного». Сотрудники таких СО ННКО нуждаются в информации, наглядно, доступно и объективно освещающей элементы практик реализации грантовых проектов.

Российские специалисты-практики, которые занимаются подготовкой и оценкой проектов СО ННКО, все чаще поднимают вопрос о необходимости совершенствования методологии, методик и технологий такой оценки.

Серьезным стимулом для развития методологии оценки социальных проектов послужил 2015 год, который был объявлен ООН Международным годом оценки. Начиная с 2015 года, работы отечественных специалистов посвящаются не столько вопросам методологии анализа и оценки программ, сколько изучению прикладных аспектов оценивания, применительно к современному государственному управлению и специфике развития некоммерческого сектора в России. Так, в рамках Ассоциации специалистов по оценке программ и политик, действующей в России с 2015 г., были изданы работы, посвященные проблемам выбора и обоснования критериев и целевых значений[444], анализу кейсов в социальном проектировании[445], мониторингу в системе социального проектирования[446].

---

[444] См.: Маршаков В. А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы // Оценивание программ и политик: методология и применение. Сборник материалов. Вып. 1. М., 2006. - С. 182–209.

[445] См.: Балакириев В.П. Оценка влияния корпоративных социальных программ в России: ситуация, постановка задачи. М.: Компания Процесс Консалтинг, 2018.- 150 с.

[446] См..: Автономов А.С., Маловичко И.С., Хананашвили Н.Л. Методика и практика обучения мониторингу социальных проектов. Учебно-методическое пособие/ Под общей редакцией А.С. Автономова. М.: Национальная Ассоциация благотворительных организаций (НАБО), 2018. - 240 с.

Тематике оценки СО ННКО посвящено много мероприятий. Одно из наиболее значимых –- прошло в октябре 2015г. при поддержке Форума Доноров – партнерства крупнейших благотворительных организаций России.

В соответствии с мнением экспертов - участников Форума «Искусство оценки в благотворительности: культура и практика» (Москва, 2015 г.), для донорских СО ННКО оценка – это непрерывный процесс получения новых знаний о реализуемых проектах и программах и возможность для улучшения благотворительной деятельности. Эксперты Форума уверены, что оценка способна укрепить доверие к институтам филантропии, помогая различным заинтересованным сторонам узнавать о целях, ценностях и достигнутых результатах друг друга. По их мнению, «измеряя результативность и социальный эффект работы доноров, пришло время выйти за рамки подсчета количества выданных грантов и поддержанных благополучателей. Необходимо помнить, что полезность оценки не ограничивается исключительно ответом на вопрос, насколько экономически эффективна та или иная поддержанная донором программа. Она может помочь наилучшим образом понять и удовлетворить потребности тех, на кого направлена деятельность фонда, повысить качество оказываемых услуг, усилить производимый социальный эффект»[447].

В современной России, начиная с 1990-х гг., накапливается богатый региональный опыт оценивания проектов СО ННКО. Однако, данный опыт нуждается в анализе и обобщении, что, в свою очередь, позволило бы спроектировать единую систему такой оценки и оформить ее в качестве методических рекомендаций федерального уровня.

Таким образом, задача развития методологии оценки в социальной сфере должна быть реализована в практике государственного управления путем: совершенствования методик и технологий оценочной деятельности; развития существующих механизмов конкурсной поддержки инициатив СО ННКО;

[447] Форум доноров: официальный сайт. URL: forum-donorov.ru/events/ (дата обращения: 03.11.2022г.)

укрепления профессионального потенциала всех участников процесса разработки и реализации проектов СО ННКО.

Отдельным направлением совершенствования действующей методологии оценки инициатив СО ННКО представляется пересмотр популярного в настоящее время подхода к выявлению и анализу исключительно лучших («успешных», «умных») социальных практик[448]. В дополнение к подходу масштабирования лучших практик, представляется целесообразным анализировать и учитывать весь доступный исследователю (а не только удачный) опыт социального проектирования. Многоаспектный, объективизированный, непредвзятый внешний анализ разнообразных практик процесса и результатов социального проектирования СО ННКО, с выявлением условий, перспектив и рисков реализации проекта, способами минимизации и управления такими рисками поможет выявить и охарактеризовать факторы и практики неудач в социальном проектировании, а значит, осуществить некую профилактику рисков, возникающих при формировании, реализации и оценке социальных проектов, предоставить СО ННКО шанс «учиться на чужих ошибках».

Критически значимым вопросом развития методологии оценки инициатив НКО является совершенствование мониторинга реализации инициатив, поддержанных государством. Важно изучать и оценивать не только проектные заявки СО ННКО и результаты их выполнения на основании отчетности исполнителей, но и, в первую очередь, процесс реализации социальных проектов, оценки их итогов, влияния и последействия. Ряд негосударственных благотворительных фондов рекомендует закладывать в заявке социального проекта расходы на мониторинг в процессе его реализации, в размере до 5% от планируемых расходов. Однако, данная рекомендация ни в одном правовом акте России не закреплена и потому

[448] См.: Никитин А.С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 22. - С. 3539-3554

необязательна. В итоге в большинстве случаев сегодня, при недостаточности и фрагментарности соответствующей информации, процесс реализации СО ННКО заявок остается «тайной за семью печатями», как для грантодателя, так и для экспертов. В то же время, объективно высокий уровень заявки подчас не означает высокой вероятности ее поддержки. И встречаются ситуации, когда, казалось бы, отлично написанный проект на поверку оказывается неудачно реализованным в силу самых различных причин объективного и субъективного свойства. В то же время, некачественно составленная заявка может быть поддержана грантодателем, а затем, как ни странно, получивший финансирование проект может быть успешно, эффективно и результативно выполнен. Тем не менее, развитие методологии и культуры социального проектирования предполагает обеспечение понимания всеми субъектами данного процесса важности взаимосвязи между качеством заявки, качеством процесса и устойчивостью результатов реализации проекта.

В последнее время в специальной литературе можно встретить мнение о том, что оценка некоторых неэкономических проектов и результатов деятельности человека практически невозможна по причинам крайнего затруднения в вопросах четкого выявления и дифференциации результатов, особенно если речь идет о долгосрочных комплексных программах и проектах воспитательного, просветительского характера [449] . Соглашаясь с данным мнением, в то же время нельзя не отметить, что оценка результатов и проектов неэкономического характера очень важна для всех лиц и групп, имеющих отношение к этой деятельности. Исследователи и эксперты аргументируют необходимость неэкономического оценивания следующими суждениями: заказчик социального проекта должен понимать, как цели проекта корреспондируют с ожидаемыми результатами; исполнителю проекта необходимо соотнести свои усилия (ресурсы) с целями и результатами

[449] См.: Кулькова В. Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Казань: ПечатьСервис-XXI век, 2016. - 82 с.

деятельности, а также привлечь дополнительные ресурсы на реализацию проекта; грантодатель должен понимать, под какие результаты он дает материальные ресурсы; государству следует стимулировать социальную ответственность предпринимательства; целевые группы, на улучшение положения которых ориентирован проект, должны четко представлять себе выгоды, которые они получат в результате участия в проекте, а также ресурсы (чаще всего временные), которые они должны будут затратить для участия в проекте[450]. Поэтому крайне востребованы исследования, в которых качество текста заявки соотнесено с качеством выполнения проекта, оценкой устойчивости его результатов, а также решение задач подготовки соответствующих кадров – на исполнительском, экспертном и методическом уровнях.

[450] См..: Интервью с Артемом Шадриным в рамках темы «Государство и соц. ответственность» // Информационно-аналитический журнал «Социальная карта бизнеса». URL: http://ivsezaodnogo.rbc.ru/navigator/articles/54. (Дата обращения: 25.08.2021 г.); Макаренко О. В. Государство и негосударственные некоммерческие организации: формы поддержки и сотрудничества / О. В. Макаренко, Б. Л. Рудник, С. В. Шишкин, Л. И. Якобсон. М.: «СИГНАЛЪ», 1997. - 176 с.; Отсутствует единый подход к организации государственной поддержки социально ориентированных НКО // официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/23260?sphrase_id=2171298. (Дата обращения: 26.08.2021 г.)

3.2. Развитие стратегических и организационно-правовых механизмов государственного стимулирования конструктивной гражданской деятельности организаций третьего сектора

Учитывая, что Конституция России относит вопросы «поддержки институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечение их участия в выработке и проведении государственной политики» к компетенции Правительства Российской Федерации [451], которое, в свою очередь, «осуществляет исполнительную власть под общим руководством Президента Российской Федерации» [452], целесообразно актуализировать значимость стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО на высшем государственно-политическом уровне.

Это создаст организационные условия для преодоления действующей практики «ведомственного» решения Минэкономразвития России вопросов поддержки и стимулирования развития третьего сектора, позволит рассматривать СО ННКО не только как разновидность социального предпринимательства, но и как инициативные институты российского гражданского общества, конструктивно участвующие в политической жизни страны.

Важно обеспечить системность и работоспособность действующих концепций, стратегий и актов, регулирующих отдельные вопросы стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

Для этого целесообразно:

[451] Ст. 114 п. е. 1 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.2003г. с поправками от 01.07.2020 г.)

[452] Ст. 110 п.1 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.)

1. Разработать концепцию совершенствования нормативно-правового регулирования деятельности СО ННКО по реализации конструктивных гражданских инициатив.

2. Внести в действующее российское законодательство о некоммерческих организациях термины, определяющие сущность политики стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, а также обеспечить единообразное толкование этих терминов;

3. Развивать организационно-методическое обеспечение стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО по направлениям:

- конкурсы социальных проектов СО ННКО;

- общественно-политические форумы с привлечением СО ННКО;

- ресурсные центры поддержки СО ННКО;

- гражданские инициативы СО ННКО и идеи общественных лидеров в формате предложений;

- участие представителей СО ННКО в деятельности общественно-консультативных организаций при органах государственной власти и местного самоуправления.

Охарактеризуем указанные направления.

1. Необходимость концептуализации нормативно-правовых основ российской политики по стимулированию конструктивных гражданских инициатив третьего сектора обусловлена не учтенными в действующем российском законодательстве существенными различиями деятельности СО ННКО в сфере оказания общественно полезных услуг и в сфере разработки, реализации ими общественно-значимых инициатив. Как было аргументировано ранее, эти виды деятельности различаются по целям, характеру и результатам. Соответственно, должны различаться и меры государственной политики по созданию благоприятных условий для СО ННКО-исполнителей общественно полезных услуг и СО ННКО,

специализирующихся на разработке и реализации конструктивных гражданских инициатив.

Так, целью *государственной поддержки* СО ННКО должно являться развитие сектора СО ННКО – исполнителей общественно полезных услуг. Объектом такой поддержки логично установить деятельность СО ННКО, оказывающих населению общественно полезные услуги, как на возмездной, так и на бесплатной основе. Необходимо закрепить на концептуальном уровне принцип непрерывности процесса социального обслуживания. Последовательная реализация данного принципа обусловливает необходимость постоянной поддержки таких СО ННКО путем субсидирования их деятельности. Критерии качества таких услуг должны разрабатываться и утверждаться / пересматриваться в рамках государственно-общественной стандартизации. Стратегической целью государственной поддержки СО ННКО-поставщиков социальных услуг будет являться развитие третьего сектора как разновидности социального предпринимательства, ориентированного на постоянное повышение качества оказываемых услуг населению.

В отношении СО ННКО, разрабатывающих и реализующих проекты / направляющих предложения в органы государственной власти и местного самоуправления (в том числе и в составе социальных проектов), целесообразно использовать термин «*стимулирование*», подразумевая под этим создание государством благоприятных условий для разработки и реализации конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Объектами стимулирования должны выступать проекты либо предложения СО ННКО, общественных активистов и их групп, содержащие элементы политической деятельности. Основным механизмом стимулирования инициативной проектной деятельности СО ННКО должен стать конкурс. Оценка проектных инициатив СО ННКО должна проводиться в соответствии с логикой социального проектирования на основных этапах жизненного цикла проекта и

включать: экспертизу проектной заявки, мониторинг процесса реализации проекта, оценку результатов, последствий и влияния. Стратегической целью стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО будет формирование и развитие СО ННКО как социально-политического института гражданского общества, взаимодействующего с государством по поводу разработки и реализации общественно значимых инициатив в форме проектов и предложений.

Реализация такой концепции позволит более рационально подойти к расходованию бюджетных ресурсов на поддержку и стимулирование развития третьего сектора в России. СО ННКО, занимающаяся оказанием общественно полезных услуг, будут поддерживаться за счет государственного субсидирования и не будут участвовать в конкурсах проектов, посвященных повышению качества обслуживания. СО ННКО, занимающиеся проектной деятельностью, в свою очередь, не смогут претендовать на внеконкурсные / квазиконкурсные субсидии. Те СО ННКО, которые оказывают общественно полезные услуги и одновременно реализуют социальные проекты, должны будут дифференцировать свою деятельность с целью получения соответствующих средств от государства. Это поможет преодолеть существующую проблему дублирования мер государственной поддержки в отношении ряда СО ННКО, которые маскируют социальное обслуживание под проектные инициативы, тем самым тиражируя «квазипроекты».

В отношении СО ННКО, специализирующихся на проектных инициативах, должны преобладать комбинированные и нематериальные меры стимулирования. Эти меры призваны задействовать общественно-политические мотивы деятельности третьего сектора, в том числе: стремление совместно с властью служить общественным интересам, решать актуальные проблемы в конструктивном диалоге. Материальные стимулы также должны присутствовать, однако, они должны носить вторичный характер, поскольку их преобладание может привести к превращению проектных СО ННКО в

своего рода социальных предпринимателей, извлекающих выгоду из своего статуса.

В развитие изложенных предложений о деятельности СО ННКО – субъектов разработки и реализации конструктивных гражданских инициатив, предлагается скорректировать нормативно-правовые основы функционирования российского третьего сектора.

Для этого следует внести поправки в действующий Федеральный закон «О некоммерческих организациях в Российской Федерации» (табл. 3).

Таблица 3

Поправки в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ[453]

№ п.п.	Федеральный закон «О некоммерческих организациях в Российской Федерации»	
	Действующая редакция	Предлагаемые поправки
1.	-	Дополнение ст. 2 п.2.4. «Конструктивная гражданская инициатива СО ННКО – предложение / проект СО ННКО, адресованное органам публичной власти и / или государственного (муниципального) управления, направленное на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее основам конституционного строя, ценностям национальной государственности, этическим и нравственным нормам, реализующееся в формах и технологиях, не запрещенных законом»
2.	Ст. 2. П. 2.1. Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, государственных и муниципальных учреждений) и осуществляющие деятельность, направленную на решение	Ст. 2. 2.1. Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, государственных и муниципальных учреждений) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации **(в том числе путем разработки и реализации конструктивных гражданских инициатив в формах предложений и проектов)**, а также виды

[453] Составлено автором

	социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 настоящего Федерального закона.	деятельности, предусмотренные статьей 31.1 настоящего Федерального закона.
3.	Ст. 2. п. 2.2. абзац 2 «надлежащая реализация проектов, предусматривающих **осуществление деятельности по одному или нескольким приоритетным направлениям в сфере оказания общественно полезных услуг** с использованием грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества (далее - проекты по **оказанию** общественно полезных услуг)».	Редакция абзаца 2 п. 2.2. «надлежащая реализация проектов, предусматривающих **качественное развитие форм, методов и технологий оказания общественно полезных услуг, в том числе,** с использованием грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества (далее - проекты по **развитию** общественно полезных услуг)»
4.	2.3. Под ресурсным центром поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций понимается некоммерческая организация, созданная в одной из предусмотренных настоящим Федеральным законом форм и осуществляющая в соответствии с учредительными документами деятельность, направленную на развитие и поддержку некоммерческих организаций, осуществляющих виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 настоящего Федерального закона.	2.3. Под ресурсным центром поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций понимается некоммерческая организация, созданная в одной из предусмотренных настоящим Федеральным законом форм и осуществляющая в соответствии с учредительными документами деятельность, направленную на развитие и поддержку некоммерческих организаций, осуществляющих виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 настоящего Федерального закона, **а также разрабатывающих и реализующих конструктивные гражданские инициативы в форме проектов.**

Ожидаемые результаты (изложены в соответствии с порядком приведенной в таблице нумерации предлагаемых изменений Федерального закона «О некоммерческих организациях в Российской Федерации»):

1) Закрепление категории «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО» в нормативно-правовом акте позволит признать эти инициативы в качестве специфического направления деятельности СО ННКО как

социально-политического института, способствующего эффективной и конструктивной реализации потенциала гражданского общества в России. Предложенное в работе определение конструктивной гражданской инициативы СО ННКО должно найти отражение в действующих нормативно-правовых актах России.

2) Законодательно закрепленными формами конструктивных гражданских инициатив СО ННКО станут предложения в органы государственной власти и местного самоуправления, а также проекты. Это, с одной стороны, позволит статуировать конструктивные гражданские инициативы – обращения СО ННКО в качестве особого вида обращений объединений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, в соответствии нормами профильного федерального закона.[454] С другой стороны, это поможет ориентировать СО ННКО на разработку и реализацию конструктивных гражданских инициатив в форме проектов, а также закрепит данный формат за всеми участниками социально-политических отношений.

3) Предлагаемая редакция абзаца 2 п. 2.2. ст. 2 позволит СО ННКО, реализующим общественно полезные услуги, сосредоточиться на процессе совершенствования оказания данных услуг, а государству поддерживать только те проекты данных СО ННКО, которые действительно предполагают качественные преобразования в сфере общественного обслуживания (вид конструктивной гражданской инициативы). Это поможет исключить распространенную в настоящее время практику двойной оплаты одной и той же деятельности СО ННКО – агентов общественно полезных услуг (как получателей государственных субсидий и как разработчиков проектов в отношении той же деятельности), будет способствовать снижению в России числа т.н. квазипроектов.

[454] Ст. 2 п. 1 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

4) Дополнение перечня целей поддержки ресурсными центрами СО НКО направлением «поддержка разработки и реализации конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в форме проектов» даст правовое основание ресурсным центрам СО НКО осуществлять стимулирование и поддержку деятельности инициативных гражданских проектов СО ННКО.

2. Стимулирование государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО предполагает методическое обеспечение данного процесса.

Целесообразно разработать методические рекомендации органам исполнительной власти федерального, регионального уровней, а также органам муниципального управления по вопросам: организации конкурсов социальных проектов (с учетом компонента «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО»); организации общественно-политических форумов с привлечением СО ННКО; работы ресурсных центров поддержки СО ННКО; поддержки гражданских инициатив СО ННКО и идей общественных лидеров в формате предложений органам государственной власти и местного самоуправления; обеспечения участия представителей СО ННКО в деятельности общественно-консультативных организаций при органах государственной власти и местного самоуправления.

Рекомендуется выбрать именно формат методических рекомендаций по следующим соображениям.

Во-первых, методические рекомендации дополняют и разъясняют действующие нормативные и правовые акты в части определения основных терминов, указания процедур и их последовательности, установления предпочитаемых методов организации деятельности объекта.

Во-вторых, методические рекомендации подлежат обязательному пересмотру в случае изменения нормативно-правового акта, что обеспечивает их постоянную актуализацию в целях обеспечения в соответствии действующим нормативным правовым актам России.

В-третьих, методические рекомендации, в случае принятия соответствующего нормативного требования об их выполнении, становятся обязательными к соблюдению.

Таким образом, принятие методических рекомендаций по изложенным вопросам повысит управляемость процесса стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в общероссийском масштабе.

Основой для разработки методических рекомендаций органам исполнительной власти субъектов РФ и органам муниципального управления в части организации предоставления субсидий СО ННКО могут послужить проанализированные во второй главе работы информационные материалы органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне[455].

Однако, необходима определенная корректировка этого документа в следующих направлениях:

1. Установление единообразного определения основных терминов стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

А) определить дифференцированное содержание категорий «востребованность», «результативность», «эффективность», «устойчивость» в системе оценки проектов СО ННКО, представляемых на конкурсы субсидий и иные конкурсы господдержки.

Под востребованностью проекта СО ННКО следует понимать актуальность темы и мероприятий проекта, подтвержденную официальными статистическими данными за последние 3-5 лет до начала реализации проекта,

[455] Информационные материалы органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 03.12.2024 г.)

а также исследованиями потребности благополучателей в реализации данного проекта.

Результативность проекта СО ННКО нужно определять как степень соответствия достигнутых в результате реализации проекта количественных и качественных результатов заявленным в проекте целевым показателям.

Эффективность проекта СО ННКО необходимо понимать как соотношение количественных результатов проекта расходам на их достижение в стоимостном выражении.

Под устойчивостью проекта СО ННКО целесообразно понимать способность проекта сохранять и воспроизводить основные параметры, быть эффективным и результативным в условиях изменяющейся внешней среды (например, на иной территории, с учетом привлечения иных участников, динамики источников финансирования, изменения состава команды и волонтеров проекта).

Б) Помимо изложенных, целесообразно закрепить термин «экономичность» как способность команды проекта экономить ресурсы, получаемые за счет применения различных способов реализации проекта при заданных его параметрах.

Параметр оценки «экономичность» позволит оценить способность команды проекта генерировать и реализовывать альтернативы достижения ожидаемых результатов проекта; эти альтернативы могут быть сгенерированы уже после поддержки проекта грантодателем, например, в случае обнаружения ранее не учтенных рисков реализации проекта либо появления необходимости скорректировать отдельные мероприятия проекта. Внедрение параметра «экономичность» позволит определять относительную стоимость альтернативных способов достижения поставленных результатов.

Обеспечение работоспособности параметра «экономичность» в системе оценки проектов СО ННКО во многом зависит от возможности команды проекта оперативно переформатировать его мероприятия, направить

часть выделенных грантодателем средств на реализацию проекта с одной статьи расходов на другую, сэкономить за счет нахождения более дешевых ресурсов и т.д. Это, в свою очередь, должно предполагать возможность получения оперативного разрешения грантодателя переформатировать проект в случае обоснованной необходимости этой деятельности со стороны исполнителя.

В) Следует скорректировать изложенное в Информационных материалах понятие «оценка программ и проектов», подразумевая под ней «обоснованное суждение о достоинствах и недостатках проекта, в результате чего делается вывод о степени пригодности (полезности) этого проекта (либо его составляющих) для благополучателей»[456]. В этом ключе, содержащееся в настоящее время в Информационных материалах определение оценки как «систематического сбора информации о деятельности…» может быть использовано в методических рекомендациях как метод оценочной деятельности.

Г) Во избежание избыточной терминологии и дублирования основных понятий, в методических рекомендациях целесообразно взаимоупорядочить термины «внутренняя оценка», «внешняя оценка» и «самооценка» с категориями «контроль», «мониторинг» и «аудит».

Видами оценки по критерию «субъект – объект оценивания» целесообразно считать внешнюю, внутреннюю оценку и самооценку.

Субъектами внешней оценки являются все те, кто находится за пределами взаимоотношений грантодателя и грантополучателя: благополучатели проекта, целевые группы, внешние наблюдатели, эксперты. Внутренняя оценка осуществляется грантодателем и грантополучателем. Самооценка осуществляется только грантополучателем (командой проекта).

[456] Гимазова Ю.В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. №3 (12). - С. 26.

К числу основных инструментов оценки проектов и программ СО ННКО, значимых в целях методических рекомендаций по стимулированию гражданских инициатив СО ННКО, необходимо отнести: контроль, мониторинг, аудит, самообследование.

Для правильной трактовки и применения инструментов оценки программ и проектов целесообразно исходить из общепринятой в теории организации и управления концепции взаимосвязи мониторинга и контроля, а также концепции жизненного цикла проекта.

Под контролем логично понимать наблюдение грантодателя за процессом реализацией проектов и программ их исполнителями, с возможностью корректировки действий грантополучателя, а также параметров проекта или программы. Мониторинг, аудит и самообследование целесообразно считать инструментами оценки, специфичными по критериям субъекта, объекта, предмета и методов оценки, а также целей оценивания.

Аудит нужно трактовать в методических рекомендациях в узком значении, как независимую проверку и оценку финансовой отчётности грантополучателя сторонними специалистами (например, аудиторскими фирмами или инспекторами государственных / муниципальных контрольно-ревизионных органов) на заключительной стадии жизненного цикла проекта. Аудит может дополнять итоговый контроль грантодателя.

Мониторинг проекта или программы СО ННКО должен быть признан инструментом внешней по отношению к грантополучателю оценки проекта, проводиться на стадии середины жизненного цикла проекта.

Самообследование является инструментом текущей и итоговой оценки грантополучателем своего проекта или программы.

Д) Необходимо пересмотреть предлагаемое разработчиками Информационных материалов суждение о том, что «мониторинг… представляет собой форму внутреннего контроля исполнения хода программ и проектов».

Мониторинг может быть не только внутренним (как элемент промежуточного самоконтроля), но и внешним по отношению к субъекту контроля. Учитывая, что для обеспечения объективности оценки проектов СО ННКО – победителей конкурсов часто привлекают внешних по отношению к субъекту контроля экспертов, в методических рекомендациях целесообразно определить мониторинг программ и проектов СО ННКО как «вид внутреннего и внешнего текущего контроля за исполнением программ и проектов СО ННКО, в когда субъект мониторинга сопоставляет текущую информацию о ходе реализации программы или проекта с запланированными в программе или проекте целевыми индикаторами».

Учитывая изложенное, целесообразно предложить определение мониторинга как «вида текущего контроля за ходом реализации программы или проекта, состоящего в сопоставлении субъектом мониторинга установленных показателей с фактически достигаемыми результатами программы или проекта».

Необходимо реализовать заявленные в Информационных материалах рекомендации увязывать показатели, используемые в процессе оценки программ и проектов СО ННКО, с государственными документами стратегического развития, национальными проектами и целевыми программами, для возможности оценки вклада организаций третьего сектора в решение актуальных задач развития России.

Для обеспечения надлежащего качества оценки достигнутых СО ННКО социальных эффектов при реализации проектов и программ следует предусмотреть в методических рекомендациях необходимость проводить независимую внешнюю оценку за счет расходов из бюджета грантодателя в объеме от двух до пяти процентов от стоимости проекта. Эту оценку должны осуществлять независимые эксперты, имеющие релевантный опыт оценивания. Результаты внешней независимой оценки не должны служить основанием для изъятия средств у грантоаполучателя, либо сокращения

объема бюджетного финансирования поддержки инициатив третьего сектора в регионе.

Необходимо предусмотреть в методических рекомендациях по тематике оценки проведение регулярных образовательных программ с привлечением представителей государственного, некоммерческого сектора, экспертного сообщества, включая анализ как «лучших», так и «неудачных» практик в данной сфере, а также популяризировать проблематику оценки программ и проектов СО ННКО.

3.3. Методика диагностики ценностей конструктивной гражданской деятельности среди сотрудников социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций и волонтеров

Сегодня все больше представителей российского некоммерческого сектора определяют свою деятельность как «вид социального предпринимательства». Это не может не отразиться на мотивах их деятельности. Необходимость приоритетного решения задач совершенствования технологий оказания услуг, развития навыков грантрайтинга способна отодвинуть на второй план потребность реализации миссии СО ННКО как социально-политического института (подразумевая под политикой «искусство жить вместе»).

Вместе с тем, в условиях возрастания необходимости обеспечения политической безопасности нашего государства, качество реализации СО ННКО функции политического института во многом будет зависеть от того, насколько ценностные ориентиры его представителей и добровольцев будут соответствовать традиционным ценностям российской государственности, определенным в Указе Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Запрос на определение и артикуляцию ценностных ориентиров весьма актуален для российского сектора СО ННКО. Применительно к периоду начала – середины 2010-х гг. исследователи отмечали противоречивость характера гражданской активности россиян и их объединений, считая это следствием антинонимичной, «расколотой» политической культуры, с конфликтующими ценностями, целями, установками [457] . Социально-политическая активность российской общественности характеризовалась как

[457] Pevnaya M.V. Social Participation as a Theoretical Concept and Social Phenomenon. Changing Societies & Personalities, 2024. 8(1). URL: https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.260 (дата обращения: 05.10.2024 г.)

«парадоксальная», представляющая собой «активность без идеала или инструментальный активизм, направленный на достижение непосредственных целей»[458]. Отмечалось, что, с одной стороны, «точечный» характер деятельности граждан и СО ННКО часто порождает инициативы «одного требования», не ориентированные на получение долгосрочного значимого результата; с другой стороны, СО ННКО, сосредоточенные на решении постоянно актуальных проблем социальных групп, «бьются за себя и свои интересы в одиночку», не создавая горизонтальных ассоциативных сообществ [459] . Выявлялась также проблема формирования набора деструктивных практик в сегменте СО ННКО[460].

Учитывая долгосрочный характер динамики социально-политических процессов, связанных с развитием властно-общественного взаимодействия, логично предположить, что выявленная в 2010-х гг. проблема неосознанности смысла, культурно-ценностного содержания гражданской активности при несомненной предрасположенности россиян и их объединений к социально-политической деятельности не вполне преодолена и сегодня.

Изложенные и раскрытые в упомянутом выше Указе Президента РФ ценности российской государственности устойчиво воспроизводятся в национальной истории, политической культуре, системе властно-общественного взаимодействия, и потому должны стать критическим ресурсом конструктивизации гражданских инициатив СО ННКО, приобретя, таким образом, публичный, разделяемый всеми представителями гражданского общества характер.

Современная наука располагает солидным инструментарием диагностики ценностей [461] . Однако, вопрос выбора методов диагностики

[458] Стрaдзе А.Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе. Гуманитарий Юга России. 2013. №1. - С. 47.
[459] Федотова В.А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. №47 (1). - С. 142.
[460]См.: Стрaдзе А.Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе. Гуманитарий Юга России. 2013. №1. - С. 44-56.
[461] See: Piatak J., Jensen C. Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting

является дискуссионным. Несмотря на убеждение некоторых исследователей в том, что идентификация и измерение коллективных ценностей в корпорации невозможна в принципе[462], попытки выявить ценностные установки отдельной организации (либо организаций, имеющих схожие характеристики) часто предпринимаются в профильных эмпирических исследованиях. К количественному инструментарию выявления ценностей относятся: структурный контент-анализ, закрытые интервью с последующей количественной их обработкой (чаще всего, при помощи шкалирования). Не менее востребованы качественные методы диагностики корпоративных ценностей: написание эссе типа «автобиография будущего», в котором испытуемые самостоятельно формулируют «свой» список организационных заповедей; качественный контент-анализ большого массива текстов испытуемых (деловой переписки, интервью, выступлений, авторских работ, высказываний и публикаций в средствах массовой информации и Интернете и т.д.) Основанные на комбинированном использовании количественных и качественных методов авторские инструменты диагностики ценностей, как правило, являются «интеллектуальной собственностью» и реализуются в ходе тренингов с применением рефлексии, создания желаемого образа, проведением серии совместных деловых игр, направленных на снижение конфликтогенности, распределение ролей и определения места лидера группы. Все эти социально-психологические методики имеют цель «подтянуть» менталитет участников к единым желаемым ценностям, подчинить особенное общему, а не наоборот. Таким образом, первоочередная задача управления по ценностям – мотивировать каждого добровольно и последовательно придерживаться общих ценностей для данной социальной группы.

from Simple to Complex Human Services. Public Administration Review. 2024. № 84(5). Pp. 948–965.

[462] See: Meynhardt, T. Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not. Administration & Society. 2021. № 53 (10). Pp. 1631-1642.

Дискуссионным аспектом диагностики ценностей является также вопрос их соответствия определенному типу культуры.

Применительно к корпорациям и организациям государственного сектора экономики используется ряд методик диагностики общих ценностей, апробированных в конце XX – начале XXI века[463]. Авторы этих методик допускают, что определенному типу корпоративной культуры соответствует определенный набор ценностей [464] . Респондентам предлагается сформированный случайным образом перечень установок, присущих различным типам организационных культур. Испытуемые должны выбрать те ценности, которые, по их мнению, в наибольшей степени присущи их корпорации, а также перечень «желаемых» корпоративных ценностей. В результате формируется список ценностных предпочтений сотрудников. На этом основании делается вывод о принадлежности организации к определенному типу культуры, о наличии и степени ценностного конфликта между организацией и ее работниками.

Культурологический подход широко применяется при диагностике ценностных установок представителей различных групп стран, культур, цивилизаций[465]. Так, культурно-ценностный подход был использован при обосновании взаимосвязи социально-политических ценностей и демократизации в начале 2000-х гг. Р. Инглхартом и У. Бэйкером, которые анализировали данные об экономическом и политическом развитии 65 стран мира[466].

Наиболее известна методика диагностики ценностей Ш. Шварца, в рамках которой ценностями являются «желаемые, выходящие за рамки

[463] Bozeman B., Sarewitz D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. Minerva. 2011. № 49. Pp. 1 - 23. URL: https://doi.org/10.1007/s11024-011-9161-7 (дата обращения: 15.10.2024 г.)
[464] See: Yazici A.M., Öztirak M. The Mediator Role of the Organizational Culture in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation. Organizacija. 2023. №56 (3). Pp. - 247-264.
[465] See: Lönnqvist Ja. E., Ilmarinen V. Basic Personal Values and Vote Choice in 20 European Countries. European Journal of Personality. 2024. Vol. 0(0). Pp.1–16.
[466] See: Baker W., Inglehart R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. American Sociological Review. 2020. Vol. 65 (1). Pp. 19 – 51.

конкретных ситуаций цели, которые отличаются друг от друга с точки зрения значимости и являются определяющими принципами в жизни человека»[467]. Эта методика с 2001 г. составляет основу многолетнего сравнительного сопоставления установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы[468]. С 2006 г. данный проект реализуется и в России лабораторией сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ[469]. Помимо этого, отечественными учеными культурно-ценностный подход диагностики ценностей россиян на основе методики Ш. Шварца применяется в социально-групповом, либо региональном аспектах[470].

Так, В. Магун и М. Руднев приходят к выводу о ментальной близости современных россиян с жителями постсоциалистических европейских стран: идеи сильного государства (консерватизм, осторожность, приверженность авторитету, подчинение) превалируют над идеалами свободы и демократии (открытость изменениям, смелость, инициативность, готовность к переменам). Вместе с тем, с 2006 по 2016 гг. отмечена тенденция в сторону роста приспособляемости, адаптируемости россиян к изменениям в сочетании с усилением индивидуалистических ценностей (забота о себе, своей семье). Таким образом, ориентация современного россиянина на ценности «умеренно-консервативного эгоиста» несколько расходится с текущим запросом государства на преобладание альтруистических ценностей над индивидуалистическими[471].

Результаты исследования ценностей представителей отдельных социальных групп или регионов России в целом коррелируют с выводами вышеприведенного исследования. Однако, опрос сотрудников СО ННКО по

[467] See: Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65.
[468] Сайт Европейских социальных исследований. URL: http://www.ess-ru.ru/ (дата обращения: 11.11.2024 г.)
[469] Лаборатория сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/org/hse/expert/massconsc/ess (дата обращения: 11.11.2024 г.)
[470] См.: Борисова Н.В., Воронова К.А. Ценностные ориентации граждан современной России в контексте проблемы качества политических институтов демократии (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 4. - С. 110 – 126.
[471] Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. - С.56.

методике Ш. Шварца поможет выявить некоторые «особенные» качества их социально-политического менталитета, обусловленные спецификой работы в секторе (низкий по сравнению с другими отраслями экономики уровень заработной платы, активная жизненная позиция, высокий уровень социальной активности и т.д.)

Автором данной работы с 01.09.2024г. по 01.10.2024 г. было проведено панельное Интернет-анкетирование 500 сотрудников СО ННКО / волонтеров, а также граждан РФ, участвовавших в секторе СО ННКО на условиях штатной работы, совместительства либо почасовой оплаты труда из 10 субъектов Российской Федерации. Из числа опрошенных:127 человек с17 до 21 года; 123 человека – с 22 до 35 лет; 122 человека – с 36 до 59 лет; 128 человек – старше 60 лет.

Анкетный опрос был дополнен методом фокус-группы, чтобы повысить валидность исследования в аспектах: уточнения политических ценностей респондентов, специфики восприятия ими умеренно-консервативных ценностей российской государственности, отношения к проводимой современной российской властью политикой укрепления этих ценностей.

В проведенном автором исследовании 15.10.2024 г. методом фокус-группы на тему «Развитие социально-политического конструктивного потенциала общественности в современной России: взгляд СО ННКО» участвовало 10 респондентов, которым предлагалось ответить на тематические вопросы, а затем внести свой вклад в дискуссию, посвященную проблеме конструктивизации социально-политических инициатив СО ННКО в нашей стране.

Следуя методике Ш. Шварца, для каждой группы испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов был подсчитан средний балл для каждого из 10 типов ценностей. Результаты представлены в таблицах 4 и 5. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых.

Таблица 4

Ценностные ориентиры опрошенных представителей СО ННКО России[472]

Типы ценностей	**Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных**				
	17 – 21 год	**22 – 35 лет**	**36 – 59 лет**	**60 лет и старше**	**По всей выборке в целом**
Власть	3,22	3,99	4,2	3,5	3,73
Достижение	4,76	4,76	5,04	4,48	4,76
Самостоятельность	3,99	6,02	4,69	3,78	4,62
Гедонизм	3,99	4,32	3,43	3,64	3,85
Стимуляция	5,32	4,34	4,06	3,64	4,34
Универсализм	5,74	6,23	4,76	4,13	5,22
Доброта	5,81	3,83	5,39	4,2	4,81
Безопасность	3,6	6,02	5,81	5,81	5,31
Традиция	3,39	3,01	3,13	3,28	3,2
Конформность	3,5	3,27	3,32	3,29	3,45

Таблица 5

Ценностные мотивы в поведении опрошенных представителей СО ННКО России[473]

Типы ценностей	**Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных**				
	17 – 21 год	**22 – 35 лет**	**36 – 59 лет**	**60 лет и старше**	**По всей выборке в целом**
Власть	1	0	3	-1	0,75
Достижение	2	3	2	1	5,75
Самостоятельность	2	4	2	-1	1,75
Гедонизм	2	2	2	2	2
Стимуляция	3	2	2	1	2
Универсализм	2	4	3	2	2,75
Доброта	3	2	3	1	2,25
Безопасность	2	2	2	3	2,25
Традиция	0	-1	1	0	0
Конформность	1	-1	2	2	1,5

Как можно увидеть из данных таблицы 1, ценностные приоритеты в сознании сотрудников СО ННКО и волонтеров существенно разнятся в

[472] Составлено автором
[473] Составлено автором

зависимости от их возраста. Для молодых представителей СО ННКО (до 21 года) приоритетными являются ценности: «достижение», «стимуляция», «универсализм», «доброта». Это характеризует представителей СО ННКО младшей возрастной группы как добрых, заботящихся об окружающих людях и окружающей среде, любознательных и впечатлительных людей с высокой эмпатией. Самые молодые представители СО ННКО –сектора стремятся к достижению успеха и признанию общественностью, остро реагируют на общественное мнение, достаточно послушны, вежливы, уважительны по отношению к старшим, самодисциплинированы (о чем свидетельствует высокое значение ценности «конформность» у опрошенных). В то же время, молодежи третьего сектора не свойственны желание доминировать над остальными и быть самостоятельными, не слишком важны традиционные устои и нормы. Перечисленные ценности достаточно четко выражены в поведении представителей СО ННКО до 21 года (см. таблицу 4).

Представители СО ННКО в возрасте 22 – 35 лет, как и их более младшие коллеги, стремятся достичь успеха и уважения со стороны окружающих, эмоциональны и сопричастны. Для них безусловную ценность имеет защита интересов и улучшение положения отдельных членов общества (исходя из специфики работы в СО ННКО, речь идет об улучшении уровня и качества жизни целевых социальных групп). Данную ценность сотрудники СО ННКО 22 – 34 лет последовательно реализуют в своем поведении (см. табл. 5). Вместе с тем, в отличие от более молодых коллег, представители сектора СО ННКО 22 – 34 лет более самостоятельны и не желают зависеть от общественных стереотипов, правил и норм, хотя далеко не всегда следуют этой установке в своем поведении (см. табл. 4, 5). Уважение к традициям у опрошенных данной возрастной группы заняло последнюю позицию в рейтинге ценностей. Отличительными ценностными приоритетами опрошенных представителей СО ННКО 22 – 34 лет является стремление к безопасности (общественной и личной) и довольно сильное желание получать от жизни удовольствие

(гедонизм). Обе эти ценности достаточно последовательно проявляются на уровне поведенческих установок.

Для сотрудников и волонтеров СО ННКО в возрасте 36 – 59 лет многие ценностные ориентиры из опросника Ш. Шварца оказались значимыми. Однако, сочетание в качестве приоритетов ценностей достижения, доброты и безопасности (см. табл. 4) позволяет охарактеризовать представителей этой возрастной группы как уверенных в своих силах личностей умеренно консервативного толка. Как и представители более младших возрастных групп – сотрудников СО ННКО, эти люди глубоко сочувствуют другим, проявляют доброту, ответственность за состояние окружающей их среды. Самую высокую оценку из всех возрастных групп опрошенных получили у 36 – 59-летних представителей СО ННКО ценности «власть» и «достижение», что позволяет судить о сотрудниках этого возраста как об амбициозных, целеустремленных личностях, которые не только желают сохранить свой социальный статус, но и готовы постоянно совершенствовать себя и окружающий мир.

Опрос представителей третьего сектора в возрасте 60 лет и старше показал, что их основными ценностными приоритетами являются: достижение, универсализм, доброта и безопасность (табл. 5). Стремление к безопасности при этом явно выражается в поведенческой ориентации (см. табл. 5). Это позволяет охарактеризовать опрошенных представителей старшей возрастной группы третьего сектора как целеустремленных, уравновешенных, ориентированных на стабильное развитие государства и общество людей, обладающих высокой эмпатией. В отличие от более молодых представителей третьего сектора, они не питают выраженных лидерских амбиций.

Усредненный ценностный профиль представителей российских СО ННКО можно увидеть, анализируя данные столбца №6 табл. 4.

Доминирование ценностей достижения, самостоятельности, универсализма и доброты характеризуют опрошенных как социально активных, отзывчивых, альтруистичных, ориентированных на целедостижение людей.

В то же время, сочетание низких показателей по ценностям конформности и безопасности с низкой оценкой степени значимости ценности «традиции» может свидетельствовать о неуверенности опрошенных представителей третьего сектора в завтрашнем дне.

Для сопоставления ценностного профиля представителей СО ННКО с гражданами России, не участвующими в деятельности третьего сектора, в рамках данного исследования путем Интернет-анкетирования было опрошено 500 россиян, не имевших опыта работы в СО ННКО и не участвовавших в волонтерской деятельности, в том числе: 126 человек с17 до 21 года; 124 человека – с 22 до 35 лет; 127 человек – с 36 до 59 лет; 123 человека – старше 60 лет.

Для каждой группы испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов был подсчитан средний балл по каждой из 10 типов ценностей. Результаты представлены в таблицах 6 и 7. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых.

Таблица 6

Ценностные ориентиры опрошенных российских граждан, не являющихся представителями СО ННКО[474]

Типы ценностей	**Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных**				
	17 – 21 год	**22 – 35 лет**	**36 – 59 лет**	**60 лет и старше**	**По всей выборке в целом**
Власть	2,45	3,92	5,74	3,31	3,86
Достижение	3,26	3,6	3,21	3,21	3,32
Самостоятельность	3,21	4,01	5,6	3,32	4,04

[474] Составлено автором

Гедонизм	5,99	4,92	4,69	3,91	4,88
Стимуляция	4,69	4,59	4,06	3,27	4,18
Универсализм	3,23	3,02	2,06	2,41	2,68
Доброта	4,67	3,95	3,57	4,27	4,12
Безопасность	2,9	3,1	3,39	3,96	3,34
Традиция	2,39	2,92	3,47	4,01	3,2
Конформность	3,69	3,27	3,36	3,22	3,39

Таблица 7

Ценностные мотивы в поведении опрошенных российских граждан, не являющихся представителями СО ННКО[475]

Типы ценностей	**Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных**				
	17 – 21 год	**22 – 35 лет**	**36 – 59 лет**	**60 лет и старше**	**По всей выборке в целом**
Власть	0	3	2	0	1,25
Достижение	2	2	1	1	1,5
Самостоятельность	1	3	2	0	1,5
Гедонизм	4	4	3	2	3,25
Стимуляция	3	3	3	2	2,75
Универсализм	2	2	3	1	2
Доброта	3	2	2	2	2,25
Безопасность	2	3	3	3	2,75
Традиция	0	0	2	2	1
Конформность	3	0	1	2	1,5

Из данных таблиц 6 и 7 можно заключить, что возраст играет существенную роль в дифференциации ценностей россиян, так же, как и представителей СО ННКО.

Российская молодежь в возрасте до 21 года ориентирована в своем сознании и поведении на ценности гедонизма, доброты, стимуляции, что позволяет охарактеризовать их как достаточно амбициозных индивидуалистов, в то же время, с большой долей эмпатии относящихся к окружающему миру. Высокие рейтинговые показатели по ценностным ориентациям «стимуляция» и «комформность» позволяют сделать вывод о некоторой социальной пассивности на уровне сознания у опрошенной российской молодежи.

[475] Составлено автором

Молодежь старшей возрастной группы (22 – 35 лет) в большей степени нацелена на достижение и завоевание уважения окружающих, повышение своего социального статуса (об этом свидетельствуют достаточно высокие показатели по критериям «достижение», «самостоятельность»). Безусловную ценность для них имеет получение удовольствия от жизни, а также стремление получать новые, свежие впечатления, приобретать новый жизненный опыт (за эти аспекты ценностного профиля отвечают ценности «гедонизм», «стимуляция»). Соотношение результатов опроса по ценностям «комформность», «безопасность» и «традиция» дают основание охарактеризовать российскую молодежь старшего возраста как людей, не слишком рассчитывающих на государство в аспекте обеспечения безопасности и не ставящих традиции, обычаи на первый план. В то же время, соотношение оценок по критериям «доброта» и «универсализм» среди россиян 22 – 35 лет позволяет сделать вывод о доминировании мотивов заботы о ближних (родственниках, друзьях) над мотивами заботы о дальних (незнакомых) представителях общества.

У опрошенных россиян среднего возраста (36 – 59 лет) наиболее выражены ценности индивидуализма («власть», «самостоятельность», «гедонизм», «стимуляция»). Это доброжелательные люди, ориентированные на обеспечение безопасности для своих ближних и прислушивающиеся к мнению окружающих.

Наиболее значимыми ценностями для старшего поколения опрошенных россиян стали «гедонизм», «традиция», «безопасность» и «доброта». Это позволяет отнести их к смешанному ценностному типу людей, для которых характерен баланс между активным и пассивным индивидуализмом, а также довольно высокий уровень ожиданий от государства в аспектах обеспечения безопасности, сохранения социальной стабильности. Вместе с тем, в поведенческих мотивах ценности традиций и конформности не явились приоритетными, что может свидетельствовать о

том, что эти ценности воспроизводятся, в первую очередь, на уровне сознания, но не поведения россиян.

Усредненный профиль ценностей представителя современного российского общества можно составить по результатам анализа средней арифметической (см. столбцы №6 табл. 6 и 7).

Полученные результаты в целом совпадают с выводами, сделанными В.С. Магуном в результате изучения ценностей россиян в динамике с 2006 по 2021 гг.[476] По состоянию на 2021 г. исследователь отмечает высокую значимость у россиян ценностей активного индивидуализма (риска-новизны, гедонизма и самостоятельности) и ценности благожелательности (заботы о близких) одновременно с низкой значимостью ценности универсализма, маркирующей важность заботы о дальних (незнакомых) людях. Замеченная В. Магуном тенденция снижения значимости ценностей безопасности и конформности также подтверждается результатами настоящего исследования. Присутствуя в сознании россиян, эти ценности в гораздо меньшей степени мотивируют их поведение.

На рисунке 6 приводятся результаты сопоставления усредненного ценностного профиля представителей СО ННКО и россиян, не задействованных в третьем секторе.

[476] Магун, В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы. Социологические исследования. 2023. № 12. С.44-58.

Рисунок 6. Сопоставление ценностей представителей СО ННКО и россиян, не задействованных в третьем секторе (на основе опроса по методике ценностей Ш. Шварца)[477]

Сравнивая ценностные «портреты» опрошенных представителей обеих групп по методике ценностной системы Ш. Шварца (круг ценностных типов Ш. Шварца), можно отметить следующее.

И рядовым гражданам, и представителям СО ННКО практически в одинаковой мере свойственны ценности открытости изменениям (самостоятельность и стимуляция).

Вместе с тем, представители третьего сектора, в отличие от обычных граждан, более альтруистичны, настроены заботиться и поддерживать не только близких, но и не знакомых им лично людей из определенных социальных групп (об этом свидетельствуют более высокие значения для сотрудников СО ННКО ценностей универсализма и доброты и существенно заниженная ценность гедонизма).Впрочем, данное отличие объяснимо,

[477] Составлено автором

поскольку высокий уровень сопричастности, сопереживания является ключевым мотиватором деятельности социально активных представителей СО ННКО.

Повышенный в сравнении с обычными гражданами интерес к ценностям безопасности со стороны сотрудников СО ННКО может объясняться следующим обстоятельством. Большинство работников и волонтеров третьего сектора сегодня проявляют инициативы в поддержку специальной военной операции на территории Украины. Работая с пострадавшими людьми или содействуя сбору гуманитарной помощи, сотрудники СО ННКО непосредственно наблюдают социальными группами, вовлеченными в конфликт. Этим объясняется повышение ценности общественной и государственной безопасности в их глазах.

Практически полное совпадение ценностного профиля сотрудников СО ННКО с обычными россиянами по критериям «традиция» и «комформность» может быть объяснено следующими факторами.

Первый фактор является общим для представителей СО ННКО-сектора и рядовых граждан и состоит в недостаточной эффективности проводимой в России с 2014 г. политики неоконсервативного поворота, которая предполагает активное внедрение идеала «государственного человека»[478]. По результатам исследований, на начало 2020-х гг. «более сильными оказались социальные, культурные и экономические влияния, действовавшие в противоположном направлении и заданные демократическими и рыночными преобразованиями конца 1980-х – начала 1990-х гг. и обеспечившие движение ценностей россиян в сторону роста личной активности (риска-новизны и гедонизма) и снижения ценностей безопасности и конформности, выражающих зависимость от внешней защиты и регуляции»[479].

[478] Григорьева Н.С., Малинова О.Ю., Мельвиль А.Ю. и др. Государственная состоятельность и траектории режимных трансформаций. Государственная политика и управление. Аспект-Пресс, 2018. – С. 129.
[479] Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. - С.55.

Второй фактор специфичен для российского третьего сектора, поскольку заключается в изменении приоритетов государственной политики в сфере поддержки и развития ННКО. Завершение с 2016 года финансирования федеральной целевой программы поддержки третьего сектора, ориентация государства на приоритетную поддержку ННКО-поставщиков социальных услуг, «издержки» политики ФПГ в вопросах организации конкурсов социальных проектов, кризис мер поддержки социально ориентированных СО ННКО во время пандемии, а также возросшая дискреция власти при толковании сущности и характера «политического» влияния в деятельности СО ННКО – все это означало для большинства СО ННКО снижение вероятности получения реальной господдержки, сокращение возможностей взаимодействия с государством по поводу инициирования социально-политических инициатив, ориентацию на технологизацию подготовки проектных заявок. Это, в свою очередь, не могло не способствовать смещению ценностных ориентаций представителей СО ННКО в сторону рационального индивидуализма.

Для более глубинного исследования специфики ценностных ориентиров сотрудников негосударственного некоммерческого сектора и их мотивации сотрудничать с властью в вопросах инициирования и реализации проектных гражданских инициатив, в октябре 2024 г. в формате фокус-группы было проведено исследование 12 сотрудников и волонтеров СО ННКО. Среди опрошенных: по три представителя из четырех возрастных групп: от 17 до 21 года, от 22 до 34 лет, от 35 до 59 лет, от 60 лет и старше.

Размышляя о сущности конструктивной гражданской инициативы, большинство из них выделило в качестве ее признаков: взаимодействие с органами публичной власти и управления (12 человек); соответствие инициативы основам конституционного строя (10 человек); не запрещенные законом формы и технологии (10 человек). Соответствие ценностям национальной государственности в качестве значимого признака

конструктивной гражданской инициативы отметили все опрошенные, а непротиворечивость этическим нормам – 11 из 12 респондентов. Вместе с тем, представители СО ННКО в возрасте от 17 до 34 лет просили уточнить, в чем именно состоит специфика ценностей национальной российской государственности, поскольку, с одной стороны, либерально-политические ценности все еще популярны, а с другой – ценности патриотизма, заботы о ближнем, социальной справедливости характерны как для России, так и для других государств.

Цитата: «В старших классах, на уроках обществознания, нас учили, что права и свободы человека должны быть превыше интересов государства. Вместе с тем, сегодня мы наблюдаем, как либерализм терпит фиаско в государственно-политической практике. ...Индивидуализм по-прежнему транслируется сегодня с телеэкранов как основной принцип жизнедеятельности «успешных» людей, которые достигли всего сами и никому ничем не обязаны… Социальная справедливость есть и в числе либеральных, и в числе консервативных ценностей, а патриотизм – это универсальный для всех людей, любящих свою Родину, принцип».

Все опрошенные признали, что СО ННКО косвенно влияют на политическую сферу. В качестве основных направлений такого воздействия все респонденты отметили взаимодействие с государственными и / или муниципальными органами и структурами по конкретным вопросам деятельности СО ННКО. Пятеро участников дискуссии отметили, что лидеры и сотрудники СО ННКО не могут не влиять на общественное мнение, поскольку они вовлекают в свои проекты волонтеров, разъясняют людям те или иные вопросы, касающиеся реализации государственной политики в определенной сфере, тем самым повышая гражданскую компетентность обывателей. Двое сотрудников третьего сектора средней возрастной группы отметили, что в своей деятельности им приходилось выступать в защиту права обратившихся к ним людей на экологически чистую окружающую среду.

Один молодой человек – студент юридического вуза – рассказал о своем опыте работы в общественной приемной в рамках СО ННКО по вопросам оказания юридической помощи гражданам до решения дела по существу вопроса.

Цитата: «Вовлекая людей в свою деятельность, встречаясь с ними, мы меняем их мировоззрение. Они становятся более совестливыми, добрыми, чаще и глубже интересуются тем, как устроено государство, какие есть возможности для взаимодействия с ним… Есть бизнесмены, которые помогают нам реализовывать наши проекты, жертвуют средства, и мы видим, как они «раскрываются», превращаются в активных, болеющих за свою страну (а не только за свой бизнес) граждан… Мы меняем даже менталитет чиновников в лучшую сторону – они становятся более открытыми, восприимчивыми к проблемам обычных людей, более креативными в решении конкретных задач».

На вопрос о необходимости государству помогать СО ННКО реализовывать конструктивные гражданские инициативы все респонденты ответили утвердительно.

Среди инициатив, которые приходилось реализовывать опрошенным, были названы проекты о зоозащите, сборе средств для помощи пострадавшим в зоне СВО, организации общественных юридических приемных, оказания психологической помощи отдельным категориям граждан.

Отвечая на вопрос о том, помогало ли в реализации этих проектов государство, 10 из 12 респондентов отметили наличие некоторого противоречия между декларируемыми возможностями и реальной помощью в плане поддержки властью инициатив СО ННКО. При этом, как отметили 9 участников дискуссии, попадание в реестр социально ориентированных вовсе не гарантирует для СО ННКО приоритетной государственной поддержки. В качестве причин респондентами были названы: отсутствие надлежащих средств в областном и местном бюджетах (2 респондента), недостаточную прозрачность проведения конкурсов на получение субсидий (5 опрошенных),

обилие документации, которую нужно собирать для обоснования необходимости поддержки инициативы (4 опрошенных); снижение вероятности выиграть конкурс проектов, тем более для тех организаций, которые уже выигрывали грант несколькими годами ранее (11 опрошенных).

Цитата 1: «Сейчас очень мало кто работает на постоянной профессиональной основе в СО ННКО. Даже если организация выигрывает грант, практически все его средства распределяются на расходы на мероприятия, либо почасовую оплату».

Цитата 2: «Если рядовой СО ННКО посчастливилось выиграть конкурс проектов, то получить поддержку того же грантодателя в лице государства в ближайшие несколько лет маловероятно».

Обсуждая вопрос востребованности для современного российского общества Указа Президента России от 9 ноября 2022 года №809, все представители СО ННКО высказались в пользу данного акта в качестве основы для разработки государственных мер по укреплению духовно-нравственных ценностей россиян. Вместе с тем, участники дискуссии подняли вопрос о необходимости единообразной интерпретации применительно к российской государственности ряда перечисленных в указе ценностей, таких как: права и свободы человека, справедливость. Они указали на необходимость организации широкой разъяснительной, просветительской работы по интерпретации этих ценностей для россиян, с учетом контекста общественно-исторической эволюции отечественной государственности.

Цитата: «Социальная справедливость как ценность есть в любой культуре и в любом обществе. Но, например, в странах Запада она понимается иначе. Справедливо, если ты достиг всего сам и поэтому можешь не делиться достигнутым ни с кем. В нашем же обществе эта ценность всегда имела несколько иной смысл: справедливо, если ты поделился с ближним. То же самое можно сказать и о милосердии и гуманизме: у нас эти ценности «от сердца», а на Западе – «от ума».

Таким образом, все опрошенные согласились с тем, что у людей нет единого понимания, восприятия перечисленных в указе №809 ценностей. В качестве причин этого были обозначены: недостаточность знаний о роли этих ценностей в истории российской государственности, недостаточная эффективность действующих каналов приобщения граждан к политике (указали 12 респондентов); апатия, нежелание быть активным гражданином (8 респондентов); отсутствие уверенности в завтрашнем дне, возросший страх людей в результате усиления политических угроз (6 респондентов).

Президентский указ №809 представляется участникам фокус-группы значимым для российских СО ННКО, а также волонтеров. Представитель старшего поколения отметил, что обозначенные в указе ценности должны заполнить то профессионально-ценностное пространство, угроза опустошения которого возникла у сотрудников третьего сектора в связи с их исключением из политической сферы и ориентацией государства на первичность поддержки НКО-поставщиков социальных услуг.

Данное высказывание было поддержано всеми участниками дискуссии. Они указали, что сегодня государство фактически не рассматривает СО ННКО как политические институты гражданского общества, несмотря на то, что его развитие законодательно и концептуально определено в качестве одного из направлений поддержки деятельности третьего сектора. Такая ситуация делает СО ННКО разновидностью социального бизнеса, что, в свою очередь, влечет угрозу утраты третьим сектором политической этики, дезориентирует его представителей в пространстве политических ценностей. По мнению участников дискуссии – представителей СО ННКО среднего поколения, особенно подвержена ценностной дезориентации вкупе с деятельностной технологизацией молодежь, вовлекаемая в проекты третьего сектора.

Цитата 1: «Мы видим, что для власти мы – вид социальных предпринимателей. Все более популярен термин «социальная эффективность». Проектирование предполагает необходимость участия,

прежде всего, искусного грантрайтера и профессионального бухгалтера СО ННКО. Все более технологичным становится процесс составления проектной заявки. Написание хорошей, красивой и логичной с точки зрения формата и лингвистических конструкций заявки в первую очередь увеличивает шансы на ее поддержку. Мы вынуждены технологизироваться. Особенно это захватывает молодежь».

Цитата 2: «Иногда я не вижу глубокого смысла в многочисленных общественных акциях, к которым привлекаюсь, и даже сами организаторы этих акций иногда не могут четко объяснить их смысл».

На вопрос о том, как представители власти относятся к попыткам СО ННКО взаимодействовать с ними в политической сфере, все участники фокус-группы дали отрицательный ответ. В качестве основной причины они указали боязнь представителей власти нарушить принцип лояльности посредством вовлечения СО ННКО в «локальную политику».

Цитата: «Когда мы собираем деньги на благотворительность, поддерживаем людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, помогаем бездомным животным – мы занимаемся «своим делом». Но если мы обращаемся к власти, например, с намерением участвовать в публичных слушаниях по оценке проекта муниципального бюджета либо указываем на недостатки ее работы, нам отвечают: «Политика – это не ваше дело».

Вместе с тем, и сами представители третьего сектора очень боятся попасть сегодня в перечень иностранных агентов. Признавая важность обеспечения политической безопасности в современной России, участники дискуссии отметили, что иногда под угрозу оказаться в списках иноагентов попадают и добросовестные организации. Вот почему сегодня сотрудники СО ННКО стараются исключить из своей деятельности и проектных инициатив все то, что могло бы каким –то образом быть истолковано как политическая деятельность.

Цитата: «Мы проводим среди своих сотрудников профилактические беседы, отслеживаем их социальную активность, потому что любое их высказывание, пост, комментарий или даже реакция в социальных сетях могут быть истолкованы как политическая деятельность. По сути, сегодня любое критическое или протестное мнение может быть расценено как политическое влияние и может повлечь соответствующие санкции».

По мнению участников дискуссии, существенно повысить эффективность политики борьбы с иностранными агентами в России помогли бы мероприятия профилактического характера, такие как: масштабная информационно-разъяснительная работа для представителей третьего сектора относительно содержания традиционных российских ценностей, обозначенных в указе №809. Помимо этого, нужно усовершенствовать в действующем российском законодательстве механизм реабилитации СО ННКО, попавших в перечень иноагентов, а также расширить досудебную практику решения вопроса о признании СО ННКО иностранными агентами. Разумеется, все это должно быть реализовано на фоне усиления мер профилактики в обществе терроризма, экстремизма, девиантного поведения, деструктивной политической деятельности.

Цитата: «Я лично знаю СО ННКО, которая занималась реабилитацией инвалидов-колясочников и получила под эту деятельность оборудование из Германии в лизинг. Минюст России автоматически признал эту организацию иноагентом, и она вынуждена была закрыться, хотя и была полезной для людей с ОВЗ. При этом, сами чиновники признавались, что действующее законодательство несовершенно, но не могли не следовать букве закона».

На завершающем этапе дискуссии ее участникам было предложено оценить текущие меры государства по поддержке конструктивных гражданских инициатив СО ННКО. Результаты этой оценки представлены на рис. 7.

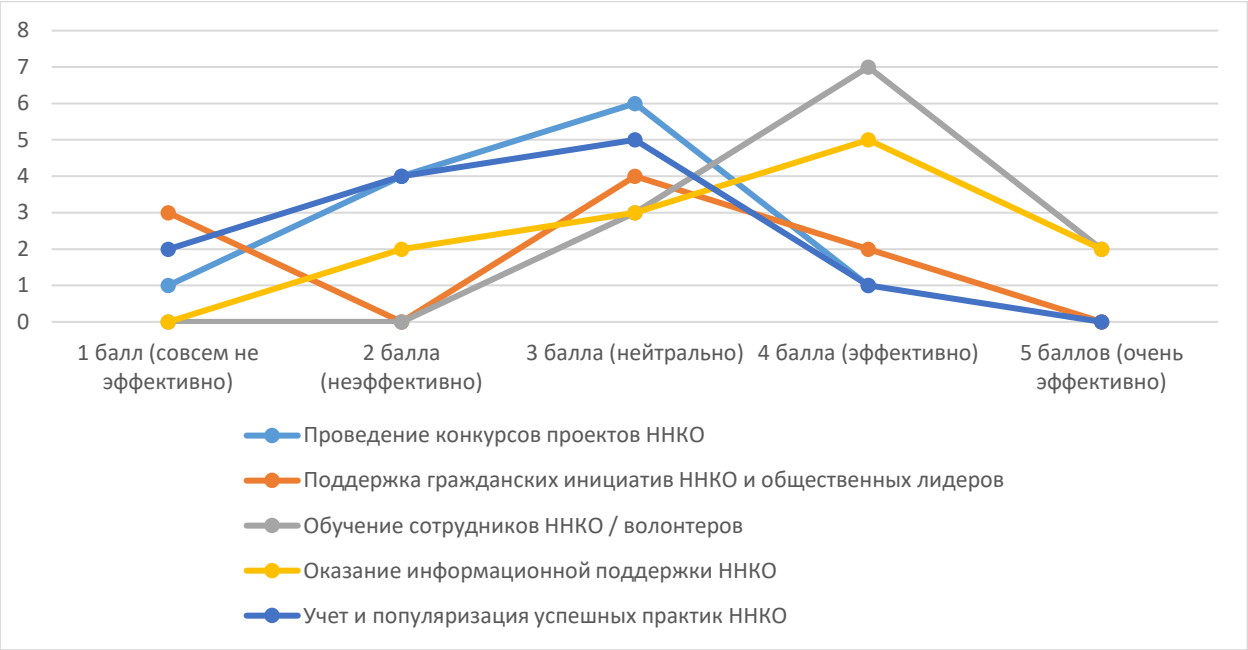

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов по шкале оценки эффективности мер государственной поддержки и стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, ед.[480]

Комментарии респондентов к их оценкам (см. рис. 7) приводятся ниже.

1. Проведение конкурсов проектов СО ННКО. Все респонденты, полагая это направление приоритетной мерой стимулирования и поддержки инициатив СО ННКО, указали, что его реализация в России не слишком эффективна. В качестве причин они отметили: недостаточную прозрачность механизма проведения оценки конкурсных заявок (12 опрошенных), недостаточно эффективную обратную связь с координаторами конкурса (8 опрошенных), большое количество документов, которые необходимо собрать для участия в конкурсе (9 опрошенных), все еще сохраняющуюся (в случае с ФПГ) неравномерность распределения грантовых средств по регионам (6 опрошенных), несправедливость ситуации, когда и прогосударственные, и автономные от государства СО ННКО имеют равные права на конкурсную поддержку проектов, а организации, которые уже реализуют проекты за счет иных грантов, имеют право снова подавать на конкурс похожие проекты (10 опрошенных).

[480] Составлено автором

2. Поддержка гражданских инициатив СО ННКО и общественных лидеров. Данное направление стимулирования конструктивных инициатив СО ННКО опрошенные также полагают очень важным; однако, указывают, что его реализация в России существенно затруднена. В качестве причин респонденты отметили: низкую прозрачность механизма оценки и отбора таких инициатив, имея ввиду всероссийскую электронную платформу «Российская общественная инициатива» (отметили 9 респондентов); усмотрительную практику экспертов в аспекте признания той или иной инициативы инновационной, полезной для общественности или конкретных социальных групп (10 опрошенных).

3. Обучение сотрудников СО ННКО / волонтеров. Данный вид государственной поддержки большинство опрошенных признало как востребованным, так и достаточно эффективно реализуемым. Все респонденты отметили наличие большого числа различных курсов, программ повышения квалификации, иных образовательных продуктов, направленных на повышение профессиональных компетенций представителей третьего сектора. В то же время, четверо опрошенных указали на однообразность, «одинаковость» предлагаемых образовательных продуктов, а также низкий учет обратной связи от слушателей.

4. Оказание информационной поддержки СО ННКО. Важность данного вида стимулирования гражданских инициатив СО ННКО отметили все волонтеры, но их мнения относительно результативности такой поддержки разделились. Трое из опрошенных указали, что действующие ресурсные центры не всегда дают точные, исчерпывающие консультации по вопросам имеющихся в регионе возможностей участия в конкурсах. Также респондентами была подчеркнута необходимость более оперативного и полного обновления нормативных и информационно-справочных материалов на едином Интернет-портале информационной поддержки СО ННКО.

Цитата: «Обычно их консультации ограничиваются ссылкой на действующие информационные материалы о поддержке СО ННКО, изданные Минэкономики, а также указанием на Интернет-сайты грантодателей. Более конкретную поддержку, особенно в части финансирования и бухгалтерского учета, получить гораздо сложнее».

5. Учет и популяризация успешных практик СО ННКО. Относительно оценки данного направления государственного стимулирования развития третьего сектора мнения респондентов разделились. Девять опрошенных назвали эту меру неэффективной или нейтральной, поскольку, по их словам, не видят в ней никакой реальной пользы для развития СО ННКО. Один оценил данное направление как эффективное, поскольку, по его мнению, знакомство с успешными кейсами разработки и реализации проектов в любом случае полезно. Респондент, оценивший данную меру как очень эффективную, признался, что его кейс попал в число лучших практик в рамках конкурса ФПГ – 2022. Вместе с тем, ни один из опрошенных не смог четко ответить, каковы границы применимости «успешных» практик третьего сектора.

Проведенное исследование по методике Ш. Шварца позволило выявить специфику ценностного профиля представителей российского негосударственного некоммерческого сектора в сравнении с ценностным профилем россиян, не участвующих в общественной деятельности. Представители СО ННКО оказались более ориентированы на альтруизм и помощь окружающим, чем россияне, не участвующие в деятельности СО ННКО. В отношении же политических ценностей представителей СО ННКО, на основании результатов проведенной фокус-группы было установлено, что не все ценности российской государственности однозначно трактуются представителями молодого поколения третьего сектора. Большинство респондентов, считая СО ННКО обязательными участниками социально-политических отношений и институтами политического влияния, опасаются

взаимодействовать с властью в социально-политической сфере, чтобы не попасть в перечень иностранных агентов. В свою очередь, и представители власти, по мнению опрошенных, стремятся исключить СО ННКО из участия в любой сфере, связанной с политикой. Высказывая мнение о том, что текущая деятельность государства по приоритизации поддержки поставщиков социальных услуг превращает СО ННКО в вид социального предпринимательства, респонденты выразили сожаление о том, что такая политика ориентирует их, прежде всего, на развитие навыков грантрайтинга, совершенствование техник социального проектирования без стимулирования ценностно-политического содержания их активности.

Таким образом, управление по ценностям СО ННКО предстает как значимая на современном этапе задача государственной политики Российской Федерации по стимулированию конструктивных гражданских инициатив третьего сектора, предполагающая «подтягивание» менталитета лидеров, сотрудников и волонтеров СО ННКО к единым ценностям российской государственности, а также развитие мотивации представителей СО ННКО-сектора добровольно и последовательно придерживаться этих ценностей в своей социально-политической деятельности.

3.4. Совершенствование методики независимого мониторинга в действующем механизме оценки проектных инициатив социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций

Тематика развития независимого мониторинга инициативных проектов СО ННКО актуальна в современной российской социально-экономической практике. Это подтверждается в работах ученых и экспертов. По их оценкам, подавляющее большинство российских СО ННКО сегодня используют социальное проектирование как преимущественный инструмент организации и осуществления своей общественно-полезной деятельности [481] . Проекты разрабатывают и предлагают грантодателям как авторитетные СО ННКО, входящие в реестры поставщиков социальных услуг, так и относительно «молодые» организации некоммерческого сектора, и активисты [482] . Совершенствуются механизмы экспертизы и оценки конкурсных заявок в организационно-правовом, методическом, технологическом аспектах [483] Постоянно растет число грантодателей, в первую очередь, среди организаций государственного сектора [484] . Соответственно, все это обусловливает

[481] См.: Зайцев И. Д. Социальные проекты: основные принципы и особенности // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. - С. 47–49; Мерсиянова И. В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. - С. 29–46.

[482] См.: Грибок Н. Н. Особенности разработки некоммерческих проектов в современной организации // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). - С. 563–570; Осипчукова Е. В. Компоненты и содержание модели обучения подготовке грантовых заявок как механизма повышения социальной ответственности молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 2. - С. 110–134.

[483] См.: Богомолова А. Как устроен лучший грантовый конкурс социальных проектов 2022 года. Опыт Фонда «Дорога к дому» // Позитивные изменения. 2023. Т. 3, № 1. - С. 66–79; Грядунов М. Ю. Развитие подходов по отбору социальных проектов НКО для получения государственной поддержки // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32, № 1. - С. 21–33; Ефимова Л. А. SROI как метод оценки эффективности проектов некоммерческих организаций // Экономика устойчивого развития. 2023. № 2 (54). - С. 294–299; Ефремова-Гарт И. Оценка в настоящем и будущем: взгляд грантодающих организаций // Позитивные изменения. 2023. Т. 3, № 1. - С. 28–33.

[484] Орлов П. А. Южноуральские НКО в конкурсах Фонда президентских грантов. XXII Уральские социологические чтения. Национальные проект и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 17–18 марта 2020. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 123–125; Тарасова А. Н. Грантовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 78–85

необходимость качественного развития механизмов, инструментов, технологий социального проектирования на всех этапах жизненного цикла проекта.

Однако, по свидетельству экспертов, грантовое разнообразие и потребность для СО ННКО выиграть конкурс проектов определяет, в первую очередь, развитие технологий составления проектных заявок и инструментария отчетности по гранту[485]. В итоге так называемый грантрайтинг становится своего рода «ремеслом», отчасти нивелируя общественно-ориентированную сущность социального проектирования СО ННКО[486].

Возможным выходом из сложившегося противоречия, когда потребность выиграть грантовые средства для СО ННКО становится важнее ее социальной миссии, становится мониторинг социальных проектов СО ННКО [487] . Объективный независимый мониторинг процесса реализации проекта – победителя конкурса позволяет сопоставить качество заявки и качество ее реализации, увидеть препятствия и риски успешной реализации проекта, а в отдельных случаях понять: был ли данный проект действительно востребован заявленными пользователями.

В развитие сформулированных концептуальных основ оценки проектных инициатив СО ННКО, а также с целью совершенствования проанализированного механизма оценки проектов СО ННКО – победителей конкурсов президентских грантов, в данной части исследования предложены выводы и рекомендации по совершенствованию методики независимого мониторинга проектных инициатив СО ННКО, поддержанных грантодателем (на примере ФПГ).

---

[485] См.: Кафтанов Е. В. Планирование развития некоммерческих организаций: социальная миссия или экономическая эффективность // Теория и практика общественного развития. 2024. № 7 (195). С. 26–35; Кузьмин А. «Сделай сам»: как НКО оценивать проекты своими силами // Позитивные изменения. 2023. №1. С. 34–43; Орлов П. А. Южноуральские НКО в конкурсах Фонда президентских грантов. XXII Уральские социологические чтения. Национальные проект и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 17–18 марта 2020. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. - С. 123–125.

[486] Кобыльников В. П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). - С. 119.

[487] Переверзева Е. С. Осуществление мониторинга эффективности реализации программ поддержки и проектов СО НКО как процесс реализации функциональных составляющих экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). - С. 304.

Разработаны принципы, совокупность которых определяет значимость методики независимого мониторинга для решения проблемы оценивания деятельности СО ННКО. К числу этих принципов можно отнести:

1. Дополнение популярного сегодня доказательного подхода к выявлению и формализации лучших практик социального проектирования подходом, предполагающим сплошное изучение всех попавших в поле зрения исследователя практик социального проектирования, с выявлением, анализом и типизированием успешных и неудачных социальных практик формирования и реализации проектных инициатив СО ННКО.

2. Доступность методологии и методики анализа практик социального проектирования для всех, интересующихся проблематикой разработки и реализации проектов. Разумеется, развитие методологии оценивания предполагает использование комплексного научного инструментария. Однако, с позиции практики социального проектирования, не следует «перегружать» разработчиков проектов сложными и «избыточными» для восприятия и применения аналитическими инструментами и методами. Наиболее пригодным для развития методик и технологий оценки социального проектирования представляется индуктивный подход, предполагающий изучение и, по возможности, формализацию «полевых», эмпирических находок.

4. Взаимосвязь мониторинга и контроля как комплексных методов оценки социального проекта на этапах его разработки, реализации и завершения. Мониторинг проекта должен проводиться независимым наблюдателем на этапе реализации проекта (желательно, в середине его реализации), на предмет соответствия целей и задач, закрепленных в проектной заявке, реально достигаемым результатам в процессе исполнения проекта. Это поможет субъекту итогового контроля реализации проекта (обычно в данной роли выступает грантодатель) более объективно подойти к оцениванию, узнать все реальные проблемы исполнителя проекта и,

соответственно, принять более взвешенные решения в будущем при определении победителей конкурса.

5. Изучение практик социального проектирования производится на основе совокупности критериев, значимых для основных этапов жизненного цикла социального проекта: «заявка проекта» – «исполнение проекта». Это позволит дать соотносительную оценку «намерений» и «действий» субъекта социального проектирования, исследовать социальный проект с позиции «задачи» – «действия» – «результаты». Следовательно, грантодатель получит объективную оценку относительно эффективности, результативности и полезности вложенных в проект средств.

7. Соблюдение этики при обработке, интерпретации и публикации данных о практиках социального проектирования. Результаты исследования каждой практики (либо ее фрагмента) должны предаваться огласке только после предварительного получения согласия автора практики на идентифицирующую авторство информацию.

«Заземляя» предложенные принципы, предлагается нижеследующий алгоритм анализа практик социального проектирования в процессе независимого мониторинга СО ННКО – победителей конкурсов социальных проектов[488].

В развитие изложенной методологии оценки проектных инициатив СО ННКО, а также для совершенствования механизма оценки проектов победителей конкурсов социальных грантов, в данном разделе разработана методика независимого мониторинга проектных инициатив СО ННКО, поддержанных грантодателем.

Каждая практика социального проектирования анализируется на следующих этапах жизненного цикла проекта: 1) текст заявки проекта; 2)

[488] См.: Баталова Ю. В. Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в России // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. 2024. №4. - С. 17–27; Гимазова Ю. В. Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методология и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. - С. 11–20.

реализация проекта. Анализ осуществляется исходя из совокупности критериев, значимых на каждом из указанных этапов жизненного цикла проекта.

Анализ текста заявок социальных проектов предполагает выявление и изучение успехов и ошибок СО ННКО, выигравших конкурсы фондов – грантодателей, на стадии составления заявок, а также определение факторов, способствующих / препятствующих победе / поражению удачно / неудачно составленных заявок.

В качестве методов использовались анализ и оценка текстов заявок, поддержанных грантодателем, с позиций методологии и логики планирования проекта.

Осмысливая актуальное научно-экспертное знание[489] и собственный опыт по вопросам оценки конкурсных заявок социальных проектов, можно предложить следующую совокупность критериев оценки качества текста заявки социального проекта:

- соответствие целей, задач, средств и технологий, указанных в тексте проекта, заявленной тематике;
- логичность структуры проекта;
- ожидаемая удовлетворенность целевых групп результатами проекта, обозначенными в заявке;
- обеспеченность заявленных мероприятий проекта ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.);
- прогностичность заявки (учет рисков проекта и вероятности их наступления);
- привлечение дополнительных ресурсов;
- организация реализации проекта;

[489] См.: Нассим Н. Т. Рискуя собственной шкурой. Скрытая ассиметрия повседневной жизни. Москва: КоЛибри : Азбука-аттикс, 2024; Никитин А. С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. № 18. С. 3539–3554; Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах. Москва : Логос, 2000.

- сбалансированность, логичность, обоснованность бюджета заявки.

В процессе анализа заявок могут быть сформулированы дополнительные критерии, значимые в аспекте развития культуры социального проектирования, в зависимости от спектра задач субъекта оценивания.

Анализ процесса реализации социального проекта СО ННКО предполагает выявление и изучение более и менее удачных действий по выполнению проектов СО ННКО, победивших в конкурсах грантов, а также определение факторов, влияющих на процесс и результат реализации данных проектов.

Метод: анализ и оценка процесса и результатов реализации СО ННКО социальных проектов, поддержанных грантодателем, с позиций методологии и логики реализации социального проекта и оценки его результатов.

Процесс и результаты реализации проекта анализируются на основе следующей совокупности критериев:

- результативность (достижение запланированных результатов);
- чувствительность и гибкость в управлении проектом в условиях неопределенности и различных факторов риска;
- эффективность (способность достигать запланированных результатов с наименьшими затратами ресурсов проекта, а также за счет привлечения дополнительных внешних и вскрытия и применения внутренних ресурсов);
- синергетичность (способность получать положительные результаты, существенно и качественно изменяющие его результативность);
- инновационность («изобретение» новых социальных технологий или применение известных технологий на новом объекте, в новых условиях);
- вклад в развитие сетевого ННКО – сообщества в ходе реализации проекта, создание (возникновение) новых сетевых объединений;

– развитие компетенций социального проектирования у команды проекта, у других заинтересованных лиц, вовлеченных в проект (стейкхолдеров);

– устойчивость результатов проекта (по времени либо по силе, результативности и другим эффектам продолжительного действия).

Апробируя изложенную методику, автором исследованы результаты профинансированного ФПГ в 2017–2018 гг. проекта Национальной ассоциации благотворительных организаций «Укрепление и развитие экспертно-аналитического потенциала социально ориентированных НКО в России» (2017 – 2018 гг.), а также приведены размышления о практических возможностях применения независимого мониторинга как инструмента текущей оценки проектных инициатив СО ННКО.

В рамках указанного проекта 49 проектов СО ННКО – победителей первого конкурса проектов ФПГ 2017 г. стали объектами независимого мониторинга. Исследование проводилось по предварительному согласованию с СО ННКО-исполнителями проекта на серединной стадии жизненного цикла. Мониторинг проходил два этапа: анализ заявки проекта и «полевые» исследования (непосредственное наблюдение за ходом реализации проекта). Качество проектных заявок и их реализация оценивались мониторингом с помощью критериев, значимых для социального проектирования.

На основании анализа отчетов о мониторинге 49 социальных проектов, автором представлена классификация данных проектов по соотношению «качество заявки – качество реализации», разбитых на четыре блока: 1) «хорошо составленные» – «хорошо реализованные»; 2) «хорошо составленные» – «плохо реализованные»; 3) «плохо составленные» – «хорошо реализованные»; 4) «плохо составленные» – «плохо реализованные».

Остановимся подробнее на каждом из четырех подмножеств социальных проектов.

1. «Хорошо составленные» – «хорошо реализованные» проекты.

В данный блок попали 23 проекта, которые по результатам мониторинга имеют достаточно хорошее качество заявки и успешно осуществлены.

Качество заявки проекта оценивалось командой мониторинга с позиции следующих критериев:

- обоснование актуальности проблемы социального проектирования;
- соответствие целей, задач, средств и технологий, указанных в тексте проекта, заявленной тематике;
- логичность структуры проекта;
- ожидаемая удовлетворенность целевых групп обозначенными в заявке результатами проекта;
- обеспеченность заявленных мероприятий проекта ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.);
- сбалансированность, логичность, обоснованность бюджета заявки;
- инновационность проекта;
- организация реализации проекта.

Характеризуя высокое качество заявки проекта по критерию «Обоснование актуальности», можно отметить следующее. Актуальность удачно составленных проектных заявок обоснована не только общими фразами и привлечением официальных статистических данных, но и исследованиями СО ННКО – разработчика проекта в формате анкетирования (заявка в ФПГ № 17-1-001624), фокус-групп, глубинного интервью с потенциальными благополучателями на предмет востребованности проекта (заявка в ФПГ № 17-1-011342). Такая аргументация актуальности убеждает экспертов, что проблема не «придумана» разработчиками проекта, а «вырастает» из потребностей общественности, многие представители которой в ходе реализации проекта могут стать его благополучателями, волонтерами или спонсорами.

Особенно важно при обосновании актуальности проекта провести исследование потребностей потенциальных благополучателей для тех инициатив, которые являются узконаправленными либо предполагают профессиональную специфику, вследствие чего значимость их реализации не очевидна широкой аудитории (заявка в ФПГ № 17-1-011682).

По критериям «Соответствие целей, задач, средств и технологий, указанных в тексте проекта, заявленной тематике» и «Логичности структуры проекта» наиболее успешными оказались те заявки, авторы которых использовали классические методы планирования (балансовый, нормативный, системно-аналитический), адаптировав их под специфику проекта.

По мнению представителей проектных команд СО ННКО, существенно повышает качество заявки проекта использование инструмента «логического социального проектирования». Данная методика предполагает последовательную реализацию следующих этапов:

- переход от наблюдаемых явлений (проблем – следствий) к явлениям и процессам, их вызывающим (проблем – причин);
- построение «дерева проблем» проекта в соответствии с логикой причинно-следственной связи;
- переход от «дерева проблем» к «дереву целей» проекта;
- выявление стратегий в рамках проекта путем обособления отдельных задач в тематические блоки;
- оценка задач проекта на предмет управляемости ими и вывод «за проект» неуправляемых факторов;
- иерархизация целей и задач проекта;
- определение мероприятий и ресурсов под реализацию каждого мероприятия проекта.

Выстроенный с помощью данного инструмента проект гармонизирован по целям, задачам, мероприятиям, ресурсам, ответственным исполнителям, берет начало из реальных потребностей благополучателей.

Для соответствия критерию «Ожидаемая удовлетворенность целевых групп результатами проекта, обозначенными в заявке», СО ННКО необходимо подробно прописать ожидаемые количественные и качественные результаты, чтобы они отражали степень удовлетворения потребностей целевых групп проекта (заявка в ФПГ № 17-1-008303).

Если приоритет проекта – работа с целевыми группами, то целесообразно включить в цель и задачи проекта количественные и качественные показатели, запланировать ведение внутреннего еженедельного мониторинга, используя в качестве его инструментария регистрационный учет, анкетирование, фокус-группы и глубинное интервью с благополучателями (заявка в ФПГ № 17-1-000891).

По критерию «Обеспеченность заявленных мероприятий проекта ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.)» наиболее успешными в результате мониторинга оказались те заявки, авторы которых смогли привлечь значительное число ресурсов, однозначно и в соответствии с требованиями законодательства и грантодателя, учтя их (добровольцы, помещение, оборудование, транспорт, оргтехника, инвентарь) и корректно указав источник финансовой или иной поддержки по каждому привлеченному ресурсу. Полезно использовать для обоснования ресурсной обеспеченности проекта письма от волонтеров с указанием конкретных видов поддержки проекта, выписки из реестра муниципальной собственности о том, что предоставленное СО ННКО помещение для мероприятий проекта находится на балансе муниципального образования. Для обоснования поддержки заявки спонсорами по каждому источнику финансовой поддержки целесообразно указывать сведения о состоятельности спонсора и объеме его годовой выручки в текущем году (заявка в ФПГ № 17-1-008303).

Соответствие заявки проекта критерию «Сбалансированность, логичность, обоснованность бюджета» предполагает оценку монитором бюджета / сметы проекта с учетом следующих позиций:

– основные расходы (от ½ до ¾ всех средств) должны быть направлены на финансированиеосновных мероприятий проекта в соответствии с его целью и задачами. При этом нежелательно направлять данные расходы на оплату труда штатных работников СО ННКО, их командировочных офисных расходов, трат на приобретение оборудования и т. п. Также не приветствуется направление значительных средств (более 30 % от общей суммы запрашиваемого гранта) на оплату товаров, работ, услуг сторонних организаций, привлекаемых к проекту;

– желательно, чтобы объем софинансирования проекта не превышал половины от запрашиваемых у грантодателя средств. Данная рекомендация мониторинга не получила широкого распространения у грантодателей (например, в методических рекомендациях ФПГ не содержится рекомендуемого предельного объема софинансирования проекта). Наоборот, значительный объем привлечения дополнительных средств в проект приветствуется грантодателем. Однако, непредвиденные неблагоприятные обстоятельства (например, пандемия 2019 г.) могут послужить основанием для отказа спонсоров от обещанной помощи, таким образом, подвергнув существенному риску судьбу проекта (см.: заявка в ФПГ № 17-1-013030).

В заявке проектов, претендующих на инновационность, должно быть предусмотрено соответствующее обоснование. Инновационных проектов СО ННКО в принципе не может быть много, поскольку большинство социально-политических практик и технологий, предлагаемых в настоящее время, в какой-то степени были реализованы ранее в другом регионе / стране / иной сфере.

Инновационность проектных инициатив СО ННКО предполагает аргументацию того, что заложенная в заявке социальная практика / технология нигде прежде не применялась и несет в себе принципиальную новизну по сравнению с распространенными в данной сфере практиками.

Из 49 проектов, ставших объектами мониторинга в 2017–2018 гг., к числу инновационных мониторы отнесли только один (заявка в ФПГ № 17-1-011138). Инновационность данного проекта заключается в не использовавшемся ранее в России механизме приобщения широкой молодежной аудитории к классической музыке, высокой степени адаптивности проекта для всех участников, в соответствии с их потребностями, возможностями и способностями, а также значительном мультипликативном эффекте.

Критерий «Организация реализации проекта» предполагает оценку заявки СО ННКО в вопросах эффективного менеджмента проекта. Оценивая заявки СО ННКО с этих позиций, субъекты мониторинга исследовали описанный в заявке опыт руководителя и команды проекта, календарный план мероприятий, ожидаемые количественные и качественные результаты, формы взаимодействия с благополучателями, администрацией и спонсорами, уровень информационной открытости проекта, качество работы команды проекта. В результате анализа указанных позиций формировалась интегральная оценка качества заявки по критерию проектного управления.

В отношении реализации таких проектов (например, заявка в ФПГ № 17-2-009105) рекомендации мониторинга носили, в основном, стратегический характер и касались:

- усиления эффекта влияния проекта;
- повышения устойчивости организации по реализации схожих проектов в будущем;
- привлечения большего количества партнеров и волонтеров;
- укрепления взаимодействия с государственными и муниципальными структурами;
- эффективного фандрайзинга;
- повышения уровня информационной открытости проекта.

Качество коммуникации команд таких проектов с монитором оценивается как высокое.

2. В подмножество «плохо составленных» и «хорошо реализованных» попали 13 проектов, заявки которых получили низкую оценку монитора по критериям качества заявки, но в результате были осуществлены успешно.

Ниже приведены и прокомментированы примеры несоответствия уровня заявки проекта критериям мониторинга.

Наиболее распространенными ошибками авторов исследованных заявок, вызвавшими низкие оценки монитора по критерию«Обоснование актуальности проблемы социального проектирования», стали: ссылки на общие фразы о проблематике проекта, без указания конкретной информации о потребностях потенциальных благополучателей (заявка в ФПГ № 17-1-006503); отсутствие собственных исследований команды проекта по вопросам его значимости для целевых групп (заявка в ФПГ № 17-1-000891, заявка в ФПГ № 17-1-008787).

Несоответствие целей, задач, средств и технологий заявленной тематике проекта, а также нарушение логики социального проектирования, существенно снижают его качество в части понятности и структурной ясности изложения текста заявки. Такая ошибка весьма распространена у плохо составленных проектов (например, заявка в ФПГ № 17-1-007965).

Несоблюдение требований к качеству заявки по критерию «Ожидаемая удовлетворенность целевых групп результатами проекта, обозначенными в заявке» – следствие плохо прописанных количественных и качественных критериев в заявке. В таких проектах очень трудно однозначно оценить достигнутые результаты (например, заявка в ФПГ № 17-2-013124). В процессе оценки заявки по данному критерию команда мониторинга может использовать изложенный выше метод «логического проектирования», тщательно изучая не только материалы заявки и данные о команде проекта, но и информацию о реальных потребностях целевых групп, в том числе путем собственных исследований. В результате этого «плохо составленная» заявка проекта

корректируется, уточняются его компоненты, вплоть до переформулирования цели и задач.

Низкие оценки мониторингом проектных заявок по критерию «Обеспеченность заявленных мероприятий проекта ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.)» объясняются несоответствием количества и качества заявленных ресурсов их реальному существованию (подтверждение письмами, договорами, обязательствами и т. д.). Примеры: заявки в ФПГ № 17-1-004906, № 17-1-000891.

Несоблюдение качества по критерию «Сбалансированность, логичность, обоснованность бюджета заявки» состояло, в различии между заявленной и фактической (нормативной) стоимостью ресурсов, в несоответствии количества расходного материала числу благополучателей (например, заявка в ФПГ № 17-1-012745).

Низкие оценки заявок проектов по критерию «Инновационность» получили практически все заявки данного блока. Например, проект ФПГ № 17-1-012745 был назван инновационным в разделе «Обоснование актуальности проблемы социального проектирования». Однако, как оказалось, задачи проекта были скопированы с официального сайта Министерства чрезвычайных ситуаций Российской Федерации.

Низкие оценки мониторов по критерию «Организация реализации проекта» получили те заявки, в которых плохо прописаны организационные аспекты реализации проекта (заявка в ФПГ № 17-1-008787), либо мероприятия не соответствуют ожидаемым результатам (заявка в ФПГ № 17-1-008335), либо неудовлетворительно организовано исполнение отдельных задач (заявка в ФПГ № 14-2-009601).

Во всех описанных выше случаях мониторинг помог вовремя выявить риски снижения эффективности проекта и обратить на них внимание команды проекта.

Для того, чтобы воспроизвести действительное проблемное поле проекта, а также оценить потребности и возможности автора проекта в отношении его реализации, автор в ходе мониторинга использовал метод «логического проектирования», который позволил скорректировать (а в некоторых случаях и переформатировать) заявку проекта.

«Исправленная» заявка (в аспектах установления истинных потребностей благополучателей, восстановления логического соответствия между отдельными разделами, четкого установления совокупности количественных и качественных параметров проекта и методов оценки их достижения, выявления наиболее вероятных рисков реализации проекта в случае продолжения его реализации по плохо составленной заявке автора) служила основой для корректировки действий проектных команд в процессе реализации их инициативы.

Например, используя метод «логического проектирования» при оценке заявки проекта-победителя конкурса ФПГ № 17-1-010046, монитор выявил истинные потребности благополучателей проекта. Это позволило скорректировать часть задач проекта, логически выстроить его, выявить риски его неисполнения, а также разработать рекомендации по преодолению этих рисков в текущем проекте и их профилактике в будущих инициативах.

«Восстановление» командой мониторинга заявки путем метода «логического проектирования» позволило успешно завершить проекты, а в ряде случаев, заручившись согласием ФПГ о корректировке отдельных аспектов реализуемой инициативы, даже переформатировать проект, качественно улучшив отдельные его направления в соответствии с истинными потребностями благополучателей. Необходимым условием успешной реализации плохо составленных проектов во всех исследованных случаях являлось конструктивное взаимодействие команды проекта с монитором.

3. «Хорошо составленные» – «плохо реализованные» проекты.

Каждый из четырех проектов, отнесенных к данному подмножеству, имеет свою «историю», не все фрагменты которой доступны мониторингу. В данном подмножестве встречаются: проекты-«двойники»; шаблонные проекты; псевдопроекты.

Например, в соответствии с целью проектной заявки на конкурс ФПГ № 17-1-013181, был создан и оборудован «открытый кабинет» для людей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов-колясочников). Однако, неясно, какие преференции в результате реализации проекта получили целевые группы, поскольку они не участвовали в запланированных мероприятиях по профессиональной ориентации. Задача проекта «Познакомить и обучить инвалидов-колясочников с возможностью удаленной работы» оказалась не выполнена, так как заявленное обучение по тематикам: банковский сотрудник, фрилансер, администратор Интернет-магазина – не было проведено. Руководство проекта не предоставило команде мониторинга данных о благополучателях проекта, а также информации о степени достижения качественных показателей проекта. Рекомендации мониторинга о необходимости активизации команды проекта по наполнению «Открытого кабинета» учтены не были. Все это позволяет охарактеризовать мониторируемый проект как псевдопроект.

Примером проекта-«двойника» является инициатива, заявленная в ФПГ под номером № 17-1-002987.

Качество коммуникаций мониторинга с командой данного проекта было очень низким. Руководитель проекта отказался от встреч с монитором, содействия в вопросах предоставления информации о ходе реализации проекта, установления взаимодействия с представителями целевых групп. По собранной монитором информации, у СО ННКО – исполнителя проекта за время реализации инициативы сменилось три интернет-сайта, раздел «Контакты» содержал недостоверную информацию об исполнителях. На момент проведения мониторинга (середина осуществления проекта) данные о

реализации проекта, предоставленные его командой в ФПГ, существенно отличались от фактически достигнутых результатов. Мониторингом зафиксированы следующие факты:

- отсутствие информированности о проекте профессиональных экспертов и СО ННКО на территории реализации проекта;
- очень низкий охват целевых групп мероприятиями проекта;
- недостаточный профессионализм команды проекта в отношении организации работы с детьми, имеющими нарушения слуха (из интервью с региональными экспертами, посетившими мероприятие проекта).

Вместе с тем данный проект был оценен ФПГ как успешный. За период с 2018 по 2025 гг. СО ННКО – автор проекта подавал на конкурс ФПГ 16 заявок, видоизменяя их исходя из категории людей с ОВЗ / географии проекта. Из числа этих заявок 6 получили поддержку ФПГ на общую сумму около 19 млн руб.

К качеству проекта победителя конкурса ФПГ, заявленного под № 17-1-007529, у монитора возникли серьезные замечания по следующим причинам:

- многие задачи проекта на самом деле являются мероприятиями;
- качественные показатели реализации проекта указаны без каких-либо индикаторов, что затрудняет мониторинг;
- целью проекта обозначена организация рабочих мест по изготовлению полуфабрикатов в условиях домашнего производства для женщин, одиноко воспитывающих детей в возрасте от 6 месяцев до 3 лет, для выхода из трудной жизненной ситуации в виде трудоустройства на мини-производство по выпуску полуфабрикатов; однако в дальнейшем тексте заявки реализация данной цели не нашла отражения в мероприятиях;
- календарный план логически выстроен, но продолжительность проведения некоторых мероприятий требует уточнения. Например, заключение договоров с поставщиками оборудования (1 месяц), мониторинг

производителей / поставщиков спецодежды (1 месяц), заключение договора на поставку спецодежды (1 месяц).

В процессе реализации проекта команда исполнителей демонстрировала полную закрытость по отношению к монитору и указывала на невостребованность данного исследования. Провести мониторинг реализации проекта не удалось.

Мониторируемый проект являлся, предположительно, проектом - «двойником», поскольку в интернет монитору удалось найти информацию о том, что проект данной организации со сходным названием уже был реализован в 2017 г.

Как можно заключить из приведенных примеров, «симптомами» «плохой» реализации проектов, получивших поддержку ФПГ и демонстрирующих приемлемое качество заявок, являлись:

- невысокий уровень информационной открытости и нежелание исполнителя проекта этот уровень повышать;
- неактивная работа с благополучателями в аспектах выявления их потребностей и адаптации оказываемых им услуг в рамках проекта;
- имитация по реализации мероприятий проекта;
- низкое качество коммуникаций с мониторингом;
- игнорирование рекомендаций мониторинга при дальнейшей реализации проекта.

4. «Плохо составленные» – «плохо реализованные».

В числе этих 9 проектов содержатся в основном те, команды которых являются неопытными в проектируемой сфере, формальными, несработанными. Серьезные нарушения логики социального проектирования и проектной дисциплины наблюдаются как на этапе составления заявки проекта, так и на этапе его реализации.

Помимо ошибок составления заявки проекта, которые были разобраны выше (см. «плохо составленные» – «хорошо реализованные»), *плохо*

составленные и реализованные проекты характеризуются: низким уровнем организации социального проектирования, недостаточной компетентностью членов команд в проектируемой сфере, неспособностью взаимодействия в режиме проектной команды.

Так, при мониторинге проекта ФПГ под № 17-1-009132 отмечен недостаточный уровень организационной состоятельности команды проекта, который выражался в несоблюдении исполнителем достигнутых на этапе планирования мониторинга договоренностей о посещении мероприятий, несогласованности действий сотрудников СО ННКО с партнерами проекта, а также отсутствии должного качества кросс-функциональной координации в команде проекта.

В период реализации проекта (заявка в ФПГ № 17-1-007525) произошла смена руководства; новый руководитель не смог выстроить систему управления проектом. В результате ряд мероприятий проводился с опозданием, регистрация посетителей не велась, основные публикации о проекте и печатная продукция для целевых групп появились на интернет-сайте организации лишь к моменту завершения проекта. Коммуникация руководителя и команды проекта с монитором осуществлялась формально.

Распространенной проблемой менеджмента проекта являлся формализм в вопросах его разработки и реализации. В случае проекта, получившего в ФПГ № 17-1-013023, формализм выражался в отсутствии реальной работы с целевыми группами, а также отсутствии собственного оригинального вклада в организационно-методическое обеспечение развития волонтерства среди людей старшего возраста.

Были нарушены сроки проведения некоторых мероприятий проекта, например, размещения методических материалов по обучению чиновников работе с добровольцами.

При реализации проекта не соблюдалась этика авторства (методические рекомендации были заимствованы исполнителем проекта без ссылок на первоисточники).

Серьезным фактором, снижающим качество заявки проекта и результативность его исполнения, являются завышенные амбиции команды проекта, которые не всегда соответствуют реальности (заявка в ФПГ № 17-2-003450).

Командам мониторинга встречались проекты, в которых заявленная цель оказывалась не востребованной благополучателями. Так произошло с проектом, зарегистрированном в ФПГ под № 17-2-003450. СО ННКО – автор проекта имеет большой опыт в работе с собственниками квартир в многоквартирных домах. Проект способствует решению проблем благополучателей, однако в его реализацию пришлось вносить значительное количество изменений «на ходу». Многие мероприятия по проекту пришлось переформатировать в ходе его реализации (переходить от работы по общественному контролю капитального ремонта многоквартирных домов к решению иных проблем собственников жилья, менять количество консультационных пунктов, проводимых мероприятий, формат информационной кампании). После рекомендаций монитора исполнителю проекта в установленном порядке пришлось согласовать возможность изменения показателей и «ключевых точек» проекта с ФПГ.

В целом, проведенное исследование и собственный опыт автора по мониторированию проектов СО ННКО позволяют сделать следующие выводы.

Не установлено прямой положительной взаимосвязи между результатами конкурса ФПГ, качеством заявки СО ННКО – победителя данного конкурса и уровнем реализации проектной инициативы. Практически все исследованные монитором заявки – победители конкурса ФПГ имели, с точки зрения монитора, те или иные недостатки. Заявки, имеющие несущественные, по оценке мониторинга, недочеты, были отнесены к хорошо

составленным. В данный блок попали: 23 заявки, которые были впоследствии успешно реализованы, а также 13 заявок, осуществленных неудачно, что составило соответственно 47 % и 27 % от общего количества исследованных заявок. Таким образом, в сложившихся условиях организации конкурса президентских грантов хорошее качество заявки может однозначно свидетельствовать лишь о том, что команда проекта достаточно хорошо владеет компетенциями грантрайтинга. Вместе с тем заявки хорошо составленных и плохо реализованных проектов отличает некоторая степень формализации, «шаблонный» стиль.

Сопоставление качества заявки с уровнем ее реализации позволило заключить, что даже плохо составленные проекты имеют шанс быть успешно осуществленными при условии своевременной корректировки запланированных ранее мероприятий, действий, а в некоторых случаях даже задач проекта. В теории менеджмента такая корректировка необходима, если текущие результаты мониторинга существенно отличаются от запланированных исполнителем либо субъектом контроля. Такая ситуация наблюдалась в 4 случаях из 49, то есть в 8 % от общего количества мониторируемых проектов. Здесь помощь мониторинга заключалась не только в предоставлении рекомендаций по незначительной корректировке текущей деятельности по реализации проекта, но и переформатировании его компонентов.

Валидным инструментом диагностики степени соответствия обозначенных в заявке целей, задач, мероприятий проекта реальным потребностям целевых групп оказался метод «логического социального проектирования». С его помощью на основе выявления реальных потребностей благополучателей было переформатировано «дерево целей» проектов, пересмотрены стратегии их реализации, скорректированы действия, найдены ресурсы и партнеры, выявлены и оценены риски невыполнения проекта. В четырех кейсах СО ННКО – исполнители проекта по рекомендации мониторинга своевременно обратились к грантодателю с просьбой

корректировки отдельных аспектов заявки и, получив положительный ответ, сумели благополучно реализовать проект. Во всех случаях плохо составленных и хорошо реализованных проектов их команды конструктивно сотрудничали с монитором.

Наименее удачными с позиции конструктивизации гражданских инициатив СО ННКО оказались хорошо составленные и плохо реализованные проекты.

Их разработчики отказывались сотрудничать с командой мониторинга либо делали это формально. Дополнительные исследования монитора (сбор материалов, общение с благополучателями и иными осведомленными о проектах лицами) во всех случаях позволяли обнаружить нелицеприятные факты, что позволило охарактеризовать исследуемые монитором инициативы как псевдопроекты или проекты - «двойники», в рамках исполнения которых нарушались те или иные принципы и нормы этики социального проектирования.

Разработанный автором метод «логического проектирования» был апробирован в ходе мониторинга проектов СО ННКО, а также при проведении дополнительной программы повышения квалификации «Оценка социальных проектов».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что встраивание независимого мониторинга проектных инициатив СО ННКО в действующий механизм конкурсов грантов (в частности, ФПГ) поможет обеспечить взаимосвязь между качеством заявки, качеством процесса и устойчивостью результатов реализации проектов, а значит, будет способствовать развитию практик и культуры оценки социальных проектов.

Выводы по 3 главе.

В целях преодоления сложившегося в современной России кризиса доверия власти по отношению к СО ННКО как социально-политическим акторам (что проявляется в тенденции рутинизации процедур внесения ННКО в реестр иноагентов, приоритизации стимулирования и поддержки СО ННКО – поставщиков социальных услуг, сужении государством «коридора возможностей» для проявления СО ННКО политических инициатив) разработаны рекомендации, касающиеся стратегического, нормативно-правового, организационно-методического и технологического аспектов стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО.

Внедрение этих рекомендаций будет способствовать повышению эффективности действующей российской социальной политики за счет активизации конструктивного политического потенциала СО ННКО, улучшения качества взаимодействия этих организаций с государством.

Достижение данной цели предполагает концентрацию усилий органов публичной власти и управления в направлениях совершенствования действующих механизмов и технологий поддержки и регулирования СО ННКО, а также развития инструментов противодействия деструктивной политической деятельности организаций третьего сектора.

В числе принципов реализации такой государственной политики в работе охарактеризованы: системность; содействие; вовлечение и взаимодействие сторон; приоритетность развития конкурсных механизмов стимулирования и поддержки инициатив СО ННКО; объективность; независимый мониторинг реализации проектов; профессионализм и креативность сторон межсекторного взаимодействия; развитие экспертного потенциала представителей третьего сектора; баланс между демократизацией

и обеспечением политической безопасности; анализ и оценка всех доступных исследованию гражданских инициатив СО ННКО.

Реализация этих принципов предполагает, в первую очередь, развитие стратегических основ стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, отказ от тактики прямой государственной поддержки отдельных организаций или их сообществ.

Именно стимулирование гражданских инициатив СО ННКО, обеспечивая косвенный, опосредованный, объективный и мотивационный характер воздействия не только на внешние проявления деятельности лидеров и сотрудников СО ННКО, но в первую очередь на ценности, принципы их деятельности, должно стать самостоятельным, методологически и операционально проработанным направлением российской политики развития третьего сектора. При этом, исключительно материальные стимулы развития СО ННКО должны уступить место комбинированным и нематериальным. Целью применения стимулирующих механизмов и технологий является качественное развитие политически активного, инициативного, конкурентоспособного, ответственного третьего сектора.

В связи с тем, что вопросы развития гражданского общества в Российской Федерации закреплены в функционале Правительства Российской Федерации, общее руководство деятельностью которого осуществляет Президент Российской Федерации, задачи поддержки и стимулирования инициатив третьего сектора необходимо вывести из сферы исключительной компетенции Минэкономразвития России. Это позволит преодолеть преобладающий в современной практике госрегулирования деятельности СО ННКО экономикоориентированный подход.

Необходимо систематизировать актуальные задачи организационно-правового регулирования сферы стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО в рамках единой концепции. Это позволит внедрить в действующее законодательство

соответствующие проблематике термины и обеспечить единообразное их толкование, а также упорядочить и усовершенствовать действующие организационно-правовые механизмы и технологии стимулирования органами государственной власти и управления, органами местного самоуправления конструктивной гражданской инициативной деятельности СО ННКО.

Разработанные в диссертации предложения по корректировке нормативно-правовых актов направлены на достижение единообразного и четкого толкования сущности конструктивных гражданских инициатив СО ННКО, стимулирование процессов разработки и реализации конструктивных гражданских инициатив третьего сектора в форме проектов, преодоление практики двойной оплаты одной и той же деятельности СО ННКО – агентов общественно полезных услуг, уменьшение числа квазипроектов, расширение полномочий ресурсных центров СО НКО в области поддержки инициативных гражданских проектов третьего сектора.

Политика стимулирования конструктивных гражданских инициатив СО ННКО должна включать также меры противодействия деструктивной политической активности СО ННКО.

Достижение этого результата возможно путем использования инструментария управления по ценностям в отношении СО ННКО. Охарактеризованные в работе ценности государственно-общественного взаимодействия, соответствующие изложенным в Указе Президента России № 809 традиционным ценностям российской государственности, должны стать публично значимым, разделяемым всеми сторонами партнерства ресурсом конструктивизации гражданских инициатив СО ННКО. Проведенное автором исследование по диагностике ценностей представителей СО ННКО и волонтеров, позволяет охарактеризовать представителей третьего сектора как людей эмпатичных, альтруистичных, склонных заботиться не только о близких, но и не знакомых им лично людях из определенных социальных

групп. Вместе с тем, результаты опроса методом фокус-группы позволили выявить проблемы некоторого смещения ценностных ориентаций представителей СО ННКО в сторону рационального индивидуализма, недостаточной осмысленности молодыми представителями третьего сектора сущности отдельных традиционных ценностей российской государственности, наличия противоречия между декларируемыми возможностями и реальной помощью государства в вопросах поддержки инициатив СО ННКО, а также ограниченности доступа для них к публично-политической сфере. Все это обусловливает необходимость масштабного использования ценностей конструктивной гражданственности в целях диагностики ценностей представителей третьего сектора и стимулирования в их среде.

Поскольку важнейшим направлением деятельности СО ННКО является инициирование и реализация социальных проектов, следует налаживать, совершенствовать практикуемые в России механизмы конкурсного обеспечения и поддержки таких проектов.

Данная задача, актуальная и для научно-исследовательского, и для экспертного сообщества России, может быть решена путем проработки следующих направлений: развитие методик и технологий оценочной деятельности в сфере социального проектирования; совершенствование практикуемых механизмов конкурсной поддержки инициатив СО ННКО; повышение качества профессионально-экспертного потенциала всех участников процесса разработки и реализации проектов СО ННКО; корректировка популярного в экспертной среде механизма выявления и масштабирования успешных практик проектирования.

Особого внимания требует совершенствование терминологического аппарата методического обеспечения конкурсных механизмов стимулирования инициатив СО ННКО. На данном направлении, в работе предложено дифференцированное толкование категорий «востребованность»,

«результативность», «эффективность», «устойчивость», «экономичность» в системе оценки проектов СО ННКО, представляемых на конкурсы субсидий и иные конкурсы господдержки; взаимоупорядочены термины «внутренняя оценка», «внешняя оценка» и «самооценка» с категориями «контроль», «мониторинг» и «аудит»; раскрыт термин «мониторинг проекта» в качестве необходимого для каждого проекта элемента оценки.

С целью преодоления выявленной тенденции избыточной ориентированности СО ННКО на технологии грантрайтинга, в работе предложен механизм объективного независимого мониторинга процесса реализации проектов – победителей конкурсов. Такой мониторинг позволяет сравнить качество заявки и качество ее реализации, вовремя идентифицировать риски проекта и оценить возможности их предотвращения, определить действительную значимость проекта для его пользователей и стейкхолдеров.

Представленные в работе принципы, алгоритм и методика независимого мониторинга социальных проектов СО ННКО ориентированы на получение объективного знания о качестве социального проекта на этапах анализа текста его заявки и его реализации.

Апробация методики на 49 проектах – победителях конкурса ФПГ 2017 г. позволила классифицировать данные проекты с позиции соотношений качества заявки и качества ее реализации на четыре подмножества: 1) «хорошо составленные» – «хорошо реализованные»; 2) «хорошо составленные» – «плохо реализованные»; 3) «плохо составленные» – «хорошо реализованные»; 4) «плохо составленные» – «плохо реализованные». В каждом из проанализированных случаев проведенный мониторинг помог повысить качество реализации социального проекта, что вне зависимости от направленности и масштаба проекта. В случае «хорошо составленных» - «плохо реализованных» проектов применение мониторинга позволило выявить признаки квазипроектов либо проектов – «двойников». Существенно, что такие команды таких проектов отличались низким уровнем

информационной открытости. «Плохо составленные и плохо реализованные проекты», по результатам независимого мониторинга были обусловлены, главным образом, низким качеством менеджмента: недостаточный уровень организации проектирования, низкая компетентность членов команд в проектируемой сфере, неотлаженность сотрудничества в режиме команды.

В целом, механизм независимого мониторинга социального проекта СО ННКО позволил соотнести качество заявки проекта с качеством его реализации. Это определяет валидность предложенного механизма для развития культуры социального проектирования и позволяет рекомендовать использовать этот механизм как обязательный элемент организации государством конкурсов проектов СО ННКО, закладывая в бюджет каждого проекта расходы на независимый мониторинг.

В ходе мониторинга продемонстрировал практическую полезность метод «логического социального проектирования», применение которого помогло сопоставить видение концепции проекта его командой с реальными интересами и потребностями благополучателей, на основании чего, при необходимости, скорректировать отдельные компоненты проекта и таким образом, предотвратить либо пресечь риски его невыполнения.

В результате классификации и анализа социальных проектов, ставших объектом независимого мониторинга, получили практическое подтверждение суждения автора об ограниченности доказательного подхода в социальном проектировании, а также предложение о необходимости анализа и учета не только успешных, но и неудачных практик разработки и реализации проектных инициатив СО ННКО. Разработанная база данных о «хороших» и «плохих» аспектах реализации социальных проектов может послужить полезным практическим инструментом для команд третьего сектора, позволяя им как принять на вооружение успешные практики или их элементы, так и поучиться на чужих ошибках.

Заключение

Проведенное исследование теоретико-методологических основ изучения российского феномена третьего сектора, а также действующих в Российской Федерации механизмов государственной поддержки и стимулирования деятельности СО ННКО позволило вывить противоречивость теоретических подходов, целей и мер активизации государством потенциала СО ННКО. Разрешение данного противоречия путем ограничений для СО ННКО фактических возможностей инициирования и реализации гражданско-политических инициатив, вытеснение их из публично-политической сферы, являясь тактически оправданным решением в условиях необходимости интенсификации борьбы государства с иностранными агентами, не представляется стратегически дальновидным, поскольку не позволяет в полной мере задействовать ресурсы конструктивной гражданско-политической активности самоорганизующейся общественности в целях повышения эффективности социальной политики. Изложенное актуализирует необходимость проработки на методологическом, нормативно-правовом, методическом уровнях проблематики совершенствования механизмов и технологий активизации конструктивных социально-политических инициатив СО ННКО. Данная актуальность в полной мере подтверждена следующей аргументацией.

1. Проанализированные теоретические основы исследования СО ННКО в современной социально-политической науке демонстрирует несоответствие между все еще распространенными либеральными воззрениями на ННКО как на индивидуалистически ориентированные институты гражданского общества, конфликтующие с государством, и более умеренными воззрениями, в соответствии с которыми ННКО выступают носителями гражданственности, гармонизируя интересы и потребности социальных групп с традиционными ценностями национальной

государственности. В контексте все возрастающего кризиса либерализма как идеологии государственного устройства, исследованный в работе либеральный подход к СО ННКО представляется несостоятельным с позиции решения задачи обеспечения политической безопасности, противодействия нежелательным, деструктивным политическим идеям и действиям, а сами либерально ориентированные СО ННКО для незападных демократий являются агентами политического деструктивизма.

2. Исследованная методология изучения СО ННКО позволяет выделить подходы, валидность которых ограничена применительно к осмыслению сущности общественных организаций и их роли в незападных демократиях, в том числе и в России. В числе таких подходов:

- американская социологическая парадигма общественных движений, рассматривающая общественные организации с позиций либерализма, как структур, артикулирующих и защищающих эгалитарные интересы, подверженных политической конъюнктуре и оттого не способных играть значимую роль в масштабных политических процессах;

- институциональный подход, поскольку он определяет «зрелость» тех или иных социально-политических образований по формально-юридическому и организационному признакам, а также степени укорененности традиций и механизмов «grass roots»;

- сравнительный подход, т.к. его последователи сопоставляют по совокупности «внешних» параметров состояние третьего сектора в США, западноевропейских государствах и незападных демократиях, не учитывая исторических, аксиологических, политико-культурных особенностей конкретной государственности как внешней среды функционирования СО ННКО.

3. Применение политико-культурного подхода к изучению российского феномена СО ННКО позволило, с одной стороны, охарактеризовать ценности конструктивного гражданско-политического участия общественных

организаций и определить их значимость для укрепления отечественной государственности, а с другой – выявить проявляющуюся в периоды ослабления роли государства в общественной жизнедеятельности тенденцию беспочвенного увлечения идеалами либерализма, провоцирующую деструктивную гражданскую активность.

4. Комплексный анализ состояния российского СО ННКО – сектора в 2016 – 2025 гг. помог выявить и охарактеризовать тренд акцентуации политики государства на вопросах поддержки СО ННКО – поставщиков социальных услуг, в ущерб остальным организациям. Доказано, что это приводит к развитию у лидеров и сотрудников СО ННКО таких поведенческих установок, как: компетенции социального предпринимательства, навыки грантрайтинга в ущерб сущностным задачам и этике проектной деятельности СО ННКО. Вместе с тем, в период пандемии СО ННКО, занимающиеся проектной деятельностью, оказались более устойчивы к кризису, чем те организации, которые специализируются на оказании социальных услуг. Результаты исследования обосновывают вывод о необходимости переориентации механизма стимулирования государством инициатив всех СО ННКО, а также о приоритизации конкурсных механизмов поддержки инициатив третьего сектора.

5. Изучение действующего механизма поддержки проектов СО ННКО на примере ФПГ позволило выявить и охарактеризовать ряд проблем конкурсного обеспечения механизма предоставления грантов, а именно: формализация независимого мониторинга проектов-победителей конкурсов; недостатки в методическом обеспечении организации конкурсов; использование подхода выявления лучших проектных практик СО ННКО. Выявленные проблемы несколько снижают результативность деятельности ФПГ, с позиций объективности и валидности оценки качества реализации проектов СО ННКО- победителями конкурса для грантодателей, экспертов и благополучателей.

6. Исследование зарубежного и отечественного опыта борьбы с СО ННКО – иностранными агентами позволило заключить, что Российская Федерация, имея собственные традиции пресечения нежелательного иностранного вмешательства во внутреннюю политику, в настоящее время поддерживает свойственный большинству государств тренд ужесточения мер борьбы с деструктивной политической деятельностью СО ННКО. Однако, меры российской политики по противодействию деятельности нежелательных организаций пока носят в основном реактивный характер, а практика внесения ННКО в реестр иноагентов, по мнению опрошенной общественности и экспертов, несколько «рутинизирована».

7. Сопоставление ценностных ориентаций представителей СО ННКО-сектора и волонтеров с ценностями граждан, не вовлеченных в третий сектор, позволило выявить специфику аксиологических основ гражданственности представителей СО ННКО, а именно: высокое чувство эмпатии, желание помогать ближним. Вместе с тем, по свидетельству сотрудников СО ННКО-сектора, их инициативность не всегда встречает поддержку представителей государственного сектора, если существо инициативы выходит за рамки социальной деятельности.

В целях расширения возможностей более полной реализации конструктивного социально-политического потенциала российских СО ННКО посредством государственного стимулирования, в диссертации разработаны соответствующие рекомендации теоретико-методологического, нормативно-правового, методического характера.

Во-первых, целесообразно ввести в научный и юридический оборот разработанную автором категорию «конструктивная гражданская инициатива СО ННКО», а также предложенные критерии, характеризующие эту инициативу как соответствующую действующему российскому законодательству, исходящую из аксиологических основ национальной государственности, этических и нравственных норм россиян, направленную

на удовлетворение нематериальных потребностей деятельность СО ННКО в формате проектов или предложений, адресованную органам публичной власти и управления.

Во-вторых, следует развивать отечественную методологию исследования СО ННКО как социально-политических акторов, способствующих гармонизации традиционных российских ценностей коммунитарной гражданственности с целевыми установками и интересами отдельных социальных групп. Целесообразно шире применять политико-культурный подход в разработке проблематики становления и развития российского третьего сектора.

В-третьих, концептуальными основами механизмов стимулирования государством конструктивных гражданских инициатив СО ННКО должны стать: обеспечение в приоритетном порядке условий для инициирования проектов СО ННКО; разграничение направлений, форм и методов господдержки для СО ННКО - поставщиков социальных услуг прочих организаций третьего сектора; совершенствование механизма независимого мониторинга проектов СО ННКО, победивших по результатам конкурсов; развитие профессиональных компетенций экспертного сообщества, занимающегося оценкой инициатив СО ННКО; «мягкое» стимулирование процесса развития ценностей гражданственности сотрудников СО ННКО и волонтеров; осмысление как удачных, так и неудачных результатов реализации СО ННКО проектных инициатив.

В развитие изложенных принципов, представлены авторские разработки по совершенствованию механизмов стимулирования конструктивных политических инициатив российских СО ННКО, а именно: развитие организационно-правовых механизмов деятельности государственных органов в исследуемой сфере, методика диагностики ценностей СО ННКО; совершенствование организационно-методического обеспечения конкурсов проектных инициатив СО ННКО; внедрение механизма независимого

мониторинга проектов – победителей конкурса (на примере ФПГ); классифицированы и охарактеризованы типичные успешные и неудачные практики СО ННКО, реализующих проектные инициативы; разработан метод «логического структурирования» целей проекта СО ННКО в процессе независимого мониторинга его реализации.

Список источников и литературы
Нормативно-правовые акты и документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.).
2. Федеральный закон от 19 мая 1995г. № 82 – ФЗ «Об общественных объединениях».
3. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
4. Федеральный закон от 31.07.1998 N 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях».
7. Федеральный закон от 6 марта 2006 года №35-ФЗ «О противодействии терроризму и экстремизму».
8. Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
10. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О санкциях в отношении физических лиц, нарушающих основные права человека и свободы граждан Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
12. Федеральный закон от 21 июля 2014 года N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».
13. Федеральный закон от 21.07.2014 N 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам

проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования».
14. Федеральный закон от 02.06.2016 N 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях».
15. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации».
16. Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».
17. Федеральный закон от 08.08.2024 N 219-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
18. Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет–ресурса «Российская общественная инициатива».
19. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2014 N 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.2011 г.

№ 713 «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям».

22. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.06.2013 N 478 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческим организациям (за исключением государственных и муниципальных учреждений) в целях реализации мероприятий и творческих проектов в рамках развития международной культурной коммуникации Северо-Кавказского федерального округа».

23. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 г. N 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания».

24. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.06.2018 N 741 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям) на реализацию творческих проектов в сфере музыкального, театрального, изобразительного искусства и народного творчества и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

25. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.10.2018 N 1237 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах».

26. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 N 1492 «Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам - производителям товаров,

работ, услуг, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.01.2021 N 49 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на поддержку некоммерческих организаций в сфере духовно-просветительской деятельности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 N 1288 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии некоммерческой организации на развитие гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Польша и поддержку российско-польского диалога и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 г. N 1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций».

30. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2022 N 453 «Об утверждении Правил предоставления в 2022 - 2024 годах субсидии из федерального бюджета Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации».

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.11.2023 N 2022 «Об утверждении Правил информационной поддержки СОНКО в форме содействия в создании официальных сайтов в сети Интернет и (или) обеспечении их функционирования путем использования портала госуслуг» .

32. Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016 – 2020 годы. Утвержден

Правительством Российской Федерации от 23 мая 2016 года N 3468п-П44.

33. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 30.09.2016 N 29850-ОФ/Д01и «Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

34. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 12.12.2017 N 35706-ОФ/Д01и «О Методических рекомендациях субъектам Российской Федерации по содействию органам местного самоуправления в организации поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на муниципальном уровне».

35. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 1 ноября 2022 г. N Д04и-35629 «Об информационных материалах по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне».

36. Закон г. Москвы «О взаимодействии органов власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями» от 12 апр. 2000г. №8.

37. Положение об общественной палате (совете) муниципального образования Тюменской области. Утверждено Советом Общественной палаты Тюменской области от 12.04.2021 г.

38. Типовое положение об общественной палате городского округа Московской области. Утверждено Советом Общественной палаты Московской области от 21.10.2020 г.

Монографии, учебники и научные сборники

39. Абучакра Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века. Реформирование государственного управления в современном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2016. - 220 с.

40. Автономов, А.С., Маловичко, И.С., Хананашвили, Н.Л. Методика и практика обучения мониторингу социальных проектов. Учебно-методическое

пособие/ Под общей редакцией А.С. Автономова. М.: Национальная Ассоциация благотворительных организаций (НАБО), 2018. - 240 с.

41. Акулинин, В.Н. С.Н. Булгаков: вехи жизни и творчества // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): споры о судьбах России. Новосибирск: 1991. - С. 23 – 24.

42. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. Вильнюс; М.: Весть, 1992. - 352 с.

43. Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М.: Россотрудничество, 2020. – 60 с.

44. Ануфриев, Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 360 с.

45. Аузан, А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М., 2006. – 70 с.

46. Байков, Н.М., Березутский, Ю.В. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи: монография. Хабаровск: 2009. - 82 с.

47. Балакириев, В.П. Оценка влияния корпоративных социальных программ в России: ситуация, постановка задачи. М.: Компания Процесс Консалтинг, 2018. - 150 с.

48. Бауман З. Индивидуализированное сообщество /пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. – 390 с.

49. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. М., 1990. - 320 с.

50. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2020. - 384 с.

51. Брутенц, К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Междунар. отношения, 2005. - 656 с.

52. Бунге Н. О правах иностранцев в России. Ч. 1. - 370 с.

53. Буренко, В.И., Гончарова, И.В., Нестерчук, О.А., Омельченко, Н.А., Селезнева, Л.В. Русские «антиномии»: идейно-политические доктрины и общественно-политическая мысль России XIX – начала XX ВЕКА (историко-политологический анализ). Коллективная монография. М.: Издательство Государственного университета управления. 2023. - 183 с.

54. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.) : монография / Омельченко Н.А., Асеев А.Д., Блинова Н.В., Верниченко М.А., Гаганова Е.В., Гимазова Ю.В., Жукова Л.А., Знаменский Д.Ю., Иванов В.К., Казбан Е.П., Караткевич А.Г., Лопарев А.В., Соколов Н.Н., Филимонов Д.А., Яхшиян О.Ю. М. Издательство Государственного университета управления, 2015. – 238 с.

55. Варшавский, В.С. Незамеченное поколение. Репринт. воспроизв. изд. Нью-Йорк, 1956. – М., 1992. - 120 с.

56. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2001. - 352 с.

57. Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций: монография / Ю. В. Гимазова, Д. Ю. Знаменский, Н. А. Омельченко, И. К. Харичкин. – М.: ИД «Государственный университет управления», 2015. - 191 с.

58. Вишняк, М.В. Политика и миросозерцание (О «русском социализме») / Современные записки. – 1928. – Кн.: XXXVI.- 420 с.

59. Вишняк, М.В. Против течения / Современные записки. – 1933. – Кн.: LII. С. - 430 с.

60. Вишняк, М.В. Рец. на кн.: Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920 // Современные записки. - 1921. – Кн. III. - 340 с.

61. Гаман-Голутвина О.В., Гимазова Ю.В., Гуринович А.Г., Добросоцкий В.И., Кравченко С.А., Мамедова Н.М., Омельченко Н.А., Охотский Е.В., Харкевич М.В. Государственное управление в условиях кризиса и

санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт. Монография. М.: изд-во МГиМО, 2017. – 480 с.

62. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. – 143 с.

63. Гордин, В.Э. Место и роль негосударственных некоммерческих организаций в реформировании социальной сферы России // Благотворительность в России. 2005/2006. Исторические и социально-экономические исследования СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007. - 250 с.

64. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 576 с.

65. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому. М.: Известия, 2003. - 605 с.

66. Диси Ал. Сибирские общественные школьные фонды: местная альтернатива традиционной модели общественного фонда: издание МОФ СЦПОИ, 1999. – 120 с.

67. Дрор Е. О роли государства в процессе реформ. Доклад. По материалам двенадцатого совещания экспертов по программе ООН в области государственного управления и финансирования. Нью – Йорк, 1996г. – с. 67-79.

68. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт / А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. - 54 с.

69. Ильин, В.В., Ахиезер, А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: издательство МГУ, 1997. – 384 с.

70. Ильин, И. А. Собрание сочинений, т. IV, М., 1994 г. – 320 с.

71. Ильин, И.А. Наши задачи. О воспитании русского народа к справедливости / И.А. Ильин // Собр. Соч.: в 10 т. – т.2 кн.1. - 320 с.

72. Ильин, И.А. Памяти Новгородцева // Русская мысль. 1923-1924. Кн. IX-XII. - 450 с.

73. Калашников Н.А. Функциональная теория социального государства. – М.: Логос, 2001г. – 190 с.

74. Клименкова, Т.И. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. – М., 1996. – 210 с.

75. Ключевский, В.О. Курс российской истории. Лекция 50. М.: изд-во «Вече», 2002. – 600 с.

76. Коряковцева, О.А., Баранов, Н.А., Бугайчук, Т.В., Никовская, Л.И., Попова, О.В. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт. Коллективная монография. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 2022. - 179 с.

77. Кулькова, В. Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Казань: ПечатьСервис-XXI век, 2016. - 82 с.

78. Ларичев, О. И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах. М.: Логос, 2000. - 296 с.

79. Лебедев, В.А., Киреев, В.В. Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск, 2007. – 120 с.

80. Леонтович, В.В. История либерализма в России. – Париж: YMCA-PRESS, 1980. – 340 с.

81. Лестер М. Саламон, Хельмут К. Анхайер. Появляющийся сектор. Новые данные. - Центр исследований гражданского общества Института исследований политики Университета Джона Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США. 1994. – 220 с.

82. Либоракина, М.И. Обретение силы: российский опыт. М., 1996. – 180 с.

83. Макаренко, О. В. Государство и негосударственные некоммерческие организации: формы поддержки и сотрудничества. М.: «СИГНАЛЪ», 1997. -

176 с.

84. Маршаков, В. А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы // Оценивание программ и политик: методология и применение. Сборник материалов. Вып. 1. М., 2006. С. 182–209.

85. Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры): Альманах / под общ. ред. Н. Л. Хананашвили. – М.: Рос. благотворительный фонд НАН, 2002. – 220 с.

86. Меркулов, П.А., Батанина, И.А., Нечаев, Д.Н., Огнева, В.В., Старостенко, К.В., Харитонова, Н.И., Цыбаков, Д.Л., Баталова, Ю.В., Болховитина, Т.С., Леонова, О.В., Малахова, О.В., Тишков, С.А., Тычинская, Н.Л., Тюрин, Е.А. Государственная политика и управление: теория, методология, современные практики реализации: монография. Орел, 2024. – 230 с.

87. Мыш, М.И. Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций. СПб., 1888. - 320 с.

88. Нассим, Н. Т. Рискуя собственной шкурой. Скрытая ассиметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри: Азбука-аттикс, 2024. - 380 с.

89. Неволин, К.А. История российских гражданских законов. М., 1848. Т. 3. - 320 с.

90. Никовская, Л.И., Якимец, В.Н., Молокова, М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011. - 225 с.

91. О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. – М.: Изд-во «Социальное партнерство», 2004. – 130 с.

92. Общественный совет и общественные объединения: опыт, проблемы, перспективы / сост. Н.Я. Семенец и др. Саратов, 2000. – 200 с.

93. Ольденбург, С.С. Царствование Николая II. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 764 с.

94. Орлов, П. А. Южноуральские НКО в конкурсах Фонда президентских

грантов. XXII Уральские социологические чтения. Национальные проект и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 17–18 марта 2020. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. - С. 123–125.

95. Оценка программ: методология и практика / Под ред. А. И. Кузьмина, Р. О. Салливан, Н. А. Кошелевой. М.: Престо-РК, 2009. - 396 с.

96. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект пресс, 1997. – 200 с.

97. Политология: учебник / под ред. С.Г. Киселева. – М.: ТК «Велби», изд-во Проспект, 2008. – 480 с.

98. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры. – Граждане и власть: проблемы и подходы. М., 2006. – 210 с.

99. Ровенчак, О.И. Социальная справедливость в государственной региональной политике / Практическая философия: состояние и перспективы / Сборник материалов VI научной конференции (с международным участием). Ялта, 24–26 мая 2023 года. - С. 102 – 111.

100. Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции / В. Б. Беневоленский, И. Е. Дискин, Н. В. Иванова, И. В. Мерсиянова, А. С. Туманова, М. А. Шабанова, Л. И. Якобсон; под редакцией Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. – 376 с.;

101. Толмасова, А.К. Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы. М.: CAF Россия, 1998. - 149 с.

102. Франк С.Л., Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 512 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

103. Баталова, Ю.В. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами государственной власти и управления в России. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит.н. 23.00.02. – Москва, 2004. – 249 с.

104. Васильева, Е.В. Третий сектор в социальном обслуживании населения региона в современной России: по материалам социологических исследований. Дисс. на соиск. уч.ст. канд. социол. наук. 22.00.04. – Барнаул, 2007. – 187 с.

105. Васильева, Т.А. Взаимодействие государственных органов власти и негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в современной России: тенденции, противоречия, перспективы развития. Дисс. на соиск. ... д.полит.н. 23.00.02. М.: Российский государственный социальный университет. 2009. – 428 с.

106. Веселова, Н.Г. Роль культуры социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений. Автореф. ..к.с.н.. М. – 2004. – 24 с.

107. Ковалев, П.В. Государственная поддержка в современной России. Автореф. на соиск. … к.ю.н. специальность 12.00.01. Н. Новгород, 2004. – 29 с.

108. Коржихина, Т.П. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Дис. . докт. ист. наук. М., 1986. - 385 с.

Кузнецова, О.Б. Управление социальными инновациями в системе взаимодействия бизнеса, власти и общественных некоммерческих организаций. Автореф. На соиск. Уч. Ст. к.э.н. Орел, 2008. – 24 с.

109. Кутыгина, Е.Н. Культура политического протеста: автореф. дис. … канд. полит. наук. Рн/Д, 2005. – 29 с.

110. Лалетин, И.Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика: автореф. дис…. Рн/Д, 2013. – 27 с.

111. Ловкова, А.А. Взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса как форма социального партнерства.

Автореф. К.с.н. 23.00.02 Саратов, 2009. – 27 с.

112. Михайлова, В.В. Некоммерческие организации (НКО) как субъект социального партнерства в сфере социального обслуживания населения: современные проблемы и перспективы деятельности. Дисс. на соиск. уч.ст. канд. социол. наук. 22.00.04. – Н. Новгород, 2007. – 153 с.

113. Чернобровкина, Е.П. Институционализация межсекторного социального партнерства: региональный аспект: На примере Республики Бурятия Дисс. на соиск. … канд. социол. наук. 22.00.04. – Барнаул, 2006. – 153 с.

114. Молодчик, Е.Л. Общественные движения и гражданские инициативы в Российской Федерации в 1985 – 1999 гг. Дисс. на соиск. ... канд.и.н. специальность «Отечественная история», М.: МПГУ, 2010. – 202 с.

115. Сизов, И.В. Ценностные основания политического участия в современной России. Автореферат дисс. на соиск. ... к.полит.н. по спец. 23.00.02. М.: МГУ, 2013. - 27 с.

116. Собчук, Н.В. Формирование механизмов активизации межсекторного партнерства в экономическом пространстве крупнейшего города. Дисс. на соиск. … к.э.н. – Екатеринбург, 2009. – 229 с.

117. Тимшина Е.Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991–2011): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012. – 27с.

118. Усачева О.А. Деятельность экологических некоммерческих организаций в России и странах Евросоюза: сравнительный анализ. Автореферат дисс. .. к.с.н.- М.: 2013. – 24 с.

119. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством /под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – 296 с.

120. Шафигуллина Л.Р. Женские общественные организации Республики Татарстан: проблемы институционализации и деятельности (середина 1980-х — 2000 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2010. – 25 с.

121. Якимец, В.Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России: дисс. на соиск. ... д.с.н. : 22.00.04 / Владимир Николаевич Якимец. - Санкт-Петербург, 2002. – 376 с.

Статьи в сборниках и журналах

122. Артюхина, В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3. - С. 251–255.

123. Бараненков, В.В. Закон о регистрации иностранных агентов в системе правового обеспечения национальной безопасности США // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 5 (298). - С. 91 – 100.

124. Баранов, Н.А. Общероссийская гражданская идентичность в условиях трансформации мирового порядка / Современная идентичность в условиях глобальных вызовов. Сборник материалов конференции. Санкт-Петербург, 05–07 декабря 2022 года. - с. 51 – 59.

125. Баранов, Н.А. Ценностные аспекты геополитического противостояния России и Запада // Politbook. 2024. № 3. - С. 180-194.

126. Баталова, Ю.В. Ценности российских негосударственных некоммерческих организаций // PolitBook. 2025. № 1. - С. 173-196.

127. Баталова, Ю.В. Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение // Управленческое консультирование. 2025. № 1 (187). С. 14-22.

128. Баталова, Ю.В. Независимый мониторинг реализации проектов негосударственных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2025. № 3 (28). - С. 23-41.

129. Баталова, Ю.В. Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций

Фондом президентских грантов в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. - С. 17-27.
130. Баталова, Ю.В., Айрапетян, Ю.Р. Политическая сущность конструктивных гражданских инициатив негосударственных некоммерческих организаций // Развитие территорий. 2024. № 4 (38). - С. 50-57.
131. Безбородов, А. Б. Академическое диссидентство в СССР // Русский исторический журнал, 1999, том II, № 1. - С. 54 – 108.
132. Белов, Л.П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 4. - С. 114 – 122.
133. Белокурова, Е.В. Гражданский форум ЕС – Россия: причины и факторы формирования и развития // Публичная политика. 2021. Т. 5. №1. – С. 72 – 94.
134. Беляева, Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. - С. 22-32.
135. Беляева, Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. № 3. 2011. – С.72-87
136. Беневоленский, В.Б., Мерсиянова, И.В. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. №2. - С. 83 – 104.
137. Беневоленский, В.Б., Шмулевич, Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. – С. 150 – 175.
138. Бердяев, Н.А. Испанская трагедия перед судом христианской совести // Новый град. 1939. № 14. – 226 с.
139. Боброва, О.В., Подберезкин, А.И. Политико-правовое противодействие подрыву основ национальной государственности России // Обозреватель – Observer. 2021. №10. – С. 5 – 25.
140. Боброва, О.В., Подберезкин, А.И., Подберезкина, О.А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2021. №9. - С. 5 – 33.

141. Боброва, О.В., Подберезкин, А.И., Подберезкина, О.А. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель- Observer. 2021. №8. – С. 17 – 48.
142. Богомолова, А.В. Как устроен лучший грантовый конкурс социальных проектов 2022 года. Опыт Фонда «Дорога к дому» // Позитивные изменения. 2023. Т. 3, № 1. - С. 66–79.
143. Борисова, Н.В., Воронова, К.А. Ценностные ориентации граждан современной России в контексте проблемы качества политических институтов демократии (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 4. - С. 110 – 126.
144. Бронников, И.А., Гимазова, Ю.В. Взаимодействие власти и экспертов в России: состояние, риски и перспективы // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. – С. 162 – 169.
145. Булатов, Т.Р. Правозащитные организации как основной элемент функционирования институтов гражданского общества в России // Власть закона. 2025. №1. - С. 267 – 275.
146. Бусыгина, Н.П., Подушкина, Т.Г., Станилевский, В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы // Социальные науки и детство. 2020. Т. 1. № 1. - С. 8 - 26.
147. Быков, А. И. Индустрия терроризма // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 7-8. - С. 30 – 39.
148. Вилков, А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. - С. 101-107.
149. Волков, Ю.Г., Мамина, Д.А. Социальная справедливость в региональном пространстве российского общества: теоретико-

концептуальный аспект // Наука. Образование. Современность. 2019. №4. - С. 57 – 64.

150. Воронцова, Т.Н. Противоречивость гражданской активности россиян // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2017. № 1 – 2 (23). – С. 53 – 58.

151. Воронцова, Т.Н. Российские общественные объединения: социокультурные основания и специфика // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Серия социально-экономические науки. -2015. - № 1. - С.114-117.

152. Вчисло Ф. Рассказы об императорской России. Жизнь и время Сергея Витте. 1849-1915. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2011. XIV. 314 с. – С. 97.

153. Гельман, В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. №2. - С. 81 – 108.

154. Гимазова, Ю.В. К вопросу о развитии компетенций межсекторного социального партнерства у государственных служащих / Время больших перемен: политика и политики. материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов; Под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. 2017. - С. 89-90.

155. Гимазова, Ю.В. Общественно-научный новгородский форум «Российские традиции государственного управления»: аналитический отчет // Управление. 2018. Т. 6. № 1. - С. 51-54.

156. Гимазова, Ю.В. Особенности нормативно-правового регулирования социально ориентированных некоммерческих организаций в России // NOVAINFO.RU. 2017. Т. 5. № 58. - С. 438 – 454.

157. Гимазова, Ю.В. Традиции и инновации межсекторного взаимодействия в России / Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общ. Ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М., 06 – 08 декабря 2018

года. 620 с. – С. 132 – 133.

158. Гимазова, Ю.В., Казбан, Е.П. Развитие инфраструктуры государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России /Общественные науки: вопросы и тенденции развития. Секция №9. Политические институты, процессы и технологии / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 10 ноября 2015 года. – 47 с. – С. 16 – 18.

159. Гимазова, Ю.В., Омельченко, Н.А. Развитие методики и технологий оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Вестник университета. 2015. № 12. - С. 253-257

160. Гимазова, Ю. В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). - С. 24-36.

161. Гимазова, Ю.В. От «фабрик мысли» к «центрам публичной политики»: международный опыт и перспективы России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. - С. 10–14.

162. Гимазова, Ю.В. Результаты регулирования гражданского сектора в России: взгляд правозащитников // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 15. Вып. 5. - С. 35 – 51.

163. Гимазова, Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и способы выживания // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. - С. 141-153.

164. Гимазова, Ю.В. Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методологии и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №1. - С. 11 – 20.

165. Гимазова, Ю.В., Головин, Д.А. Сущность и критерии технологии конструктивизации участия молодежи в электоральном процессе // Социально-политические исследования. 2022. №2 (15). - С. 5 – 18.

166. Гимазова, Ю.В., Омельченко, Н.А. Российский опыт взаимодействия

органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 11. - С. 22-36.

167. Глухова, А.В. Аксиологический поворот в государственном управлении и его российские проекции // Власть. 2015. № 2. - С. 202–208.

168. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. - С. 23 – 35.

169. Грибок, Н.Н. Особенности разработки некоммерческих проектов в современной организации // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). - С. 563–570.

170. Григорьева, Н.С., Малинова, О.Ю., Мельвиль, А.Ю. и др. Государственная состоятельность и траектории режимных трансформаций. Государственная политика и управление. Аспект-Пресс, 2018. – 233 с.

171. Грядунов, М. Ю. Развитие подходов по отбору социальных проектов НКО для получения государственной поддержки // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32, № 1. - С. 21–33.

172. Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. №9. – С. 43 – 47.

173. Добрецов, Д.Г., Какителашвили, М.М. Экологические некоммерческие организации в современной России: PRO ET CONTRA // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 2018. №1 (63). – С. 78 – 83.

174. Долгиева, М.М., Долгиев, М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. - С. 204–209.

175. Ежов, Д.А. К вопросу об эффективности правовых механизмов сдерживания деструктивной деятельности экологических организаций в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4(29). - С. 330 – 332.

176. Емельянова, И.А. «Общественное право» В.Н. Лешкова // Правоведение. 1987. № 6. – С. 68 - 74.

177. Ефимова, Л. А. SROI как метод оценки эффективности проектов

некоммерческих организаций // Экономика устойчивого развития. 2023. № 2 (54). - С. 294–299.

178. Ефимова, Л.А. Новый порядок софинансирования субъектов РФ при реализации программ развития гражданского общества // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. - С. 192 – 196.

179. Ефремова-Гарт, И. Оценка в настоящем и будущем: взгляд грантодающих организаций // Позитивные изменения. 2023. Т. 3, № 1. - С. 28–33.

180. Жукова, Л.А. Земское самоуправление и самодержавие на рубеже веков // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 17. - С.234 - 240.

181. Зайцев, И. Д. Социальные проекты: основные принципы и особенности // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. - С. 47–49;

182. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. - С. 15–24.

183. Здравомыслова, Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. №8. - С.35 - 41.

184. Иванова, В.Н. Анализ влияния COVID-19 на тренды развития некоммерческого сектора: международный опыт // Студенческий вестник. 2021. №12-3 (157). - С. 66 – 77.

185. Иванова, И.Н. Нематериальная мотивация и стимулирование: от концептуальных подходов к практике применения в условиях цифровизации организационной среды // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. №2 (47). - С. 19 – 25.

186. Игнатова, Т. В. Интеграция «нового государственного менеджмента» в концепцию российской административной реформы // Экономический вестник Южного федерального округа. 2006. № 3. - С. 94 – 100.

187. Ильичева, А.В. Обзор всероссийской молодежной форумной кампании: история развития и становления // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. №4. - С. 151 – 159.
188. Ильичева, Л.Е. Паршина, Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства //Власть. 2024. Т.2. №2. - С. 145 – 159.
189. Ильичева, Л.Е., Паршина, Е.В., Ильичева, М.В., Лапин, А.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4 (182). - С. 315-332.
190. Казьмин, В.Н., Казьмина, М.В. Правозащитная деятельность в Российской Федерации в 60-х гг. XX В. - начале XXI в. // Вестник Томского государственого университета. 2018. №.430. - С. 77 – 84.
191. Кафтанов, Е. В. Планирование развития некоммерческих организаций: социальная миссия или экономическая эффективность // Теория и практика общественного развития. 2024. № 7 (195). - С. 26–35.
192. Кашина, М. А. Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации политики гендерного равенства в России // Управленческое консультирование. 2007. № 2. - С. 228—234
193. Киняшева, Ю.Б., Муращенков, С.В. Конфликтогенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. - С. 12 – 17.
194. Кисиленко, А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. - С. 82-89.
195. Кобыльников, В. П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления

«президентских грантов») // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). - С. 107–120.

196. Кожевников, О.А., Нечкин, А.В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. - С. 242–249.

197. Колесников, А.В. Корпоративная культура современных организаций. М.: Альпина Паблишер, 2011. – 213 с.

198. Комаровский, В.С. Эволюция взглядов на государство в постсоветской России и на Западе на рубеже веков // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. №4(118). Т.2.- С. 5 – 8.

199. Коряковцева, О.А. Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). - С. 5 – 18.

200. Кострикин, А.В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 80. - С. 181-185.

201. Кузина, С.И., Сагирян, И.Г. Статус и роль иностранных агентов в информационной войне, развязанной Западом против России: политико-правовые аспекты //Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. № 2. - С. 33-42.

202. Кузьмин, А.В. «Сделай сам»: как НКО оценивать проекты своими силами // Позитивные изменения. 2023. №1. - С. 34–43.

203. Кулькова, В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 80. Июнь 2020 г.

204. Кулькова, В.Ю., Южакова, И. Ю. Методический подход к оценке деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: адаптация зарубежного опыта в российские практики // Экономика. Право. Инновации. 2023. № 4. - С. 25-33.

205. Кутейников, А.Е. Самоорганизация российского социума, третий сектор и общественная экспертиза // Материалы Гражданского форума – 2003 «Гражданское общество и местное самоуправление в России» / Редакц. совет, предс. редакц. совета проф. Л.А. Вербицкая. - СПб.: ООО «Скифия», 2003. – 230 с.

206. Лебедев, В. А. Закон США о регистрации иностранных агентов 1938 года: особенности содержания и применения // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. - С. 25–37.

207. Лешков, Г. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности // Москвитянин. 1852. Ч. 6. – 320 с.

208. Ливен Анатоль. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ // Россия в глобальной политике. 2020. Том 18. № 5(105). – С. 25 – 42.

209. Ломова, Т.Е. Женские организации как сегмент гражданского общества в современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Социология. 2021. Т. 4. Вып. 2. – С. 124 – 139.

210. Лукин, А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. - С. 102–113.

211. Лукин, А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). - С. 18–23.

212. Лысенко, В.В. Финансирование НПО: российский, международный и региональный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. - С. 63–71.

213. Магун, В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. - С.44-58.

214. Матвеева, Н.В., Арутюнян, Г.А. Классификация лиц, находящихся под иностранным влиянием (иноагентов) и ее значение для совершенствование

административного законодательства // Образование и право. 2024. №3. - С. 310 – 319.

215. Межуев, Б.В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста // Полис. 2006. №5. - С. 75 – 91.

216. Мельвиль, А.Ю., Стукал, Д.К. Условия демократии и пределы демократизации: Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис: Политические исследования. 2011. № 3. - С. 164–169.

217. Мерсиянова, И.В. Мониторинг состояния гражданского общества // Информационно-аналитический бюллетень. О развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – М. изд-во НИУ ВШЭ. Август 2021 г. – С. 22 – 25.

218. Мерсиянова, И.В., Иванова, Н.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций //Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. №1. - С. 29 – 46.

219. Морозова, Е.Г., Фалина, А.С. Традиции и новации в практике рыночно ориентированных административных реформ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. - С. 65-70.

220. Мустакимов, А.В. Периодизация эволюции политического сознания россиян в постсоветский период: структурообразующие концепты // Социально-гуманитарные знания. 2023. №10. - С. 118 – 123.

221. Мухаметов, Р.С. Некоммерческая организация как категория политической науки // Studia Humanitatis. 2016. №2. – С. 11 – 22.

222. Нестерчук, О.А. Государственная политика в сфере поддержки добровольческого движения в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88). - С. 2481 - 2494.

223. Нечкин, А.В., Истомин, М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере

Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. - С. 90–104.

224. Никитин, А. С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. № 18. - С. 3539–3554.

225. Никитин, А.С., Гимазова, Ю.В. Ценностный фактор развития региональных управленческих команд // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 2 (112). - С. 8-16.

226. Никовская, Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // В сборнике: Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. 2018. - С. 647-652.

227. Никовская, Л.И. К вопросу о гражданственности российского гражданского общества // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т Справедливый Мир, Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН. М.: Ключ-С, 2015. - 420 с.

228. Никовская, Л.И., Якимец, В.Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. - С. 37–48.

229. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества (по результатам мониторинга публичной политики в регионах России) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. 2012. Т.8. №4. – с. 125 – 141;

230. Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов публичной политики // Власть. 2015. №6. – с. 16 – 22.

231. Ножка, С.М., Чумаченко, А.П. «Социально значимые политические инициативы» как интегративная категория политической коммуникации:

приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. - С. 43 – 51.

232. О регулировании деятельности лиц, выполняющих функции иностранных агентов в Австралии и Российской Федерации сравнительно-правовой анализ законодательства / Материалы круглого стола Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Министерства юстиции Российской Федерации «Государственное регулирование деятельности некоммерческого сектора: в поисках баланса. Российский и международный опыт» в рамках VIII Московского юридического форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды». Москва, 2024 г.

233. Огнева, В.В., Киселев, С.А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. №1. - С. 36 – 45.

234. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Публичная политика в России: политический миф или реальность? // Вестник университета. 2010. № 22. - С. 68-75.

235. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Социально ориентированные некоммерческие организации как объект современной политологии и институт социально-политической системы современной России / Актуальные проблемы управления - 2015. Материалы 20-й Международной научно-практической конференции. 2015. - С. 142-146.

236. Омельченко, Н.А., Гимазова, Ю.В. Международный опыт государственной поддержки и регулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник Университета. 2014. № 16. - С. 276 – 279.

237. Осипчукова, Е. В. Компоненты и содержание модели обучения подготовке грантовых заявок как механизма повышения социальной

ответственности молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 2. - С. 110–134.

238. Переверзева, Е. С. Осуществление мониторинга эффективности реализации программ поддержки и проектов СО НКО как процесс реализации функциональных составляющих экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). - С. 302–310.

239. Петрова-Ядреева, Я.А., Назарова, Н.Н. Статус иностранного агента в Российской Федерации: проблемы трансформации // Право и государство: теория и практика. 2023.№ 5 (221). - С. 148 – 150.

240. Петухов, В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. - 2010. - № 1. - С.45-66.

241. Пивоваров, Ю.С. Русская власть и публичная политика (заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования, 2006. №1. - С. 34 – 42.

242. Понкин, И.В. Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). - С. 55–56.

243. Провалинский, Д.И. Подходы к определению понятия «правовой стимул» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. - С. 20 – 26.

244. Пушкарева, Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 68. 2018. Июнь. - С. 312 – 329.

245. Романов, А.С., Федотова, А.М., Куртукова, А.В., Шелупанов, А.А. Методика идентификации автора текстовых материалов деструктивной направленности //Информационные технологии. 2024. Т.30.№ 12. С. 632 – 640.

246. Романовская, О.В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. 2020. № 1. - С. 36–48.

247. Рудакова Е.К., УстинкинС.В., Эминов Д.С. Проблема взаимодействия

прокуратуры РФ и НПО по вопросу соблюдения прав человека в России// Власть. 2015. № 12. - С. 54 – 57.

248. Руденкина, А. И., Керимов, А. А. Иностранный агент влияния как субъект управления обществом: методологический аспект // Вопросы управления. 2016. № 6 (24). - С. 58–65.

249. Рукина, И.М., Анфимова, А.Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Том 17. №1. - С. 118 – 121

250. Свириденко, О.М. История борьбы с иностранными агентами в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. N 8. - С. 42 – 54.

251. Семикова, М.А. Влияние пандемии коронавируса на деятельность благотворительных организаций в Сибири // Социология. 2021. №3. - С. 41 – 45.

252. Серебрякова, Е.Г. Трансформация научных подходов к исследованию советского диссидентства 1960 – 1970-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2023. Т.33. №22. - С. 387 – 394.

253. Слатинов, В.Б., Меркулова, К.Г. Публичные ценности в структуре идеологии местного сообщества: проблемы формирования и идентификации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). - С. 35 – 41.

254. Смирнов, В.А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. - 2016. - № 2. - С. 62-69.

255. Смирнов, В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. №9. - С. 79 – 89.

256. Соколов, А.В., Левченко, И.А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т.19. №2. - С. 79 – 100.

257. Стрaдзе, А.Э. Парадоксальность социальной активности в российском обществе. Гуманитарий Юга России. 2013. №1. - С. 44-56.

258. Ступина, С.А. К вопросу об уголовной ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию// Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237). - С.510 – 513.

259. Сунгуров, А.Ю. Организации- посредники в структуре гражданского общества: некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. 1999. № 6. - С. 34 – 48.

260. Тарасова, А.Н., Ижик, А.В. Грантовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. - С. 78–85.

261. Тишков, В.А. Нация, национализм и нациестроительство. Почему это нужно для России // Россия в глобальной политике. 2021. Том 19. № 2(108). - С. 42 – 62.

262. Тулаева, С., Тысячнук, М., Хенри Лора, А. Стратегии экологических НПО в контексте закона об иностранных агентах: игры с формальностью // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2017. Т. 9, № 3. - С. 18–43.

263. Удальнов, А.А. Protest public as a source of civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011 – 2012 // Право и политика. 2016. №3. - С. 388 – 396.

264. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. 250 с. – С.229.

265. Федотова, В.А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании. Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. №47 (1). - С. 131-149.

266. Фрейнкман, Л.Я., Яковлев, А.А. Агентство стратегических инициатив как институт развития нового типа // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 18–39.

267. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. - С. 3 – 21.

268. Хасбулатова, О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3.- С. 14–26.

269. Цепилова, О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. 2023. Т 10, № 2. - С. 211–233.

270. Цепилова, О.Д. Экологические движения: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры // Образ мыслей и образ жизни / отв. ред. Я.И. Гилинский. М.: ИС РАН, 1996. - С. 62–65.

271. Чиркин, В.Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. - С. 13–19.

272. Шамилева, Р.К. Проблема справедливости в социальной теории Дж. Роулса// Философия и общество. 2008. №2 (50). - С. 185 – 194.

273. Шпак, А.А. Социальное проектирование как фактор устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций // Устойчивое будущее России: креативная модель возможна? Материалы XX Всероссийского научного форума. – Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. 2014. – С. 263 – 265.

274. Шубников Р.А. Понятие и основные аспекты деструктивных проявлений со стороны представителей псевдоправозащитных организаций в учреждениях и органах УИС // Вестник Самарского юридического института. Право. 2025. № 3(69). - с. 67 – 72.

275. Шульман, В.А. Доказательная медицина. Насколько она доказательна? // Сибирское медицинское обозрение. 2007. №3. - С. 24 – 30.

276. Ягодка, Н.Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в российской Федерации // Вестник РУДН, серия Политология, 2014, № 3. - С. 47 – 59.

277. Ягодка, Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между

властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. серия Политология, 2015, № 4. - С. 128 – 140;

278. Якимец, В.Н., Никовская, Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. 18 (4). - С. 15-25.

279. Якимец, В.Н., Никовская, Л.И. Проблема состоятельности институтов публичной политики в контексте менеджмента публичных ценностей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). -С. 60 - 66.

280. Якобсон, Л.И., Иванова, Н.В. Понимать, чтобы взаимодействовать: специфика НКО и политика межсекторного сотрудничества // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. - С. 88-100.

281. Якобсон, Л.И., Иванова, Н.В., Телицына, А.Ю. Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. - С. 459-476.

Периодические издания и Интернет-источники

288. Баранов, Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Либеральные тенденции в массовом политическом сознании // URL: society.polbu.ru (дата обращения: 20.02.2023г.)

289. Баталова, Ю.В. Политико-культурный подход к изучению российского феномена социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций / Политика, власть, технологии, коммуникации в условиях глобальных изменений: материалы III Московского политологического форума / под общ. ред. А.Ю. Трубецкого, С.В. Демиденко, М.А. Бурды, Е.А. Дориной. – Москва: АНО «Академический альянс». 2026 г. file:///C:/Users/Julia/Downloads/Макет%20МПФ%20сборник%2029.07.2026.pdf (дата обращения: 05.08.2026 г.)

290. Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, обнародованный 17 (30) октября 1905 года / Список актов конституционного значения 1600 – 1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/ (дата обращения: 06.05.2025 г.)
291. Гимазова, Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и практики выживания / X Юбилейная международная конференция исследователей гражданского общества «Влияние кризиса на развитие некоммерческого сектора и общественной самоорганизации: новые реалии и перспективы». 14-15 октября 2021 г. – URL: https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517354406.pdf (дата обращения: 23.02.2026 г.)
292. Доклад «О деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/8be0adaa07fd23125c4920afe40e8757/Doklad_NKO.pdf (дата обращения: 03.12.2024 г.)
293. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах 1906 г., марта 4 / Список актов конституционного значения 1600 – 1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/?ysclid=mrtla23e4542764758 (дата обращения: 06.05.2025 г.)
294. Информационные материалы органам государственной власти и органам местного самоуправления по развитию инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне URL: https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/informaczionnyie-materialyi-po-razvitiyu-infrastrukturyi-podderzhki-nko-na-regionalnom-urovne.pdf (дата обращения: 10.02.2025г.)
295. Методические рекомендации по внедрению стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах. Официальный сайт Агентства

стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/upload/upload_docs/investclimate/volunteer-support-standart.pdf (дата обращения: 05.12.2025г.)

296. Методические рекомендации по организации и проведению в субъектах Российской Федерации форумов молодых семей. Утверждены приказом Федерального агентства по делам молодежи от 03.11.2017 г. №421. URL: https://db.rgub.ru/youthpolicy/sngrf/Met_rek_mol_sem.pdf (дата обращения: 10.02.2025г.)

297. Методические рекомендации по организации и проведению молодежных форумов в рамках всероссийской молодежной форумной кампании. Утверждены приказом Федерального агентства по делам молодежи от 22.06.2020 г. №170 URL: https://docs.cntd.ru/document/727655423?ysclid=mmtn3esaqm411236329(дата обращения: 10.12.2025г.)

298. Методические рекомендации по подготовке заявки на участие во втором конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 г. URL: https://ya.ru/search/?text=10.%09Методические+рекомендации+по+подготовке+заявки+на+участие+во+втором+конкурсе+на+предоставление+грантов+Президента+Российской+Федерации+на+развитие+гражданского+общества+в+2024+г.&lr=213&clid=2261452&win=440 (дата обращения: 10.11.2024 г.)

299. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // Социодинамика. 2013. № 9. С. 153-182. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9254 (дата обращения: 23.02.2026 г.)

300. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г. Ярославцева по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих

организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева – Правовая база «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161690/4abf3fbddf7de337da4ecbc3a3cd252163b3906e/?yscli (дата обращения: 05.12.2025 г.)

301. Отчет об оценке результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, реализация которых завершилась в 2022 году // Открытые данные. Сайт ФПГ. URL: https://президентскиегранты.рф/public/open-data (дата обращения: 01.02.2023 г.)

302. Положение «О Всероссийском конкурсе гражданских инициатив». Утверждено решением Президиума Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» от 03.11.2023 г. URL: https://opuo.ru/wp-content/uploads/2023/11/polozhenie-o-konkurse-vkgi.35c5ce987c7a5952641c.pdf?ysclid=mmtn4pt6tp135699188 (дата обращения: 11.12.2025г.)

303. Положение о первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2025 году. URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/documents?tagId=9 (дата обращения: 10.02.2025 г.)

304. Положение о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17. URL:

https://opmosreg.ru/upload/iblock/bd4/bd4f9c30ab9b0511f40b30d3c444dae5.pdf?ysclid=mmtn67q9lq3209179(дата обращения: 05.12.2024г.)

305. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2016 г. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550 (дата обращения: 10.02.2025г.)

306. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2030 года. URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 10.02.2025г.)

307. Требования, предъявляемые Фондом президентских грантов к использованию гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества (редакция от 10 февраля 2022 года) URL: https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials (дата обращения: 11.02.2025 г.)

308. Эрмэ Г. Авторитаризм / А.С. Тургаев, А.Г. Хренов, Б.А. Исаев. Политология. Хрестоматия. Раздел 1. Предмет политологии. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php (дата обращения: 05.10.2024 г.)

Источники и литература на иностранных языках

309. Alford J., Douglas S., Geuijen K., Hart P. Ventures in public value management: introduction to the symposium // Public Management Review. 2017. Vol. 19. № 5. - Pp. 530 - 547.

310. Alien Registration Act of 1940, June 28, 1940, Ch. 439, 54 Stat. 670 (§ 2385).

311. Alkin M. & Ellett F. Evaluation models and their development. In T. Husén & T. N. Postlethwaite (Eds.), International encyclopedia of education: Research and studies. Oxford, England: Pergamon Press, 1985. - 580 p.

312. Alkin M., Christie C. & Stephen N. Choosing an Evaluation Theory: A Supplement to Evaluation Roots (3rdEdition). – Evaluation roots (3rd ed.).

Guildford Press. Journal of MultiDisciplinary Evaluation. 2021. Vol. 17, Issue 41. - Pp. 51 – 60.

313. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Newbury Park. 1989. - 240 p.

314. Anheier H.K. Nonprofi t organizations: Th eory, management, policy. L., 2005. – 465 p.

315. Baker, W., Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. American Sociological Review. 2020. Vol. 65 (1). - Pp. 19 – 51.

316. Baron Alexandr Meyendorf. The Background of Russian Revolution. – New York, 1928. – 120 p.

317. Beck Jorgensen T., Bozeman B. Public Values: An Inventory // Administration and Society. 2007. Vol. 39. № 3. - P. 350 – 362.

318. Blumer H. Social movements // Studies in social movements. – N.Y. 1969. - 220 p.

319. Blumer H. Social Problems As Collective Behavior. Social Problems. 1971. Vol. 18, No.3. - Pp. 298-306.

320. Bozeman, B., Sarewitz, D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. Minerva. 2011. № 49. - Pp. 1 - 23.

321. Bryson J., Sancino A., Benington J., Sørensen E. Towards a multi-actor theory of public value co-creation // Public Management Review. 2017. Vol. 19. № 5. - P. 640–654.

322. Churchill Winston. The World Crisis. 1916 – 1918. Vol. 1. – London, 1927. - Pp. 223 – 225.

323. Colton, T.J., & McFaul, M. Popular choice and managed democracy: the Russian elections of 1999 and 2000. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2003. - 230 p.

324. Dekker P., Halman L. (eds.) Volunteering and Values: An Introduction // The values of volunteering. Cross-cultural perspectives. NY: Springer, 2003. - Pp. 1-17.

325. Egholm L., Kaspersen L.B. Introduction to the Special Issue ‘Beyond Civil Society’: Advancing a Post-sectoral Conception of Civil Society – Moving Beyond Civil Society? Int J Polit Cult Soc, 2021. №34. - Pp. 143-148.
326. Forbes D. Measuring the Unmeasurable: Empirical Studies of Nonprofit Organization Effectiveness from 1977 to 1997 // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1998. Vol. 27. № 2. - Pp. 13 – 27.
327. Gusfield J. Social movements and social change: perspective of linearity and fluidity.- Chicago. 1978. - 120 p.
328. Hann Ch. Introduction: Political Society and Civil Anthorapology // Civil Society: Challenging Western Models / Ed. by Ch. Hann and E. Dunn. London. N 4: Routledge. 1996. - 260 p.
329. Isagani, Serrano R. Civil Society in Asia – Pacific Region. Washington, 1994. - Pp. 138 – 143.
330. Jorgensen M. Evaluating cross-sector partnerships //Public-private partnerships in the post WSSD context. – 2006. - 146 p.
331. Keck M., Sikknik K. Activists beyong Borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell Univercity Press. 1998. – 240 p.
332. Laine V., Silvan K. “Foreign Agent” as an internal representative of “the West” in Russia’s geopolitical discourses // Remapping Security on Europe’s Northern Borders / ed. by J. P. Laine, I. Liikanen, J. W. Scott. London : Routledge, 2021. - Pp. 62–81.
333. Legislation on Foreign Agents and Foreign Financing: From the USA to Algeria.
334. Lönnqvist, Ja. E., Ilmarinen, V. Basic Personal Values and Vote Choice in 20 European Countries. European Journal of Personality. 2024. Vol. 0(0). - Pp.1–16.
335. Melucci A. Ten hypotheses for the analysis of new movements //Contemporary Italian Sociology / Ed. by D. Pinto. 1981. - Pp.173—194
336. Meynhardt, T. Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not. Administration & Society. 2021. № 53 (10). - Pp. 1631-1642.

337. Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. - 220 p.

338. Olesen L. Partnership for Social Welfare – Local Concepts for the Development and Renewal of the Welfare Sustems// ISTR Conference Abstact Volume. – Mexico, 1996. – 182 p.

339. Pevnaya, M.V. Social Participation as a Theoretical Concept and Social Phenomenon. Changing Societies & Personalities, 2024. 8(1). – Pp. 5-13.

340. Piatak, J., Jensen, C. Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting from Simple to Complex Human Services. Public Administration Review. 2024. № 84(5). - Pp. 948–965.

341. Pipes R. flight from freedom. What Russians think and want // Foreign Affairs. N.Y., 2004. – 56 p.

342. Pizzorno A. Political exchange and collective identity in industrial conflicts // The resurgence of class conflict in Western Europe since 1968 / Ed. by C. Crouch, A. Pizzorno. London, 1978. Vol. 2. - Pp. 2 – 17.

343. Preyer W. Die Russische Agrareform. – Jena, 1914. - 87 p.

344. Proskuryakova L., Vandisheva E., Belyaeva N., Bychkova E. CIVIKUS civil society index. Report for the Russian Federation. 2005. Strategy – Yigher School of Economics. – 195 p.

345. Registration of Certain Persons Trained in Foreign Espionage Systems. Act of Aug. 1, 1956, Ch. 439, 54 Stat. 683.

346. Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. - 138 p.

347. Robert D. Benford, David A. Snow. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. Annual Review of Sociology, 26. - Pp. 11-39.

348. Salamon, L.M. Voluntary failure theory correctly viewed. In H.K. Anheier, & A. Ben-Ner (Eds.), The Study of the Nonprofit Enterprise: Theories and Approaches.Boston: Springer US. 2003. - Pp. 183-186

349. Salamon, L.M., & Toepler, S. Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity? Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations, 2015. 26(6). - Pp. 2155-2177.

350. Schwartz, S.H. Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65.

351. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. - Pp. 649–676.

352. Sintomer Y. Claus Offe: une sociologie de la citoyennete? // Cahiers Intern. De sociologie. P. , 1999. Vol. CVII. - Pp. 327-353.

353. Smelser N. The theory of collective behavior. – N.Y. 1963. – 140 p.

354. Sorensen G. Democracy, authoritarianism and state strength // The European Journal of Development Research. 1993. Vol. 5. - Pp. 6–34.

355. Talbot C. Public Value: The Next ''Big Thing'' in Public Management? // International Journal of Public Administration. 2009. Vol. 32. № 3–4. - Pp. 167–170

356. Thery Edmond. La Transformation Economique de la Russie. – Paris, 1914. – 70 p. Travaglino, G. A.. Social sciences and social movements: the theoretical context. Contemporary Social Science. 2014. № 1. - Pp. 1–14.

357. Turner R., Killian L. Collective behavior. N.Y. 1972. - 110 p.

358. UK Government Reportedly Considering Enhanced Registration Obligations for Relationships with Chinese Government or State-Controlled Entities.

359. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the "Triggers" of Political Changes in Hibrid Regimes: the Cases of Tunisia, Marocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. - Pp. 233-257.

360. Walkin J. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia The rise of democracy in pre-revolutionary Russia: Political and social institutions under the last three Czars. London: Themza and Goodzon. 1963. - 320 p.

361. Yazici, A.M., Öztirak, M. The Mediator Role of the Organizational Culture

in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation. Organizacija. 2023. №56 (3). - Pp. 247-264.